

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019

Том 18. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2019

Volume 18. No. 4

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2019. Vol. 18. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue:

“Contemporary Studies of Language and Text from a Historical Perspective”

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia) (Registration Certificate ПИ № ФС77-25016 of June 29, 2006)

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**; **MLA (USA)**, **CrossRef (USA)**, **DOAJ (Sweden)**, **EBSCO (USA)**, **ProQuest (USA)**, **CiteFactor (Canada)**, **COPAC* (Great Britain)**, **Google Scholar (USA)**, **Journalindex.net (USA)**, **JournalSeek (USA)**, **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory (USA)**, **OCLC WorldCat® (USA)**, **SHERPA/RoMEO (Spain)**, **MIAR (Spain)**, **ZDB (Germany)**, “CyberLeninka” Scientific Electronic Library (Russia), “Socionet” Information Resources (Russia), etc.

Address of the Editorial Office:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal Website: <https://l.jvolsu.com>
English version of the Website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Editorial Staff:

Assoc. Prof. Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)
Prof. Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Prof. Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)
Prof. Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)
Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof. Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik); Prof. Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk); Prof. Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia); Prof. Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium); Prof. Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow); Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow); Prof. Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg); Assoc. Prof. Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd); Prof. Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd); Prof. Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany); Prof. Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia); Prof. Dr. *L.P. Krysin* (Moscow); Prof. Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd); Prof. Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg); Prof. Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Volgograd); Prof. Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod); Prof. Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine); Assoc. Prof. Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria); Prof. Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd); Prof. Dr. *L. Shipelovich* (Warsaw, Poland); Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader *I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, Yu.V. Chemeteva*
Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing Nov. 20, 2019.

Date of publication Dec. 27, 2019. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 24.8. Published pages 26.7.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–62).

Order 200. «C» 33.

Open price

Address of the Publishing House and Printing House:
Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

© Volgograd State University, 2019

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019. Т. 18. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера:

«Язык и текст в историческом аспекте: современные подходы к исследованию»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25016 от 29 июня 2006 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**; **MLA (США)**, **CrossRef (США)**, **DOAJ (Швеция)**, **EBSCO (США)**, **ProQuest (США)**, **CiteFactor (Канада)**, **COPAC* (Великобритания)**, **Google Scholar (США)**, **Journalindex.net (США)**, **JournalSeek (США)**, **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory (США)**, **OCLC WorldCat® (США)**, **SHERPA/RoMEO (Испания)**, **MIAR (Испания)**, **ZDB (Германия)**, **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия)**, **Соционет (Россия)** и др.

Адрес редакции:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шентухина* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)

д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)

канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);

д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);

д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);

д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);

д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);

д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);

д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);

д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);

д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);

д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);

д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *И.В. Сметанина*

Редакторы английских текстов:

О.С. Волкова, Ю.В. Чеметева

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 20.11.2019 г.

Дата выхода в свет 27.12.2019 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 24,8.

Уч.-изд. л. 26,7. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–62).

Заказ 200. «С» 33.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Издательство Волгоградского государственного

университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА:

«ЯЗЫК И ТЕКСТ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ»

- Новак М.О.* Слово на Рождество Христово
в Толстовском Сборнике XIII в.:
лингвотекстологическая характеристика 6
- Карева Н.В., Пивоваров Е.Г.* Первая в России
грамматика немецкого языка:
история создания и источники 18
- Дайбер Т.* Понятие «Верить» в переводе Евангелия
на церковнославянский язык
(Мариинское Евангелие) [На англ. яз.] 29
- Циммерлинг А.В.* Связки плюсквамперфекта
в русском языке XIV–XVI веков 41
- Феликсов С.В.* Имена существительные
религиозной семантики на *-ств/o/*
в русском языке XVIII в. (на материале
лексикографических произведений
гражданской печати) 58
- Дмитриева Е.Г., Сафонова И.А.* Лексические
средства создания образов подвижниц благочестия
в агиографических текстах 75

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Шульга М.В.* Динамика форм имени числительного
в современном русском языке 88
- Селеменова О.А.* Средства создания
рекламных эффектов в креолизованных текстах
маркетинговой коммуникации 105
- Жура В.В., Рудова Ю.В.* Корпоральность
и представления о красоте в различных дискурсах
русской лингвокультуры 118

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Суховерхов А.В., де Витт Д., Манасиди И.И.,
Нитта К., Крстич В.* Трудности
машинного перевода:
контекстная языковая неопределенность
[На англ. яз.] 129
- Носачёва М.И., Данилина Н.И.* Способы
образования сложных слов
в медицинской терминологии
(на материале немецкого языка) 145
- Стеблецова А.О., Торубарова И.И.* Формальность
как стилиобразующая характеристика
академического английского: синхронический анализ
научных медицинских текстов 157

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г.*
Ономастическая лексикография
в аспекте лингвоэкологического подхода 174

- Илюхин Н.И., Максимова С.Ю., Мацуона К.В.*
Идентификаторы как средство формирования
образа одаренной речевой личности 186
- Ваулина С.С., Булатая Е.В.* Ирония
как средство характеристики персонажей
в произведениях Н.В. Гоголя 200
- Стрельникова Л.Ю.* Стилистическое
структурирование метафоры В.В. Набокова
в контексте поэтики
модернизма и постмодернизма 210
- Блажевич Ю.С.* Фонетические особенности
французского языка Камеруна 221

ДИСКУССИИ

- МакКарти К.С., МакНамара Д.Ш.,
Солнышкина М.И., Тарасова Ф.Х., Куприянов Р.В.*
Тестирование по русскому языку:
оценка понимания текста [На англ. яз.] 231
- Харченко С.Ю.* Орфографическая норма
и грамматическая омонимия 248

РЕЦЕНЗИИ

- Митягина В.А.* Интертекстуальность,
интердискурсивность и интержанровость:
лингвопрагматический потенциал ретродетектива
(Рец. на кн.: Гусейнова, И. А. Жанры,
меняющие мир и нас. Тривиальный дискурс.
Ретродетектив [Текст] : монография
/ И. А. Гусейнова, Е. Ф. Косиченко. – М. :
Изд-во МГЛУ, 2018. – 162 с.) 259

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE: “CONTEMPORARY STUDIES OF LANGUAGE AND TEXT FROM A HISTORICAL PERSPECTIVE”

- Novak M.O.* A Nativity Sermon
in the 13th Century Tolstovskiy Sbornik:
Textology and Language Features 6
- Kareva N.V., Pivovarov E.G.*
The First German Grammar in Russia:
Creation and Sources 18
- Daiber Th.* To Believe in the Old Church
Slavonic Gospel Translation
(Codex Marianus) 29
- Zimmerling A.V.* Pluperfect Auxiliaries
in the Russian Language of the 14th– 16th Centuries 41
- Feliksov S.V.* Nouns of Religion Semantic
Field with Suffix *-stv/o/*
in the Russian of 18th Century (Exemplified
by Lexicographic Works of the Civil Press) 58
- Dmitrieva E.G., Safonova I.A.* Lexical Means
of Constructing Images of Godliness Devotees
in Hagiographic Texts 75

**EVOLUTION AND FUNCTIONING
OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Shulga M.V. Evolution of Number Names
in Modern Russian 88

Selemeneva O.A. Means of Creating
the Advertising Effects in the Creolized Texts
of Marketing Communication 105

Zhura V.V., Rudova Yu.V. Perceptions
of Corporeal Dimension of Beauty
in Various Discourses of the Russian Linguoculture ... 118

**INTERCULTURAL COMMUNICATION
AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES**

*Sukhoverkhov A.V., DeWitt D., Manasidi I.I.,
Nitta K., Krstić V.* Lost in Machine Translation:
Contextual Linguistic Uncertainty 129

Nosacheva M.I., Danilina N.I. Types
of Compound Word-Formation in Medical Terminology
(On the Material of the German Language) 145

Stebletsova A.O., Torubarova I.I. Formality
as a Style-Forming Property of Academic English:
Synchronic Analysis of Medical Research Texts 157

MATERIALS AND REPORTS

Ilyin D.Yu., Sidorova E.G. Onomastic Lexicography
Within Linguistic-and-Ecological Approach 174

Ilyukhin N.I., Maksimova S.Yu., Matsyupa K.V.
Communicative Identifiers as a Means of Constructing
the Profile of a Gifted Speech Person 186

Vaulina S.S., Bulataya E.V. Irony
as a Means of Character Description
in the Works by N.V. Gogol 200

Strelnikova L.Yu. Stylistic Structuring
of Nabokov's Metaprose
in the Context of Modernism
and Postmodernism Poetics 210

Blazhevich Yu.S. Phonetic Peculiarities
of the French Language of Cameroon 221

DISCUSSIONS

*McCarthy K.S., McNamara D.S.,
Solnyshkina M.I., Tarasova F.Kh., Kupriyanov R.V.*
The Russian Language Test:
Towards Assessing Text Comprehension 231

Kharchenko S.Yu. Orthographic Norm
and Grammatical Homonymy 248

REVIEWS

Mityagina V.A. Intertextuality,
Interdiscursivity and Intergenre:
Linguistic and Pragmatic Potential
of the Retro-Detective Prose
(Book Review: Guseynova, I. A. Genres
Changing Us and the World. Trivial Discourse.
Retro-Detective Prose [Text] : monograph
/ I. A. Guseynova, E. F. Kosichenko. – Moscow :
Moscow State Linguistic University Publ.,
2018. – 162 p.) 259

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.1>

UDC 811.161.1'04:81'42
LBC 81.411.2-03

Submitted: 17.06.2019
Accepted: 03.10.2019

**A NATIVITY SERMON IN THE 13th CENTURY TOLSTOVSKIY SBORNIK:
TEXTOLOGY AND LANGUAGE FEATURES¹**

Maria O. Novak

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Kazan, Russia;
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The paper focuses on the composition, lexical, and grammatical features of a Nativity sermon in the 13th century Old Russian Tolstovskiy Sbornik (National Library of Russia, F.p.I.39). The author considers its Byzantine sources, principles of editorial work, and the differences from original rhetorical structures. Attributed to John Chrysostom, the sermon turns out to be a complicated compilation from various early Byzantine sermons. The compilation is based both on rearranging fragments of the same source and on combining excerpts from different sermons in a small context. Such transformations indicate the lack of cohesion in sermon texts, due to their independence from the causation and time factor. Non-attributed parts of the Old Russian text may be original since they demonstrate a certain similarity with Kirill Turovskiy orations in the same anthology. The lexical level of the sermon contains non-standard solutions that reinterpret the Greek source text, which may indicate either the missionary nature of the translation or a tendency to the poetic decoration. In some cases, the semantic mismatch of lexical units within Greek-Slavonic correlations is due to errors. At the grammatical level, there are also grammatical inconsistencies of Slavonic and Greek units; they affect the categories of time, number, gender, as well as parts-of-speech status.

Key words: Old Russian homily, Byzantine sources, attribution, composition, lexis, grammar.

Citation. Novak M.O. A Nativity Sermon in the 13th Century Tolstovskiy Sbornik: Textology and Language Features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 6-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.1>

УДК 811.161.1'04:81'42
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 17.06.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

**СЛОВО НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО В ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ XIII в.:
ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА¹**

Мария Олеговна Новак

Казанский научный центр РАН, г. Казань, Россия;
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена составу, лексическим и грамматическим особенностям Слова на Рождество в древнерусском Толстовском Сборнике XIII века (РНБ, Ф.п.I.39). Автор рассматривает ее византийские источники и принципы формирования, а также лексические и грамматические особенности славянского текста в сопоставлении с греческим. Приписываемая Иоанну Златоусту проповедь оказывается сложной компиляцией, основанной как на перегруппировке фрагментов одного и того же источника, так и на объединении выдержек из разных источников в небольшом контексте. Возможность таких трансформаций указывает на

нежесткость структурных связей в текстах проповедей в силу их независимости от причинно-следственных связей и фактора времени. Не атрибутированные части древнерусского текста могут иметь оригинальный характер, поскольку они демонстрируют определенное сходство с проповедями Кирилла Туровского в составе той же антологии. На лексическом уровне проповеди отмечают нестандартные решения, которые отражают переосмысление греческого исходного текста и могут указывать либо на миссионерский характер перевода, либо на поэтическое орнаментирование. В некоторых случаях семантические несоответствия лексических единиц в греко-славянских корреляциях связаны с ошибками. На грамматическом уровне также наблюдаются несоответствия славянских и греческих единиц, касающиеся категорий времени, числа, рода, а также частеречного статуса коррелятов.

Ключевые слова: древнерусская гомилия, византийские источники, атрибуция, композиция, лексика, грамматика.

Цитирование. Новак М. О. Слово на Рождество Христово в Толстовском Сборнике XIII в.: лингвотекстологическая характеристика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.1>

Вводные замечания

Данная статья посвящена одному из произведений в составе Толстовского Сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39, далее *Толст*). Проект, в рамках которого изучается сборник, предусматривает комплексное исследование, включающее палеографическую, текстологическую и лингвистическую характеристику памятника и его транскрибирование с размещением машиночитаемой копии на портале «Манускрипт» (адрес титульной страницы публикации – <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=73>). Одна из задач, стоящая перед участниками проекта, – лингвотекстологический анализ отдельных произведений в составе сборника-антологии.

Толст содержит оригинальные и переводные сочинения, принадлежащие либо приписываемые Кириллу Туровскому, Иоанну Златоусту, Кириллу Иерусалимскому, а также апокрифы [Жолобов, 2018; Сводный каталог..., 1984, с. 324]. Все они, за исключением Огласительных слов Кирилла Иерусалимского, связаны с различными церковными праздниками подвижного (триодного) и неподвижного (минейного) календарного цикла.

Ниже будут обсуждаться языковые особенности Слова на Рождество Христово – гомилии, подписанной именем Иоанна Златоуста (лл. 49об.–56 об., далее *Слово*). Ее атрибуция и композиция были в самых общих чертах рассмотрены в [Новак, 2019б]. Теперь у нас есть возможность представить более детальные наблюдения над текстологией и языком произведения. Славянский текст приводится по фотокопии и по машиночитаемой транскрип-

ции; греческий текст приводится по изданиям серии «Patrologia Graeca» Ж.-П. Миня (PG) (далее при цитировании указываются номер тома серии «Patrologia Graeca» и страница) и базе данных Thesaurus Linguae Graecae (TLG), а интерпретируется по (Alpha) и (TLG).

Текстология Слова: византийские источники и славянская компиляция

Первым шагом в исследовании переводной славянской гомилии стал поиск параллельного греческого текста. Прямое обращение к текстам проповедей, опубликованных в (PG), поначалу не дало результатов, поскольку, как мы убедились впоследствии, славянский текст не содержит перевода какого-либо цельного текста, но представляет сложную компиляцию. Довольно эффективными для выявления греческих соответствий оказались обратный перевод ключевых слов с древнеславянского языка на греческий, последующий поиск контекстов в (TLG) и их отождествление со славянским текстом. Дальнейшая работа с (PG) и (TLG) позволила выявить целый ряд византийских источников, текст которых в разном объеме представлен в *Слове*:

- 1) «In Salvatoris nostri Jesu Christi nativitatem» («In natalem Christi diem») (PG, 56, p. 385–394);
- 2) «In Christi natalem diem» (PG, 61, p. 737–738).

Обе гомилии приписываются Иоанну Златоусту и опубликованы в разделах «Spuria» («Подложные»). Первая атрибутируется также Григорию Неокесарийскому либо Севериану Габальскому, вторая – Григорию Неокесарий-

скому либо Проклу [Aldama, 1965, p. 94–95; 103]. Существует мнение, что вторая гомилия могла использоваться не по случаю праздника Рождества Христова, но в богородичные праздники [Aldama, 1965, p. 103]; сразу отметим, что это функционально сближает данный текст со следующей гомилией нашего списка, посвященной Пресвятой Деве.

3) «De laudibus sanctae Mariae Deiparae» – приписывается Епифанию Кипрскому (PG, 43, p. 485–502);

4) «De mutatione nominum» Иоанна Златоуста (PG, 51, p. 113–126) (об Иоанне Богослове);

5) «In Theophania, sive Natalitia Salvatoris» Григория Назианзина (PG, 36, p. 311–334).

Авторство трех источников из пяти точно не установлено: у исследователей нет единой точки зрения на их атрибуцию [Aldama, 1965, p. 95]. Известно, что уже на византийской почве сложился целый корпус «псевдо-Златоустов» – произведений, не принадлежащих, но лишь приписываемых выдающемуся проповеднику второй половины IV в. [Aldama, 1965]. Аналогичный корпус возник затем и на славянской почве [Иоанн Златоуст, 1998].

Возникает закономерный вопрос: была ли компиляция, наблюдаемая в тексте *Слова*, выполнена на византийской или на славянской почве? Как показал С.С. Ким на материале «Слова о пришествии Христовом» в сборнике XIV в., произвольное обращение с исходным греческим текстом, при котором части греческой гомилии перекомпоновывались, было типичным для славянских версий Златоуста: «...славянский пресъставител избира фрази от гръцката хомилия, като ги взема от съвършено различни места, прехвърляйки се от началото в края и обратно» [Ким, 2013, с. 30]. У нас нет оснований не соглашаться с этой точкой зрения.

Несколько слов следует сказать о том, каково участие того или иного источника в формировании славянского текста. Как мы уже отмечали, параллельные греческие фрагменты удалось подобрать к 217 из 351 строки *Слова* – это около 62 % славянского текста. Наиболее крупным, центральным является фрагмент из слова псевдо-Епифания, занимающий 115 строк, то есть более половины всего объема отождествленных текстов. Он раскрывает тему восхваления Девы Марии, которую под-

держивают и менее пространные фрагменты из обеих гомилий псевдо-Златоуста, причем гораздо шире представлен текст из (PG 56), также использованный и в раскрытии христологической темы *Слова*. Четвертый и пятый византийские источники соответствуют всего нескольким строкам в славянском тексте (подробнее о них см. в [Новак, 2019б, с. 139–140]). На третьем важном мотиве проповеди – зортологическом – мы остановимся ниже.

По поводу тех участков текста гомилии, к которым пока не удалось подобрать прямых греческих параллелей, можно высказать несколько соображений.

1. Чрезвычайно интересен фрагмент, в котором дано метафорическое описание рождения Слова Божия в мир от преевечного Отца:

Ѣ́ К О Ж Е С Л О В О Н С Х О Д А Н Н
Г Л Ю Щ А Г О Ѡ Б Н А Ж Н Н С Л Ъ Ш А Щ А Г О
Н А П О Л Н Н • П Р Е Х О Д Н Т Ь Б О К Ъ
С Л Ъ Ш А Щ Е М У • Н Е Ѡ С Т У П А Н Ъ Г Л Ю Щ А Г О •
Т А К О Ж Е Н С Л О В О Ё Н Е С Ъ В Ъ Ѡ Ц Н
П Р Н Д Е К Н А М Ъ В Ъ П Л О Т Н Н Ѡ Ц А
Ѡ Л У Ч А Н Ъ С А П О Е С Т Ъ С Т В О У • Н С Н А М Н
С Ъ Е Д Н Н Н Ъ С А Б Л Г Д Т Н Р А Д Н •
Ѣ К О Ж Е Ѡ С Л Н Ц А Л О У Ч А В Ъ С Н А В Ш Н •
С К В А Ж Н Е Ю В П О Л А Т Ъ • Н Е Ѡ Д Ъ Л Е С А
Ѡ С Л Н Ц А • Н Н С Л Н Ц Ю Ѡ С К У Д Ъ В Ъ Ш Ю
Т О Г О Р А Д Н • Т А К О Ж Е І С Л О В О Ё Н Е Ѡ
Ѡ Ц А С Ъ Н Е Ѡ Л У Ч Ъ С А П О Е С Т Ъ С Т В У
(л. 50об.–51).

Первая метафора – образ произносимого и слышимого слова, которое переходит к слышашему, оставаясь в то же время с говорящим. Вторая – образ солнечного луча, неотделимого от солнца. Оба образа обнаруживаются у ряда богословов поздней античности. Уже ранний апологет Иустин Мученик (он же Иустин Философ, конец I – начало II в. н.э.) использует их в «Диалоге с Трифоном Иудеем» [Зуева, 2012]; Григорий Нисский (ок. 335–394) также склонен пояснять рождение Сына Божия «посредством различных аналогий: напр[имер], происхождение слова от ума в человеке, исхождение луча от солнца, света от светильника, сияния от пламени, аромата от благовоний» [Шевченко, 2006]. Второй образ может восходить также к старшему современнику богословов-каппадокийцев, Афанасию Великому (295–373), который не раз прибегал к такому сравнению, объясняя отношения

между Лицами св. Троицы, ср.: *τύπος γὰρ τοῦ Πατρὸς ἐστὶν ὁ δίσκος ὁ ἡλιακός, τύπος τοῦ Υἱοῦ ἐστὶν ἡ ἀκτίς, τύπος τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐστὶ τὸ φῶς τοῦ ἡλίου* (TLG) ‘Ибо образ Отца есть солнечный диск, образ Сына – луч, образ Святого Духа – солнечный свет’ (здесь и далее перевод с греческого языка наш. – М. Н.).

Тем не менее, поиск по полному корпусу TLG не позволяет выявить точных контекстуальных совпадений. По-видимому, это парафраз общих мест богословского наследия поздней античности.

2. Обращает на себя внимание то, как представлена в слове эртологическая тема, наиболее слабо соотношенная с греческими параллелями. Не исключено, что мы имеем дело с оригинальной славянской интерполяцией. На это указывает общность образов и мотивов, которая обнаруживается при сопоставлении *Слова* с текстами Кирилла Туровского в *Толст* (табл. 1).

Как видно из таблицы, общие ключевые образы для сопоставляемых фрагментов –

праздникъ, радость и веселие, небо и земля; общий мотив выражен формами глагола *възрадовати сѧ*. При этом в *Слове* тоπος неба и земли получает персонифицирующее пояснение: **А РЬКУ АНГЛОМЪ Н УЛВКОМЪ**.

На первый взгляд, более естественно предположить изначальное влияние византийских образцов на творчество славянского проповедника. Однако на следующем этапе взаимодействия текстов – а именно, на этапе создания компиляции – вполне могло состояться развитие эртологической темы с опорой на уже сложившуюся собственно древнерусскую традицию.

Еще одно обстоятельство, которое может указывать на оригинальный славянский текст, – соседство синонимов **ПРНУАСТЪННКЪ Н НАСЛѢДННКЪ** в следующем контексте:

СЛАВЪ ЖЕ Н СВѢТЛОСТН • ПРНУАСТЪННКЪ Н НАСЛѢДННКЪ СТВОРНТЬ (л. 54).

Оба существительных могут быть в славянских переводах эквивалентами греческого

Таблица 1

Мотивно-образное сходство Слова на Рождество и Слова на Вознесение Кирилла Туровского

Слово на Рождество	Слово Кирилла Туровского на Вознесение (лл. 32-37об.)
<p>л. 54: СЛАВЪ ЖЕ Н СВѢТЛОСТН • ПРНУАСТЪННКЪ Н НАСЛѢДННКЪ СТВОРНТЬ. ТѢМЪ ВСН СҮГҮБО Н ТРЕГОУБО РАДОСТЮ НЕНЗРЕУЕНЬНО Н ВЕСЕЛНЕМЪ НЕНСПОВѢДНОМЪ • СЪ АНГЛЪ КҮПНО ВЪ ПРНШЕДЪШНН ДНЬ ПРАЗДННКЪ ВЕЛНКЪН ХѢА РОЖЕСТВА • ВЪЗРАДОУНМСА Н ВЪЗВЕСЕЛНМСА ПРННО</p> <p>л. 55 об.: ДНЬ РАДОСТЬ Н ВЕСЕЛНЕ НЕНЗРЕУЕНЬНО НА НѢСН Н НА ЗЕМЛН • А РЬКУ АНГЛОМЪ Н УЛВКОМЪ</p> <p>л. 56 об.: ПРАЗДНУНМЪ ОҮБО ДНЬ • ПРАЗДНУИМЪ СВѢТЛО УТНЪН ПРАЗДННКЪ • РЖТВО ГА НАШЕГО • ПѢМН Н ПѢНН БѢДХЕНЪИМН • ДА СПОДОБЛЕНН БҮДЕМЪ Н БѢАВЛЕННН ВЕЛНКЪН ПРАЗДННКЪ • ГА НАШЕГО ІСА ХА • ПРАЗДНОВАТН Н ЛНКЪСТВОВАТН РАДОСТНО</p>	<p>л. 36 об.: ДА ПО НІСТННѢ СНН ПРАЗДННКЪ ПЪЛНЪ КЕСТЬ РАДОСТН Н ВЕСЕЛНН РАДОСТЬ НА НЕБѢХЪ ВЪЗНЕСЪШЮ Сѧ ХѢОУ КЪ ШЦЮ • Н НА ЗЕМЛН ВЕСЕЛНН ВСЕН ТВАРН • ШЕНОВЛЬШН Сѧ Ш НІСТЛЕННН • ТѢМЖЕ Н МЪ БРАК ПРНДЕТЕ</p> <p>л. 37: ВЪЗРАДОУНМЪ Сѧ ГВН • ВЪШЕДЪШЕМОУ НА НБО НЕНОКЕ НА ВЪСТОКЪ • СЕДАЩЕМОУ ШДЕСНОЮ ШЦА ПОКЛОНМЪ Сѧ • ПРННМЪШЕМОУ ВСАКОУ ВЛАСТЬ НА НѢСН Н НА ЗЕМЛН ПОМОЛНМЪ Сѧ • ЦРЬСТВОУЮЩОМОУ СЪ ШЦМЪ ПРННЕСЕМЪ ВѢРОУ ІАКО ДАРЪ НЕ ІАВНМЪ Сѧ ПРѢДЪ ННМЪ ТЪШН ВЪ ДНЬ ПРАЗДННКА</p>

κληρονόμος ‘наследник’. При этом лексему **НАСЛѢДЪННІКЪ** исследователи связывают с кирилло-мефодиевской традицией перевода, а лексему **ПРНѢСТЪННІКЪ** – с преславской редакцией [Славова, 1989, с. 79; Христова-Шомова, 2004, с. 531, 768]. Вполне возможно, что оба варианта, усвоенные древнерусской книжностью, выступают здесь как средство амплификации. Если все же предположить переводной характер данного фрагмента гомилии, то придется признать, что перед нами двойной перевод с соединением двух переводческих предпочтений.

Как мы уже отмечали, отличительной чертой композиции Слова является компо-

новка фрагментов византийских текстов, при которой происходит либо перестановка фрагментов одного источника, либо соединение отрывков из разных произведений в пространстве одного контекста, при полной сохранности смысловых связей в тексте [Новак, 2019б, с. 140]. Было также показано, как десять строк непрерывного и вполне связного славянского текста соответствуют трем различным фрагментам двух византийских источников [Новак, 2019б, с. 140]. Здесь мы рассмотрим, как в славянской компиляции осуществляется перекомпоновка отдельных элементов цельного фрагмента одного источника (табл. 2).

Таблица 2

Перекомпоновка элементов византийского источника в Слове на Рождество

Слово, л. 54об. (с номерами строк)	Греческий текст (PG 56, р. 391) (с номерами строк *)
5 ПРНѢСТЕ ОУБѠ ПРАЗДЪ 6 НУІМЪ • ПРНѢСТЕ АНКѠСТВОУІМЪ	166 δεῦτε οὖν, ἑορτάσωμεν, δεῦτε πανηγυρίσωμεν.
7 ПРНѢСТЕ ВЪЗРАДОУІМЪ СѦ ГѢН • ПО	Нет соответствий
8 НЕЖЕ ДНВНО ЁСТЬ СЛОВО РЖТЪВУ ДНЪ	167 ... ἐπειδὴ καὶ παράδοξος ὁ τῆς γεννήσεως λόγος.
9 БО НЕНОЕ ЖНТЬЕ НА ЗЕМЛН НА10САДН СѦ • УЛВЦН СЪ АНГЛЫ НЕ СУМЪ11НАЩЕ СѦ БЕСЪДАУЮТЬ •	169 ἡ τῶν ἄνω πολιτεία ἐν τῇ γῆ ἐφυτεύθη, ... ἄνθρωποι μετὰ ἀγγέλων ἀδεῶς διαλέγονται.
11 ПОУТО	170 Διὰ τί;
ПОНЕ12ЖЕ ЁЪ ПРНДЕ НА ЗЕМЛЮ • Н УЛВКЪ НА 13 НЕБѠ ВЗНАЕ •	171 Ἐπειδὴ Θεὸς ἐπὶ γῆς ἦλθε, καὶ ἄνθρωπος ἐν οὐρανῶ.
ПРНДЕ БО НА ЗЕМЛЮ СЛО14ВО СЪ НА НЕБѠ •	173 Ἦλθε γὰρ ἐπὶ τῆς γῆς, ὄλος ὢν ἐν οὐρανοῖς.
ЁЪ СЪНІ УЛВКЪ НЕ 15 УТОРГЪ БЖТВА СВОЕГО •	175 Θεὸς ὢν, γέγονεν ἄνθρωπος, οὐκ ἀρνησάμενος τὸ εἶναι Θεός.
ЁЪ ГЪ Н ЮВН 16 СѦ НАМЪ • Н ПОСѢТНАЪ ЁСТЬ НАСЪ 17 ВЪСТОКЪ СВЪШЕ •	Нет соответствий
ДНЪ ГРѢХЪ НЗЪ18ГНАНЪ БЪІ	168 (середина фразы) ἡ ἀμαρτία ἐκποδὸν γέγονεν,
ЛЕСТЬ УНДЕ А НСТННА 19 ПРНДЕ	168 (середина фразы) ἡ πλάνη ἀπηλάθη, ἡ ἀλήθεια ἐπανῆλθε,
НСТННА БО РѢ ПРР • КЪ У ЗЕ20МЛА ВЪСНА Н ПРАВДА СЪ НЕ • СЕ ПРН21ННУЕ •	Нет соответствий
Н БЛАЗЕН ВЪРЪ СЛОВО ВЪСЮ22ДОУ РАСЪННО БЪІ • Н РАСПРОСТРАНН 23 СѦ ЗѢЛО •	168 (середина фразы) καὶ τῆς εὐσεβείας ὁ λόγος πανταχοῦ διεσπάρη καὶ ἔδραμεν.
ДНЪ БО НЕПРНЪЗНЪ ПОСТЪІ24ДЪ СѦ • Н БЪСН РАЗВЪГОША СѦ • СМЪРТЬ 25 РАЗРЪШН СѦ • РАН УВЕРЗЕ СѦ • КЛА26ТВА РАЗОРН СѦ	168 (начало фразы) Σήμερον γὰρ ... ὁ διάβολος ἠσχύνθη, οἱ δαίμονες ἐδραπέτευσαν, ὁ θάνατος ἐλύθη, παράδεισος ἠνεόχθη, ἡ κατάρα ἠφανίσθη

Примечание. * – нумерация строк дана в соответствии с публикацией текста на сайте Documenta Catholica Omnia: http://www.documentacatholicaomnia.eu/1004/1003__Ioannes_Crysostomus_010/0345-0407,_Iohannes_Chrisostomus,_In_natalem_Christi_diem,_MGR.html.

Здесь можно указать на несколько моментов. С одной стороны, имеет место сокращение греческого текста (отсутствуют строки 172 и 174); с другой, некоторые строки славянской гомилии не находят в нем параллелей. При этом строки 15–17, 19–21 представляют цитаты из Евангелия и Псалтири: Пс. 117:27, Лк. 1:78, Пс. 84:12. Возможно, в славянский текст включено цитирование из другого византийского источника.

Особый интерес вызывает строка 168 греческой проповеди, содержащая обширную амплификацию: Σήμερον γὰρ ὁ χρόνιος ἐλύθη δεσμὸς, ὁ διάβολος ἠσχύνθη, οἱ δαίμονες ἐδραπέτευσαν, ὁ θάνατος ἐλύθη, παράδεισος ἠνεφύχθη, ἡ κατάρρα ἠφανίσθη, ἡ ἁμαρτία ἐκποδῶν γέγονεν, ἡ πλάνη ἀπηλάθη, ἡ ἀλήθεια ἐπανήλθε, καὶ τῆς εὐσεβείας ὁ λόγος πανταχοῦ διεσπάρη καὶ ἔδραμεν. ‘Ибо днесь давние разрешились узы, дьявол посрамился, бесы разбежались, смерть разрушилась, рай отворился, клятва уничтожилась, грех отдалился, обман был изгнан, истина возшла, и благочестия слово всюду рассеялось и пронеслось’. Эта структура незначительно сокращена в славянской версии, а ее составляющие переставлены местами: начало греческой фразы стало концом славянской, а ее середина, соответственно, – началом. При этом связность и цельность славянского текста не понесли никакого ущерба.

Эта способность структуры гомилетического текста к трансформациям свидетельствует о его относительно слабой связности, что обусловлено, очевидно, его независимостью от сюжетных причинно-следственных связей, характерных для нарратива, и категории времени: проповедь, также как и богослужение, всегда представляет некое «днесь», вовлекая слушателей или читателей в события Священной истории и возводя их от временного к вечному (см.: [Хондзинский, 2001]).

Завершая раздел статьи, посвященный вопросам текстологии *Слова*, заметим, что компилятивный характер произведения позволяет рассматривать его как своего рода антологию внутри антологии – Толстовского Сборника.

Языковые особенности *Слова*: лексика

Лексический уровень *Слова* рассматривается нами с точки зрения количественного

и качественного соответствия греческому параллельному тексту. В предыдущей публикации были приведены некоторые примеры сокращения и расширения славянской версии относительно греческих параллельных мест [Новак, 2019б, с. 141]. В частности, было кратко указано на параллель **мѣрнѣ гѣ нашего ісѣ хѣ** (л. 52) : μητὸς τοῦ Κυρίου ‘Матери Господа’. Здесь добавим, что это не единственный случай такого дополнения, ср.: **роднѣшна спаса хѣ безначалнаго** (л. 52 об.) : μήτηρ τοῦ Σωτῆρος, ἡ τὸν ἄναρχον γεννήσασα Λόγον ‘Мать Спасителя, безначальное родившая Слово’; **неугасимъ свѣтъ нмѣющн гѣ нашего ісѣ хѣ** (л. 53) : τὸ ἄσβεστον ἔχουσα φῶς ‘неугасимый имеющая свет’. Эти уточнения, вводящие имя Христа, отражают, на наш взгляд, миссионерский характер перевода (о типах средневекового перевода см. [Алексеев, 1999, с. 80–84]). Без них адресат проповеди рисковал «потеряться» в византийском плетении словес, и ему нужно было помочь понять, что (точнее, Кто) стоит за образами света или безначального Слова.

Далее мы обсудим семантически нестандартные греко-славянские корреляции, которые можно сгруппировать по следующим признакам.

1. Первая группа фактов представляет своеобразные переводческие решения, направленные на реинтерпретацию исходного текста.

1.1. **нѣса словомъ ѡкрѹжн** (л. 52 об.) : τὸν τοὺς οὐρανοὺς καμάρωσαντα ‘небеса сводом снабдившего’. Как видим, семантика греческого причастия если не полностью проигнорирована, то передана приблизительно – постольку, поскольку значение глагола *окружити* соотносится с представлением о небесном своде как о полусфере. Кроме того, в славянскую синтагму введена форма **словомъ**, образ «инструмента» творения. На наш взгляд, здесь имеет место своего рода переключка с ветхозаветной поэтической картиной. Ср. в Синайской Псалтири XI в., Пс. 32:6: **словесемъ гнѣмъ нѣса оутврѣдиша сѣ** [Северьянов, 1922, с. 39].

1.2. **нн възшнєє кѣго ржѣтво повѣстью сказаетъ сѣ оннєзвѣшєє кѣмѹ в послѣднѣѣ времена • насъ радн • н земное кѣмѹ ржѣтво нє постгнзаетъ сѣ** (л. 51 об.) : οὕτε ἡ ἄνω

αὐτοῦ γέννησις ἐξήγησιν ἔχει, οὔτε ἡ ἐν ὑστέροις καιροῖς πρόδος πολυπραγμονεῖσθαι ἀνέχεται ‘ни свыше Его рождение истолкование имеет, ни в последние времена исхождение [Его] исследование допускает’.

Здесь следует прокомментировать целый ряд моментов. Во-первых, обращает на себя внимание наличие славянского **ржѣтво** в качестве параллели к двум разным греческим лексемам – γέννησις ‘рождение’ и πρόδος ‘продвижение, выход’. Возможно, этот повтор организован сознательно, чтобы на его фоне заметнее стала глагольная рифма **сказаетъ сѧ – постнзаетъ сѧ**, незаурядное ритмическое решение, которое делает славянский перевод выразительнее оригинала.

Во-вторых, славянская версия вводит дополняющий и разъясняющий эпитет **земное** (**ржѣтво**), для которого нет греческого коррелята, а также выражение **насъ радн**, который также может иметь миссионерское звучание, поскольку отсылает к христианскому Символу веры («Нас ради человек и нашего ради спасения...»).

1.3. **ѧже громъ стѣго дѣа мнрвн въ згремѣ** (л. 53) : ἡ τὴν βροντὴν τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐν ἑαυτῇ κρῦπτομένην τῷ κόσμῳ καταβιάσασα ‘гром святого Духа, в ней самой скрытый, миру низведшая’. Здесь также наблюдается целенаправленный отход от семантики греческого καταβιάσασα (от καταβιάζω ‘сводить вниз’) в пользу славянской figura etymologica, которая заметно смещает смысловые акценты в контексте: Богородица не выступает как посредник в деле спасения, но сама «гремит громом» св. Духа.

2. Семантическое несовпадение греческих и славянских коррелятов:

2.1. **непреложнѣ бывающе бжѣтвѣ** (л. 50) : ἀμεταβλήτου μενούσης τῆς φύσεως ‘когда природа осталась неизменной’;

2.2. **ѧгоже четвероѡбразнн животн трепещуть** (л. 51) : ὃν τὰ τετράμορφα ζῶα δοξολογοῦσι ‘Которого четырехобразные животные славословят’;

2.3. **бѣю** (л. 52) : Παρθένον ‘Деву’.

Возникновение приведенных славянских параллелей можно объяснить, с одной стороны, текстологическими причинами (в частности, различиями в греческих версиях текста), поскольку славянские и греческие лексические

единицы не имеют общих семантических признаков. Отношение **бжѣтвѣ** : τῆς φύσεως может представлять трансформацию в рамках вполне осмысленного миссионерского перевода: разъясняется богословский термин, который обозначает не любую, а божественную природу. С другой стороны, нельзя исключить и фактора клише: славянские переводчики / редакторы могли использовать известное им слово, игнорируя при этом точность перевода. Для них могло оказаться достаточным семантическое «попадание» в контекст. Возможно, эта свобода выбора лексических единиц определялась в какой-то мере и текстологической свободой в создании компиляции.

2.4. Интересна в этой связи следующая корреляция: **ѡдѣце непостнжнмаго таи́нства носѧщн ѧадо** (л. 53 об.) : ᾧ Παρθένε, ἀκατάληπτον μυστηρίου φέρουσα θαῦμα ‘...носящая чудо’. Здесь логичнее всего предположить lapsus calami (**ѧадо** вместо **ѧюдо**), который, тем не менее, гармонично вписался в контекст.

2.5. Явную ошибку, от которой не может не пострадать антитетическое построение контекста, представляет и механический повтор существительного: **вышнаго ннзѣ за ѡбѣколюбнѣ • ннжнаго горѣ за ѡловѣколюбнѣ** (л. 54 об.) : τὸν ἄνω κάτω δι’ οἰκονομίαν, καὶ τὸν κάτω ἄνω διὰ φιλανθρωπίαν ‘вышнего... по смотрению (домостроительству) и нижнего... по человеколюбию’.

Как видим, некоторые явления, рассмотренные во второй группе, обнаруживают близость к первой, поскольку не все они могут быть однозначно интерпретированы как клише или ошибки.

3. В третью группу объединены контексты, в которых представлены переводческие решения, характеризующие определенную переводческую традицию.

3.1. **не тѣго влѣстнѣшн** (л. 53) : μὴ στενοχωρήσασα ‘не стеснившая’.

3.2. **н среда стѣнзи враждѣ ѡборн сѧ** (л. 55) : τὸ μεσότοιχον τοῦ φραγμοῦ τὴν ἔχθραν κατέλυσεν ‘средостение вражду разрушило’.

Оба случая представляют переводческую технику, при которой compositum передается словосочетанием. При этом семантика основ словосложения воспроизводится вполне кор-

ректно. Ср. корреляции основ в приведенных примерах: **тѹг-** : στεν- (στενός ‘тесный’), **мѣст-** : χωρ- (χώρα ‘пространство, место’); **сред-** : μεσ- (μέσος ‘находящийся в середине’), **стѣн-** : τοιχ- (τοιχος ‘стена’). Такие решения широко распространены в древнеславянских памятниках, так или иначе связанных с преславской школой перевода и ее рецепцией на древнерусской почве, о чем нам приходилось писать ранее в связи с лексической историей текста Апостола [Новак, 2014]. Таким образом, Толстовский Сборник, как древнерусский памятник, также отражает усвоение преславской переводческой практики.

4. Завершая раздел о лексике, отдельно упомянем о лексической единице, не зафиксированной в исторических словарях. Она участвует в следующей славяно-греческой корреляции: по **вѣспѣтѣннѣ** : κατὰ προκοπήν ‘по возвращении’. Семантика греческого соответствия указывает на то, что **вѣспѣтѣннѣ** может соотноситься с **вѣспащеннѣ** – ср. соответствующую словарную статью в (СлРЯ, вып. 3, с. 55). Вариант в *Толст* интересен своим фонетическим обликом. Отсутствие в нем йотовой палатализации, характерной для образований от глагольных основ на -и- (как в **вѣспатити** > **вѣспащеннѣ**) можно объяснить вариативностью производящей базы, если допустить образование существительного от глагола **вѣспатѣти**. Что касается первого **ѣ**, такое написание могло появиться в результате описки – предвосхищения графемы в последующем слого.

Языковые особенности *Слова*: грамматика

На грамматическом уровне обращает на себя внимание следующее.

1. Передача греческой нефинитной формы глагола славянской финитной формой:

1.1. **нѣса словомъ ѡкрѹжн** (л. 52 об.) : τὸν τοὺς οὐρανοὺς καμαρώσαντα ‘небеса сводом снабдившего’ (в греч. – причастие аориста);

1.2. **зрахѹ** (л. 52) : θεωροῦσαι ‘видящие’ (в греч. – причастие презенса);

1.3. **ѡже громъ ... вѣзгремѣ** (л. 53) : ἡ τὴν βροντὴν ... καταβίβασα ‘гром ... низведшая’ (в греч. – причастие аориста).

Подобные замены (как и обратные – финитных форм на причастные) весьма часты в церковно-книжных памятниках в силу сходства синтаксического статуса финитных и нефинитных форм, что отмечалось в недавних исследованиях [Новак, 2019а; Шарихина, 2017]. Синтаксические структуры при этом остаются сохранными.

2. Несовпадение родовых характеристик причастий:

вѣмѣста (л. 55) : χωρήσασα ‘вместившая’. Данная параллель извлечена из предыдущего контекста и отражает устойчивую тенденцию к рассогласованию причастных форм. Как полагает Г.А. Мольков, данная черта не является древнерусской инновацией, но восходит к древнеболгарским прототипам [Мольков, 2017а].

3. Несовпадение граммем времени и числа в рамках славяно-греческой параллели:

рѣтво молчаннѣмъ ѹнстн навѣикъ н не словомъ испытати прнахомъ (л. 51) : τὸν δὲ τρόπον τῆς γεννήσεως σιωπῆ τιμᾶν μεμάθηκα, καὶ οὐ διὰ λόγων πολυπραγμονεῖν παρέλαβον ‘образ же рожества молчанием почитать я научился и не словами исследовать я перенял’. Форма μεμάθηκα представляет собой 1 л. ед. ч. перфекта глагола μαθηάω ‘учиться’; παρέλαβον – аорист, также 1 л. ед. ч. В славянском тексте мы наблюдаем два аориста; при этом в параллели **навѣикъ** : μεμάθηκα участвует архаичный простой аорист, что само по себе достойно внимания: в древнерусских памятниках простой аорист в целом довольно активен, однако формы 1 л. ед. ч. относительно малочисленны [Мольков, 2017б].

В параллели **прнахомъ** : παρέλαβον налицо неточное употребление славянской плюралной формы. Возможно, это следствие незаконченной редакции: мы уже отмечали, что для славянской гомилии характерны замены «я» проповедника на соборное «мы» (проповедник и адресаты проповеди) [Новак, 2019б, с. 141].

4. Несовпадение частеречных характеристик:

ѡ вѣ слнца мѣсто слнце правѣноѣ • не ѡбоуменьное вѣмѣста (л. 55) : ἀντὶ δὲ ἡλίου τὸν τῆς δικαιοσύνης ἀπεριγράπτως χωρήσασα ‘вместо

же солнца правды [Солнце] неограниченно вместившая⁷. Наречию ἄπερῦράπτος соответствует славянское прилагательное – определение существительного **с̃лнцѣ**, которое не имеет греческого эквивалента и вводится в контекст, чтобы «уравновесить» его синтаксически: если в функции прямого объекта в греческом возможен артикль τὸν в аккузативе, то в славянском для этого необходимо существительное.

Выводы

Анализ текстологии и языковых особенностей Слова на Рождество выявил следующее.

В текстологическом отношении *Слово* представляет собой сложную компиляцию, что позволяет назвать его антологией внутри антологии – Толстовского Сборника; определяются как установленные византийские источники, так и фрагменты без атрибуции, которые могут быть оригинальными древнерусскими включениями, поскольку имеют мотивно-образное сходство с произведениями Кирилла Туровского.

Византийские источники в составе *Слова* трансформируются: с одной стороны, возможно соединение различных источников в рамках славянского фрагмента; с другой стороны, элементы цельного текстового блока из одного источника могут быть радикально перекомпонованы без потери когерентности результирующего текста. Это указывает на слабость когезии в проповедническом тексте, которая определяется независимостью жанра проповеди от нарратива с его причинно-следственными связями.

Лексический уровень *Слова* интересен нестандартными решениями, направленными на реинтерпретацию исходного текста, что может указывать либо на миссионерский характер перевода, либо на поэтическую орнаментализацию. В ряде случаев семантическое несовпадение лексических единиц внутри греко-славянских корреляций обусловлено ошибками.

Структура греческих *composita* может передаваться славянскими словосочетаниями, что характерно для переводческой техники преславской школы перевода.

На грамматическом уровне также зафиксированы несовпадения граммем славянских и

греческих единиц; они затрагивают категории времени, числа, рода, а также частеречный статус.

В целом языковой облик *Слова* отражает черты, присущие славяно-русской церковной литературе древнерусского периода: это свободное обращение с исходным греческим текстом на лексическом и грамматическом уровнях, степень осознанности которого не всегда легко оценить, а также рецепция преславизмов в лексике.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00428 «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского Сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39)».

The reported study was funded by RFBR, project no. 18-012-00428 “Electronic Publication and Complex Linguistic Study of Tolstovskii Sbornik of the 13th Century (Russian National Library, F.n.1.39)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. А., 1999. Текстология славянской Библии. СПб. : Дмитрий Буланин. 254 с.
- Жолобов О. Ф., 2018. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы : в 2 т : тр. и материалы Междунар. конф. (г. Казань, 1–4 окт. 2018 г.) / под общ. ред. Е. А. Горобец, О. Ф. Жолобова, М. О. Новак. Казань : Изд-во Казан. ун-та. Т. 2. С. 73–77.
- Зуева Е. В., 2012. Иустин Философ // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Кирилла. М. : Православ. энцикл. Т. 28. С. 610–637. URL: http://www.pravenc.ru/text/1237943.html#part_11 (дата обращения: 12.08.2019).
- Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков: каталог гомилий, 1998 / отв. ред. О. В. Творогов. СПб. : Дмитрий Буланин. 221 с.
- Ким С. С., 2013. Славянска Златоустова еклога. «Слово за пришествие Христово» по ръкопис № 11 от издание Свято-Троицката Сергиева лавра. Идентификация на източниците // Проглас. Филологическо списание. Т. 22, брой 2. С. 29–47.
- Мольков Г. А., 2017а. Несогласованные причастные формы в ранних древнерусских списках Евангелия // Русский язык в научном освещении. № 2 (34). С. 180–193.

- Мольков Г. А., 2017б. Простой аорист в древнерусской письменности // Русский язык в научном освещении. № 1 (33). С. 179–195.
- Новак М. О., 2014. Апостол в истории русского литературного языка. Лингвостилистическое исследование. Казань : Отечество. 316 с.
- Новак М. О., 2019а. Исследование календаря в славянских апостолах: лингвистические комментарии // Словознавство. Т. 8, № 1. С. 467–476.
- Новак М. О., 2019б. Слово на Рождество Христово в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39): атрибуция и композиция // Девятыя Римские Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы конф. (Рим – Салерно, 4–9 февр. 2019 г.). М. : Индрик. С. 137–142.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв., 1984. М. : Наука. 405 с.
- Северьянов С. Н., 1922. Синайская Псалтирь. Глаголический памятник XI века. Пг. : Рос. гос. акад. тип. 422 с.
- Славова Т., 1989. Преславска редакция на Кирило-Методиевски старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София : Изд-во БАН. С. 15–129.
- Хондзинский П., 2001. О богословии гимнографических форм // Журнал Московской патриархии. № 12. С. 66–82.
- Христова-Шомова И., 2004. Службеният Апостол и славянската ръкописна традиция. Т. 1. Изследване на библейския текст. София : Св. Климент Охридски. 831 с.
- Шарихина М. Г., 2017. Функционирование кратких действительных причастий в роли второстепенного сказуемого в переводном житийном тексте (на материале русских списков «Жития Николая Мирликийского») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 14, № 1. С. 104–113.
- Шевченко Э. В., 2006. Григорий Нисский // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Кирилла. М. : Православ. энцикл. Т. 12. С. 480–526. URL: http://www.pravenc.ru/text/166529.html#part_19 (дата обращения: 10.08.2019).
- Aldama J. A. de, 1965. Repertorium Pseudochrysostomicum. P. : Centre National de la Recherche Scientifique. 239 p.

ИСТОЧНИКИ

- Толст* – Толстовский Сборник, XIII в. // РНБ. Ф.п.1.39.
- PG* – Migne J.-P. Patrologiae Cursus Completus. Series graeca. Т. 36. P. ; [s. n.], 1858. 722 с. ; Т. 43. P. ; [s. n.], 1864. 712 с. ; Т. 51. P. ; [s. n.], 1862.

388 с. ; Т. 56. P. ; [s. n.], 1862. 478 с. ; Т. 61. P. ; [s. n.], 1862. 810 с. URL: <https://archive.org/details/PatrologiaGraeca>.

СЛОВАРИ

- СлРЯ* – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1976. Вып. 3. 289 с.
- Alpha* – Alpha. Древнегреческо-русский словарь И.Х. Дворецкого. URL: <http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html> (дата обращения: 27.08.2019).
- TLG* – Thesaurus Linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> (date of access: 24.05.2019).

REFERENCES

- Alekseev A.A., 1999. *Tekstologiya slavyanskoy Biblii* [Slavonic Bible Textology]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. 254 p.
- Zholobov O.F., 2018. Tolstovskiy sbornik XIII v. kak megatekst [Tolstovskiy Collection of the 13th Century as a Megatekst]. Gorobets E.A., Zholobov O.F., Novak M.O., eds. *Lingvokulturologicheskie issledovaniya razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh poliëtnicheskoy sredy: opyt i perspektivy: v 2 t.: tr. i materialy Mezhdunar. konf. (g. Kazan, 1–4 okt. 2018 g.)* [Linguocultural Studies of the Development of the Russian Language in the Conditions of Multiethnic Environment: Experience and Prospects. In 2 Vols. Proceedings of the International Conference (Kazan, October 1–4, 2018)]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta, vol. 2, pp. 73–77.
- Zueva E.V., 2012. Iustin Filosof [Justin Martyr]. Patriarch Kirill, ed. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopaedia]. Moscow, Pravoslavnyaya entsiklopediya Publ., vol. 28, pp. 610–637. URL: http://www.pravenc.ru/text/1237943.html#part_11 (accessed 12 August 2019).
- Tvorogov O.V., ed., 1998. *Ioann Zlatoust v drevnerusskoy i yuzhnoslavyanskoy pismennosti XI–XVI vekov: katalog gomiliy* [John Chrysostom in the Old Russian and South Slavic Book Culture of the 11th–16th Centuries: A Catalog of Homilies]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. 221 p.
- Kim S.S., 2013. Slavyanska Zlatoustova ekloga. «Slovo za prishestvie Hristovo» po rykopis № 11 ot izdanie Svyato-Troitskata Sergieva lavra. Identifikatsiya na iztochnitsite [Slavonic Chrysostom's Ecloga. "Oration About the Advent of Christ" According to Manuscript no. 11 from the Edition of Trinity

- Lavra of St. Sergius. Identification of Sources]. *Proglas. Filologicheskoe spisanie* [Proglas], vol. 22, iss. 2, pp. 29-47.
- Mol'kov G.A., 2017a. Nesoglasovannye prichastnye formy v rannikh drevnerusskikh spiskakh Evangeliiya [Indeclinable Participles in Early Old Russian Gospel Manuscripts]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (34), pp. 180-193.
- Mol'kov G.A., 2017b. Prostoy aorist v drevnerusskoy pismennosti [The Root Aorist in Old Russian Monuments]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (33), pp. 179-195.
- Novak M.O., 2014. *Apostol v istorii russkogo literaturnogo yazyka. Lingvostilisticheskoe issledovanie* [Apostolus in the Russian Literary Language History: A Linguistic and Stylistic Study]. Kazan, Otechestvo Publ. 316 p.
- Novak M.O., 2019a. Issledovanie kalendarya v slavyanskikh apostolakh: lingvisticheskie kommentarii [Study of the Slavonic Apostolos Calendar: Linguistic Comments]. *Slovene* [Slovène], vol. 8, no. 1, pp. 467-476.
- Novak M. O., 2019b. Slovo na Rozhdestvo Khristovo v Tolstovskom Sbornike XIII v. (RNB, F.p.I.39): atributsiya i kompozitsiya [A Nativity Sermon in the 13th Century Tolstovskii Sbornik (National Library of Russia, F.p.I.39): Attribution and Composition]. *Devyatye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniya: materialy konf. (Rim – Salerno, 4–9 fevr. 2019 g.)* [9th Roman Cyril and Methodius Readings. Proceedings of the Conference (Rome – Salerno, February 4–9, 2019)]. Moscow, Indrik Publ., pp. 137-142.
- Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhnya v SSSR. XI–XIII vv., 1984* [Consolidated Catalog of Slavic-Russian Manuscripts Stored in the USSR. 11th – 13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 405 p.
- Severyanov S.N., 1922. *Sinayskaya Psaltir. Glagolicheskiy pamyatnik XI veka* [Sinai Psalter. Glagolic Monument of the 11th Century]. Petrograd, Rossiiskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya. 422 p.
- Slavova T., 1989. Preslavska redaktsiya na Kirilo-Metodieviya starobylgarski evangelski prevod [Preslav Edition of Cyril-Methodius Old Bulgarian Gospel Translation]. *Kirilo-Metodievski studii. Kniga 6* [Kirilo-Mefodievsky Studio. Book 6]. Sofiya, Izd-vo BAN, pp. 15-129.
- Khondzinskiy P., 2001. Obogoslovii gimnograficheskikh form [On the Theology of Hymnographic Forms]. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*, no. 12, pp. 66-82.
- Khristova-Shomova I., 2004. *Sluzhebniyat Apostol i slavyanskata rykopisna traditsiya. T. 1. Izsledvane na bibleiskiya tekst* [The Liturgical Apostle and the Slavic Written Tradition. Vol. 1. Biblical Text Study]. Sofia, Sv. Kliment Okhridski Publ. 831 p.
- Sharikhina M.G., 2017. Funktsionirovanie kratkikh deystvitelnykh prichastiy v roli vtorostepennogo skazuemogo v perevodnom zhitiynom tekste (na materiale russkikh spiskov «Zhitiya Nikolaya Mirlikiyskogo») [The Short-Form Active Participles in the Function of Secondary Predicates in the Translated Hagiographical Text (A Case Study of the Russian Copies of “The Life of St. Nicholas of Myra”)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], vol. 14, no. 1, pp. 104-113.
- Shevchenko E. V., 2006. Grigoriy Nisskiy [Gregory of Nyssa]. Patriarch Kirill, ed. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopaedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., vol. 12, pp. 480-526. URL: http://www.pravenc.ru/text/166529.html#part_19 (accessed 10 August 2019).
- Aldama J.A. de, 1965. *Repertorium Pseudochrysostomicum*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique. 239 p.

SOURCES

- Tolstovskiy Sbornik, XVIII v. [Tolstovskiy Collection, 13th Century]. *RNB* [National Library of Russia], F.p.I.39.
- Migne J.-P. *Patrologiae Cursus Completus. Series graeca*. Vol. 36. Paris, 1858. 722 p.; Vol. 43. Paris, 1864. 712 p.; Vol. 51. Paris, 1862. 388 p.; Vol. 56. Paris, 1862. 478 p.; Vol. 61. Paris, 1862. 810 p. URL: <https://archive.org/details/PatrologiaGraeca>.

DICTIONARIES

- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1976, iss. 3. 289 p.
- Alpha. Drevnegrechesko-russkiy slovar I.Kh. Dvoretzkogo* [Alpha. Ancient Greek-Russian Dictionary by I.Kh. Dvoretzky]. URL: <http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html> (accessed 23 May 2019).
- Thesaurus Linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature*. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> (accessed 24 August 2019).

Information about the Author

Maria O. Novak, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Research Laboratory of Multiple Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Lobachevskogo St., 2/31, 420111 Kazan, Russia; Leading Researcher, Department of Linguistic Source Studies and the History of Literary Russian Language, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

Информация об авторе

Мария Олеговна Новак, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр РАН, ул. Лобачевского, 2/31, 420111 г. Казань, Россия; ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка, Институт русского языка им. В.В. Виногорова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.2>

UDC 811.112.2'36
LBC 81.432.4-2

Submitted: 12.06.2019
Accepted: 03.10.2019

THE FIRST GERMAN GRAMMAR IN RUSSIA: CREATION AND SOURCES¹

Nataliya V. Kareva

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Evgeniy G. Pivovarov

Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Natural Sciences and Technology
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Abstract. *Die Teutsche Grammatica...* by M. Schwanwitz (St. Petersburg, 1730) was the first German grammar printed in Russia. It was bilingual: Russian and German sections were parallel. The Russian text reflected the diversity and variability of the new, early 18th century “civil” literary language. The article authors describe linguistic terminology of Schwanwitz’s textbook, study editorial changes made during its creation and examples corpus used in the grammar, first of all, anthroponyms. Comparative analysis of the structure, content and illustrative material of Schwanwitz’s grammar and *Die deutsche Grammatica...* by Charmyntes (Berlin, 1713) allows us to conclude that Charmyntes’s grammar was not the only source of the academic textbook. In cases where Schwanwitz borrowed material from the German source, he critically rethought and rewrote the original. The authors disagree with the assertion outspoken in scientific literature that Schwanwitz’s work was for the most part imitative to *Die deutsche Grammatica...* by Charmyntes and that the Berlin edition should be considered as a conductor of the Western model of grammatical description in Russia. Study of *Die Teutsche Grammatica...* creation allows to conclude that lack of its author’s formal education case was atoned by rich practical experience, ability to learn a lot and quickly and obvious desire to become a philologist recognized by contemporaries.

Key words: German grammar, Academy of Sciences, M. Schwanwitz, Charmyntes, 18th century, chronology, linguistic sources, linguistic terminology.

Citation. Kareva N.V., Pivovarov E.G. The First German Grammar in Russia: Creation and Sources. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 18-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.2>

УДК 811.112.2'36
ББК 81.432.4-2

Дата поступления статьи: 12.06.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

ПЕРВАЯ В РОССИИ ГРАММАТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ИСТОЧНИКИ¹

Наталья Владимировна Карева

Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Евгений Григорьевич Пивоваров

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается первая напечатанная в России грамматика немецкого языка «Die Teutsche Grammatica...» М. Шванвица, вышедшая в 1730 г. в Санкт-Петербурге. Она была двуязычной: русская и немецкая части были даны параллельно, при этом русский текст отражал пестроту и вариативность нового «гражданского» литературного языка первой трети XVIII в. В статье подробно охарактеризованы лингвистическая терминология учебника, редакторские правки и корпус использованных примеров (прежде

всего антропонимов). На основе сопоставительного анализа структуры, содержания и иллюстративного материала грамматики Шванвица и изданной в Берлине в 1713 г. «Die deutsche Grammatica...» Шарминта сделан вывод о том, что грамматика Шарминта была не единственным источником академического учебника. Результаты исследования показывают, что в тех случаях, когда Шванвиц заимствовал материал из немецкого издания, он критически переосмыслил и перерабатывал его. Эти данные опровергают бытующее в научной литературе утверждение о том, что работа Шванвица по большей части вторична по отношению к «Die deutsche Grammatica...» Шарминта.

Ключевые слова: грамматика немецкого языка, Академия наук, М. Шванвиц, Шарминт, XVIII век, хронология, лингвистические источники, лингвистическая терминология.

Цитирование. Карева Н. В., Пивоваров Е. Г. Первая в России грамматика немецкого языка: история создания и источники // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 18–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.2>

«Российской юности в пользу издана»: грамматика и ее автор

Первой напечатанной в России грамматикой немецкого языка была «Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. Немецкая грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и российской юности в пользу издана отъ учителя немецкаго языка при Санктъ Петербургской гимназиі», вышедшая первым изданием в 1730 г. в Санкт-Петербурге. Биография ее автора, Мартина Шванвица (?–1740) достаточно хорошо исследована [Блок, 1940а, с. 208–209; Дамен; Копелевич, 1977, с. 100, 151; Московкин, 2009; Хотеев, 2008, с. 72–73; Keipert, 1983, S. 81–82; Schröder, 1995, S. 141–143], хотя для читающей публики он известен, прежде всего, как основатель дворянского рода, исторические анекдоты о представителях которого собирал А.С. Пушкин, изучая историю Пугачевского бунта [Блок, 1940а; 1940б; Овчинников, 1991]. Нас же интересуют те факты его богатой судьбы жизни, которые помогают понять, как происходило становление Шванвица – языковеда и переводчика.

Он родился в Торуні (нем. Thorn), городе, принадлежавшем тогда Королевству Польскому, но заселенному по преимуществу немцами-протестантами. Достаточно легко определить, в каком языковом окружении прошли его детские и юношеские годы. Известно замечание вестфальца Герхарда Фридриха Миллера: рассуждая о недостаточной образованности Шванвица, он называл его «пруссакон»².

В родном городе он учился в средней школе. Сейчас трудно определить, на каком языке велось преподавание, однако сохранилось свидетельство (стихотворение, сочиненное для отца) того, что к концу своего пребывания в ней он достаточно хорошо разговаривал и писал по-польски. Позднее, в 1720 г., то есть всего через два года после переезда в Россию, он уже работал переводчиком, и, как отмечают, владел немецким, латинским и русским. Вероятно, знание польского помогло ему быстро освоить язык новой родины. Он овладел им настолько хорошо, что уже в 1725 г. был нанят в качестве «информатора немецкого языка» в гимназию недавно образованной Академии наук (МАН, 1885, с. 142, 145), а в начале 1728 г. на него была возложена обязанность переводить на русский газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и «Примечания к Ведомостям».

В «покорнейшей промемории» в «Императорского Величества Академию наук» от 18 января 1734 г. он так перечислял свои обязанности: «die ehre gehabt, der kayserlichen academie der wissenschaften von dem 1-sten september des verflossenen 1725-sten jahres bis d. 22-sten januarii 1728 als informator in der teutschen sprache, bis an d. 13-ten february 1732 aber als corrector zu dienen; in welchen beyden officiis ich... nicht nur die advisen und remarqven ins russische übersetzt, sondern auch die, zur unterweisung der russischen jugend in der teutschen sprache gehörige grammatic durch den druck ediret, und über das, eine andere grammatic, durch hülfe welcher die teutschen die russische sprache erlernen können, bis ad verba verfertiget, und dabey an dem, durch den druck ausgegebenen lexicon die helfte ausgearbeitet...»

(МАН, 1886, с. 435–436). – Я имел честь служить в Императорской Академии наук с 1 сентября прошедшего 1725-го года до 22 января 1728-го в качестве информатора немецкого языка, а до 13 февраля 1732-го года в качестве корректора; в обеих этих службах я... не только переводил на русский язык ведомости и примечания, но и к наставлению русского юношества немецкому языку принадлежащую грамматику в печати издал, и другую грамматику, посредством которой немцы могут выучить русский язык, до глагола привел, а кроме того, половину печатью выпущенного лексикона переработал (перевод наш. – Н. К., Е. П.). Названная им первой, а, следовательно, и наиболее важная среди его филологических работ «Die Teutsche Grammatica» стала основным учебником, использовавшимся во всех классах академической гимназии. Она была двуязычной: русский и немецкий тексты шли параллельно.

**«Впечатление курьеза»:
лингвистическая терминология
русской части учебника**

Кириллический текст первого издания «Немецкой грамматики» отражал пестроту нового «гражданского» литературного языка, формировавшегося в России в первой трети XVIII в. Орфография русской части учебника Шванвица исследовалась В.М. Живовым, который отмечал «безразборное» употребление в ней старых и новых флексий прилагательных, непоследовательное употребление окончаний Дат. п. мн. числа существительных, вариативность форм инфинитива и отсутствие унификации по ряду других морфологических признаков [Живов, 1996, с. 168; 2004, с. 215, 371; 2017, т. 2, с. 996, 1000, 1008].

Лингвистическая терминология русской части работы также привлекала внимание ученых. На первый взгляд она производит «впечатление курьеза» [Клубков, 2011, с. 76]. Для номинации частей речи и грамматических категорий Шванвиц использовал транслитерированные латинские наименования, к которым в квадратных скобках дал русские переводы. См., например, начало главы «О прономинѣ [мѣстоименіи]»:

«Прономина суть 1. Персоналія [персональные:] 2. Поссесива [притяжательные:] 3. Релатива [ссылающиеся напреднюю вещь или персону:] 4. Демонстратива [указательные:] 5. Интеррогатива [вопросительные:] 6. Индефинита [неопределенные]» (Шванвиц, 1730, с. 189).

Принцип этот, однако, непоследовательно соблюден в «Немецкой грамматике». Иногда перевод отсутствует [Baumann, 1973, S. 650; Keipert, 1984, S. 127; 137–139]: например, только латинизированными терминами обозначены лексико-семантические разряды числительных (*кардинальные, ординальные, пропорциональные, коллективы, дистрибутивы*) и местоимений (*прономень релативумъ и реципрокумъ*). В других случаях, наоборот, автор предпочитает русские наименования: так, в пятой главе третьей части «О снѣгаѣ» используется преимущественно термин *причастіе*, а его аналог *партиципійумъ* опускается [Keipert, 1984, S. 127].

За обилие латинизмов «Немецкую грамматику» критиковали: см., например, замечание С.К. Булича о «незнакомстве» Шванвица «с русской школьной грамматической терминологией» [Булич, 2018, с. 321; см. также Baumann, 1973, S. 650]. Однако, по всей видимости, эта особенность учебника была обусловлена практикой преподавания иностранных языков в академической гимназии. Обучение в ней начиналось с уроков немецкого, а использование латинизированных наименований должно было подготовить студентов к последующим занятиям другими языками [Хотеев, 2008, с. 69–70; Keipert, 1984, S. 125; Keipert, 2009, S. 394].

Возможно, Шванвиц также ориентировался на учебные традиции Германии, где в XVI–XVII вв. в преподавании родного языка использовалась латинская терминология, а немецкие наименования вводились в пояснениях [Дюбо, 2001, с. 52–64]. Так или иначе, он не только в немецкой части своей книги использовал латинские термины, сопровождаемые пояснениями на немецком, но и в кириллической воссоздал терминологическое двуязычие, характерное для немецких учебников той эпохи.

Перед сдачей книги в печать осенью 1728 г. русский текст Шванвица редактировался неким московским филологом. Об этом из-

вестно из письма, направленного 8 октября 1728 г. обер-секретарем Сената Иваном Кирилловичем Кирилловым библиотекарю и секретарю Академии Иоганну Даниэлю Шумахеру:

«Здѣсь же еще приложена зачатая въ вашей типографіи грамматика нѣмецкая с російскою, въ которой нѣкоторые малые поправки въ словенскихъ рѣчахъ учинены чрезъ моего благодѣтеля, здѣшней школы учителя, знающаго латинскую, греческую и словенскую грамматику, риторику и философію» (МАН, 1885, с. 404).

Ответ Шумахера Кириллову от 28 октября свидетельствует о том, что «здѣшней школы учитель» поправил, в первую очередь, русскую терминологию учебника:

«Господину Швановицу оную поправку, которую отъ васъ получилъ, показываль... яко: въ третьей страницѣ, вмѣсто “сочиненіи словъ” – “краснорѣчіе”; такжеде на иномъ мѣстѣ, вмѣсто: “писмяни гласнаго” – “самогласное” находится, и иная, симъ подобная» (МАН, 1885, с. 405–406).

Правка была принята. В печатном варианте «Немецкой грамматики» мы находим *краснорѣчіе* как аналог термина *синтаксисъ* и *самогласные писмена* в качестве перевода *вокалесь*. Однако несколько лет спустя отброшенные редактором в 1728 г. русские термины были использованы в незаконченной рукописной «Compendium grammaticae russicae», над которой в 1731 г. работали Шванвиц, Василий Евдокимович Адодуров и другие академические сотрудники. Эта грамматика русского языка была написана по-немецки с использованием латинской и русской терминологии: с помощью сочетания *рѣчей сочиненіе* в ней переводятся лексемы *Wort=Fügung* и *Syntaxis* [Keipert, Huterer, 2002, S. 137]. Термины *гласные* и *самогласные* функционируют как синонимы и выступают в качестве аналогов немецкого *selbst lautende* и латинского *Vocales* [Keipert, Huterer, 2002, S. 137].

**«Правописание, истязаніе словъ,
краснорѣчіе, удареніе»:
грамматика Шванвица
и учебник Шарминта**

В нашей статье мы хотели бы обратиться к немецкой части работы Шванвица, в

меньшей степени привлекавшей внимание исследователей, нежели ее кириллический текст. В 2002 г. К. Кох высказала предположение, что в основу грамматики, созданной Шванвицем, легла изданная в Берлине в 1713 г. «Die deutsche Grammatica, Aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht / Und Der in Deutschland Studierenden Rußischen Nation zum besten / In einem Compendio herausgegeben von Charmyntes» [Koch, 2002, S. 326].

Связь этих двух трудов отмечалась еще в справочных изданиях XVIII в. Элиас Каспар Рейхард в «Versuch einer Historie der deutschen Sprachkunst», в разделе, посвященном Шарминту, писал о двуязычном учебнике «Die deutsche Grammatik, aus unterschiedenen Auctoribus zusammengetragen», вышедшем вторым изданием в 1734 г. в Санкт-Петербурге для нужд гимназии [Reichard, 1747, S. 491]. Видимо, речь шла о втором издании грамматики Шванвица, подготовленном Адодуровым, и Рейхарду было известно, что работа Шарминта легла в основу использовавшегося в академической гимназии пособия. Иоганн Андреас Фабрициус в «Abriss einer allgemeinen Historie der Gelehrsamkeit», ссылаясь на Якоба Пауля фон Гундлинга³, писал о вышедшем в Петербурге в 1731 г. варианте труда Шарминта [Fabricius, 1752, S. 147]. Имелось в виду, вероятно всего, подготовленное в 1730 г. первое издание грамматики Шванвица, поскольку по данным «Сводного каталога русской книги гражданской печати...», других учебников немецкого языка в 1730-е гг. в Петербурге не издавалось (СК XVIII в., т. 5, с. 8).

Тем не менее до настоящего времени не было проведено последовательное сравнение двух текстов [Djubo, 2003, S. 454; Lexicon grammaticorum..., 2009, vol. 1, p. 492]. Сохранилось три экземпляра «Die deutsche Grammatica»: два из них находятся в Санкт-Петербурге (Библиотека Академии наук, Российская национальная библиотека), один – в Ростове (Universitätsbibliothek Rostock). Пользуясь экземпляром БАН, мы сопоставили первое издание труда Шванвица и «Die deutsche Grammatica» Шарминта.

Оба учебника открываются определением грамматики и ее четырех частей: 1. *Orthographia, правописание (Orthographia,*

die Rechtschreibung); 2. *Етимологія, истязаніе словъ* (*Etymologia, die Wort = Forschung*); 3. *Синтаксисъ, краспорѣчіе* (*Syntaxis, die Wort = Fügung*); 4. *Просодія, удареніе словъ* (*Prosodia, die Thon = Sprechung*). Сопоставление даже первых фраз, с небольшими вариациями повторяющихся в ряде немецких трактатов о языке XVI и начала XVII в. [Дюбо, 2001, с. 167–173], показывает, что Шванвиц осуществлял стилистическую правку текста Шарминта: если у Шванвица грамматика – это «eine Kunst, rein zu reden und recht zu schreiben» – «художество, право глаголати и писати» (Шванвиц, 1730, с. 2–3) (в качестве перевода немецкого текста Шванвица здесь и далее приводятся соответствующие цитаты фрагменты из кириллической части учебника), то у Шарминта – «eine Wissenschaft rein zu reden / und ordentlich zu schreiben» (Charmyntes, 1713, S. 1) – «наука чисто говорить и изрядно писать» (здесь и далее перевод цитат из книги Шарминта наш. – Н. К., Е. П.). Кроме того, Шванвиц существенно расширяет первую часть грамматики, посвященную орфографии. Если у Шарминта немецкие правила чтения изложены кратко, то в грамматике Шванвица произношению немецких слов посвящены десятки страниц: рассмотрены основные правила правописания, использование строчных и прописных букв, употребление знаков препинания, отдельным списком даны немецкие слова-омофоны с русским и латинским переводом.

Вторая часть в каждом из учебников посвящена этимологии, то есть морфологии в современном понимании. Толкование систематики частей речи и свойственных им грамматических категорий являлось основой любого лингвистического описания национального языка в Европе в XVI–XVII вв. и опиралось на уже разработанную терминологию, поэтому неудивительно, что у обоих авторов эта часть – наиболее объемная. Следуя традиции эмпирических немецких грамматик XVII в., Шарминт и Шванвиц выделяют девять частей речи (*Partes Orationis*) – 1. *артикулусъ, членъ* (*Articulus*); 2. *номень, имя* (*Nomen*); 3. *прономень, мѣстоимѣніе* (*Pronomen*); 4. *вербумъ, глаголь* (*Verbum*); 5. *партиципиумъ, участіе* (*Participium*); 6. *адвербіумъ, наречіе* (*Adverbium*); 7. *препозиція, предлогъ* (*Praepositio*);

8. *конъюнкція, союзъ* (*Conjunctio*); 9. *интерѣкція, междомѣміе* (*Interjectio*). Затем Шванвиц вводит общие для всех частей речи категории: *спеціесъ, видъ* (*Species*) и *фигура, начертаніе* (*Figura*), а также свойственные только изменяемым частям речи: *аналогія, правильное* (*Analogia*), *аномалія, неправильное* (*Anomalia*) и *нумерусъ, число* (*Numerus*). В учебнике Шарминта для изменяемых частей речи вводится также категория лица (*Persona*).

Рассматривая имена, Шванвиц и Шарминт вводят такие категории: *генусъ, родъ* (*Genus*); *казусъ, падежъ* (*Casus*) и *деклинація, склоненіе* (*Declinatio*). Разделы, перечисляющие группы существительных мужского, женского и среднего родов, текстуально совпадают, однако Шванвиц добавляет примеры, содержащие отсылки к русским реалиям – например, слова *Rubel* и *Altin* как примеры существительных мужского рода в дополнение к заимствованным из немецкого учебника *Thaler* и *Ducat* (Charmyntes, 1713, S. 5; Шванвиц, 1730, с. 132).

Шванвиц выделяет пять падежей – *номинативусъ, имянителный* (*Nominatiuus*); *генетивусъ, родительный* (*Genetiius*); *датовусъ, дателный* (*Datiuus*); *аккузативусъ, винителный* (*Accusatiuus*); *вокативусъ, звателный* (*Vocatiuus*) – и делает специальное примечание относительно шестого *Аблативусъ, относительный* (*Ablatiuus*), выделяемого Шарминтом:

«In dem Lateinischen hat man noch den *Ablatiuum*, welchen auch andere in ihren Teutschen Grammaticis beybehalten, wir aber alhier ausgelassen, weil er vom *Datiuo* eben so wenig, als im Griechischen unterschieden werden kan, und man doch die Jugend mit Weitläufftigkeiten nicht beschweren wil» – «Въ Латинскомъ языкѣ имѣется еще *Аблативусъ* [:*относительный*:] которыи такожде и протчіе нѣмцы въ своихъ граматикахъ употребляютъ, но мы оной здѣсь того ради оставляемъ, понеже оны съ дативомъ такъ, какъ въ Греческомъ языкѣ ни какой разности не имѣеть, а молодыхъ людей съ пространствами утруждать нехотимъ» (Шванвиц, 1730, с. 142–143).

Различия в трактовке *Ablatiuus* у Шванвица и Шарминта связаны, очевидно, с тем, что в немецких грамматиках XVI–XVII вв. существовало два подхода к падежной клас-

сификации – семантический и формальный. Если представители первого направления – например, Вольфганг Ратке, ориентируясь на латинскую традицию, выделяли шесть падежей, то представители второго – в их числе Альберт Элингер – под влиянием идей французского грамматиста Пьера де ля Раме и его последователей [Михайлова, 2008; Breva-Caramonte, 1983, p. 72–81], отказывались от выделения формально не выраженного в немецком шестого падежа [Дюбо, 2001, с. 221–234; Jellinek, 1914, S. 190–193].

Как и Шарминт, Шванвиц выделяет *артикуль дефинитивусь, совершенный (Articulus Definitivus)* и *артикуль унитатись, несовершенный (Articulus Unitatis)*; разделяет *номень, имя (Nomen)* на *субстантивумь, существительное (Substantivum)* и *адѣктивумь, прилагательное (Adiectivum)*; подразделяет *субстантивумь* на *проприумь, собственное (Proprium)* и *аппеллативумь, общее, (Appellativum)*; *мобиле, перемѣняющееся (Mobile)* и *иммобиле, непремѣняющееся (Immobile)*; вводит три типа склонения существительных и четвертый тип – склонение прилагательных; рассматривает лексико-грамматические разряды числительных, а также существительные, которые «токмо число множественное» и «токмо число единственное имѣють» (Шванвиц, 1730, с. 185, 187). Здесь снова следует отметить текстуальные совпадения между двумя учебниками. Шванвиц, однако, заменяет примеры на другие, ориентированные на читателя – жителя России. См., например, имена членов царской семьи *Peter, Catharina* и топонимы *Sanct-Petersburg, Riga, Newa* в качестве примеров имен собственных вместо *Stephanus, Rhein, Berlin, Elbe, Kastenburg* из берлинского издания (Шванвиц, 1730, с. 184; Charmyntes, 1713, S. 32).

За разделом, посвященным разрядам местоимений и их склонению, в «Немецкой грамматике» следует раздел «Von dem Participio. О партиципии (участии)». Шванвиц описывает причастия после имен, так как им свойственны категории рода, числа и падежа, однако указывает, что «партиципия... отъ вербовъ происходятъ» (Шванвиц, 1730, с. 205). У Шарминта причастие рассмотрено как «глагольное имя» (*Nomen Verbale*), которое «ein Theil vom

Nomine, und ein Theil vom Verbo annimt» (Charmyntes, 1713, S. 60) («принимает часть от имени и часть от глагола»).

Раздел, посвященный глаголу – наиболее объемный в «Немецкой грамматике». У Шванвица и Шарминта *глаголь, вербумь (Verbum)* разделяется на *персональное, личное (Personale)* и *имперсональное, безличное (Impersonale)*, вводятся категории *персона, лице (Persona)*; *нумерусь, число (Numerus)*; *темпусь, время (Tempus)*; *конюгація, спряжение (Coniugatio)*, *генусь, залогъ (Genus)*; *модусь, наклонение (Modus)*. Вопрос о том, сколько наклонений следует выделять в немецком языке, неоднократно поднимался в немецких грамматиках XVI–XVII вв. [Дюбо, 2001, с. 266–292; Jellinek, 1914, S. 312–320]; Шарминт и Шванвиц выделяют⁴ их четыре: *индикативусь, изъявительной (Indicativus)*; *императивусь, повелительной (Imperativus)*; *конюнктивусь, сослагательной (sic!) (Coniunctivus)*; *инфинитивусь, неопределенной (Infinitivus)*, в парадигмах вводят также *супинумь (Supinum)* и *герундиумь, дѣпричастіе (Gerundium)*. Кроме того, оба автора выделяют три залога: *активумь, дѣйствительное (Activum)*; *пассивумь, страдательное (Passivum)*; *нейтрумь, среднее (Neutrum)* и предлагают трехступенчатую классификацию глагольных времен. Они выделяют *презенсь, настоящіи (Praesens)*; *претеритумь, прошедшии (Praeteritum)* и *футурумь, будущіи (Futurum)*; вводят две разновидности будущего – *футурумь примумь, первое (Futurum Primum)* и *футурумь секундумь, второе (Futurum Secundum)* – и три разновидности прошедшего времени – *имперфектумь, несовершенно прошедшее (Imperfectum)*; *перфектумь, совершенно прошедшее (Perfectum)*; *плюсквамь перфектумь, прешедшее пресовершенное (Plusquamperfectum)*, последнего также выделяется три разновидности. Далее даны парадигмы *вербовъ ауџилиарныхъ, помощительныхъ*, то есть вспомогательных глаголов (*Verba Auxiliares*); парадигмы глаголов первого, второго и третьего спряжений, а также *со ауџилиарныхъ*, то есть модальных глаголов (*Verba Nebenauxiliares*); рассмотрены *верба композита, сложенные вербы (Verba Composita)* и *верба имперсональные, безлич-*

ные (*Verba Impersonalia*). После этого в «Немецкой грамматике» в виде списка представлены неправильные глаголы – у Шарминта менее подробный список дан в конце в виде приложения к грамматике.

Следующие разделы в учебниках посвящены *адвербиямъ, наречиямъ (Adverbium)* и *препозициямъ, предлогамъ (Praepositio)*. Оба автора выделяют семнадцать семантических классов наречий, разделяют предлоги на *сепарабилные, отделяющиеся (Separabiles)* и *инсепарабилные, неотделяющиеся (Inseparabiles)*, но в целом раздел о предлоге у Шванвица содержит более подробную, чем в учебнике Шарминта, информацию. Заключают вторые части обеих грамматик разделы о *конъюнкции, союзах (Coniunctio)* и *интеръекции, междометии (Interiectio)* – тексты этих разделов различаются.

Третья часть грамматик посвящена синтаксису. Если раздел о синтаксисе артиклей из берлинского учебника практически без изменений воспроизведен в петербургском издании, то раздел о синтаксисе имени существительного переработан, в частности, заменены примеры, содержащие антропонимы: как иллюстрация сочетаний имен собственных с порядковым числительным у Шванвица даны *Peter der Erste, Carl der Zwölfte*, а у Шарминта – *Carl der Sechste, Philip der Fünffte* (Шванвиц, 1730, с. 354–355; Charmyntes, 1713, S. 71). Раздел о синтаксисе местоимений из немецкого источника воспроизведен у Шванвица с небольшими изменениями. Имеют сходство и разделы о синтаксисе глагола, однако Шванвиц заменяет примеры на другие, ориентированные на русские реалии. Так, предложение «*Königsberg liegt von Dantzig zwanzig Meilen*» (Charmyntes, 1713, S. 89) («От Кенигсберга до Данцига 20 миль») заменено на «*Moscau liegt von St. Petersburg 765 Würste*» – «Отъ Москвы до Санктъ Петербурга 765 версть» (Шванвиц, 1730, с. 384–385), а фраза «*Ich habe das Pferd um oder für fünfzig Thlr. gekauft*» (Charmyntes, 1713, S. 89) («Я купил лошадь за пятьдесят талеров») – на «*Ich habe das Pferd um oder für fünfzig Rubel gekauft*» – «Я купил сию лошадь за пятьдесят рублей» (Шванвиц, 1730, с. 384–385). Рассматривая синтаксис причастий, Шванвиц копирует порядок расположения материала у Шарминта и описывает при-

частие после глагола. Что же касается разделов, посвященных синтаксису наречий, предлогов, союзов и междометий, то в изложении Шванвица текст предшественника сокращен.

Посвященная просодии четвертая часть книги Шарминта была подвергнута существенному сокращению в «Немецкой грамматике». В частности, в ней отсутствует завершающий берлинский учебник раздел «*Von den Figuris Orthographicis*».

«Изъ разныхъ авторовъ собрана»: заключение

Со всей очевидностью, «*Die deutsche Grammatica*» была не единственным источником академического учебника, как на это и указал в названии сам автор. Нельзя согласиться с утверждением К. Кох о том, что работа Шванвица по большей части вторична по отношению к книге Шарминта и что, таким образом, берлинское издание 1713 г. следует считать проводником западной модели грамматического описания в Россию [Koch, 2002, S. 223, 326, 328]. Сопоставление двух текстов показывает, что в тех случаях, когда Шванвиц заимствовал из материала из немецкого учебника, он критически переосмыслил и перерабатывал его.

Кто же был «учитель нѣмецкаго языка при Санктъ Петербургской гимназии» и как мог «пруссак без образования», незнакомый с «школьной грамматической терминологией», написать популярный учебник, вышедший не только многократно, но и большими для того века тиражами (СК XVIII, т. 3, с. 373)? Только ли нехватка отечественных кадров заставила администрацию Академии обратиться к нему как к специалисту, способному быстро подготовить беспрецедентное в то время издание? Следует ли считать его эпигоном, лишенным какой-либо творческой самостоятельности?

Очевидно, что нет. Снобизм Миллера, сына ректора гимназии, учившегося в престижном Лейпцигском университете, общеизвестен и, в общем, понятен. К середине 1730-х гг. «высочка» и «самоучка» из семьи провинциального шорника стал ректором немецкого отделения Академической гимназии, членом авторитетного Российского собрания, автором

и переводчиком нескольких изданных книг, а будущий академик, лишившись покровительства всесильного Шумахера, вынужден был в это время «исследовать» Сибирь в составе «Второй Камчатской экспедиции». Внимательное изучение обстоятельств создания «Die Teutsche Grammatica» позволяет нам заключить, что отсутствие формального образования в случае Шванвица искупалось богатым практическим опытом, способностью много и быстро учиться и, наконец, очевидным желанием стать признанным современниками филологом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа Н.В. Каревой выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00321А «Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века (историко-литературный и лингвистический аспекты)».

The reported study of N. V. Kareva was funded by RFBR, project no. 18-012-00321A “Anthroponyms in the 18th-Century Russian Verbal Culture (Historical, Literary and Linguistic Aspects)”.

² «Man glaubte, für die deutsche sprache sey der informator Schwanewitz, ein preusse, der nicht studirt hatte, zulänglich» [МАН, 1890, с. 170] – Полагали, что для перевода с немецкого подойдет информатор Шванвиц, пруссак без образования (перевод наш. – Н. К., Е. П.).

³ Несмотря на то, что оба грамматиста говорят о четырех наклонениях, только у Шванвица сформулированы формально-семантические критерии их выделения. То же касается залогов и глагольных времен: краткие правила из труда Шарминта дополнены в учебнике Шванвица развернутыми семантическими дефинициями.

⁴ Фабрициус приводит сокращенную ссылку на книгу Гундлинга – С.Н.Л.И., S. 131. До настоящего момента нам не удалось обнаружить эту работу в списке известных трудов Гундлинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блок Г. П., 1940а. Путь в Берду (Пушкин и Шванвичи) // Звезда. № 10. С. 208–217.
- Блок Г. П., 1940б. Путь в Берду (Пушкин и Шванвичи) // Звезда. № 11. С. 139–149.
- Булич С. К., 2018. Очерк истории языкознания в России XIII–XIX вв. Изд. стер. М.: Либроком. 1104 с.
- Дамен К. Schwanwitz // Электронная база данных Германского исторического института в Москве «Изучение языков Российской империи в XVIII в.». URL: <http://quellen-perspectivia.net/ru/langlearninginruss/Schwanwitz> (дата обращения: 28.08.2019).
- Дюбо Б. А., 2001. Рационализм и эмпиризм в немецких грамматических трудах XVI–XVIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 408 с.
- Живов В. М., 1996. Язык и культура в России XVIII века. М.: Яз. рус. культуры. 591 с.
- Живов В. М., 2004. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Яз. слав. культуры. 656 с.
- Живов В. М., 2017. История языка русской письменности: в 2 т. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке. Т. 1. 816 с.; Т. 2. 480 с.
- Клубков П. А., 2011. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 162 с.
- Копелевич Ю. Х., 1977. Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука. 212 с.
- Михайлова Е. Н., 2008. Теория частей речи в трудах Пьера де ла Раме (к вопросу о маргинальных парадигмах в истории языкознания) // Альманах современной науки и образования. № 8 (15), ч. 2. С. 122–125.
- Московкин Л. В., 2009. Из истории преподавания иностранных языков в XVIII веке: Мартин Шванвиц // Проблемы современной филологии и лингводидактики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. Вып. 3. С. 172–176.
- Овчинников Р. В., 1991. Записи Пушкина о Шванвичах // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука. С. 235–245.
- Хотеев П. И., 2008. Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века. СПб.: БАН. 374 с.
- Baumann H., 1973. Adodurovs Bedeutung für Entwicklung der russischen Literatursprache // Zeitschrift für Slavistik. Vol. 18, iss. 1. S. 646–652.
- Breva-Claramonte M., 1983. Sanctius? Theory of Language. A contribution to the history of Renaissance Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 294 p.
- Djubo B., 2003. Koch K.: Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts. Berlin / New York: Walter de Gruyter 2002. XVIII, 456 S. // Zeitschrift für Slavische Philologie. Vol. 62, iss. 2. S. 451–454.
- Fabricius J. A., 1752. Abriss einer allgemeinen Historie der Gelehrsamkeit: in 3 Bdn. Leipzig: Weidmannische Buchhandlung. Bd. 1. 945 S.
- Jellinek M. H., 1914. Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von dem Anfängen bis auf Adelung. Zweiter Halbband. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung. 504 S.

- Keipert H., 1983. Die Peterburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Russland // *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch*. Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert. München : O. Sagner. S. 77–140.
- Keipert H., 1984. Die lateinisch-russische Terminologie der Petersburger «Teutschen Grammatica» von 1730 // *Wiener slavistischer Almanach*. Bd. 13. S. 121–139.
- Keipert H., 2009. Die Latinisierung der grammatischen Terminologie des Russischen // *Text – Sprache – Grammatik*. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher. München ; Berlin : O. Sagner. S. 387–400.
- Keipert H., Huterer A., 2002. *Compendium Grammaticae Russicae (1731)*. Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. Herausgegeben von H. Keipert in Verbindung mit Andrea Huterer. München : Verlag der Bayerische Akademie der Wissenschaft. 219 S.
- Koch K., 2002. *Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts*. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter. 456 S.
- Lexicon grammaticorum: a bio-bibliographical companion to the history of linguistics*, 2009. In 2 vols. / ed. by H. Stammerjohann. Tübingen : Niemeyer. 1692 p.
- Reichard E. C., 1747. *Versuch einer Historie der deutschen Sprachkunst*. Hamburg : Bey Johann Adolph Martini. 496 S.
- Schröder K., 1995. Biographisches und bibliographisches Lexicon der Fremdsprachenlehrer des deutschsprachigen Raumes, Spätmittelalter bis 1800: in 6 Bdn. Augsburg : Augsburg I & I Schriften. Bd. 4. 469 S.

ИСТОЧНИКИ

- МАН* – Материалы для истории Императорской Академии наук : в 10 т. СПб. : Тип. Имп. акад. наук. Т. 1. 1885. 732. с. ; Т. 2. 1886. 886 с. ; Т. 6. 1890. 638 с.
- СК XVIII* – Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800 : в 6 т. М. : Изд. Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина, 1962–1976. Т. 5. 300 с.
- Шванциц* – Шванциц М. Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und Der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio = Немецкая грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и российской юности въ пользу изда- на отъ учителя немецкаго языка при Санктъ

Петербургской гимназии. СПб. : Тип. Акад. наук, 1730. 13 с.

- Charmyntes* – Die deutsche Grammatica, Aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht... / Hrsg. von Charmyntes. Berlin, 1713. 120 S.

REFERENCES

- Blok G.P., 1940a. *Put v Berdu (Pushkin i Shvanvichi)* [The Way to the Berda (Pushkin and the Shvanvichy)]. *Zvezda*, no. 10, pp. 208-217.
- Blok G.P., 1940b. *Put v Berdu (Pushkin i Shvanvichi)* [The Way to the Berda (Pushkin and the Shvanvichy)]. *Zvezda*, no. 11, pp. 139-149.
- Bulich S.K., 2018. *Ocherk istorii yazykoznaniya v Rossii XIII–XIX vv.* [Essay on History of Linguistics in Russia]. Moscow, Librokom Publ. 1104p.
- Damen K. Schwanwitz. *Elektronnaya baza dannykh Germanskogo istoricheskogo instituta v Moskve «Izuchenie yazykov Rossiiskoi imperii v XVIII v.»* [Electronic Database of German Historical Institute in Moscow “Studying the Languages of the Russian Empire in the 18th Century”]. URL: <http://quellen-perspectivia.net/ru/langlearninginruss/Schwanwitz> (accessed 28 August 2019).
- Dyubo B.A., 2018. *Ratsionalizm i empirizm v nemetskikh grammaticeskikh trudakh XVI–XVIII vv.* [Rationalism and Empiricism in German Grammatical Treaties of the 16th – 18th Centuries]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 408 p.
- Zhivov V.M., 1996. *Yazyk i kultura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in 18th Century Russia]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 591 p.
- Zhivov V.M., 2004. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov* [Essays on the Historical Morphology of the Russian Language of the 17th – 18th Centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 656 p.
- Zhivov V.M., 2017. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti: in 2 t.* [The History of the Language of Russian Writing System. In 2 vols.]. Moscow, Russkiy fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. Vol. 1. 816 p.; Vol. 2. 480 p.
- Klubkov P.A., 2011. *Formirovanie peterburgskoy traditsii lingvisticheskoy rusistiki (XVIII – nachalo XIX v.)* [Forming of Petersburg Tradition of the Russian Linguistics (18th – Early 19th Centuries)]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 162 p.
- Kopelevich Yu.Kh., 1977. *Osnovanie Peterburgskoy Akademii nauk* [Foundation of Saint Petersburg

- Academy of Sciences]. Leningrad, Nauka Publ. 212 p.
- Mikhaylova E.N., 2008. Teoriya chastey rechi v trudakh Pera de la Rame (k voprosu o marginalnykh paradigmakh v istorii yazykoznaniya) [Theory of Parts of Speech in the Works of Pierre de La Rame (To the Issue of Marginal Paradigms in the History of Linguistics)]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, no. 8 (15), part 2, pp. 122-125.
- Moskovkin L.V., 2009. Iz istorii prepodavaniya inostrannykh yazykov v XVIII veke: Martin Shvanvits [From the History of Teaching Foreign Languages in Russia in the 18th Century: Martin Schwanwitz]. *Problemy sovremennoy filologii i lingvodidaktiki*, no. 3, pp. 172-176.
- Ovchinnikov R.V., 1991. Zapisi Pushkina o Shvanvichakh [Pushkin's Notes of the Shvanvichy]. *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and Materials]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 235-245.
- Khoteev P.I., 2008. *Nemetskaya kniga i russkiy chitatel v pervoy polovine XVIII veka* [German Book and Russian Reader in the First Half of the 18th Century]. Saint Petersburg, BAN Publ. 374 p.
- Baumann H., 1973. Adodurovs Bedeutung für Entwicklung der russischen Literatursprache. *Zeitschrift für Slavistik*, no. 18, S. 646-652.
- Breva-Claramonte M., 1983. *Sanctius' Theory of Language. A Contribution to the History of Renaissance Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 294 p.
- Djubo B.A., 2003. Koch, K.: Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts. Berlin, New York, Walter de Gruyter 2002. XVIII, 456 S. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, vol. 62, no. 2, S. 451-454.
- Fabricius J.A., 1752. *Abriss einer allgemeinen Historie der Gelehrsamkeit. In 3 Bdn.* Leipzig, Weidmannische Buchhandlung, Bd. 1. 945 S.
- Jellinek M.H., 1914. *Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von dem Anfängen bis auf Adellung. Zweiter Halbband.* Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung. 504 S.
- Keipert H., 1983. Die Peterburger "Teutsche Grammatica" und die Anfänge der Russistik in Russland. *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch. Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert.* München, O. Sagner, S. 77-140.
- Keipert H., 1984. Die lateinisch-russische Terminologie der Petersburger "Teutschen Grammatica" von 1730. *Wiener slavistischer Almanach*, Bd. 13, S. 121-139.
- Keipert H., 2009. Die Latinisierung der grammatischen Terminologie des Russischen. *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher.* München, Berlin, O. Sagner, S. 387-400.
- Keipert H., Huterer A., 2002. *Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. Herausgegeben von H. Keipert in Verbindung mit Andrea Huterer.* München, Verlag der Bayerische Akademie der Wissenschaft. 219 S.
- Koch K., 2002. *Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts.* Berlin, New York, Walter de Gruyter. 456 S.
- Stammerjohann H., ed., 2009. *Lexicon Grammaticorum: A Bio-Bibliographical Companion to the History of Linguistics: In 2 Vols.* Tübingen, Niemeyer. 1692 p.
- Reichard E.C., 1747. *Versuch einer Historie der deutschen Sprachkunst.* Hamburg, Bey Johann Adolph Martini. 496 S.
- Schröder K., 1995. *Biographisches und bibliographisches Lexicon der Fremdsprachenlehrer des deutschsprachigen Raumes, Spätmittelalter bis 1800: in 6 Bdn.* Augsburg, Augsburg I & I Schriften, Bd. 4. 469 S.

SOURCES

- Materialy dlya istorii Imperatorskoy Akademii nauk: v 10 t.* [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences. In 10 Vols.]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, vol. 1, 1885. 732 p.; Vol. 2, 1886. 886 p.; Vol. 6, 1890. 638 p.
- Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoj pečati XVIII veka. 1725–1800: v 6 t.* [Union Catalogue of Russian Books of Civil Print of the 18th Century. 1725–1800. In 6 Vols.]. Moscow, Izd-vo gosudarstvennoy biblioteki SSSR imeni V.I. Lenina, 1962–1976, vol. 5. 300 p.
- Schwanwitz M. Die *Teutsche Grammatica*. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und Der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. *Nemetskaya grammatika iz raznykh avtorov sobrana i rossiiskoy yunosti v polzu izdana ot uchitelya nemetskago yazyka pri Sankt Peterburgskoy gimnazii* [German Grammar Compiled from Works of Different Authors and Published for the Benefit of the Russian Youth by a Teacher of German in Saint Petersburg Gymnasium]. Saint Petersburg, Tipografiya Akademii nauk, 1730. 13 p.
- Charmyntes, Hrsg. *Die deutsche Grammatica, Aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht...* Berlin, 1713. 120 S.

Information about the Authors

Nataliya V. Kareva, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Tuchkov Lane, 9, 199053 Saint Petersburg, Russia, natasha.titova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6861-6512>

Evgeniy G. Pivovarov, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Natural Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb., 5, 199034 Saint Petersburg, Russia, pivovaro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8701-9684>

Информация об авторах

Наталия Владимировна Карева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, пер. Тучков, 9, 199053 г. Санкт-Петербург, Россия, natasha.titova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6861-6512>

Евгений Григорьевич Пивоваров, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Университетская наб., 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, pivovaro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8701-9684>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.3>

UDC 811.163.1'25
LBC 81.416.1-8

Submitted: 24.06.2019
Accepted: 04.11.2019

TO BELIEVE IN THE OLD CHURCH SLAVONIC GOSPEL TRANSLATION (CODEX MARIANUS)¹

Thomas Daiber

The Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany

Abstract. Drawing on theoretical definition of a speech act, the paper seeks to compare the theoretical semantics of BELIEVE with the lexical semantics of the words used in the Old Slavonic Gospel translation for expressing different modes of believing. The general principles in the use of the verb *вѣровати* and related paraphrasing utterances in comparison to Greek according to the majority of instances have been considered. The historical use of lexical material shows that the development of different ways of morphosyntactic use reflects the development of communication practices which are an index of societal behaviour. The author states it that the comparison of the speech act BELIEVE with contested lexical semantics provided the conclusion that a verb **věriti* cannot be reconstructed for Proto-Slavic, but at the period under analysis the concept BELIEVE was verbalized by *вѣровати* with the primary personal meaning of “believe in someone” (the dative of a person is needed in constructions like “I have faith in Him”). It is supposed that the necessity to introduce the verb **věriti* appeared when people started to extend the personal meaning of BELIEVE upto “an impersonal believed object” (*semantic bleaching*), and if they did it the verb **věriti* might had been analogically produced as derivation of the primary noun. The author concludes that the translation technique of the first Slavonic Bible is more *ad sensum* than *ad verbum* and sometimes even reveals theological considerations of the translator.

The speech act BELIEVE seems to display semantic bleaching as it loses its transcendent truth conditions and becomes more and more connected with impersonal believed objects.

Key words: speech act, morphosyntactic, semantic bleaching, translation technique, Old Church Slavonic.

Citation. Daiber Th. *To Believe in the Old Church Slavonic Gospel Translation (Codex Marianus)*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 29-40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.3>

УДК 811.163.1'25
ББК 81.416.1-8

Дата поступления статьи: 24.06.2019
Дата принятия статьи: 04.11.2019

ПОНЯТИЕ «ВЕРИТЬ» В ПЕРЕВОДЕ ЕВАНГЕЛИЯ НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК (МАРИИНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ)¹

Томас Дайбер

Гиссенский университет им. Юстуса Либиха, г. Гиссен, Германия

Аннотация. В статье представлены результаты сравнения содержания понятия «Верить» с семантикой слов, которые использовались в переводах Евангелия на церковнославянский язык для передачи разных признаков и характеристик веры. Проанализированы общие аспекты использования глагольной словоформы *вѣровати* и близкие по смыслу перифрастические высказывания в сравнении с текстом на греческом. Лексический анализ исторических источников позволил предположить, что формирование разных способов морфосинтаксического выражения указанного понятия проходило под воздействием потребностей дискурсивной практики, для обозначения этой специфики автором введен термин «индекс социального поведения». Уточнение приемов передачи речевого акта «Верить» с помощью контекстуальной семантики слов привело к заключению о том, что глагол **verity* не может быть реконструирован как элемент протославянского, однако текстовый материал показывает, что понятие «Верить» постепенно получало выражение в формах глагола *вѣровати* с первичным значением “верить в кого-то” (Дат. п. для лица в синтаксической конст-

рукции «Я верую в Него»). Сделан вывод о том, что потребность во введении форм глагола от **verity* появилась, когда люди осознали необходимость трансформации личностного мнения на обезличенный объект (*semantic bleaching*), что привело к появлению аналогового деривата от именной основы. В заключении утверждается, что техники перевода текста Евангелия на церковнославянский опираются в большей степени на принцип *ad sensum* (приблизительно), чем на принцип *ad verbum* (точно).

Ключевые слова: речевой акт, морфосинтаксические особенности, размывание смысла, техника перевода, церковнославянский язык.

Цитирование. Дайбер Т. Понятие «Верить» в переводе Евангелия на церковнославянский язык (Маринское Евангелие) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 29–40. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.3>

1. Semantic properties: credibility and probability

The semantic core of the verb “to believe” can be analysed by considering its use in specialized communication like theological literature or, quite differently, in documents of everyday speech. According to the material chosen, the results of the analysis will be different at first. While in theological literature the meaning of “to believe” or “to have belief” ultimately is connected with God’s mercy to allow appropriate notions of Him and, accordingly, the speech act is connected with transcendent truth conditions, on the contrary in everyday speech “to believe” is related to epistemically more trivial phenomena (“I believe, she forgot the key”) and is rather used as introduction to a declarative speech act, which adds a modal shade to the statement. “To believe” in everyday speech means that a speaker has a reason to evaluate a certain situation or event to happen most probably related to either existence (in the above mentioned example: “I believe, we will have no key”) or credibility (“I believe, she is lying in saying that she’s got the key”) or behaviour (“I believe, she is unobservant [as always]”).

We will call the object, which is evaluated by the speech act BELIEVE the “believed object”. In the above mentioned example, the believed object, first of all, is “she”, her possible temporal (“lying”) or general (“unobservant”) inherent attributes and secondly, also the future situation (“no key”) resulting from the believed general or temporal behaviour of “her”. The slight difference between the evaluation of inherent attributes of a person and the evaluation of situations as a result of a person’s behaviour is key to understanding the variable use of “to believe”. BELIEVE in a personal meaning evaluates the trustworthiness of an actor, while

BELIEVE in an impersonal meaning evaluates the probability of the occurrence of an event resp. of a situation as the outcome of someone’s actions, and so, finally, in impersonal use BELIEVE evaluates the probability of phenomena that is completely unrelated to any actor’s intention (“I believe it will rain”). The speech act BELIEVE seems to display semantic bleaching as it loses its transcendent truth conditions and becomes more and more connected with impersonal believed objects. The proposition “to believe in God” cannot fully be paraphrased, even not by the proposition “to trust in God”, because the latter implies the existence of God and so is based on “believe” in His existence. The analogical transfer of BELIEVE from a believed transcendent to a human actor already loses the implicit confession of the actor’s existence and becomes synonymous with “to trust”, and the further analogical expansion to all kind of phenomena unrelated to their possible intentional production makes BELIEVE equivalent to a modal verb like “to assure”. The semantic bleaching of BELIEVE seems to be a “property-type shift” [Borschev et al., 2010, p. 19] from a declarative speech act to a modal verb, but the loss of specific aspects from a conceptual point of view (like transcendent truth conditions) is probably compensated by semantic increase from a pragmatic point of view. There is a difference in saying “I assure she forgot the key” or “I believe she forgot the key”. On a logical scale both propositions declare high probability of an expected event, but on a pragmatic scale the propositions may differ according to the degree the speaker draws on more or less personal information and additionally connotes a personal stance towards the event. The difference between conceptual and pragmatic semantics is not considered here. The introductory overview just illustrates the intuitive assumption, that BELIEVE

originated as a declarative speech act which implies the notion of the existence of a transcendental actor and his inherent attributes, developing to a speech act² which evaluates the inherent attributes of all kind of actors until it expanded in evaluating the validity of all kind of perceptions.

The “property-type shift” that turns the declarative BELIEVE to modal BELIEVE, is crossing the difference between personal and impersonal use. In evaluating the inherent attributes related to the behaviour of a believed object, the personal use of BELIEVE coincide in theological considerations and in everyday speech, because both, theological and everyday speech utterances evaluate the credibility and behaviour of a personal believed object. Such evaluation relies on the assumption, that the believed object is principally able to vary its behaviour, which for the sake of shortness shall be called “(free) will”³. The change in the behaviour of the believed object may not be unrelated to a general rule, and this general rule may be known to the speaker, too, but “to believe” instead of “to know” gives an assertion the modal shading of “high probability” and adds to the epistemic knowledge about a believed object the knowledge that the believed object may change its behaviour within a spectre of some behavioural possibilities. In other words: To believe in the credibility of a believed object evaluates primarily its behaviour which typically is needed if the believed object is an instance of the class “transcendent, human or (to not be offending to any pet holders) animal⁴ actor”. In the case of believing in a transcendental actor (according to the personal concept in Christian theology) like God, theological considerations and everyday speech only differ among themselves as to which extent the existence and the behaviour of the believed object is evaluated on a modal scale towards the pole “necessity”. BELIEVE in a theological sense evaluates the believed object as necessarily existing and necessarily, according to either self-revealed or logically attributed properties, exhibiting a certain behaviour (Malachi 3:6, Jak 1:17, Rm 9:11), while in everyday speech “believing in God” can be used more or less as an assertion of His possible behavioural characteristics. Because inherent properties of an actor are not visible, the believe in the possible behaviour of an actor is based on the perception of his / her usual

behaviour, and so, the shift from personal to impersonal use of BELIEVE, that is the shift from a declarative (“I believe in God”, “I believe she loves me”) to a modal verb (“I believe it will rain”), is just substituting the concept of intentional or usual behaviour as the causal reason for some event by assuming causality as the trigger for some event. Looking for a definition of BELIEVE which combines both personal and impersonal use would summarily draw together the semantics of BELIEVE as an expression of a mental state:

(1) BELIEVE (pers / impers) = asserting truth to perceptions of a believed object and their behavioural / factual consequences with a degree of high probability.

The speech act BELIEVE either is related to a person and evaluates the other’s probable behaviour, or BELIEVE is related to all kind of phenomena and evaluates the probable accuracy of the perceiver’s conclusions which makes a difference in the truth conditions⁵. A failed BELIEVE in personal use can be caused by deception, but in impersonal use must be caused by delusion:

(2a) personal meaning: evaluating the inherent possible behaviour of another intentionally deciding actor

(2b) modal meaning: evaluating the accuracy of inherent perceptions of the perceiver

2. Morphosyntactic properties: accusative and dative objects

The universal semantic elements of BELIEVE (see sentence 1) always seem to occur in the act of believing, be it in personal (2a) or impersonal (2b) use. But how is the act verbalized and how do case roles, typically attached to the verb “believe”, add to the explanation of BELIEVE as a speech act?

When a speaker is asked, why he or she believes in something, be it a personal or impersonal believed object, the answer will typically point to one or more perceptions, the speaker has made, which appear to be a sufficient base to conclude that a certain phenomenon is or will be existent or a certain event is or will be occurring. The act of believing as “asserting truth to perceptions” obviously can only be based on

perceptions made in the past or in the present. Apart from generic utterances (“I will always believe in you”, so often heard in popular lyrics) in a more factual sense, the future tense can only be used in hypothetical constructions, which set the believed object in relation to possible perceptions in the future like “if there will be dark clouds in the sky, than I will be ready to believe that it will rain”. Believing is not producing the believed object, it is not a causative verb (it would be another story if “to love”, which probably includes “to believe”, is more causative oriented). Accusative arguments in believe-constructions seem to appear dominantly as an anaphoric or cataphoric pro-form like in the phrase “He believed that” which is referring a statement (“He was told, that it rains. He believed that”). There may be instances where the function of pro-forms is taken over by nouns which on their part designate separate statements (“She believed the word/ the saying”) and there seem to be language specific restrictions on how many pro-forms can appear in believe-constructions. German tolerates the dative of the person and at the same time a noun in accusative case as pro-form for a separate statement (“Ihr Mann glaubt ihr [Dat] ihre Unschuld [Akk]”⁶) but I could not find any Russian example displaying a dative and an accusative object together with “to believe”. While the NKRYa does not contain any example for верить and an immediately following noun in the accusative case, a Google search found only Он не верил этого от себя⁷, a somehow unique utterance which could well be a Germanism “er glaubte das nicht von sich”. Additionally, the considerations of Metropolitan Platon (Levšin 1737-1812) about “to believe + accusative” can be quoted, however, it is not free from the influence of a foreign language. Metropolitan Platon in his 8th Katechesis⁸ discusses that the Russian language displays three possibilities to connect the verb “believe” with an object (верую в Бога, верую Богу, верую Бога) but the third construction would only be used in asserting the existence of God in sentences like верую Бога быть, which clearly is a calque from the Latin *accusativus cum infinitivo (credo Deum esse)*.

It is not trivial to ask which case roles can be constructed with “to believe”. The dative case, which marks the believed object in sentences like “Она никогда не лжет, я ей и так верю, а

это вот вы все хотите, чтобы я ей не верила” (Николай Семенович Лесков), seems evident because, as it has been stated above, the concept of believing evaluates the possible behaviour of living beings rather than lifeless phenomena. To say “I believe in the clouds, that, if they become darker, it will rain” surely is a metaphor, turning clouds in some intentional acting beings. The sentence “I believe, it will rain (based on my perception of dark clouds)” does not evaluate the behaviour of physical objects which cannot behave outside physical laws; the only thing which can be evaluated on a scale between possibility and necessity is the point in time, when the believed event actually will occur. “I believe it will rain” evaluates the validity of the perceiver’s conclusion that the necessary chain of reaction will happen in short time. In a strict sense, the “believed object” in the modal use of “to believe” is not the phenomenon, which is evaluated, any more, but the speaker himself. “I believe, it will rain”, is not belief in rain, but belief in the validity of my perception, and “I believe” can be replaced with “If I am not mistaken ...”.

Using “to believe” in everyday speech related to physical phenomena means to use the verb “believe” as a modal verb. The sentence “I believe it will (soon) be raining” can be replaced by “I assume, that it will (soon) be raining” and “it should soon be raining”⁹. But the sentence “I believe, God is Love” does not mean “God should be love”, and the sentence “I believe in you” does not say “You should be”. “To believe”, if not used as a modal in everyday speech, can hardly be replaced by other expressions, at least not in its use related to religious practices. Pie. etymology has tried to connect some ie. stems for “to believe” with the lexical meaning of “heart” as if “to believe” were the metaphorical expression “to place heart in someone” in the sense “to place trust in someone”. Etymologically, the connection of verbs of believing to the lexeme “heart” is not very clear [Mallory, Adams, 1991, p. 61], and at least the Slavic lexemes do not go back to a stem with the meaning “heart”. According to etymological dictionaries (SYaSS, 1958, 1, p. 378; Vasmer, 1986, 1, p. 292) OCS *věriti* is said to be a denominal derivation from *věra* (Vasmer, 1986, p. 299), which itself is compared to ie. nouns with the meaning “treaty” or “vow”, which are

ultimately connected with a verb stem “offer kindness” (“Freundlichkeit erweisen”, Pokorny, 1959, 3, col. 1165; reconstruction with laryngals in Derksen, 2008, p. 520). A possible verbal cognate, an antonym, namely Russian *vrju* “to lie” (< **vrati*; cf. Pokorny, 1959, 3, col. 1162, quoting the first edition of Vasmer), should be regarded as a special Russian development which cannot be associated directly with a pie. stem (Trubačev in Vasmer, 1986, 1, p. 361). However, in several Slavic languages *věriti* “believe” takes on the meaning “to curse” or “to vow” [Tolstaya, 2015], which makes a proto-Slavic *verbum dicendi* with the meaning “assert truth to a perception” not fully unimaginable. And it is tempting to compare OCS *věra* “belief” = “the result of having asserted truth to perceptions” to the perfect stem pie. **ueid-* “to see” [Fortson, 2004, p. 94] and its perfect “having seen” = “to know” (cf. OCS *věděti* with primary present tense *věmь, věsi, věstь*). But while we have to leave etymological considerations to specialists, it is quite remarkable that according to present research Proto-Slavic **věriti* did not exist and only the noun **věra* can be found.

It is somehow counterintuitive to the general assumption and also to archaeological findings, that, while religious practices seem to always have been part of human life, Proto-Slavic did not have a verb for the existential state of mind which goes along with them. On the other hand, the contested old noun **věra* is compatible with dative constructions¹⁰ as they are also found with the (later) verbs *věriti* / *věrovati*. The syntactical scheme can be constructed as

(3) case roles generally: A subject in nominative case has something in accusative case for a beneficent in dative case instantiation BELIEVE specifically: I have / *имѣ* belief / *вѣрѣ* in you / *тебѣ* (and your possible behaviour).

3. Tense: personal and modal

If the considerations summed up from (1) to (3) are true, it can be intuitively concluded that the personal meaning has evolved prior in comparison to the impersonal / modal meaning. It seems much easier to explain the development of the modal meaning as a derivation from the personal meaning than *vice versa*. The semantic

change from personal to modal meaning as caused by introducing new objects into an existing syntactic structure is well known from other constructions. The invariantly preferred dative case role in constructions with “to believe” also seems to support the primacy of the personal meaning¹¹. But again, it is puzzling to not have a verbal trace of **věriti* in Proto-Slavic.

While BELIEF (in personal or modal meaning) is an evaluation of a phenomenon, it is rather the result of evaluation than the act of evaluating itself. BELIEVE is not an inchoative or incrementing action, but the result of “having asserted truth to perceptions”. This does, of course, not affect the notion, that someone in the course of times may repeatedly and with different degrees of probability assert “truth to perceptions”, which may be expressed in theological literature as becoming “firm or weak in faith”. BELIEVE is always the result of asserting truth to perceptions, or, in other words, “to believe” is the result of an action. Already Vendler’s classification [1957, p. 150] puts “believe” as a typical instance into the class of “stative verbs”, which includes cumulateness [Rothstein, 2008, p. 14]. This means that the intensity of believing may change according to the modal continuum between slight possibility and strict necessity, by which the perceptions are evaluated, but the state of mind “belief” does not entail different actions, the state of mind always results from evaluation of inherent, not objectively demonstrable phenomena.

Because the concept of believing is the static result of having asserted truth to perceptions it is not unexpected that “resultativity” is most prominently connected with the use of the verbs *věriti* / *věrovati* in OCS. The Gospel translation, as extend in Codex Marianus (CM; ed. Jagič 1883 = 1960, digital version Lindstedt 1986), exclusively - this is apart from periphrastic constructions like “have faith” - exhibits the use of *věrovati*, while *věriti* seldom occurs in OCS literature, at all (SYaSS 1, p. 378). Only the imperfective form *věrovati* is frequent in OCS; its suffix *-va-* points to the meaning of iteration or repetition, which is consistent with the expected semantic behaviour of “cumulateness” (see above). Other properties of OCS *věrovati* in comparison with the Greek source additionally show that the verb “to believe” in OCS was carefully used in respect to its resultative, stative aktionsart.

4. Results

It is not the goal of this paper to analyse all translational decisions in OCS related to BELIEVE, but to outline the general principles in the use of *вѣровати* and related paraphrasing utterances in comparison to Greek according to the majority of instances.

πιστεύειν - вѣровати

In CM *věrovati* occurs 83 time, 66 tokens thereof are found in the Gospel of John. In all instances OCS *věrovati* are translated forms from the paradigm of Greek πιστεύειν with one exception of John 3:36, where in the Greek Gospel ἀπειθῶν (3rd person singular active present participle from ‘to [not] obey’) is read, but CM has 3rd person plural indicative present tense вѣроуоутъ. In the light of the otherwise very close translation technique of CM, this aberrant wording may be an error or a trace of some exclusive (although eventually unknown) reading variant in the Greek manuscripts¹².

The remaining 82 instances where Greek πιστεύειν is translated by OCS вѣровати can be divided into finite (52) and infinite (4) verb forms and participles (26).

Amongst the finite verb forms, 49 Greek verb forms in indicative and 3 Greek verb forms in subjunctive had to be translated.

In indicative mood, a Greek aorist occurred 17 times and was translated by OCS aorist forms (вѣрова, вѣровасте, вѣроваша). 1 time (John 3:12) a future tense (πιστεύετε - 2nd plural indicative active) was rendered by present tense (вѣроуоуте), the other 19 present tense forms in CM (вѣроуи, вѣроуеши, вѣроуемъ, вѣроуоуте (John 3:12, 6:36, 10:25, 10:26, 16:31) and вѣроуите (Mark 11:24, two times John 14:1) and вѣроуета (Dual, Matt 9:21), вѣроуиѣтъ and вѣроуоутъ¹³) correspond to Greek present tense. 5 perfect tense forms in Greek were translated twice by imperfect tense (вѣровахъ, вѣровахомъ) and 3 times by aorist forms (вѣрова, вѣровасте). A Greek imperfect of πιστεύειν occurs 3 times (always 3rd person plural) and each time it was translated by OCS imperfect вѣроваахъ / вѣровахъ. 4 imperatives in Greek, one of them an imperative aorist (Luke 8:50), are all translated by OCS imperatives (вѣроуи, вѣроуите).

In subjunctive mood, πιστεύητε (2nd plural present tense) was once translated by a *da-*

construction (John 6: 29 да вѣроуоуте), two other instances, both subjunctive aorist, were translated by present tense indicative mood. As none of the Greek subjunctive constructions involves an expression of unreality, rendering Greek subjunctive mood by OCS present tense is the expected behaviour [Daiber, 2012ab].

Four Greek infinitives of πιστεύειν, 2 present tense, 2 aorist tense, were uniformly translated with вѣровати.

Concerning the participles, all 22 present tense participles in CM conform with their Greek counterparts. 1 Greek perfect participle (John 8:31, πρὸς τοὺς πεπιστευκότας) was translated by OCS preterite participle (къ вѣровавъшиимъ) as was 1 of the 3 Greek aoristic participles (John 20:29, πιστεύσαντες - вѣровавъшеи), while the other two were translated by OCS present tense participles (Mark 16:17, John 7:39).

Summarizing the translational equivalents from the pair πιστεύειν - вѣровати, I should state, that the OCS translator is trying to keep very closely to the Greek morphosyntax. Only where no OCS equivalents existed (in the case of Greek aorist participles, aorist infinitives), the translator had to make a choice. In the case of perfect tense translation, it is obvious that the translator had chosen OCS imperfect as equivalent tense when the action of believing is conceptualized as a durative state of mind like in John 6:67-69, when apostle Peter expresses that the disciples already long ago had come to faith and now are believers:

Рече же Исусъ обѣма на десѣте: “еда и вы хоштете ити?” отъ вѣшта емоу симонъ петръ: “Господи ... мы вѣровахомъ и познахомъ, ꙗко ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго”¹⁴.

When the context refers to a concrete historic event, either by negation (‘you did not believe at that time’) or by causal connection to other events (‘then, as you saw me, you believed’), the aorist is used like in John 16:27, where Jesus refers to the fact that the disciples are believers:

самъ бо отецъ любить вы, ꙗко вы мене възлюбисте і вѣровасте ꙗко азъ отъ Бога изидь.

The OCS translator had to decide whether in a given context the resultative aktionsart of perfect tense or the preterite finished action is focused by the meaning of the utterance.

According to the criterion, he either chose imperfect as equivalent for the durative resultativity of gr. perfect tense or aorist as equivalent for the perfectivity of finished actions in preterite.

The decisions by the translator are the more remarkable, as they show that the translator is not mechanically acting; he would have been able, after all, to produce an OCS perfect tense and very schematically translate the Greek text in morphosyntactic identity. But the rise of the Slavic periphrastic perfect is connected with the decline of the synthetic preterite; the Slavic periphrastic perfect, the more it came in use, the more it differed semantically from the old analytical perfect (like ‘to sit’ = ‘having sat down’ [Aitzetmüller, 1991, S. 194 and conseq.] because its use is crucially connected with the development of the Slavic verbal aspect (see [Kerschbaumer, 1993]. This cannot be discussed here, but it is just to be observed, that the OCS translator not only resigns from translating the Greek original in morphosyntactic identity, but also shows that his distribution of imperfect and aorist tenses is context sensitively done (Table 1).

πιστεύειν - вѣрѣти - вѣрѣти имѣти

The OCS translator did not choose a finite form of *věrovati* every time πιστεύειν occurred

in the Gospel. In many places, the finite forms of Greek πιστεύειν were translated by periphrastic constructions. Apart from the optative *da*-construction, the synthetic constructions vary between вѣрѣти “to take up faith, to come to faith”, вѣрѣти имати “taking faith” and вѣрѣти имѣти “to have faith”. The English equivalents are just a sketchy approximation to understand translations like (Table 2).

In 5 cases the Greek Gospel uses εχει πιστιν “to have faith” (Mt 17:20, 21:21, Mark 11:22, Luke 4:44¹⁶ and 17:6), 4 times they are translated into OCS by using *iměti* (*věro*), one time by using *jetī* (*věro*). These instances will add to our interpretation, but phrases of the kind “to be faithful” (e.g. Luke 17:11, John 20:27) are left out of consideration because they don’t belong to a verbal concept of “to come to resp. to have (faith)”.

There are the 55 variants, where a Greek form of πιστεύειν was translated not by a synthetic form of *věrovati*, but by a periphrastic construction:

- 1 Greek infinitive aorist was translated by *věrojetī*
- 4 times a Greek imperfect tense was translated either by *věro iměti* (2 instances) or *věro jetī*

Table 1

Comparison of morphosyntactic ways to express the concept «BELIEVE»

John’s gospel	Greek perfect	OCS imperfect = resultative state of affair	OCS aorist = perfectivity of action
John 6:69	πεπιστεύκαμεν - 1 Plural Indicative Perfect	вѣровахомъ	
John 11:27	πεπίστευκα - 1 Singular Indicative Perfect	вѣровахъ	
John 3:18	μὴ πεπίστευκεν - 3 Singular Indicative Perfect		не вѣрова
John 16:27	πεπιστεύκατε ὅτι - 2 Plural Indicative Perfect		вѣровасте ѿко
John 20:29	Ὅτι ἑώρακάς με πεπίστευκας - 2 Singular Indicative Perfect Active		ѿко видѣвъ мѧ вѣрова

Table 2

Comparison of syntactic constructions that represent the concept “BELIEVE”

John’s gospel	Greek - Byzantine Majority	CM
John 10:38	κἀν ἐμοὶ μὴ πιστεύητε (Subjunctive Present Active, 2. Plural), τοῖς ἔργοις πιστεύσατε (Imperative Aorist Active, 2. Plural), ἵνα γνῶτε καὶ πιστεύσητε (Subjunctive Aorist Active, 2 Plural) ¹⁵	аште и мьнѣ вѣры не емлете, дѣломъ моимъ вѣрѣти имѣте, да разумѣте и вѣроуоуге “if you do not (start to) take faith in me, (at least) take faith in my actions, so that you have faith”.

(1 instance, see in the following) and also by a context sensitive deviant construction (John 2:24: не въдааше себе въ вѣрѣ ихъ) which is left out in our analyse.

- 5 Greek participles were rendered by *věřo jęti* (3) or *věřo imati* (2)

- 5 times a Greek indicative future tense was translated by the construction *věřo jęti* (4) or *věřo imati* (1)

- 6 times a Greek imperative form was translated by *věřo jęti* (4) or *věřo imati* (2)

- 6 times Greek present tense forms were translated by *věřo imati* (5) or *věřo jęti* (1)

- 10 times a Greek indicative aorist tense was translated by the construction *vero jęti* (9) or *věřo imati* (1)

- 18 times Greek subjunctive forms were translated by *věřo imati* (2) or *věřo jęti* (15 or 16¹⁷)

Considering the numerical proportions, it is obvious that вѣрѣ ати / *věřo jęti* is primarily chosen as periphrastic OCS equivalent for all kind of synthetic Greek verb forms of πιστεύειν. In the majority of cases the periphrastic translation *věřo jęti* was used as equivalent to Greek subjunctive. This is expected behaviour in regard to the special aktionsart of “to believe”. As was said above, “to believe” is the result of “having asserted truth to perceptions”, which makes “to believe” a stative verb expressing the result of a forgoing perception. Dependent on context the durative resultativity of “to believe” either can be underlined by choosing a durative verb form “(was) believing” (like OCS imperfect for Greek perfect tense) or by choosing an aorist “believed” for stressing the perfectivity of the forgoing perception (like OCS aorist for Greek perfect tense). The inchoative or incremental action “perceiving and beginning to assert truth to perceptions” = “coming to faith” or “starting to believe”, could not be expressed by using OCS *věrovati*, even not with the help of syntactic marking like in other languages¹⁸. The inchoative “coming to faith” is not really believing, it is just starting to believe, and this is why the expression occurs mostly in hypothetical sentences which have subjunctive mood in Greek. So, if the inchoative meaning “taking up believe” had to be expressed, вѣровати was replaced by a periphrastic construction. Examples for inchoative meaning of the periphrastic construction are numerous and sometimes may reveal a certain exegetical view of the OCS translator like Mt 21:32:

приде бо иоанъ Крститель ꙗже праведномъ, ꙗ не ѡсте емоу вѣры [ἐπιστεύσατε 2 Plural Indicative Aorist active], мытаре же и любодѣица ѡса емоу вѣрѣ [ἐπίστευσαν 3 Plural Indicative Aorist active].

In Mt 21:31 the OCS translator, guided by his subjective interpretation of the scene, wanted to conceptualize the argument that the righteous did not come to faith even by the example of John the Forerunner. This is clearly a personal decision of the translator. Instead of stressing the inchoative meaning of the process by using *věřo jęti*, a simple aorist of вѣровати would have been possible, as well, as shows Mark 11:31:

по что оубо не вѣровасте (ἐπιστεύσατε - 2Pl Ind Aor) емоу

where (quasi synoptically) the same situation is conceptualized: people did not believe even by the example of John the Forerunner. The comparison of Mt 21:32 with Mark 11:31 shows that in a context without explicit temporal markers there is no grammatical necessity to use either a synthetic aorist or a periphrastic construction but it is rather the subjective interpretation of the translator to choose between both possibilities.

It is clear that the use of a periphrastic construction “taking up faith” has something to do with inchoative force which is not present in the verb “to believe / *věrovati*”, but the parallel Mt 21:32 and Mk 11:31 shows that it has no sense to compare all instances of OCS periphrastic constructions with their Greek counterparts, because this would only be an interpretation of the translator’s exegetical decisions, not a comparison of semantic or grammatical equivalents. Instead, we should look at somehow extraordinary instances to define the temporal meaning of the OCS periphrastic constructions.

To define the temporal meaning of *vero imati* it is sufficient to have a look at Luke 8:13 where both its durativity and imperfectivity is clearly seen:

οἱ πρὸς καιρὸν πιστεύουσιν (3 Pl IndPres) / же въ врѣмѣ вѣрѣ емлѣтъ - “for a (small amount of) time take up faith”

To define the temporal meaning of *vero imęti* it can be contrasted with *vero jęti* like John 5:46:

аште бо бисте вѣрѣ имали [ἐπιστεύετε - 2PlIndImperfAkt] мосеови, вѣрѣ бисте ѿли [ἐπιστεύετε - 2Pl Ind Imperf] и мѣнѣ - “if you would have taken faith in Moses, you would also (start to) take faith in me”

Two times Greek ἐπιστεύετε (2 Plural Indicative Imperfect active) had to be translated with a conditional construction. In using firstly *iměti* and secondly *jeṭi*, the OCS translator seems to differentiate between a temporal ground and a temporal figure. The verb *iměti* stresses the durativity of “having come to faith”, while *jeṭi* denotes inchoativity and means “beginning to believe”. The verb *iměti* in comparison to the aoristic stem *jeṭi* behaves like perfect tense “if you would have taken faith to Moses” in comparison to the actual tense, which is profiled as the figure “you would also take faith in me”. Besides this temporal distinction, it should be noted that we deal with hypothetical events. This is the reason why the first *iměti věro* could not be expressed by *věrovati*, because the latter invariably denotes a repeating perfective action “to believe”, while *vero iměti* just means the fact “having come to faith”.

Additional proof for this observation are the examples where Greek ἔχειν πίστιν “to have faith” was translated once by imperative form (Mk 11:22, имейте) and it occurs 3 times within a conditional sentence (аше имате, аше бисте имѣли, Mt 17: 20, Mt 21:21, Luke 17:6). The one instance (Mark 4:40) where *jeṭi* is used (чѣто тако страшиви есте, како не имете вѣры) it coordinates *jeṭi* with durative *byti* and again the inchoative figure is used against a durative ground: fear is the durative reason that the disciples do not even start to “take faith”.

Distinguishing the 3 periphrastic constructions from the proper verb “to believe” leads to the following scheme:

- *vero jeṭi* = inchoative aktionsart, per se imperfective = “to take up faith, start believing”
- *vero imati* = durative aktionsart, imperfective = “having faith”
- *vero iměti* = durative aktionsart, finished action, but not cumulative = “to have faith” (historic event)
- *věrovati* = durative aktionsart, finished and cumulative action = “to believe” (durative situation)

This interpretation allows for understanding the periphrastic constructions in the future tense,

where only the imperfective constructions with *imati* or *jeṭi* are used, because it would be contradictory to designate a hypothetic event (future has not yet happened) by a verb which expresses an already factual event. The same could be said about the use of *jeṭi*-constructions (and 2 times *imati*-constructions) in subjunctive mood which also designate hypothetical events. On the contrary, 2 of 3 Greek imperfect tenses are *iměti*-constructions that designate real events in preterite.

As was said above, an analysis of all instances would probably fail in distinguishing context dependent formulations or individual conceptualizations of the translator from general rules. So, we finish the overview on OCS translation of “to believe” in Codex Marianus, as it should have become clear that the translator was aware of the original semantic concept of “to believe” as a stative and cumulative verb in contrast to the verbalization of the inchoative or durative-factitive action of “coming to / having faith”.

4. Conclusion

We started this study of “BELIEVE” in OCS, firstly, to answer a methodological question: to which extend a theoretical definition of a speech act will be supported by observable language data? The question can be eventually extended to other more complicated speech acts like “to swear”. The answer, that has been retrieved by comparing the theoretical semantics of BELIEVE with the lexical semantics of the words used for expressing different modes of believing, is positive.

Secondly, comparing the speech act BELIEVE with contested lexical semantics may provide for an explanation why a verb **věriti* cannot be reconstructed for Proto-Slavic. The more the primary personal meaning of “believe in someone” is the only possible concept connected with BELIEVE, the more you need the dative of a person as the believed object in constructions like “I have faith in Him”. This does not solve, however, the problem if the verb **věriti* became necessary when people started to extend the personal meaning of BELIEVE to impersonal meaning¹⁹, or if they did it, on the contrary, because a verb **věriti* had been analogically produced as derivation of the primary noun. As

for our time (compare the frequency of the word “God” in sentences like “Oh my God”) also for historical times it is problematically to conclude from the existence of lexical material to the salience of appropriating mental concepts. The only way to elaborate on historical thinking by using lingual material is to elaborate the historical use of lexical material because the development of different ways of morphosyntactic use reflects the development of communicational practices and these are, for sure, an index of societal behaviour, too.

Thirdly, the article contributes to the notion that the translation technique of the first Slavonic Bible is more *ad sensum* than *ad verbum* and sometimes even reveals theological considerations of the translator.

NOTES

¹ A first draft of this paper was delivered in May 2018 during a workshop of the project “Die Ukraine: Überlappungsregion und Normexport in der Kulturwissenschaft” as part of the Giessen research cluster “Conflict Regions in Eastern Europe” within the funding program LOEWE of the Federal State Hessen (Germany), 2017-2020. I am grateful to Prof. Andriy Danylenko (New York) and Prof. Svetlana Mengel (Halle / Saale) for helpful remarks.

² Some authors state that BELIEVE is an “expressive speech act”, because - according to Searle’s definition - “[w]henver there is a psychological state specified in the sincerity condition, the performance of an act counts as an expression of that psychological state” (Searle, quoted in [Ronan, 2015, p. 30]). As the sincerity condition commits the speaker to the truth of his / her predication and the connected illocution, every declarative speech act involves “a psychological state” and therefor would be “expressive”. Ridge [2006] is right, that sincerity is always based on the believe of the speaker that his / her state of mind is based on true perceptions and so sincerity is connected with every speech act. Only taken as a performative, like in the Credo, one could say that BELIEVE is a predication about the speaker (“I am a believer”) connected with a certain illocution (either directed to God, and He will know what that means, or directed to a politically correct audience like “respect my believe, religious feelings” or the like), and so it could be called an expression of a state of mind like the expression of anger or love, e.g. But the special examples of BELIEVE as a performative speech act are not in the focus of Ronan [2015], which would make BELIEVE to appear as an expressive speech act in a more special sense.

³ I surely have dispensed with quoting references to the philosophical problem of “free will”,

which is theoretically intriguing, but readily solved by a decision like to not quote literature on the problem. An introduction would be Strawson’s [2008] “Freedom and Resentment” [orig. 1962].

⁴ This would be the next philosophical question after “free will” which cannot be undertaken here. I found Pietrzykowski [2007] an interesting book on it.

⁵ Fabiszak, Hebda, Konat [2012, p. 174] observe a difference between pol. wierzyć / uwierzyć “to believe”, insofar as the aspectual imperfective partner “significantly correlates with Social Cognition indicating that shared beliefs enjoy a certain continuity and are less likely to be represented as punctual events”. This difference seems analogous to the difference between personal and impersonal meaning, observed by our semantic analyses. But contrary to the Corpus Study of Fabiszak, Hebda, Konat [2012], our study distinguishes personal and impersonal use of “to believe”, because not only in philosophical, but also in historical perspective the distinction can be made fruitful for older stages of language development (see 2). - The same can be said about Valentová [2003]; the rich lexical material presented there supports the distinction between personal and impersonal meaning which is necessary to explain the development of two kinds of speech acts BELIEVE (declarative and modal) as seen today.

⁶ Can be paraphrased as “Her husband believes her, when she says, that she is innocent”, but is not to be mixed with “Her husband believes in her innocence” or “Her husband believes, that she is innocent”, because leaving out the dative for the believed object (“her”) turns “believe” into the evaluation of a perception (is she innocent?) which can be made contrarily to a possible confession of the wife (I am guilty.).

⁷ Searched “он не верил этого” in NKRYa and Google at 13.05.2018, quotation from <<http://www.mkmusavirlik.com/userfiles/chto-pishut-na-knigah-kogda-daryat-4013.xml>>. Additional search for “а он верил то” revealed one example (“Все знали. А он верил то в одну, то в другую версию, пока маленький был”) from a discussion forum <<https://miumau.livejournal.com/1137647.html>>, but the demonstrative pronoun то is rather an index (“here” and “there”) than a pro-form.

⁸ Platon (Levšin) 1781, quoted from <https://azbyka.ru/otechnik/Platon_Levshin/katehizis/8>, seen 2018, May 1th. The same passage with same bibliographical reference appears when верую Бога is searched for in NKRYa <www.ruscorpora.ru> - as the only hit for the phrase.

⁹ Note, that the should-paraphrase, contrary to the believe-sentence, needs the adverb “soon” for not acquiring a deontic reading.

¹⁰ In other languages like German, the use of the personal case (dative) alternates with impersonal case (accusative) according to the criterion, if “trust in

someone” (dative) or conviction in a fact (accusative) is to be expressed; cf. DWB 7: 7822.

¹¹ “It is an established fact that” in all cases when a verb displays a root meaning and epistemic modal meaning, “the epistemic interpretation diachronically developed out of the non-epistemic one” [Maché, 2012, p. 110].

¹² I could not find the variant reading in (Aland, Nestle, 2012), but it is noted there that a group of Greek manuscripts differs from the majority reading at this place.

¹³ John 12: 44 combines singular forms πιστεύων (believing) ... πιστεύει (believes), while CM combines plural forms вѣроуѣи ... вѣроуоутъ; no hint to reading variants in (Aland, Nestle, 2012).

¹⁴ In quotations from OCS I dissolved abbreviations and added punctuation.

¹⁵ The Western (Alexandrinian) redaction of Joh 10:38 is remarkable different: κἀν ἐμοὶ μὴ πιστεύητε, τοῖς ἔργοις πιστεύετε, ἵνα γινώτε καὶ γινώσκητε.

¹⁶ Only in the Byzantine majority reading.

¹⁷ John 11:42 reads да вѣрѣ имѣтъ, which may go back to *iměti* as well.

¹⁸ “It is especially revealing that verbs which are standardly used in a stative / durative meaning like *gilouban* ‘to believe’ in (John 2:11, crediderunt in eum discipuli eius) receive an inchoative reading if used clause-initially” [Drinka, 2011, p. 222]; the quotation in brackets is a reference number to another page in Drinka’s text; I substituted it by the reference text itself. Drinka’s statement surely is true for Germanic and Romance languages (another example would be *habere* = “to have”) but cannot be supported from a Slavonic point of view. In OCS syntactic positions vary, because inchoativity is not an inherent reading possibility of “to take faith”, but its objective meaning. Regarding the whole hypotactic construction, OCS “to take faith” occurs post-positioned in *da*-constructions (e.g. John 13:9) or relative clauses (John 8: 45) and regarding the individual sentence level like John 10: 38 (аште и мьнѣ вѣры не емлете, дѣломъ моимъ вѣрѣ имѣте) two extensions (мнѣ, дѣломъ) are found in initial position. In OCS the semantic notion of inchoativity is not produced by syntax, but by the lexical content of *jeti* “to take, be in the process of taking”.

¹⁹ I am not sure if the development of lexical material gives the possibility to conclude from it on the mental possibility of previous humans [Pyataeva, 1996, p. 147], although lingual material is sometimes the only material at all allowing for such research questions.

REFERENCES

- Aitzetmüller R., 1991. *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*. Freiburg im Breisgau, Weiher. X. 291 S.
- Borschev V., Padučeva E.V., Partee B., Testelefs Ya., Yanovich I., 2010. On Semantic Bleaching and Compositionality: Subtraction or Addition? (On the Bleaching of “Lexical Verbs” in Russian Negated Existential Sentences). Falk Ye.N., ed. *Proceedings of Israel Association for Theoretical Linguistics 26, Bar Ilan University*. URL: http://linguistics.huji.ac.il/IATL/26/Borschev_Paducheva_Partee_Testelefs_Yanovich.pdf (accessed 11 January 2019).
- Daiber Th., 2012a. Analiticheskoe vyrazhenie optativa v tserkovnoslavyanskom yazyke (na materiale perevoda «Besedovnika» v «Velikikh Mineyakh Chetyikh») [Analytical Expression of the Optative in the Church Slavonic Language (Based on the Translation of Besedovnik in the Great Menaion Reader)]. *Uchennye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye nauki”*, vol. 154, book 5, pp. 7-16.
- Daiber Th., 2012b. Tssl. soslagatelnoe naklonenie i ‘negativnaya vezhlivost’ (na materiale “Paterika Rimskogo” v VMCh) [Church Slavonic Language Subjunctive Mood and ‘Negative Politeness’ (Based on „Paterik Rimskiy“ in the Great Menaion Reader)]. Wierzbicki Ja., Tsoj A., Ginter A., Kamicka A., eds. *Yazyk i stil literaturnykh i neliteraturnykh tekstov* [Language and Style of Literary and Non-Literary Texts]. Lodz, pp. 7-20.
- Drinka B., 2011. The Sacral Stamp of Greek: Periphrastic Constructions in New Testament Translations of Latin, Gothic, and Old Church Slavonic. Welo E., ed. *Indo-European Syntax and Pragmatics: Contrastive Approaches*. Oslo, pp. 41-73.
- Fabiszak M., Hebda A., Konat B., 2012. Dichotomy Between Private and Public Experience: The Case of Polish Wierzym ‘Believe’. Hart Ch., ed. *Selected Papers from UK-CLA Meetings 1*. London, UK Cognitive Linguistics Association, pp. 164-176.
- Fortson B.W., 2004. *Indo-European Language and Culture: An Introduction*. Oxford, Blackwell Publ., xviii. 468 p.
- Kerschbaumer G.W., 1993. *Die I-Periphrase in der altrussischen Version des “Jüdischen Krieges” von Josephus Flavius. Das echte und das fingierte Perfektpresens*. Freiburg im Breisgau. 227 S.
- Maché Ja., 2012. Exploring the Theory of Mind Interface. Abraham W., Leiss E., eds. *Modality and Theory of Mind Elements Across Languages*. Berlin, Boston, de Gruyter, pp. 109-146.
- Mallory J.P., Adams D.Q., 1997. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London, Chicago, Fitzroy Dearborn. 829 p.

- Pietrzykowski T., 2007. *Spór o prawa zwierząt*. Katowice, Sonia Draga.
- Pyataeva N.V., 1996. Opyt dinamicheskogo opisaniyaa sinonimichnykh etimologicheskikh gnezd *em-i *ber- ‘brat, vzyat v istorii russkogo yazyka [Experience of Dynamic Description of Synonymous Etymological Nests *em-i *ber- ‘brat, vzyat in the History of the Russian Language]. Trubachev O.N., ed. *Etimologiya 1994–1996* [Etymology. 1994–1996]. Moscow, Nauka Publ., pp. 140–147.
- Ridge M., 2006. Ecumenical Expressivism: Finessing Frege. *Ethics*, 116, pp. 302–336.
- Ronan P., 2015. Categorizing Expressive Speech Acts in the Pragmatically Annotated SPICE Ireland Corpus. *ICAME Journal*, no. 39, pp. 25–45.
- Rothstein S., 2008. Verb Classes and Aspectual Classification. *Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect*. Chichester (West Sussex), Wiley, pp. 1–35.
- Strawson P.F., 2008. *Freedom and Resentment and Other Essays*. London, New York, Routledge. 288 p.
- Tolstaya S.M., 2015. Iz leksiki drevnego slavyanskogo prava: *kletva, *rota, *priseĝa, *vĕra [From the Vocabulary of the Ancient Slavic Law: *kletva, *rota, *priseĝa, *vĕra]. Berezovich E.L., ed. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomatology. Etymology]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta, pp. 274–276.
- Valentová I., 2003. Vera, zvera, viera, verung; borg; verit’, zverit’; borgovat’. *Slovenská reč*, no. 68/3, pp. 137–149.
- Vendler Z., 1957. Verbs and Times. *The Philosophical Review*, no. 66 (2), pp. 143–160.
- Erwin Nestle. Stuttgart, Dt. Bibelgesellschaft. 94, 890, 220 p.
- Jagič V., ed., 1960. *Quattuor Evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus Glagoliticus characteribus cyrillicis transcriptum*. Zuerst 1883, Nachdruck. Graz, Akademische Druck- und Verlagsanstalt, XXX. 607 p.
- Lindstedt J., 1986–2010. *Corpus Cyrillo-Methodianum Helsingiense. An Electronic Corpus of Old Church Slavonic Texts*. URL: <http://www.helsinki.fi/slaavilaiset/ccmh/>.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: www.ruscorpora.ru.
- Platon, mitropolit (Levshin, Petr Georgievich), 1781. *Katekhizis, ili pervonachalnoe nastavlenie v Christianskom zakone, kotoroe po obyčaju v Moskovskoy Slaveno-Greko-Latinskoy Akademii izdavna prinyatomu, preosvyashchennym Platonom, arkhiepiskopom Moskovskim i Kaluzhskim i v to vremya, kak on byl v pomyanutoy Akademii piitiki uchitelem, vsenarodno tolkovano bylo v akademicheskoy auditorii sentyabrya 1757 po 15 iyulya 1758 goda* [Catechesis...]. Moscow, Senatskaya tipografiya F. Gippiusa. 374 p.

DICTIONARIES

- Derksen R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden, Brill, 2008. 726 p.
- Grimm Jacob and Wilhelm. *Deutsches Wörterbuch*. Leipzig, Hirzel, 1854–1961, 1971.
- Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 3 Bände*. Bern. Francke, 1959.
- Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. 5 Bände*. Praha, ČSAV, 1958–2010.
- Vasmer M.; Trubachev O.N., transl. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987.

SOURCES

- Aland B., Aland K., Karavidopoulos J., Martini C.M., Metzger B.M., 2012. *Novum Testamentum Graece. Based on the Work of Eberhard and*

Information about the Author

Thomas Daiber, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Slavistic Institute, The Justus Liebig University of Giessen, Ludwigstrasse, 23, 35390 Giessen, Germany, thomas.daiber@slavistik.uni-giessen.de, ScopusID: 26432548300

Информация об авторе

Томас Дайбер, доктор наук (филология), профессор Института славистики, Гиссенский университет им. Юстуса Либиха, Людвигштрассе, 23, 35390 г. Гиссен, Германия, thomas.daiber@slavistik.uni-giessen.de, ScopusID: 26432548300

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.4>UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03Submitted: 01.08.2019
Accepted: 04.11.2019**PLUPERFECT AUXILIARIES IN THE RUSSIAN LANGUAGE
OF THE 14th – 16th CENTURIES ¹****Anton V. Zimmerling**Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Abstract. This paper discusses the syntax of the past tense auxiliaries in the vernacular Old Russian plusperfect construction of the type *дал был, дал есми был*. I prove that the past tense auxiliaries behaved as enclitics both with the order *дал есми был* and with the order *дал был есми*. The order of the plusperfect auxiliaries reflects different types of a clitic template characteristic of late Old Russian dialects. In the 15th century, the order <дал> *есми был* was characteristic for the official style of the Moscow charters, while Polotsk charters from the same period generalized the reversed order <дал> *был есми*. In the 16th century, the order <дал> *был есми* has established in the Moscow official tradition as well. The plusperfect auxiliaries were excluded from the clause-initial position and other non-enclitic positions, sentences of the type *#*был есмь дал ~ #был дал есмь* are not attested. In the clause-internal position, both groups of the Old Russian dialects grammaticalized the fixed contact order of the auxiliaries #...*был есми... дал ~ #дал был есми* irrespective of the position of the verb. This distribution proves that the plusperfect auxiliaries in the Old Russian texts from the 14th–16th centuries have the features typical of the clustering enclitics in the world's languages with Wackernagel's law.

Key words: plusperfect, perfect, enclitics, clitic templates, word order, Wackernagel's law, grammaticalization, historical text corpora.

Citation. Zimmerling A.V. Plusperfect Auxiliaries in the Russian Language of the 14th–16th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 41-57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.4>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03Дата поступления статьи: 01.08.2019
Дата принятия статьи: 04.11.2019**СВЯЗКИ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIV–XVI ВЕКОВ ¹****Антон Владимирович Циммерлинг**Институт Языкознания РАН, г. Москва, Россия;
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье обсуждается синтаксис связок прошедшего времени в древнерусской конструкции плюсквамперфекта типа *дал был, дал есми был*. Связки прошедшего времени могли быть энклитикой как при порядке *дал есми был*, так и при порядке *дал был есми*. Относительное расположение связок плюсквамперфекта в XIV–XVI вв. определяется разными правилами рангов энклитик для разных диалектов. В XV в. порядок <дал> *есми был* характерен для московских деловых памятников, а порядок <дал> *был есми* – для полоцких грамот, в XVI в. порядок <дал> *был есми* утверждается и в московских памятниках. Материал дает основания для того, чтобы признать связку прошедшего времени при порядке *дал был есми* энклитикой. Связка *был* не встречается в начальной позиции, предложения типа *#*был есмь дал ~ #был дал есмь* не зафиксированы. В неначальной позиции грамматикализован контактный порядок связок #...*был есми... дал ~ #дал был есми*, независимо от препозиции или постпозиции глагола. Такая дистрибуция характерна для цепочек энклитик в тех языках мира, в которых действует закон Ваккернагеля.

Ключевые слова: плюсквамперфект, перфект, энклитики, правила рангов энклитик, порядок слов, закон Ваккернагеля, грамматикализация, исторические корпуса текстов.

Цитирование. Циммерлинг А. В. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV–XVI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 41–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.4>

Конструкции плюсквамперфекта в древнерусском и старорусском языках

Разновидности древнерусской конструкции плюсквамперфекта [Шевелева, 2007] (или, при другом описании, разные конструкции [Петрухин, Сичинава, 2008, с. 227; Петрухин, 2013]) в последние десятилетия неоднократно были предметом дискуссии, при этом преимущественное внимание уделялось их видо-временным свойствам [Петрухин, 2004; 2008; Петрухин, Сичинава, 2006; Сичинава, 2013; 2019; Храковский, 2015]. Синтаксические аспекты связок плюсквамперфекта обсуждались реже: отдельные факты, связанные с порядком слов, комментируются в [Зализняк, 2008, с. 39–40; Циммерлинг, 2013, с. 340–343; Дойкина, 2018], а исторические параллели, связанные с употреблением энклитик плюсквамперфекта в карпатских украинских диалектах, – в [Толстая, 2000; 2012].

Предметом нашего исследования являются связки прош. вр. *быль, была, были, было*, имевшие тенденцию к превращению в энклитики, и их комбинации с другими синтаксическими элементами, обладавшими всеми или некоторыми свойствами энклитик. Таксономическое определение описываемой формы связано с проведением хронологической границы между позднерусским и старорусским периодами, которая, в отличие от рубежа раннерусского (домонгольского) и позднерусского периодов, не имеет четкой датировки. Памятники первой половины XIV в. принято относить к позднерусскому периоду, а памятники второй половины XV в. и XVI в. – к старорусскому периоду. Рубрикация великорусских и западнорусских памятников второй половины XIV–начала XV в. остается предметом спора. В Историческом корпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) в Старорусский подкорпус включаются тексты начиная с 1300 г., но это решение имеет преимущественно технический характер. Диагностика

особенностей старорусского периода обычно опирается на совокупность социолингвистических, графических, фонетических, морфологических и лексических критериев, тогда как синтаксические критерии используются мало.

Конструкция со вспомогательным глаголом в форме имперфекта / аориста. В [Борковский, Кузнецов, 1963, с. 260–261] в рубрике «Давнопрошедшее время» рассматриваются только сочетания причастия на -л с формами имперфекта или аориста вспомогательного глагола *быти*, ср.: *бѣху пришли, не распали сѧ бѣша* и т. п. Данная конструкция характерна для книжного языка². Ее статус в живой речи не поддается проверке, поскольку неизвестно, до какого времени обиходный язык домонгольского периода сохранял формы имперфекта и аориста. В «Вопрошании Кириковым» Кирика Новгородца (середина XII в.) есть подходящий контекст: *А ꙗже пьянь моужь попьноули бѣху запеньше ногою и оумретъ* ‘А если пьяного толкнули, поставив ему подножку, и он умрет’, но данный памятник в целом отражает наддиалектную форму древнерусского языка и стандартные правила церковнославянской глагольной и именной морфологии [Гиппиус, 1996]. В берестяных грамотах имеется единственный пример употребления книжной конструкции плюсквамперфекта с формой имперфекта вспомогательного глагола *бѣше* – в грамоте № 510 (1220–240 гг.): *сѧ сталь бѣше < = се стали бѣша > коузма на здылоу и на домажировица* ‘Вот Кузьма возбудил тяжбу против Здылы и Домажировича’. С учетом датировки грамоты употребление *<бѣше>* в ней, скорее всего, является клише – формулой начала тяжбы [Зализняк, 2004, с. 143]. Далее книжная конструкция плюсквамперфекта обсуждаться не будет, поскольку на формы аориста и имперфекта вспомогательного глагола не распространялись ограничения, связанные с дистрибуцией слабоударных слов.

Конструкция со вспомогательным глаголом в форме на -л. В конструкции плюск-

квямперфекта, иногда называемой «сверхсложной формой прош. вр.» [Сичинава, 2013], л-причастие сочеталось с формами вспомогательного глагола *быль, была, были, было*, которые имели тенденцию к превращению в энклитики [Зализняк, 2008, с. 39]. Первые примеры конструкции *был дал* в берестяных грамотах относятся к XII веку. В грамоте № 724 (1160–1180 гг.), почти современной «Вопрошанию Кирикову», читаем: *оставили ма были людье*. К тому же периоду, что грамота № 510, запечатлевшая книжную конструкцию <*се стали бѣша*>, относится грамота № 705 (около 1200–1220 гг.), где в сходном контексте использована конструкция *быль + л-причастие*: *азъ были лони наделиле*³ ‘Я в прошлом году наделил <сестру некоторым имуществом>’. В этих и близких им примерах связка плюсквамперфекта *был* стоит после первого ударного слова, в согласии с главным принципом расстановки древнерусских энклитик – законом Ваккернагеля [Зализняк, 1993, с. 281]. Контактная позиция *были* и причастия на -л обязательна. В примере выше связка 1-го л. ед. ч. *был-е* отделена от причастия на -л полноударным наречием *лони* ‘в прошлом году’. В текстах позднерусского и старорусского периодов конструкция *дал был* проникает в памятники разных жанров и становится достаточно частотной для того, чтобы при помощи статистических методов проверить гипотезы о вхождении связок прош. вр. в класс древнерусских энклитик.

Связочная конструкция плюсквамперфекта с *быль* в текстах разных жанров. На вопрос о сводимости двух конструкций плюсквамперфекта к инварианту нельзя ответить без анализа аспектуальной семантики, однако это не входит в наши задачи. В контексте статьи можно суммировать сделанные ранее эмпирические обобщения: 1) в части памятников употребляется только одна из конструкций, что связано с регистром памятника и степенью ориентации на церковнославянские образцы [Шевелева, 2007]; 2) восстанавливаемые для памятников всех типов наборы контекстов, где используются книжная vs некнижная конструкции плюсквамперфекта, не совпадают [Петрухин, Сичинава, 2008, с. 233–234], но пересекаются [Сичинава, 2019, с. 48]; 3) в тех летописных памятни-

ках, где представлены обе конструкции, они редко конкурируют между собой в параллельных версиях одного и того же эпизода, хотя такие случаи есть [Петрухин, 2013, S. 78; Скачедубова, 2016]; 4) употребления оборотов с *был* в части некнижных памятников XIV–XVI вв. могут восприниматься как клише делового языка, устойчиво соотносенные с некоторыми типами речевых актов (в 1–2-м л.) или нарративными функциями (во всех 3 лицах) [Петрухин, 2013, S. 92–94]; 5) конструкция *был + л-причастие* идиоматизирована и помимо таксисного значения регулярно выражала значения отмененного или утратившего актуальность действия, сдвига начальной точки рассмотрения и т. п.

Связки плюсквамперфекта как энклитики

Упорядочение связочных энклитик наст. вр. (*есмы, еси, есмь, есте, есвѣ, еста*) в конструкции перфекта *дал есмь* могло служить образцом для закрепления связок прошедшего времени. Однако оговорим, что, во-первых, связки прош. вр. в конструкции *дал был* были обязательны во всех лицах, в то время как связки наст. вр. в конструкции перфекта были в раннедревнерусский период обязательны лишь в 1–2-м л., а в 3-м л. были факультативны, ср.: *а оуже есть вшеть въ нашѣ вѣтичѣ* (Ипат., л. 136, под. 1149 г.), или отсутствовали [Зализняк, 1993, с. 291; 2004, с. 179; 2008, с. 236]. Во-вторых, в плюсквамперфекте в 1–2-м л. связки наст. и прош. вр. употреблялись совместно. Поэтому следует выяснить, какой порядок – *дал есмь был* или *дал был есмь* – был для позднерусского периода основным (см. табл. 1).

А.А. Зализняк предположил, что связки *был, была, было, были* в плюсквамперфекте были энклитиками, а в 1–2-м л. стояли правее всех прочих энклитик, включая связки наст. вр. [Зализняк, 2008, с. 40]. Большинство раннедревнерусских примеров приходится на 3-е л., где внешне выраженных связок наст. вр. в плюсквамперфекте не было. В 9 случаях употребления плюсквамперфекта с *был* в 1–2-м л. в памятниках, отражающих книжный язык, фиксируется порядок *дал есмь был*, см. пример (1) из Новгородской Первой летописи:

Связки перфекта и плюсквамперфекта
в позднерусский и старорусский период

Форма лица	Перфект	Плюсквамперфект
1–2-е л.	дал <i>есмь / еси / есмь / есте / есвѣ / еста</i>	<i>даль есмь быль ~ быль есмь даль</i>
3-е л.	<i>даль ∅</i>	<i>даль быль ~ быль даль</i>

(1) Нъ везль ксмь быль в коробѣхъ дары паволокы и овоць (ИПЛ, л. 104, под 1228 г.).

Семь примеров встречаются в Киевской летописи в прямой речи персонажей: *Влчеславъ же речѣ ты мѧ еси снѹ самъ позывалъ Киеву. а га есмь быль ѹловалъ хрѣтъ къ брату своему Дюргеви* (Ипат., л. 144 об., под 1150 г.); *ка еси быль оумолвилъ со мною . и с братомъ моимъ Двѡдомъ* (Ипат., л. 239, под 1196 г.); *како еси быль оумолвилъ. с братомъ своимъ рюрикомъ* (Ипат., л. 240, под 1196 г.); *где есме были доумали. поити на стрѣга своего то оуже тамо не ходи. но поиди. сѣмо ко мнѣ* (Ипат., л. 127 об., под 1147 г.); *а хрѣтъ есте были ѹловали ко мнѣ на томъ. гако имѣти мене кнѧземъ собѣ* (Ипат., л. 182, под 1160 г.); *ты еси быль к нама хрѣтъ целовалъ а Изславъ пришедъ землю нашу повоевалъ* (Ипат. л. 137, под 1149 г.); *нынѣ же како еси* (Хлебн. был) *со мною оумолвилъ . на чемъ еси ко мнѣ крѣтъ ѹловалъ того еси всего не исправилъ* (Ипат., л. 240 об., под 1196 г.). Еще один пример представлен в «Повести временных лет» в рассказе об Исакии Печерском в Лаврентьевской летописи: *исакии же рече. се оуже прелстилъ мѧ еси быль дѣлаволе сѣдѡца (на) единомъ мѣстѣ* (Лавр., л. 65 об., под 1074 г.)⁴. К этому списку можно добавить отмеченный в [Петрухин, 2013, S. 82] пример из древнерусской «Пчелы»: *во истинуоу добромыслень еси дрѣгъ и таилъ сѧ еси бы(л̄), но оуже працяю тѧ, а храни дружбаоу ѡселѣ со мною* (Пчела I, 623).

Атонирование связок плюсквамперфекта в раннедревнерусский период. Во всех 9 случаях, где в конструкции *был + л-причастие* в раннедревнерусский период реализуется комбинация типа *есмь быль*, связка наст. вр. стоит в позиции, предсказываемой законом Ваккернагеля. В 6 примерах она стоит после первого ударного слова, в том числе в со-

ставе цепочки энклитик *же еси*, еще в одном примере цепочка энклитик *мѧ еси* сдвинута от начала предложения вправо по так называемому Правилу Барьера, в силу которого энклитики в языках с законом Ваккернагеля могут отделяться от первого ударного слова другими элементами предложения [Зализняк 1993, с. 286; Циммерлинг, 2012, с. 13–14]. В древнерусском языке Правило Барьера обычно было сопряжено с постановкой глагольной формы (в том числе причастия на -л) перед сдвинутыми энклитиками [Циммерлинг, 2013, с. 445–453], ср. пример выше *се оуже прелстилъ мѧ еси быль дѣлаволе* (Лавр., л. 65 об.). Связка прош. вр. стоит непосредственно после связки наст. вр. (6 примеров) или отделена от нее обязательным барьером – обращением *брат* в *ты же еси брат̄ оудоумалъ быль* (Ипат., л. 136). В предложениях в форме 3-го л., где в плюсквамперфекте связок наст. вр. не было, связки прош. вр. в начале предложения не встречаются. Тем самым древнерусский материал соответствует гипотезе А.А. Зализняка: в плюсквамперфекте связки *был, была, было, были* ведут себя как энклитики, а в цепочке энклитик стоят после связок наст. времени.

Правило Рангов и цепочки древнерусских энклитик. Далее внутреннее упорядочение энклитик будет описываться введенным А.А. Зализняком термином «Правило Рангов энклитик» [Зализняк 1993, с. 282; 2008, с. 27]. Эквивалентом данного термина в зарубежной англоязычной традиции служит термин «clitic template» [Franks, King, 2000; Zimmerling, Kosta, 2013].

(i) Две клитики *a* и *b* упорядочиваются Правилем Рангов в том и только в том случае, когда при их контактном расположении они всегда стоят в фиксированном порядке *a > b* ‘*a* непосредственно предшествует *b*’.

Табличное представление Правила Рангов. Правило Рангов для всех пар элементов (*a, b*), (*b, c*), (*a, c*), способных образовать цепочку, удобно задать в виде таблицы. Ког-

да упорядочение клитик стабильно, между столбцом таблицы (рангом клитики) и местом элемента в цепочке имеется однозначное соответствие. Если *a*, *b*, *c* – классы элементов рангов 1, 2, 3, то все элементы класса {*b*}, имеющие ранг 2, будут располагаться перед элементами класса {*c*}, имеющими ранг 3, но после элементов класса {*a*}, имеющих ранг 1. Именно такое состояние восстанавливается для раннедревнерусского периода, Правило Рангов которого включает 8 столбцов [Зализняк, 1993, с. 282; Циммерлинг 2013, с. 110] (табл. 2).

Правило Рангов характеризует классы клитик, а не морфологические элементы. Показатель сосл. накл. *бы* в начале древнерусского периода еще не оторвался окончательно от парадигмы аориста глагола *быти* и, строго говоря, не является частицей, но энклитика 3-го л. *бы* (и омонимичная ей энклитика 2-го л. ед. ч.) уже является частью древнерусского Правила Рангов: она неизменно ставится перед местоименными энклитиками рангов 6 и 7, в отличие от форм типа *быхъ*, *быхомъ* [Зализняк, 2008, с. 34]. Поэтому в плане порядка слов помещение др.-рус. *бы* в блок энклитических частиц (ранги 1–5), а не связок (ранг 8) является оптимальным решением.

Цепочки энклитик. Правила Рангов, то есть табличные алгоритмы упорядочения клитик, действуют не только в языках с законом Ваккернагеля, но и в более широком классе языков мира, где в одном и том же предложении могут возникать цепочки из двух и более слабуодарных синтаксических элементов. Для древнерусских памятников цепочки из 2–3 энклитик обычны, в то время как цепочки из 4 и более энклитик являются редкостью, ср. примеры (2), (3):

(2) ако **же ми сѧ еси** самъ **върекль**, полези же на конѣ (Хлебн., л. 147, под 1150 г.);

(3) а что **ти сѧ есмь бы¹ отступил** дани (ДДГ, № 11, 1389 г.).

Возможны цепочки из двух местоимений, двух и более энклитических частиц, а также цепочки из энклитик разного синтаксического типа. Цепочки из двух связок, как в примере (3), могут возникать только в конструкции плюсквамперфекта в 1–2-м лице.

Клитизация связок плюсквамперфекта в позднедревнерусский период. Синтаксис связок плюсквамперфекта в позднедревнерусский и старорусский периоды освещался в литературе выборочно. В берестяных грамотах позднедревнерусского периода есть лишь один пример комбинации связок наст. и прош. вр.: *рекль кси былъ* (№ 195, ок. 1300–1320 гг.). Конструкция плюсквамперфекта в 1–2-м л. как элемент делового языка устойчиво воспроизводится в духовных и договорных грамотах первой половины XV в., где, по утверждению А.А. Зализняка [2008, с. 40], имеется один противоречащий пример, в котором связка прош. вр. предшествует связке наст. вр.:

(4) што **сѧ был есми** отъступил вашему о[т]цу, княз[ю] Юрью Дмитриевич[ю] (Докончание великого князя Василия Васильевича с князьями галицкими Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичами. Грамота в. кн. Василия Васильевича князьям Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному Юрьевичам, 1434–1440).

По А.А. Зализняку, связка *был* в примере (4) может быть ударной словоформой, разделяющей энклитики *сѧ* и *есми* по Правилу Барьера. Для основной части примеров из памятников XIII–XVI вв., по его мнению, мож-

Таблица 2

Правило Рангов раннедревнерусских энклитик

ЧАСТИЦЫ					МЕСТОИМЕННИЯ		СВЯЗКИ
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>же</i>	<i>ли</i>	<i>бо</i>	<i>ти</i> ₁ 'в самом деле' *	<i>бы</i>	Дат. п. <i>ми, ти</i> ₂ , <i>си, ны, вы, на, ва</i>	Вин. п. <i>мѧ, тѧ, сѧ, ны</i> **, <i>вы, ва, на, и, ю, к, ѣ, ѧ</i>	1–2-е л. наст. вр. <i>есми, еси, есмь, есте, есвѣ, еста</i>

Примечания. * – дискурсивная частица *ти*₁ 'в самом деле' омонимична местоимению *ти*₂ 'тебе' [Зализняк, 1993, с. 298–304]. О данной частице в древнечешском языке см.: [Zimmerling, 2014]; ** – местоименные энклитики 1–2-го л. мн. ч. и дв. ч. *ны, вы, на, ва* имели омонимичную форму в Дат. и Вин. падежах.

но постулировать для связок плюсквамперфекта ранг 9, непосредственно после связок наст. вр., с поправкой на то, что клитизация связок плюсквамперфекта еще не завершилась [Зализняк, 2008, с. 40]. Такая методика анализа применена нами, а также К.Ю. Дойкиной по отношению к материалу духовных и договорных грамот [Циммерлинг, 2013, с. 340–343; Дойкина, 2018]. Однако неясно, в какой мере наблюдения над московскими грамотами XV в. можно экстраполировать на весь позднерусский и старорусский периоды. В описаниях А.А. Зализняка и в наших предыдущих работах не учитываются два ресурса, ставшие доступными позднее, – Старорусского корпуса НКРЯ (http://www.ruscorpora.ru/old/search-mid_rus.html), включающего тексты с 1300 г. по конец XVII в.⁵, и издания полоцких грамот (Хорошкевич 2015), охватывающего период с 1263 по 1511 год⁶. В следующих разделах статьи плюсквамперфект с *был* и Правило Рангов энклитик рассматриваются на материале Старорусского корпуса и массива полоцких грамот, анализируются сочетания энклитик плюсквамперфекта со слабоударными местоимениями и делаются выводы об эволюции порядка слов в русском языке.

Правило Рангов энклитик в русском языке XIV–XVI вв. и порядок *быль* *есмь*. Детальное доказательство тезиса о том, что порядок слов в русском языке XIV–XVI вв. определялся Правилем Рангов, – задача отдельного исследования. В контексте настоящей статьи достаточно перечислить эмпирически не опровергнутые наблюдения над набором и порядком позднерусских энклитик: 1) сохраняются энклитические частицы *же*, *ли*, *бо* и *бы*; 2) выходит из употребления в XIII–XIV вв.⁷ энклитическая частица *ти*₁ ‘в самом деле’; 3) закрепляется энклитическая частица *дѣ(и)*, *де(и)* ‘по чьим-либо словам’, которая в блоке энклитических частиц занимает конечное положение и ставится после *бы* при порядке *бы деи*; 4) сокращается

количество местоименных энклитик, сохранившиеся местоименные энклитики (прежде всего *ми*, *ти*₂ ‘тебе’, *мѧ*, *тѧ*, *сѧ*) ставятся после энклитических частиц, энклитики Дат. п. предшествуют энклитикам Вин. п.; 5) связки прош. вр. в конструкции плюсквамперфекта в позиции предполагаемых энклитик могут стоять после связок наст. вр. при порядке *есмь быль* в предложениях типа (3), имеются также примеры с порядком *быль есмь* в предложениях типа (4), где связка прош. вр. может либо быть, либо не быть энклитикой в начальной позиции (табл. 3).

В [Зализняк, 2008, с. 84–168] по умолчанию принимается гипотеза о том, что в русском языке XIV–XVI вв. действовало то же Правило Рангов энклитик, что в раннедревнерусском языке, при этом единственное исключение связано с берестяной грамотой конца XII в., где засвидетельствован порядок <*ѧла есмо сѧ ему по руку* ‘я дала ему свое согласие’ (Бер. гр. № 731) вместо ожидаемого *ѧла сѧ есмо*. Специального доказательства требует утверждение о том, что частица *дѣ(и)*, *де(и)* ‘по чьим-либо словам’ занимала в Правиле Рангов фиксированное место после других энклитических частиц, включая *бы*. Старорусский корпус НКРЯ дает достаточную статистику для того, чтобы это установить: 51 цепочка вида *бы деи* при отсутствии порядка **деи бы*. То же демонстрирует комбинаторика сочетаний *деи* с другими энклитическими частицами: 178 примеров *же де(и)* при 0 примеров **деи же*; 25 примеров *ли де(и)* при 0 примеров **деи ли*. Имеется одно исключение, связанное с редкой комбинацией контактно стоящих частиц *дѣи* и *бо* (2 примера), – 1 пример *бо дѣи* при 1 примере обратного порядка *дѣи бо*: *ту дѣ бо живут кривици* (Новг. Карамзинская летопись. Первая выборка, 1400–1450). Сбой в расположении энклитик *бо дѣи* ожидаем, поскольку частица *бо* для большей части диалектов древнерусского языка была книжной чертой [Зализняк, 2008, с. 31], в то время как частица

Таблица 3

Правило Рангов позднерусских энклитик

ЧАСТИЦЫ					МЕСТОИМЕНИЯ		СВЯЗКИ		
1	2	3	4	5	6	7	??	8	?
<i>же</i>	<i>ли</i>	<i>бо</i>	<i>бы</i>	<i>деи</i>	Дат. п.	Вин. п.	1–3-е л. прош. вр.	1–2-е л. наст. вр.	1–3-е л. прош. вр.

дѣи, напротив, была свойственна разговорной речи. Доказанных случаев употребления раннедревнерусской частицы *ти*₁ ‘в самом деле’ в Старорусском корпусе нет.

Связки плюсквамперфекта в Старорусском корпусе НКРЯ

Исторические корпуса обычно включают тексты разных авторов, относящиеся к разным жанрам и разным периодам. Для проверки гипотез о Правилах Рангов энклитик такое наполнение Старорусского корпуса⁸ является плюсом, поскольку Правила Рангов можно понимать как шаблоны расположения слабоударных элементов, соблюдаемые разными носителями языка в течение нескольких поколений. Поэтому степень грамматикализации Правил Рангов, и в частности статус связок плюсквамперфекта как энклитик, может быть проверена статистически при наличии достаточной выгрузки.

Возможны 3 сценария.

А. Предложения с цепочками *есмь быль ~ быль есмь* в неначальной позиции представлены в сопоставимом количестве. В этом случае нужно выделять не одно, а два Правила Рангов позднерусских энклитик, при условии что они действуют в разных группах памятниках.

Б. Колебания *есмь быль ~ быль есмь* засвидетельствованы в одной и той же группе памятников, распределение этих порядков хаотично. В этом случае употребление связок плюсквамперфекта Правилом Рангов не регулируется.

В. Один из порядков значительно преобладает в неначальной позиции во всех памятниках, а другой порядок можно объяснить на основе специального правила. В этом случае клитизация связок плюсквамперфекта происходит при одном из конкурирующих порядков и не происходит при другом.

Объяснение А.А. Зализняка, поддержанное нами (см.: [Циммерлинг, 2013, с. 453]), соответствует сценарию «В». Ниже мы покажем, что реальное употребление соответствует сценарию «А».

Структура выборки. На момент написания статьи в Старорусском корпусе нет модуля лексико-грамматического поиска,

что делает автоматическое распознавание дистантных порядков *есмь ... быль* и *быль ... есмь* невозможным⁹. Поисковые запросы были ограничены контактными последовательностями связок наст. и прош. вр. Кроме того, в корпусе нет морфологической унификации, поэтому для проверки возможных комбинаций связок наст. и прош. вр. в 1–2-м л. необходимо вручную задавать поиск по всем алломорфам и графическим вариантам (*был ~ быль*, *есмь ~ есмь*, *есмь ~ есме ~ есмо ~ есмы* и т. п.). Полученная выборка из 149 примеров содержит 2 конструкции: плюсквамперфект (тип *дал есмь был*) и перфект (тип *достоеин есмь был*). По А.А. Зализняку, в данных конструкциях формы ряда *был* имели разный статус. В перфекте они выступали в роли лексического компонента и не являлись клитиками. В плюсквамперфекте, напротив, они были связками и предположительно вели себя как энклитики по крайней мере при одном порядке слов [Зализняк, 2008, с. 40]. Эта асимметрия подтверждается материалом.

Предложения с начальным *быль*. Вручную были отсеяны нерелевантные для проверки статуса энклитик примеры (всего 21), где формы ряда *был* стоят в начале предложения (в сокращенной нотации будем обозначать ее символом ‘#’) или после начальных проклитик, то есть в позициях, характерных для ударных слов. Ср.: *#был есмь, государь, въ отъезде, #а был есмь, государь, там три годы* и т. п. Все такие примеры относятся к конструкции перфекта. В Старорусском корпусе нет ни одного случая использования связок плюсквамперфекта в начальной позиции. Кроме того, в выгрузке обеих конструкций отсутствуют примеры с вынесением в начало предложения связок наст. вр., сочетания типа **#есмь был там три годы*, **#есмь был дал* запрещены. Данное распределение согласуется с гипотезой о том, что связки прош. вр. в плюсквамперфекте акцентировались аналогично связкам наст. вр., но иначе, чем причастные формы на -л в перфекте глагола *быти*.

Предложения с неначальным *быль*. В неначальной (внутриклаузуальной) позиции комбинации типа *есмь + был* встретились 127 раз. К плюсквамперфекту *дал есмь был*

относятся 55 примеров, а оставшиеся 72 примера являются контрольной группой, связанной с перфектом *быти* (тип *достойн есми был*). Отдельно подсчитывались примеры, где комплекс из двух форм глагола *быти* стоит после причастия на -л или вершины именного сказуемого, символическая запись V – [*есми + был*], ср. варианты *дал есми был ~ дал был есми*, *достойн есми был ~ достойн был есми*, и примеры, где комплекс из двух форм глагола *быти* стоит после другого элемента, символическая запись X – [*есми + был*], ср. варианты *што есми был дал ~ што был есми дал*, *коли есми был достойн ~ коли был есми достойн*. Примеры, где комплекс [*есми + был*] стоит в начале клаузы, даны в строке # [*есми + был*]. Как указано выше, в корпусе засвидетельствована лишь одна комбинация из четырех, а именно порядок #*был есми* в перфекте (табл. 4).

Полученные результаты опровергают гипотезу о том, что в русском языке XIV–XVI вв. был обобщен порядок связок плюсквамперфекта *есми был*: обратный порядок связок *был есми* во внутрикаузальной позиции встречается в два раза чаще. Особенно нагляден контраст при начальном глаголе: 24 примера *дал был есми* против 8 примеров *дал есми был*. Асимметрия распространяется только на плюсквамперфект, в перфекте

количество примеров *есми был ~ был есми* в неначальной позиции примерно одинаково – 34 и 37 соответственно.

Комбинации связок *есми был ~ был есми* по группам памятников и периодам. Хронологическое распределение порядков *есми был ~ был есми* в плюсквамперфекте указано в таблице 5. Первый пример выборки датируется 1343–1353 гг., последний – 1600–1650 годами. Выделение периода 1400–1460 гг. обосновано тем, что к нему относится устойчивое воспроизведение плюсквамперфекта 1–2-го л. в духовных и договорных грамотах московских князей¹⁰.

Анализ источников показывает, что в 1400–1460 гг. порядок связок *есми был* преобладает лишь в одной группе памятников – духовных и договорных грамотах московских князей: 17 случаев *есми был* против 1 исключения – *сѧ был есми* в приведенном выше примере (4). Это исключение может объясняться не только ударностью связки *был*, как утверждает А.А. Зализняк, но и тем, что писец был носителем другого диалекта. Как давно предполагалось в русистике, язык деловых документов закрепляет грамматические особенности, имеющие локальную диалектную привязку [Соболевский, 1980, с. 39] (ср.: [Пенькова, 2014, с. 297]). В памятниках того же жанра – договорных грамотах смоленских и тверских князей – корпус дважды фиксирует

Таблица 4

Сочетания типа *есми был* и *был есми* в Старорусском корпусе НКРЯ

Порядок слов	Тип <i>есми был</i>		Тип <i>был есми</i>	
	Грамматическая форма		Грамматическая форма	
	Плюсквамперфект, 1–2-е л.	Перфект, 1–2-е л.	Плюсквамперфект, 1–2-е л.	Перфект, 1–2-е л.
V – [<i>есми + был</i>]	8	8	24	6
X – [<i>есми + был</i>]	12	26	12	31
# [<i>есми + был</i>]	0	0	0	21
<i>Всего</i>	<i>20</i>	<i>34</i>	<i>36</i>	<i>58</i>

Таблица 5

Комбинации связок *есми был ~ был есми* в русском языке в 1340–1650 гг. (по данным Старорусского корпуса НКРЯ)

Периоды	Порядок слов	
	Тип <i>есми был</i>	Тип <i>был есми</i>
1340–1399 гг.	2	1
1400–1460 гг.	17	3
1461–1599 гг.	1	35
1600–1650 гг.	0	1

порядок *был есми* в позиции, где *был* могло быть клитикой:

(5) а што **были есмы** повоевали и поимали. а то есмь нялься отворити. и отдати. (Договорная грамота смоленского князя Георгия Святославича с великими князьями литовскими, 1386.09.17);

(6) А што **быль еси** взаль подо мною Ржову, бѣда со мною не в любви (Докопчание великого князя тверского Бориса Александровича с королем польским и великим князем литовским Казимиром. Грамота в. кн. Бориса Александровича королю польскому и в. кн. литовскому Казимиру, 1449).

Сочетание *как были есте нам ялися* представлено и в Новгородской Карамзинской летописи (ок. 1400–1450 гг.), но в этом памятнике есть и пример обратного порядка:

(7) И рѣша ему новгородци: “Шол еси был на строя своего на Михалка, поваблен” (Новг. Карамзинская летопись. Вторая выборка, 1400–1450).

В XVI в., по корпусным данным, во всех типах памятников возобладал порядок *был есми* (35 примеров), единственный пример *есми был* связан с передачей контекста (8) в летописном своде 1560–1570 гг.:

(8) И рѣкоша ему Новгородци: “шол еси был на стрья своего на Михалка поваблень Ростовци” (Московский летописный свод, 1560–1570).

Порядок *был есми* к середине XVI в. утвердился и в деловом языке Москвы: в Посольской книге по связям Москвы с Ногайской Ордой в 1551–1556 гг. встречается 15 примеров, см. пример (9), при отсутствии примеров с порядком связок *есми был*.

(9) Здумали были есмя его убити (Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 4-я, 1551–1556 гг.).

Порядок связок *был есми*, при отсутствии их обратного расположения, встречается во внутриклаузальной позиции у Ивана Грозного, Андрея Курбского, Ивана Пересветова, в Никоновской летописи и грамотах Великого княжества Московского в XVI веке. Все это побуждает пересмотреть гипотезу о том, что энклитические употребления связок прош. вр. были связаны исключительно с порядком *есми был*, и проверить альтернативную гипотезу о том, что в некоторых

идиомах к XV в. утвердился порядок энклитик *был есми*.

Связки плюсквамперфекта в языке полоцких грамот

На момент написания статьи массив полоцких грамот не был внесен к НКРЯ. Предложения со связками извлекались вручную методом сплошной выборки. Как и в Старорусском корпусе, сочетания типа *был есми* в перфекте и плюсквамперфекте имеют разные свойства. Форма прош. вр. *был* в перфекте может стоять в начале предложения, ср.: **#Быль есмь не дома** (№ 3, 1293–1305 гг.), а связка плюсквамперфекта всегда ведет себя как энклитика. Начальное сочетание **#есми был* запрещено как в плюсквамперфекте, так и в перфекте, то есть связки наст. вр. всегда ведут себя как энклитики.

Структура выборки. Всего в массиве полоцких грамот было найдено 94 предложения со связками плюсквамперфекта, самый ранний пример датируется 1393–1430 гг., самый поздний – 1511–1513 годами. Плюсквамперфект в 3-м л. зафиксирован в 72 примерах, в 1–2-м л. – в 22. В 3 примерах из 22 связка наст. вр. опущена при местоимении 1-го л., ср.: *Ино мы на его поведанье то были вчинили* (№ 378, 1502 г.); *Ино мы были | на замчное твое поведанье тую десетинѣ в него впншли* (№ 465, 1511 г.). Из оставшихся 19 примеров в 13 случаях реализован порядок *есми был*, а в 6 – порядок *был есми*, что создает впечатление колебаний. Однако эта вариативность кажущаяся. В действительности при контактном расположении связок плюсквамперфекта внутри предложения всегда реализуется порядок *#...был есми*, а все 6 примеров препозиции связки наст. вр. связаны с дистантным порядком *#...есми ...был*, ср.: *а ѿ есми сам тых часов нешто был прихворел* (№ 200, 1471 г.). Таким образом, полоцкий диалект в XV в. обобщил контактный порядок связок *был есми* во внутриклаузальной позиции. Поскольку в тот же период полоцкий диалект сохраняет запрет на расположение всех связок плюсквамперфекта и прочих энклитик в начале предложения, есть все основания заключить, что контактная последовательность *#...был есми* трактовалась как цепочка энклитик (см. табл. б).

Порядок связок плюсквамперфекта в языке полоцких грамот XIV–XVI вв.

Контактный / дистантный порядок	Порядок слов	
	<i>был > есми</i>	<i>есми > был</i>
Контактный порядок <i>был есми ~ есми был</i>	13	0
Дистантный порядок <i>был ...есми ~ есми... был</i>	0	6

Конструкция плюсквамперфекта как элемент делового языка и бытовой речи. В массиве полоцких грамот конструкция плюсквамперфекта, особенно тот ее вариант, который связан с комбинацией связок наст. и прош. вр. в 1–2-м л., является чертой делового языка. Почти во всех подобных примерах использована форма 1-го л. мн. ч. (*pluralis majestatis*), указывающая на волю великого князя, короля или наместника. Наиболее ранний пример датируется эпохой великого князя Витовта:

(10) Ино тот листь, в котормъ жо присѡга стоить, **дали были есмо** имъ до часѸ | а до лепшого доведаньѡ (№ 20, 1393–1430 гг.).

В 3 грамотах (№ 194, 200, 432) полоцкий наместник говорит о себе ‘я’, в грамоте № 432 автор передал слова наместника как прямую речь, в грамоте № 107 полоцкие бояре, обращаясь к рижским магистратам, употребляют форму 2-го л. мн. ч.:

(11) Занже **заказали были есте** своим торговцем к нам пива не возити (№ 107, 1444–1459 гг.). – ‘Поскольку вы ранее обещали запретить своим торговцам возить к нам пиво’.

Полоцкие грамоты дают основание полагать, что формулы типа <дали> *были есмо/ есте* не расходятся с бытовой речью своего времени, а лишь закрепляют сложившийся порядок энклитик. Тем самым мы получаем подтверждение гипотезы о том, что зафиксированные в Старорусском корпусе в 1378–1450 гг. единичные примеры типа (4), (5), (6), демонстрирующие порядок связок *был есми*,

не аномальны, поскольку именно такой порядок энклитик уже был обобщен в части русских диалектов начала XV века.

Правило Рангов энклитик в языке полоцких грамот. Полоцкие грамоты имеют почти идентичный набор энклитик сравнительно с другими анализируемыми памятниками. Энклитическая частица *ти*₁ ‘в самом деле’ не употребляется, но новая энклитическая частица *деи* ‘по чьим-либо словам’ имеет в цепочке фиксированное место после энклитики *бы*. Исторически связанные с частицей *бы* формы аориста *бых, быхом, бысте* и т. п. сохранены, но не используются последовательно как энклитики и не регулируются Правилом Рангов. К.Ю. Дойкина отмечает тенденцию к энклитизации частиц *пак, таки* и наречия *там* [Дойкина, 2019], но эти элементы не имеют твердого места в цепочке. Набор старых местоименных энклитик Дат. п. и Вин. п. ограничен, невозвратные местоимения Вин. п. встретились всего трижды¹¹. Возвратная энклитика *сѡ* сохраняется в качестве синтаксического элемента и высокочастотна¹² (табл. 7). Основное отличие касается связок прош. вр., которые, как показано выше, располагаются в цепочке энклитик перед связками наст. времени.

Энклитики плюсквамперфекта и слабоударные местоимения

Статус энклитик в письменных памятниках древнего языка может тестироваться с опорой на статистику их сочетаемости со слабоударными элементами, которые, обладая полной свойств энклитик, имеют тен-

Правило Рангов позднерусских энклитик

ЧАСТИЦЫ					МЕСТОИМЕНЕНИЯ		СВЯЗКИ	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>же</i>	<i>ли</i>	<i>бо</i>	<i>бы</i>	<i>деи</i>	Дат. п.	Вин. п. / <i>ся</i>	1–3-е л. прош. вр.	1–2-е л. наст. вр.

денцию группироваться с ними, примыкая к цепочкам энклитик справа либо слева¹³ (см.: [Зализняк, 2008, с. 237; Zimmerling, 2012]). К таким элементам относятся полные формы позднерусских местоимений (*мне, тебе, намъ, вась, его, ему, имъ, ихъ* и т. п.), которые в XIV–XVII вв., то есть в эпоху упадка местоименных клитик, широко использовались в контекстах, не предполагавших логического выделения. А.А. Зализняк считает, что на основе сочетаний типа «связка + полное местоимение» нельзя сделать определенные выводы об атонировании элементов предложения [Зализняк, 2008, с. 237], но это суждение спорно. Если связки прош. вр. в конструкции плюсквамперфекта действительно имели свойства энклитик, а полные формы местоимений их в этот же период не имели, можно сделать следующий прогноз:

(ii) В контактных последовательностях типа <дал> **был** + *ему*, разрешены как порядок <дал> *его был*, так и порядок <дал> **был** *ему*, но из этих порядков статистически преобладает, при условии, что атонирование элементов типа *ему* связано в определенной линейной позиции.

Материал памятников XIV–XVII вв. подтверждает прогноз (ii). Рассмотрим отдельно комбинаторику слабоударных личных место-

имений в предложениях с конструкцией плюсквамперфекта в 3-м л. и в 1–2-м лице.

Слабоударные личные местоимения в конструкции с плюсквамперфектом в 3-м лице. В Старорусском корпусе нет инструментов лексико-грамматического поиска, что ограничивает размер выборки. Выборка была сформирована по итогам серии запросов вида <л-форма глагола *быти*> + <личное местоимение в Дат. п. / Вин. п.> в контактной последовательности, на расстоянии <-1; 1>. После отсева нерелевантных примеров было выделено 15 предложений с конструкцией плюсквамперфекта, в 13 из которых реализуется порядок <дал> *был ему*, где предполагаемое атонируемое местоимение примыкает к энклитике плюсквамперфекта справа (табл. 8). В 2 предложениях реализуется порядок <дал> *ему был*, где предполагаемое атонируемое местоимение примыкает к энклитике плюсквамперфекта слева. Один автор (А. Курбский) использует оба порядка: примеры из текстов этого автора выделены в таблице 8 серым маркером. Это соответствует прогнозу (ii) о том, что местоимения типа *ему* не обладали полнотой свойств энклитик.

В полоцких грамотах <дал> *был ему* тоже преобладает, но контраст меньше: 12 примеров с постпозицией местоимения против 6 примеров с препозицией (см. табл. 9).

Таблица 8

Сочетания энклитик плюсквамперфекта со слабоударными местоимениями 3-го л. (по материалам Старорусского корпуса НКРЯ)

Постпозиция местоимения, тип <дал> <i>был</i> <i>ему</i>	Препозиция местоимения, тип <дал> <i>ему</i> <i>был</i>
<p><i>что были их</i> роздали великого князя тицы (1546–1547 гг.); <i>что Юсуф де был его отпустил</i> (Посольская кн., 1551–1555 г.); <i>казанские люди были нам изменили</i> (Посольская кн., 1551–1555 г.); <i>казанские люди были нам изменили</i> (Посольская кн., 1551–1555 г.); <i>да приказал мне был государь о Бакае царевиче</i> (Посольская кн., 1551–1555 г.); <i>да учали были нас грабити</i> (Посольская кн., 1551–1555 г.); <i>которую были мне оставили</i> (Посольская кн., 1551–1555 г.); <i>а он был его из заточения свободил</i> (А. Курбский, 1564–1583 гг.); <i>и велел был его извести</i> (И.П. Новосильцев, 1570 г.); <i>Варламовы племянники хотѣли были меня</i> и з дѣтьми <i>чародѣйствомъ извести</i> (И. Грозный, 1573 г.); <i>взялъ былъ ихъ</i> у него <i>Михаило</i> (1608 г.); <i>задушил было меня</i> (Аввакум, 1672–1675 гг.); <i>а червонные золотые дала была имъ</i> Гришова жена <i>Самойлова</i> (1690 г.)</p>	<p><i>бо уродился ему был тогда сын Димитрий</i> (А. Курбский, 1564–1583 гг.); <i>бо нам было не стало аки бы на 9 дней</i> (А. Курбский, 1564–1583 гг.)*</p>
13	2

Примечание. * – еще один пример из того же памятника показывает местоимение в Род. п.: *И что их было осталось* (А. Курбский, 1564–1583 гг.).

Сочетания энклитик плюсквамперфекта со слабоударными местоимениями 3-го л. в полоцких грамотах

Тип <дал> был ему	Тип <дал> ему был
а <u>слюбил</u> , <u>дѣи</u> , <u>был ему</u> за тот товар сол(ь) же прислати (№ 166, 1464–1465 гг.); што ваш немѣчинъ Смолбѣх Ганусъ <u>имѣль</u> <u>был намъ</u> и <u>справити</u> звонъ (№ 211, 1476 г.)	И внѣ <u>имъ почал</u> <u>был</u> кривды и втиски великии делати через тое право <u>маитьбарьское</u> (№ 381, 1502 г.)
12	6

Слабоударные личные местоимения в конструкции плюсквамперфекта 1–2-го лица. Материал оказался скудным. Примеров постпозиции местоимения при порядке *есми был ему* в Старорусском корпусе нет, при порядке *был есми ему* корпус фиксирует 3 примера. При передаче контекста как *были есте нам ялися* (Новг. Карамзинская летопись, ок. 1400–1450 гг.) в летописях XVI–XVII вв. предпочтителен дистантный порядок *что были есте ялися нам* (Никоновская летопись, 1526–1530 гг. и Пискаревский летописец, ок. 1600–1650 гг.). В полоцких грамотах примеров контактного порядка *есми был* нет, при порядке *был есми* возможна как постпозиция *был есми ему* (6 примеров), так и препозиция местоимения *ему был есми* (3 примера). В 3 предложениях в 1-м л. мн. ч., где связка наст. вр. в плюсквамперфекте опущена, местоимения стоят в препозиции связке прош. вр., см. пример (12), где *то*, и *имъ* могут быть безударными словами:

(12) и мы **то имъ** были по|тврдили нашим листомъ (№ 377, 1501–1502 гг.).

Позиция слабоударных местоимений. Сводная статистика сочетаний энклитик плюсквамперфекта со слабоударными местоимениями дается ниже в таблице 10.

Материал подтвердил гипотезу о том, что слабоударные местоимения в позднерусский и старорусский периоды, в отличие

от связок прош. вр., не имели фиксированного места в Правиле Рангов энклитик в XV–XVI веках. В данный период предпочтительна постпозиция местоимения связкам плюсквамперфекта при порядке <дал> *был (есми) ему*, но не запрещена и препозиция при порядке <дал> *ему был (есми)*. Западные диалекты, вероятно, имели более широкие возможности для препозиции слабоударных местоимений связкам, ср. данные полоцких грамот и аналогичные примеры из текстов авторства А. Курбского (XVI в.), отражающих влияние языка Великого княжества Литовского. Для проверки этого предположения требуется расширение географии памятников.

Эволюция порядка слов в русском языке (выводы)

Мы показали, что в позднерусский период не было единого порядка расположения связок плюсквамперфекта, комбинация которых была возможна в 1–2-м лице. Вопреки предыдущим описаниям, сосуществование порядков *дал есми был* ~ *дал был есми* в XIV–XVI вв. мы трактуем как свидетельство не того, что клитизация связок прош. вр. не была завершена, а того, что разные группы памятников, имевшие разную географическую локализацию, обобщили разные Правила Рангов энклитик плюсквамперфекта. Порядок *дал есми был* характерен для деловых московских памятников первой половины XV в., поря-

Таблица 10

Сочетания энклитик плюсквамперфекта со слабоударными местоимениями 1–3-го л. (сводная статистика)

Источники	Постпозиция, тип <дал> был (есми) ему	Препозиция, тип <дал> ему был (есми)
Старорусский корпус	16	3
Полоцкие грамоты	18	12
<i>Всего</i>	34	15

док *дал был есми* – для полоцких грамот конца XIV – начала XVI вв., в XVI в. он побеждает и в московских памятниках. Материал дает основания для того, чтобы признать связку прош. вр. при порядке *дал был есми* энклитикой. Во-первых, связка *был* не встречается в начальной позиции, предложения вида *#*был... дал* не зафиксированы. Во-вторых, во внутриклаузуальной позиции грамматикализован контактный порядок связок #...*был есми... дал* ~ #*дал был есми*, независимо от препозиции или постпозиции глагола. Такая дистрибуция характерна именно для цепочек энклитик в языках с законом Ваккернагеля.

Грамматикализация порядка #...*был есми* вместе с тем отступает от исторического принципа расширения Правила Рангов, согласно которому более поздние энклитики добавляются к правому краю цепочки из хронологически более ранних энклитик (ср.: [Зализняк, 2008, с. 47; Циммерлинг, 2002, с. 82; Zimmerling, 2012]). Косвенным продолжением того же принципа можно считать тенденцию к постановке слабоударных позднерусских местоимений после энклитик прош. времени. Напротив, вставка связки *был* перед хронологически более ранней связкой наст. вр. *есми*, или, в другой интерпретации, тенденция к клитизации *есми* к правому краю всего глагольного комплекса *дал был*, знаменует усиление синтаксического принципа расстановки энклитик. В этом плане русский язык XIV–XVI вв. демонстрирует неустойчивое равновесие двух принципов организации предложения. Позиция связок может быть одновременно объяснена как в перспективе старой системы, основанной на законе Ваккернагеля и Правиле Рангов энклитик, так и в перспективе новой, где связки упорядочиваются как элемент глагольной группы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа написана при поддержке РНФ, проект № 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемый в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина. Я благодарю анонимных рецензентов, а также профессора П.В. Петрухина и академика А.М. Молдована за высказанные замечания при подготовке статьи к опубликованию. Ответственность за все недочеты лежит на авторе.

This paper was funded by the Russian Science Foundation, project no. 18-18-00462 “Communicative-Syntactic Interface: Typology and Grammar” implemented at Pushkin State Russian Language Institute. I am grateful to anonymous reviewers and to Professor Pavel V. Petrukhin and Academician Alexandr M. Moldovan for the comments. The sole responsibility is on the author.

² В летописях раннедревнерусского периода, видимо, имеется только один контекст, где редакторы параллельных версий одного и того же эпизода употребили разные конструкции плюсквамперфекта. В рассказе об убийстве Андрея Боголюбского (1174 г.) в Суздальской летописи использован оборот с *быль*: *а всѣхъ невѣрныхъ оубищъ . числомъ . ꙗко . Иже сѧ были сѧди . на ѡканьнии свѣтъ . того дни . оу Петра оу Кучкова зѧмѧ* (Лавр., л. 124 об., под 1175 г.), а в Киевской летописи – книжный плюсквамперфект с *бѧху*: *а всихъ невѣрныхъ оубищъ . ꙗко . числомъ . иже сѧ бѧху сѧди на ѡканьнии свѣтъ . томъ дни оу Петра оу Кучкова . зѧмѧ* (Ипат., л. 207, под 1175 г.). О видо-временной семантике конструкций плюсквамперфекта в данном контексте см.: [Петрухин, Сичинава, 2008, с. 235].

³ Формы на *-е* в *был-е* и *наделил-е* в грамоте № 705, а также *сталь* <=*стал-е*> в грамоте № 510 отражают морфологию новгородского диалекта, где окончание Им. п. м. р. ед. ч. на *-е* было характерно не только для существительных тематического склонения, но и для прилагательных и причастий на *-л*.

⁴ О видо-временном значении оборота *прельстиль мѧ еси быль* в данном контексте см. [Петрухин, Сичинава, 2006, с. 201]. В Ипатьевской летописи в параллельном месте использован перфект: *се оуже прельстиль мѧ еси дѧволе* (Ипат., л. 72). О языке рассказа об Исакии Печерском см.: [Гиппиус, 2008, с. 8].

⁵ Последние по времени тексты, включенные в Старорусский корпус НКРЯ, относятся к первой трети XVIII века. К этой группе относятся сочинения И.Т. Посошкова.

⁶ Последний текст на полоцком диалекте датируется 1528 годом.

⁷ Самым поздним древнерусским текстом, где энклитика *ти*₁ надежно диагностируется, является «Житие Андрея Юродивого», но совокупность текстологических данных всех списков этого памятника указывает на то, что эта черта восходит к архетипу текста.

⁸ На 18.07.2019 объем Старорусского корпуса НКРЯ составляет 4 779 документов, 339 204 предложения, 7 051 048 слов.

⁹ 4 примера с дистантным порядком *еси ... был* были добавлены после изучения выгрузки по запросу ‘ЕСИ БЫЛ’, поскольку те же тексты содержали и предложения с дистантным порядком компонентов.

¹⁰ В период 1460–1526 гг. плюсквамперфект 1–2-го л. при наличном составе Старорусского корпуса не фиксируется, что, скорее всего, отражает неравномерное заполнение корпуса.

¹¹ Регулярно используется лишь форма 1-го л. ед. ч. Дат. п. *ми* (более 30 примеров).

¹² Более 340 примеров.

¹³ Контактные последовательности связок плюсквамперфекта с несвязочными энклитиками не столь показательны для уточнения акцентного статуса самих связок. В древнерусском Правиле Рангов энклитик связки занимали конечное место, поэтому все энклитики рангов 1–7, так называемые энклитические частицы и старые местоименные энклитики, должны стоять в цепочке перед ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борковский В. И., Кузнецов П. С., 1963. Историческая грамматика русского языка. М. : Наука. 512 с.
- Гиппиус А. А., 1996. «Русская правда» и «Вопрошание Кириково» в Новгородской кормчей 1282 г. (к характеристике языковой ситуации в древнем Новгороде) // Славяноведение. № 1. С. 48–62.
- Гиппиус А. А., 2008. К проблеме редакций «Повести временных лет», II // Славяноведение. № 2. С. 3–24.
- Дойкина К. Ю., 2018. Глагольные энклитики в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 2. С. 156–169.
- Дойкина К. Ю., 2019. Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. № 16 (3). С. 400–419.
- Зализняк А. А., 1993. Лингвистические исследования // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 гг. М. : Наука. С. 191–321.
- Зализняк А. А., 2004. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М. : Яз. слав. культуры. 872 с.
- Зализняк А. А., 2008. Древнерусские энклитики. М. : Яз. слав. культуры. 280 с.
- Пенькова Я. А., 2014. О некоторых региональных различиях синтаксических стратегий в деловой письменности Руси XV в. // Письменное наследие информационных технологий : материалы от V междунар. науч. конф. (Варна, 15–20 сентября 2014 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София ; Ижевск. С. 297–300.
- Петрухин П. В., 2004. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. № 28. P. 73–107.
- Петрухин П. В., 2008. Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Дискурсивные категории / под ред. В. А. Плуменя, В. Ю. Гусева, А. Ю. Урманчиевой. М. : Индрик. С. 213–240.
- Петрухин П. В., 2013. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge. № 1. S. 74–98.
- Петрухин П. В., Сичинава Д. В., 2006. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер : К 60-летию В.М. Живова. М. : Яз. слав. культуры. С. 193–214.
- Петрухин П. В., Сичинава Д. В., 2008. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. № 1 (15). С. 224–258.
- Сичинава Д. В., 2013. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М. : АСТ-Пресс Книга. 384 с.
- Сичинава Д. В., 2019. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей // Вопросы языкознания. № 1. С. 30–57.
- Скачедубова М. В., 2016. Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи // Типология морфосинтаксических параметров : материалы Междунар. конф. М. : Моск. пед. гос. ун-т. Вып. 3. С. 280–289.
- Соболевский А. И., 1980. История русского литературного языка. Л. : Наука. 196 с.
- Толстая М. Н., 2000. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования. 1998–1999. М. : Индрик. Вып. 14. С. 134–143.
- Толстая М. Н., 2012. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура / под ред. А. А. Плотниковой. М. : Ин-т славяноведения РАН. С. 190–210.
- Циммерлинг А. В., 2002. Типологический синтаксис скандинавских языков. М. : Яз. слав. культуры. 896 с.
- Циммерлинг А. В., 2012. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. № 5. С. 3–37.
- Циммерлинг А. В., 2013. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М. : Яз. слав. культуры. 544 с.

- Храковский В. С., 2015. Плюсквамперфект и конструкция с частицей *было* в восточнославянских языках // Ватрослав Ягич і проблеми слов'язнознавства : зб. наук. праць. Кипв : Вид. Дім Дмитра Бурого. С. 287–298.
- Шевелева М. Н., 2007. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). С. 214–252.
- Franks S. L., King T. H., 2000. A Handbook of Slavic Clitics. Oxford : Oxford University Press. 424 p.
- Zimmerling A. A., 2012. Unified Analysis of Clitic Clusters in World's Languages // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). М. : Изд-во РГГУ. Вып. 11 (18), т. 1. С. 726–738.
- Zimmerling A., 2014. Clitic Template and Discourse Marker *TI* in Old Czech // New Insights into Slavic Linguistics. Series «Sprach und Kulturkontakte in Europas Mitte. Studien zur Slawistik und Germanistik». Frankfurt am Main : Peter Lang. P. 393–406.
- Zimmerling A., Kosta P., 2013. Slavic Clitics: A Typology // Language Typology and Universals (STUF). Vol. 66, № 2. P. 178–213.
- Gippius A.A., 1996. «Russkaya pravda» i «Voproshaniye Kirika» v Novgorodskoy kormchey 1282 g. (k kharakteristike yazykovoy situatsii v drevnem Novgorode) [“Russkaya Pravda” and “Voproshaniye Kirika” in the Novgorodskaya Kormchaya 1282 (To the Old Novgorod’s Language Situation)]. *Slavianovedenie*, no. 1, pp. 48–62.
- Gippius A.A., 2008. K probleme redaktsiy «Povesti vremennykh let», II [About the Problem of “Povest’ Vremennykh Let”. Version. II]. *Slavianovedenie*, no. 2, pp. 3–24.
- Doikina K. Yu., 2018. Glagolnye enklitiki v dukhovnykh i dogovornykh gramotakh velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. [Verbal Enclitics in Property Records and Treaties of Russian Grand and Local Princes in the 14th–16th Centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Philologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], no. 2, pp. 156–169.
- Doikina K. Yu. Nekotorye osobennosti sistema enklitik, otrazhennoy v polotskikh gramotakh [Some Peculiarities of Enclitic System in Polotsk Charts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], no. 16 (3), pp. 400–419.
- Zaliznyak A.A., 1993. Lingvisticheskie issledovaniya [Linguistic Studies]. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1984–1989 gg.* [Novgorod Birch Bark Letters from the Excavations of 1984–1989]. Moscow, Nauka Publ., pp. 191–321.
- Zaliznyak A.A., 2004. *Drevenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 872 p.
- Zaliznyak A.A., 2008. *Dreverusskie enklitiki* [Old Russian Enclitics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 280 p.
- Penkova Ya.A., 2014. O nekotorykh regionalnykh razlichiyakh sintaksicheskikh strategiy v delovoy pismennosti Rusi XV v. [Towards a Few Regional Differences of Syntactic Strategies in the 15th Century Russian Official Documents]. Baranov V.A., Zhelyazkova V., Lavrentyev A.M., eds. *Pismenoto nasledstvo i informatsionnye tekhnologii: materialy ot V mezhdunar. nauch. konf. (Varna, 15–20 septemvri 2014 g.)* [Written Heritage and Information Technology. Proceedings of the 5th International Conference (Varna, September 15–20, 2014)]. Sofia, Izhevsk, pp. 297–300.
- Petrukhin P.V., 2004. Perfekt i pluskvamperfekt v Novgorodskoy pervoy letopisi po Sinodalnomu spisku [Perfect and Pluperfect in Novgorod First Chronicle, Synodal Copy]. *Russian Linguistics*, no. 28, pp. 73–107.

ИСТОЧНИКИ

- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 587 с.
- Ипат. – Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб. : [б. и.], 1908. 638 с.
- Лавр. – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л. : [б. и.], 1926–1928. VIII с., 579 стлб.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Хлебн. – Хлебниковский список Ипатьевской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908. 638 с.
- Хорошкевич 2015 – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. 1 / под ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. 864 с.

REFERENCES

- Borkovskiy V.I., Kuznetsov P.S., 1963. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Russian Grammar]. Moscow, Nauka Publ. 512 p.

- Petrukhin P.V., 2008. Diskursivne funktsii drevnerusskogo knizhnogo pluskvamperfekta (na materiale Kievskoy i Galitsko-Volynskoy letopisey) [Discursive Functions of the Old Russian Pluperfect (Based on the Kiev and Galicia-Volyn Chronicles)]. Plungyan V.A., Gusev V.Yu., Urmanchieva A.Yu., eds. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 4. Diskursivnye kategorii* [Research on the Theory of Grammar. Iss. 4. Discursive Categories]. Moscow, Indrik Publ., pp. 213-240.
- Petrukhin P.V., 2013. K pragmatike sverkhshlozhnogo proshedshego vremeni v vostochnoslavianskoy pismennosti [Towards Pragmatics of the Hypercomplex Past Tense in East Slavic Writing]. *Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge*, no. 1, pp. 74-98.
- Petrukhin P.V., Sitchinava D.V., 2006. «Russkiy pluskvamperfekt» v tipologicheskoy perspektive [“Russian Pluperfect” in the Typological Perspective]. *Verenitsa liter: K 60-letiyu V.M. Zhivova* [String of Letters. To the 60th Anniversary of V.M. Zhivov]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 193-214.
- Petrukhin P.V., Sitchinava D.V., 2008. Eshche raz o vostochnoslavianskom sverkhshlozhnom proshedshe, pluskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstruktivakh [Once More on East Slavic Hypercomplex Past, Pluperfect and Modern Russian Dialect Constructions]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (15), pp. 244-258.
- Sitchinava D.V., 2013. *Tipologiya pluskvamperfekta. Slavyanskiy pluskvamperfekt* [Typology of Pluperfect. Slavic Pluperfect]. Moscow, AST-Press Kniga Publ. 384 p.
- Sitchinava D.V., 2019. Slavyanskiy pluskvamperfekt: prostranstva vozmozhnostey [Slavic Pluperfect: Loci Of Variation]. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 30-57.
- Skachedubova M.V., 2016. Pluskvamperfekt v Ipatyevskoy letopisi [Pluperfect in the Hypatian Chronicle]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov: materialy Mezhdunar. konf.* [Typology of Morphosyntactic Parameters. Proceedings of the International Conference]. Moscow, Moskovskiy Pedagogicheskii gosudarstvennyy universitet, iss. 3, pp. 280-289.
- Sobolevskiy A.I., 1980. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian Literary Language]. Leningrad, Nauka Publ. 196 p.
- Tolstaya M.N., 2000. Forma pluskvamperfekta v ukrainskikh zakarpatskikh govorakh: mesto vspomogatelnogo glagola v predlozhenii [Pluperfect form in Ukrainian Transcarpathian Dialects: Place of the Auxiliary Verb in the Sentence]. *Balto-slavyanskije issledovaniya. 1998–1999* [Balto-Slavic Studies. 1998–1999]. Moscow, Indrik Publ., iss. 14, pp. 134-143.
- Tolstaya M.N., 2012. Karpatoukrainskie enklitiki v yuzhnoslavianskoy perspektive [Carpathian Ukrainian Enclitics in the South Slavic Perspective]. Plotnikova A.A., ed. *Karpatobalkanskiy dialektnyy landshaft. Yazyk i kultura* [Carpathian-Balkan Dialect Landscape: Language and Culture]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 190-210.
- Zimmerling A., 2002. *Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh yazykov* [Typological Scandinavian Syntax]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 896 p.
- Zimmerling A., 2012. Sistemy poryadka slov v slavyanskikh yazykakh [Slavic Word Order Systems with Clitics]. *Voprosy jazykoznanija*, no. 5, pp. 3-37.
- Zimmerling A., 2013. *Sistemy poryadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskoy aspekte* [Word Order Systems in Slavic Against the Typological Background]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 544 p.
- Khrakovskiy V.S., 2015. Pluskvamperfekt i konstruktiv s chastitsey bylo v vostochnoslavianskikh yazykakh [Pluperfect and the Construction with bylo Particle in East Slavic Languages]. *Vatroslav Yagich i problemi slovyanoznavstva: zb. nauk prats* [Vatroslav Jagich and the Problems of Slavic Studies. Collection of Scientific Works]. Kiev, Vid. Dim Dmitra Burago, pp. 287-298.
- Sheveleva M.N., 2007. «Russkiy pluskvamperfekt» v drevnerusskikh pamyatnikakh i sovremennykh govorakh [“Russian Pluperfect” in Old Russian Literary Texts and in Modern Dialects]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (14), pp. 214-252.
- Franks S.L., King T.H., 2000. *A Handbook of Slavic Clitics*. Oxford, Oxford University Press. 424 p.
- Zimmerling A.A., 2012. Unified Analysis of Clitic Clusters in World’s Languages. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 30 maya – 3 iyunya 2012 g.)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 30 – June 3, 2012)]. Moscow, Izd-vo RGGU, iss. 11 (18), pp. 726-738.
- Zimmerling A., 2014. Clitic Template and Discourse Marker *TI* in Old Czech. *New Insights into Slavic*

Linguistics. Series "Sprach und Kulturkontakte in Europas Mitte. Studien zur Slawistik und Germanistik". Frankfurt am Main, Peter Lang, pp. 393-406.

Zimmerling A., Kosta P., 2013. Slavic Clitics: A Typology. *Language Typology and Universals (STUF)*, vol. 66, no. 2, pp. 178-213.

SOURCES

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual Testaments and Treaties by The Grand and Local Princes of the 14th – 16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 587 p.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 2. Ipatyevskaya letopis [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2. Hypatian Chronicle]. Saint Petersburg, 1908. 638 p.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1. Lavrentyevskaya letopis [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Laurentian Chronicle]. Leningrad, 1926–1908. VIII p. 579 col.

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Khlebnikovskiy spisok Ipatyevskoy letopisi [Khlebnikov Copy of the Hypatian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 2. Ipatyevskaya letopis* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2. Hypatian Chronicle]. Saint Petersburg, 1908. 638 p.

Khoroshkevich A.L., ed. *Polotskie gramoty XIII – nachala XVI v. T. 1* [Polotsk Diplomas of the 13th – Early 16th Centuries. Vol. 1]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 864 p.

Information about the Author

Anton V. Zimmerling, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1, Bld. 1, 125009 Moscow, Russia; Chief Researcher, Pushkin State Russian Language Institute, Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia; Professor, Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St., 1, Bld. 1, 119991 Moscow, Russia, fagraey64@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5996-2648>

Информация об авторе

Антон Владимирович Циммерлинг, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, 125009 г. Москва, Россия; главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; профессор кафедры контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия, fagraey64@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5996-2648>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.5>

UDC 811.161.1'04:81'367.622
LBC 81.411.2-03

Submitted: 06.02.2019
Accepted: 03.09.2019

**NOUNS OF RELIGION SEMANTIC FIELD WITH SUFFIX *-stv/o/*
IN THE RUSSIAN OF 18th CENTURY
(EXAMPLIFIED BY LEXICOGRAPHIC WORKS OF THE CIVIL PRESS)**

Sergey V. Feliksov

Perervinsky Theological Seminary, Moscow, Russia;
Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia;
Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the history of religious style formation in the Russian language. The research considers nouns of religion semantic field with a suffix *-stv/o/*, recorded in the 18th century Russian lexicographic works of civil press, which provide detailed representation of confessional vocabulary – *The Church Dictionary* by archpriest Peter Alekseev (1773–1794), *The Short Slavic Dictionary* by abbot Evgeny (Romanov) (1784) and *The Dictionary of the Russian Academy* (1789–1794). The paper features peculiarities in word-formation and semantic structure of nouns with a suffix *-stv/o/* belonging to religion semantic field. Their lexical and grammatical categories as well as thematic groups are described. The neologisms that appeared in the 18th century within these groups are revealed. Active development of word-formation models, arising in Russian in that period, has contributed to emerging word-formation patterns for the nouns of religion semantic field with a suffix *-stv/o/*, which have been established and analyzed. It is shown that despite the notable competition caused by existence of synonymous derivatives, nouns of religion semantic field with a suffix *-stv/o/* have sufficient representation in the dictionary system of the Russian language of the 18th century, forming a special layer of confessional vocabulary. It should be noted that the above mentioned word class, as well as Russian religious style as a whole, was going through the process of active formation in the 18th century.

Keywords: religious style, religious vocabulary, noun, suffix *-stv/o/*, Russian lexicography, Orthodoxy, the 18th century.

Citation. Feliksov S.V. Nouns of Religion Semantic Field with Suffix *-stv/o/* in the Russian of 18th Century (Exemplified by Lexicographic Works of the Civil Press). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 58–74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.5>

УДК 811.161.1'04:81'367.622
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 06.02.2019
Дата принятия статьи: 03.09.2019

**ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СЕМАНТИКИ НА *-СТВ/О/*
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ПЕЧАТИ)**

Сергей Владимирович Феликсов

Перервинская духовная семинария, г. Москва, Россия;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Россия;
Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова,
г. Москва, Россия

Аннотация. Данное исследование находится в русле проблем истории формирования религиозного стиля русского языка. Предметом рассмотрения являются имена существительных религиозной семантики на *-ств/o/*, зафиксированные в отечественных лексикографических произведениях гражданской печати XVIII в., наиболее полно описывающих конфессиональную лексику: «Церковном словаре» протоиерея Петра Алек-

сеева (1773–1794 гг.), «Кратком словаре славянском» игумена Евгения (Романова) (1784 г.) и «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.). Охарактеризованы словообразовательные и семантические особенности религиознимов-субстантивов на *-ств/o/*, описаны их лексико-грамматические разряды и тематические группы, в рамках этих групп выявлены новообразования XVIII века. Установлены и проанализированы словообразовательные параллели имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/*, возникшие в русском языке связи с активным развитием различных словообразовательных моделей. Показано, что, несмотря на ощутимую конкуренцию, обусловленную наличием синонимичных дериватов, религиознимы-субстантивы на *-ств/o/* широко представлены в словарной системе русского языка XVIII в., образуя особый лексический пласт конфессиональной лексики. Отмечено, что данный класс слов, как и в целом русский религиозный стиль, находился в XVIII в. в состоянии активного формирования.

Ключевые слова: религиозный стиль, религиозная лексика, имена существительные, суффикс *-ств/o/*, русская лексикография, Православие, XVIII век.

Цитирование. Феликсов С. В. Имена существительные религиозной семантики на *-ств/o/* в русском языке XVIII в. (на материале лексикографических произведений гражданской печати) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 58–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.5>

Введение

Научная проблема, связанная с изучением истории словообразовательного типа имен существительных с древнейшим словообразовательным формантом *-ств/o/*¹ применительно к русскому языку, была поставлена в отечественном языкознании еще в 1946 г. в программной статье академика В.В. Виноградова «О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв.» [Виноградов, 1946]. Наиболее значимыми откликами на нее стали работы Э.М. Ножкиной [1961], Ю.Г. Кадькалова [1967], В.В. Веселитского [1972], И.М. Мальцевой, А.И. Молоткова, З.М. Петровой [1975], Э.В. Алексеевой [1977], Л.В. Калининой [2009], О.И. Дмитриевой и О.Ю. Крючковой [2010], И.В. Ерофеевой [2010], Г.А. Николаева [2010]. Однако, несмотря на теоретико-практическую значимость трудов указанных авторов, необходимо констатировать, что имена существительные религиозной семантики на *-ств/o/* не стали в них предметом специального лингвистического анализа. Учитывая данное положение дел, а также тот факт, что рассматриваемые религиознимы-субстантивы² – значительный по своему составу и важный в коммуникативном отношении пласт конфессиональной лексики русского языка XVIII в., в предлагаемой статье делается попытка заполнить в определенной мере существующую в науке лауну.

Источниками для исследования стали словарные труды гражданской печати, явив-

шиеся первыми масштабными попытками лексикографического описания религиозной лексики русского языка не только в XVIII в., но и в целом в истории отечественной лексикографии: «Церковный словарь» протоиерея П.А. Алексеева (1773–1794 гг.)³, «Краткой словарь славянской» игумена Евгения (Романова) (1784 г.); «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.)⁴.

Методы исследования

В связи с поставленной целью – дать комплексную лингвистическую характеристику религиознимам-субстантивам на *-ств/o/*, выявленным в обследуемых словарных источниках, – в работе были использованы разные методы исследования. Описывая их прежде всего необходимо отметить, что выбор лексикографических произведений для языкового анализа, а также дифференциация содержащегося в них лексического материала в соответствии с его принадлежностью к религиозному стилю⁵ и семантическому полю «религия» осуществлялись на основе методов стилистического анализа и семантического поля. При выявлении особенностей словообразовательной структуры рассматриваемых дериватов на *-ств/o/*, а также анализе их словообразовательных параллелей, существовавших в русском языке к концу XVIII в., были применены методы морфемного и словообразовательного анализа. Для описания религиознимов-субстантивов в соответствии с лексико-грамматическими разрядами и тематическими груп-

пами использованы методы грамматического и тематического анализа. Особенности семантики изучаемых лексем, характерные для рассматриваемого периода, были выявлены посредством методов компонентного анализа словарных дефиниций и их сопоставления. Помимо этого, важнейшим методом исследования при анализе религионимов-субстантивов на *-ств/o/* в аспекте времени их возникновения в русском языке стал историко-этимологический анализ. В связи с этим необходимо отметить, что приведенные в работе выводы, касающиеся выявленных лексических новообразований XVIII в., анализа обследуемых лексикографических источников с точки зрения полноты отражения в них состава имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/*, а также словообразовательного анализа дериватов на *-тельств/o/*, были сделаны с опорой на историко-лингвистические данные, представленные в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.», «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, «Словаре русского языка XI–XVII вв.», «Словаре русского языка XVIII века», а также в «Хронологическом словнике», помещенном в коллективной монографии «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.» [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 305–343].

**Особенности
словообразовательной структуры
религионимов-субстантивов на *-ств/o/***

**Мономотивированные
религионимы-субстантивы на *-ств/o/***

I. Отсубстантивные образования.

Самую многочисленную группу среди религионимов-субстантивов на *-ств/o/*, зафиксированных в исследуемых лексиконах, составляют дериваты, образованные от имен существительных. В соответствии со своими словообразовательными особенностями они могут быть разделены на две группы: 1) дериваты, образованные от личных субстантивов; 2) дериваты, произведенные от неличных имен существительных.

1. Образования от личных имен существительных. Анализ рассматриваемых словарей свидетельствует, что для русского

языка XVIII в. высокопродуктивным является функционирование религионимов-субстантивов на *-ств/o/*, образованных от непроемных и произемных основ имен существительных славянского и иноязычного происхождения со значением лица.

Образования от непроемных личных имен существительных. Образования на *-ств/o/* от непроемных имен существительных составляют значительную группу религионимов-субстантивов, фиксируемых в словарных источниках. Большая часть этих дериватов создана на базе иноязычных (по преимуществу греческих) основ: *апостоль* (греч. *ἀπόστολος*) → *апостольство*; *аскитъ* (греч. *ἀσκητής*) → *аскитство*; *диаконъ* (греч. *διάκονος*) → *диаконство*; *игумень* (греч. *ἡγούμενος*) → *игуменство*; *епископъ* (греч. *ἐπίσκοπος*) → *епископство*; *параклитъ* (греч. *παράκλητος*) → *параклитство*; *царь* (лат. *caesar*) → *царство* (божие)⁶ и др.; реже регистрируются образования от основ славянского происхождения: *братъ* → *братство*; *господь* → *господство*; *мужь* → *мужество* и др.

Образования от произемных личных имен существительных. Другая значительная часть религионимов-субстантивов на *-ств/o/*, отмеченных лексикографами, образована от произемных основ имен существительных, различных с точки зрения морфемной структуры.

Образования от суффиксальных основ. Основную часть слов этой группы составляют дериваты, произведенные от простых основ имен существительных славянского происхождения, включающих в свой состав суффикс со значением лица *-ник-*: *мученикъ* → *мученичество*; *постникъ* → *постничество*; *пустынникъ* → *пустынничество* и др. В единичных случаях в лексиконах отмечаются образования от славянских и иноязычных основ с суффиксами названия лица *-ец-*, *-ыр-*, *-ык-*, *-ик-*, *-ин-*, *-ок-*, *-ух-*, *-ей-*, *-иан-*, *-ар-*: *старецъ* → *старчество*; *пастырь* → *пастырство*; *владыка* → *владычество*; *еретик* (греч. *αἱρετικός*) → *еретичество*; *воинъ* → *воинство* (божие); *инокъ* → *иночество*; *пастух* → *пастушество*; *иудей* (иврит. *jehudi*) → *иудейство*; *христианъ* (греч. *χριστιανός*) → *христианство*; *мытарь* (древненем. *mutari* или слав.) → *мытарство* и др.

Образования от префиксальных основ. Для дериватов этой группы характерно образование от славянских простых основ имен существительных, включающих в свой состав приставки славянского происхождения *без-*, *про-*: *безвѣръ* → *безвѣрство*; *пророкъ* → *пророчество* и др. Помимо этого, отмечаются образования от иноязычных основ с заимствованными префиксами, такими как *архи-* и *прото-*: *архіерей* (греч. *ἀρχιερεύς*) → *архіерейство*; *протопресвитерь* (греч. *πρωτοπρεσβύτερος*) → *протопресвитерство* и др.

Образования от сложных основ. Данные дериваты созданы на базе сложных основ (именных и глагольных корневых морфем) славянского происхождения: *грѣховодь* → *грѣховодство*; *злодѣй* → *злодѣйство*; *лихоимъ* → *лихоимство*; *любодей* → *любодейство*; *миелоимъ* → *миелоимство*; *пустосвятъ* → *пустосвятство*; *святотатъ* → *святотатство*; *смѣхотворь* → *смѣхотворство* и др. Исключения из этого правила немногочисленны: *іеродіаконъ* (греч. *ιεροδιάκονος*) → *іеродіаконство*; *иконоборъ* (греч. *εἰκόνα*) → *иконоборство* и др.

2. Образования от неличных имен существительных. Непродуктивным для русского языка XVIII в. является функционирование религионимов-субстантивов на *-ств/o/*, произведенных от неличных основ имен существительных славянского и иноязычного происхождения. В исследуемых словарях зафиксированы единичные случаи таких образований: *бракъ* → *брачество*; *блудь* – *блудство*; *пустыня* → *пустыньство*; *суббота* (арам. *šabbātā*) → *субботство*; *торгъ* → *торжество*.

II. Отадѣктивные образования. Вторую по численности группу среди имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/*, отмеченных в анализируемых лексиконах, составляют дериваты, образованные от имен прилагательных разных лексико-грамматических разрядов.

1. Образования от качественных и относительных имен прилагательных. Религионимы-субстантивы на *-ств/o/*, произведенные от простых славянских основ качественных и относительных имен прилагательных, составляют основную часть отадѣктивных образований, зафиксированных в анали-

зируемых словарях. Для данных дериватов характерно образование от основ, включающих в свой состав суффиксы *-н-* (*коварный* → *коварство*; *преподобный* → *преподобство* и др.), *-енн-* (*блаженный* → *блаженство*; *священный* → *священство*; *преосвященный* → *преосвященство* и др.), а также (в единичных случаях) *-ав-*, *-ив-*, *-лив-* (*лукавый* → *лукавство*; *оплазвивый* → *оплазвство*; *прозорливый* → *прозорливство*). Образования от сложных основ имен прилагательных указанных лексико-грамматических разрядов встречаются в исследуемых словарях реже: *высокопреосвященный* → *высокопреосвященство*; *злохитрый* → *злохитрство*; *присносуцій* → *присносущество* и др.

2. Образования от притяжательных имен прилагательных. В рассматриваемых словарях фиксируются единичные случаи религионимов-субстантивов на *-ств/o/*, образованных от основ притяжательных имен прилагательных (*кумовъ* → *кумовство*, *поповъ* → *поповство*, *сыновъ* → *сыновство*)⁷.

Полимотивированные религионимы-субстантивы на -ств/o/

Особых комментариев требуют широко представленные в изучаемых словарных источниках XVIII в. религионимы-субстантивы на *-ств/o/*, содержащие в своей структуре элемент *-тель-*: *благодѣтельство*, *иконописьтельство*, *лжесвидѣтельство*, *настоятельство*, *паствительство*, *первосвятительство*, *предстательство*, *священнограбительство*, *святительство*, *сострадательство*, *чистительство* и др. Имея в большинстве случаев полную трехкомпонентную словообразовательную цепочку (мотивирующий глагол → существительное с суффиксом действующего лица *-тель* → существительное на *-тельств/o/*), они могли сохранять тесную семантическую и словообразовательную связь как с глагольными основами, так и с основами личных имен существительных на *-тель*. Вследствие этого словообразовательные связи данных слов могут быть интерпретированы более точно в зависимости от того, какое значение – глагольное или именное – в них будет «выдвигаться» на первый план. Если на первый план «выдвигается» значение гла-

гольное, то в словообразовательной структуре данных дериватов возможно выделение словообразовательного «протяженного суффикса» *-тельств/o/* и их словопроизводство от глагольных основ, а если более обнаруживает себя именное значение, то необходимо выделение словообразовательного суффикса *-тель* и словопроизводство рассматриваемых лексических единиц от личных имен существительных [Пацюкова, 2014, с. 155–162; Шанский, 1968, с. 68–69]. Таким образом, данные дериваты характеризуются как «полимотивированные образования», лежащие «в точке пересечения двух словообразовательных типов» [Пацюкова, 2014, с. 161], то есть, по мнению ученых, словообразовательная структура в пределах одного и того же подобного образования может быть интерпретирована двояко [Пацюкова, 2014, с. 157].

В свете сказанного необходимо отметить, что глагольный компонент у зафиксированных в исследуемых словарях религионимов-субстантивов на *-ств/o/*, содержащих в своей структуре элемент *-тель-*, в большинстве случаев превалировал. Это соответствовало общей тенденции XVIII в., характерной для данного класса слов [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 78–79, 84], например: *настояти* → *настоятельство* – «начальство надъ монахами, управление братіи»; *иконописати* → *иконописание* – «изображеніе лицъ» (ЦС)⁸. Другая часть из отмеченных в лексиконах религионимов-субстантивов рассматриваемого типа соотносилась с основами имен существительных, так как в их семантике на первый план «выдвигается» именное, а не глагольное значение: *первосвятитель* → *первосвятительство* «санъ первосвященническойій»; *ругатель* → *ругательство* «брань, поносительные слова», «язвительные насмешки, шутки» (САР) и др.

Лексико-грамматические разряды и тематические группы религионимов-субстантивов на *-ств/o/*

Результаты проведенного лингвистического анализа словарей XVIII в. показывают, что суффикс *-ств/o/* мог оформлять как неконкретные (абстрактные и собирательные), так и конкретные имена суще-

ствительные религиозной семантики среднего рода.

I. Абстрактные религионимы-субстантивы на *-ств/o/*. Пласт отвлеченной лексики, представленный существительными религиозной семантики на *-ств/o/*, широко отражен в анализируемых словарных источниках. Оформляя данную группу дериватов, суффикс *-ств/o/* реализовал следующий спектр абстрактных лексико-семантических значений: значение отвлеченного признака; значение отвлеченного действия; значение отвлеченного состояния; отвлеченное понятие, которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно⁹.

1. Образования со значением отвлеченного признака. Согласно историко-лингвистическим исследованиям, значение отвлеченного признака с древнейшей поры являлось основным значением существительных на *-ств/o/*, которые образовались главным образом от основ имен прилагательных. Однако к XVIII в. количество таких производных заметно сократилось [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 80]. В связи с этим зафиксированные в рассматриваемых словарях религионимы-субстантивы данной группы не столь многочисленны. В семантическом плане они являются названиями свойств Троиственного Бога (*всемогущество*, *присносущество*, *сыновство*) и духовных свойств человека (*вѣжество*¹⁰, *прозорливство*), а также его положительных (*мужество*, *преподобство*, *сострадательство*) и отрицательных качеств (*коварство*, *лукавство*, *невѣжество*, *проньрство*). Для данных дериватов характерно образование преимущественно от адъективов славянского происхождения, называющих духовные свойства или качества лица.

2. Образования со значением отвлеченного действия. Акциональные субстантивы образуют самую многочисленную группу среди существительных религиозной семантики на *-ств/o/*, зафиксированных в анализируемых лексиконах. Они являются наименованиями действий человека, связанных с его аскетическими трудами и христианскими подвигами (*аскитство*, *богомольство*, *благодательство*, *молебство*, *мученичество*, *параклитство*, *постничество*, *пус-*

тынство и др.), в том числе обусловленных требованиями его церковно-иерархического положения (*настоятельство, пастырство, паствительство, святительство* и др.); отрицательных (греховных) действий человека (*блудство, грѣховодство, грѣхотворство, еретичество, зложелательство, идолонистовство, иконоборство, кознодѣйство, лжесвидѣтельство, лихоимство*¹¹, *любоудѣйство, обжирство, опийство, потворство, прелюбодѣйство, пустосвятство, рѣзоимство, самоубійство, святотатство, священнограбительство, смертоубійство, студоложество, чревонистовство* и др.); действий злых духов на душу человека (*мытарство*).

Приведенные дериваты, как видно, в большинстве своем произведены от основ имен существительных славянского происхождения, обозначающих лицо, характеризующееся определенным образом в духовно-нравственном аспекте.

3. Образования со значением отвлеченного состояния. Религионимы-субстантивы данной группы характеризуют состояние человека в духовно-нравственном аспекте. Они называют, с одной стороны, положительные духовные (благодатные) состояния человека (*благотворѣнство, блаженство, субботство* и др.), с другой – его отрицательные (греховно-безблагодатные) духовные состояния (*безбожство, безвѣрство, безстыдство, зловѣрство, злоньрство, злоковарство, опальство, студоложество, туньядство* и др.). Помимо этого, в словарях зафиксирован ряд лексем, обозначающих состояние лица, связанное с его социальным – церковным – статусом (*духовенство, иночество, іераршество, кумовство, монашество, чернецество* и др.). Для дериватов этой группы характерно образование от имен прилагательных славянского происхождения, называющих духовные свойства или качества лица, а также имен существительных, обозначающих лицо, характеризующееся определенным образом в духовно-нравственном аспекте.

4. Образования, обозначающие отвлеченное понятие, которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно. Обширную

тематическую группу имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/* составляют дериваты, являющиеся наименованиями степеней священной и правительственной иерархии, церковных должностей и званий, установленных в православной церкви, а также у римокатоликов: *апостольство, архіерейство, высокопреосвященство, діаконство, епископство, игуменство, іераршество, іерейство, іеродіаконство, ключарство, монашество, папешство, патріаршество, первосвятительство, первосвященство* и др. Значительное количество таких лексем образовано от иноязычных субстантивов, называющих лиц в соответствии с их церковным саном, званием, должностью.

Помимо этого, в словарях представлены единичными примерами религионимы-субстантивы на *-ств/o/*, являющиеся названиями религиозных течений и учений (*аріанство, блаженство, іудейство, христіанство*); видов церковной профессиональной деятельности (*иконописьтельство*); церковных календарных периодов (*попразднство, предпразднство*); церковных священнодействий (*таинство*); христианских добродетелей (*странноприемство*); чинов бесплотных духов (*господство*).

Важно отметить, что, несмотря на широкую представленность абстрактных имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/* в анализируемых лексиконах, ряд употребительных и зафиксированных в письменных источниках XVIII в. дериватов данного лексико-грамматического разряда оказался вне поля зрения лексикографов (см., например, зафиксированные в СлРЯ XVIII производные *богоотступничество, злодѣятельство, высокомѣрство, маловѣрство, бѣсовство, дьявольство* и др.

II. Собираемые религионимы-субстантивы на *-ств/o/*. Собираемые религионимы-субстантивы на *-ств/o/*, зарегистрированные в исследуемых словарях, немногочисленны. Среди них такие слова, как *братство, воинство (Божіе), духовенство, пресвтерство, священничество*. Приведенные лексемы, обладая семантикой собираемости, составляют тематическую группу слов, именующих совокупность членов земной и небесной Церкви Христовой. В слово-

образовательном отношении для данных дериватов характерно образование от существительных славянского (реже – иноязычного) происхождения, именующих церковных лиц.

Примечательно, что значение собирательности в изучаемых словарях не зафиксировано у таких слов, как *архіерейство*, *діаконство*, *іерейство*, *ієродіаконство*, *єпископство* и др., несмотря на тот факт, что некоторые из них были отмечены в собирательном значении в письменных источниках XVIII в., например: *архиерейство*, *иерейство* и др. (СлРЯ XVIII). Приведенные словарные данные свидетельствуют о том, что значение собирательности у религионимов-субстантивов на *-ств/o/* в XVIII в. не было еще в достаточной мере развито. Такое положение дел полностью соответствует общей тенденции, связанной с формированием лексико-грамматического значения собирательности у имен существительных в русском языке в данный исторический период [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 91].

III. Конкретные религионимы-субстантивы на *-ств/o/*. Наряду с неконкретными религионимами-субстантивами на *-ств/o/*, в рассматриваемых лексикографических источниках зафиксирован ряд существительных религиозной семантики с указанным формантом, относящихся к лексико-грамматическому разряду конкретных имен.

Данные дериваты созданы на базе субстантивов как иноязычного, так и славянского происхождения, называющих лиц в соответствии с их церковным саном, званием, должностью. Характеризуя их в тематическом аспекте, отметим, что они являются наименованиями церковно-богослужебных книг (*діаконство*, *пророчество*, *старчество*); церковно-богослужебных молитвословий (*діаконство*); церковных учреждений и владений по чину или сану их носителя (*игуменство*, *наместничество*). Семантика конкретности у приведенных лексем вторична (развилась на основе неконкретных значений).

В исследуемых словарях, как видно, религионимы-субстантивы с суффиксом *-ств/o/*, имеющие конкретное значение, представлены единичными примерами. В связи с этим важно констатировать, что из поля зрения составителей лексиконов выпала значительная груп-

па конкретной конфессиональной лексики на *-ств/o/*, являющаяся названием церковных учреждений и владений по чину или сану их носителя, которая была зафиксирована в письменных памятниках русского языка XVIII в., например: *архиерейство*, *викариатство*, *єпископство*, *єксаршество*, *пастырство* и др. (СлРЯ XVIII). Данное положение дел, как представляется, свидетельствует о том, что семантика конкретности у рассматриваемого класса слов в русском языке XVIII в. не была еще в достаточной мере сформирована.

Религионимы-субстантивы на *-ств/o/* в аспекте времени их появления в русском языке

Большая часть имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/*, помещенная в исследуемых словарях, в историко-лингвистическом отношении представляет собой пласт лексики, сложившийся в русском языке до XVIII века. В то же время важно отметить, что на страницах данных лексиконов зафиксированы и некоторые религионимы-субстантивы на *-ств/o/*, являющиеся новообразованиями XVIII в.: словообразовательными (*безбожничество*, *богопроповѣдничество*, *отшельничество*, *раболѣпство*, *первосвященство*, *сострадательство*, *суевѣрство*, *хвастовство*, *первосвященство*) и семантическими (*діаконство*, *монашество*, *христіанство*) (см. табл. 1).

Из приведенных примеров видно, что большинство новообразований в области дериватов религиозной семантики на *-ств/o/* относится к лексико-грамматическому разряду абстрактных имен существительных, образованных по продуктивной для XVIII в. словообразовательной модели, в соответствии с которой производящей базой выступает личный субстантив славянского происхождения.

Отметим также, что, несмотря на стремление составителей словарей фиксировать новые явления, происходящие в области лексики, некоторая часть религионимов-субстантивов на *-ств/o/*, вошедшая в русский язык в XVIII в., не была зарегистрирована. См., например: *апостатство*, *добротворство*, *заворничество*, *жадничество*, *каноничество* и др. (СлРЯ XVIII).

**Новообразования среди религионимов-субстантивов на *-ств/o/*,
зафиксированные в лексикографических произведениях XVIII в.**

Религионимы-субстантивы на <i>-ств/o/</i>		
Неконкретные		Конкретные
Абстрактные	Собирательные	
<i>От субстантивных</i>		
<i>Безбожничество</i> «Безбожіе, нечестіе» (САР) <i>Богопроповѣдничество</i> «малоупотр. Званіе Богопроповѣдника» (САР) <i>Отшельничество</i> «Пустынничество, безмолвіе» (САР) <i>Работѣничество</i> «Приличное рабам повиновеніе» (САР) <i>Сострадательство</i> «Жалость, чувствительность къ несчастіямъ другаго» (САР) <i>Суевѣрство</i> «То же что и Суевѣріе» (САР) <i>Хвастовство</i> ¹² «Похвальба, тщеславность» (САР)	<i>Монашество</i> «Во образѣ собирательнаго имени. Всѣ монахи» (САР) <i>Христіанство</i> «Собраніе вѣрующихъ во Христа» (САР)	<i>Діаконство</i> «особая книга, в кою собрано все то, что надлежитъ до діаконской должности въ священнослуженіи и прочихъ потребахъ церковныхъ» (ЦС)
<i>От дѣктивных</i>		
<i>Первосвященство</i> «Санъ первосвященческой» (САР)	–	–

**Особенности семантики
религионимов-субстантивов на *-ств/o/***

Анализ историко-лингвистических данных свидетельствует, что к началу XVIII в. религионимы-субстантивы на *-ств/o/* в значительной своей части были полисемантичны, например: *архидіаконство*, *архимандритство*, *добротворство*, *каноничество*, *лукавство*, *пастырство* и др. (СЛРЯ XVIII). В этой связи важно отметить, что в исследуемых словарях весь объем значений указанных лексем не описывается. В большинстве случаев лексикографами фиксируется одно значение многозначного деривата религиозной семантики на *-ств/o/*: *пресвѣтерство* – «собрание старших, то есть священников» (ЦС); *іерейство* – «Звание, должность іереевъ» (САР) и др., реже приводится два и более значений.

В отдельных случаях составители словарей не только фиксируют разные значения имен

существительных на *-ств/o/*, но и различают их лексико-семантические варианты в зависимости от светской и религиозной сфер их функционирования: в начале словарной статьи описывается значение слова, характерное для светского контекста употребления данной лексической единицы, а затем – для религиозного, например: *братство* – «собрание или союзъ братій... Особенно же значить: общество монашествующихъ» (ЦС); *господство* и *господствие* – «1) Владычество, верховная власть, начальство... 2) Царство, владение, государство, область. 3) Въ церк: книгахъ: Единый изъ степеней Ангельскихъ» (САР) и др.

В рамках словарных статей объединяются, как правило, абстрактные значения религионимов-субстантивов на *-ств/o/*: *папѣжство* – «чинъ и званіе епископа Римскаго... а индѣ значить отступленіе Римской церкви отъ восточной» (ЦС). Однако в ряде случаев под одной вокабулой приводятся собирательное и

абстрактное (сана, звания, должности и состояния) значения: *священничество* – «собрание священников, или старших въ духовенствѣ Епископовъ... Индѣ значить должность или званіе священническое» (ЦС); *монашество* – «1) состояніе монашеское... 2) Во образѣ собирательнаго имени. Всѣ монахи» (САР), а также абстрактное (сана, звания, должности) и конкретное значения: *игуменство* – «1) Санъ, достоинство, званіе игумна... 2) Обитель, которою управляетъ игумень» (САР).

Примерами наиболее богатых и разработанных по смысловому содержанию словарных статей, описывающих значения многозначного имени существительного религиозной семантики на *-ств/o/*, могут служить *таинство* (ЦС), *божество*, *пророчество* (САР).

В ряде словарных статей изучаемых лексиконов сведения о семантике дериватов на *-ств/o/*, обозначающих религиозные понятия, представлены крайне скупо, что затрудняет однозначную интерпретацию их лексического значения: *чистительство* – «священіе, священство» (ЦС); *лихоимство* – «взятки, скупы» (КСС); *чародѣйство* – «волшебство, ворожба» (САР) и др. Подобное упущение со стороны составителей словарей обуславливается главным образом недостаточной семантической дифференцированностью лексикогра-

фируемых единиц в русском языке XVIII века. У некоторых дериватов на *-ств/o/* в исследуемых словарях не фиксируется значение, характерное для религиозного контекста, несмотря на его регистрацию как в письменных источниках XVIII в., так и более ранних, например: *настоятельство* – «начальство, власть надъ другимъ» (САР); «настоятельство, начальство надъ монахами, управление братіи» (ЦС).

В то же время важно констатировать, что сопоставление объема сведений, приведенных в исследуемых словарях при лексикографировании существительных религиозной семантики на *-ств/o/*, с соответствующими данными, содержащимися в предшествующих лексикографических сочинениях («Лексиконъ славеноросскій» Памвы Берынды, 1653 г., «Лезиконъ треязычный» Федора Поликарпова, 1704 г.), свидетельствует о том, что первые (главным образом САР, ЦС) значительно превосходят последние как в количестве толкуемых единиц, так и в разработанности словарных статей в семантическом аспекте (табл. 2).

Религионимы-субстантивы на *-ств/o/* и их словообразовательные параллели

В связи с активным формированием словообразовательных моделей в русском язы-

Таблица 2

Примеры толкования религионимов-субстантивов на *-ств/o/* в лексикографических произведениях XVII–XVIII вв.

«Лексиконъ» П. Берынды	«Лезиконъ» Ф. Поликарпова	«Словарь Академіи Россійской»
<i>Блаженство</i>		
Блаженство, счастливость, фортуна	Блаженство, μακαριότης, beatitudo, beatitas	Блаженство... Благополучіе, счастье, благосостояніе, совершенное удовольствіе... Иногда прие́млетя за то ученіе Христова, которымъ онъ ублажаетъ своихъ послѣдователей нищихъ духомъ, кроткихъ, алчущихъ правды и проч.
«Лексиконъ» П. Берынды	«Лезиконъ» Ф. Поликарпова	«Церковный словарь» П.А. Алексеева
<i>Таинство</i>		
Таинство, священнодѣйство, урядъ, або справа священнодѣйственника	Тайна, μυστήριον, mysterium, arcanum. Таинство тоже	Таинство, или тайна... I. значить воплощеніе слова Божія... II. Евангельское ученіе... III. Таинство вѣры Христіанскія... IV. Воскресеніе, вознесеніе Христова, такъ же и второе его на судъ пришествіе... V. таинство церковное, которое по описанію Гавріила Филадельфійскаго есть вещь нѣкая священная чувствами постигаемая, силу же сокровенную божественную имѣющая, которою подаетъ спасеніе и потребная ко спасенію челоуѣческому...

ке XVIII в. в исследуемых лексикографических произведениях гражданской печати того времени широко представлены словообразовательные параллели у славянских и некоторых заимствованных имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/*. Данные словообразовательные ряды возникают в результате, с одной стороны, вовлечения в словопроизводство при номинации религиозного понятия разных однокорневых производящих основ, а с другой – использования синонимичных по отношению к форманту *-ств/o/* суффиксов славянского происхождения (*-ствиј-, -ениј-, -ниј-, -иј-, -ость*), присоединяемых к одним и тем же или разным однокорневым основам.

1. Одноосновные однокоренные словообразовательные параллели.

1. Словообразовательные параллели на *-ств/o/* и *-ствие*. Несмотря на то что для XVIII в. был характерен «всплеск» имен существительных на *-ствие* [Попова, 2008, с. 100], данные дериваты, по сравнению с однокорневыми образованиями на *-ств/o/*, гораздо реже встречаются на страницах изучаемых словарей. Это свидетельствует о том, что в рассматриваемой дублетной паре дериват на *-ств/o/* закреплялся в религиозном стиле того времени в качестве основного: *господство – господстви[јэ]*; *лукавство – лукавстви[јэ]*; *молебство – молебстви[јэ]*; *невѣрство – невѣрстви[јэ]*; *пророчество – пророчестви[јэ]* и др.

Данные дериваты чаще всего приводятся составителями словарей в качестве заголовочных слов в рамках одной словарной статьи как тождественные по своей семантике лексемы: *лукавство* и *лукавствие* – «Коварство, хитрость, пронырство» (САР). Выражая абстрактное значение, указанные тождесловы различались тем, что в именах на *-ствие* значение отвлеченности было вследствие «редупликации суффикса» представлено с большей степенью усиления по сравнению с именами на *-ств/o/* [Попова, 2008, с. 101]. По этой причине, думается, дериваты на *-ствие* могли восприниматься по отношению к образованиям на *-ств/o/* в русском языке XVIII в. как лексические единицы, в которых «книжность» ощущалась более отчетливо.

Подобная стилистическая маркированность рассматриваемых параллельных словообразовательных форм в отдельных случаях

обуславливала их различие в семантическом отношении: за формами на *-ствие* закреплялось религиозное значение слова, а за вариантами на *-ств/o/* – нерелигиозное, свойственное не только церковной, но и светской сферам употребления: *господствие* – «есть одинъ изъ чиновъ ангельскихъ»; *господство* – «...власть отъ Бога установленная» (ЦС).

2. Словообразовательные параллели на *-ств/o/* и *-ие*. Словообразовательные параллели имен существительных на *-ств/o/* и *-ие* одни из наиболее частотных в русском языке XVIII в. [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 61]: *безбожство – безбожи[јэ]*; *безвѣрство – безвѣри[јэ]*; *богомольство – богомоли[јэ]*; *многобожство – многобожи[јэ]*; *празнолюбство – празнолюби[јэ]*; *преподобство – подобі[јэ]*; *сквернословство – сквернослови[јэ]*; *славолюбство – славолюби[јэ]* и др. Объединение в данный синонимический ряд происходило на основе общих абстрактных значений (качества, состояния и др.), которые были характерны как для имен на *-ств/o/*, так и для дериватов на *-ие*.

При фиксации параллельных образований подобного типа составители лексиконов указывали на их семантическую эквивалентность: *преподобство* – «тоже что преподобіе... святость, честность, святыня» (ЦС); *многобожство* – «Зри Многобожіе» (САР). В то же время важно отметить, что данные словообразовательные пары могли различаться в русском языке в XVIII в. стилистически, о чем свидетельствуют нормативные пометы, имеющиеся в словарях: имена существительные на *-ие* были характерны для высокого стиля, а дериваты на *-ств/o/* – разговорного: *богомоліе* – «...просто же Богомольство» (САР).

Важно констатировать, что в количественном отношении субстантивы религиозной семантики на *-ие* преобладают над дериватами на *-ств/o/* в составе словников исследуемых лексиконов, отражая тем самым общую языковую тенденцию XVIII в., связанную с вытеснением слов со значением отвлеченного признака на *-ств/o/* синонимичными им образованиями на *-ие*.

3. Словообразовательные параллели на *-ств/o/* и *-ение*. В рассматриваемых лексиконах зафиксировано незначительное количество словообразовательных пар религиоз-

нимов-субстантивов на *-ств/o/* и *-ение*: *идолопоклонство* – *идолопоклонені*[jэ]; *кровомѣштво* – *кровомѣшені*[jэ]; *смиренство* – *смирені*[jэ]; *священство* – *священі*[jэ] и др. Появление данных конкурентных образований обусловлено наличием общего значения, связанного с выражением отвлеченного процессуального признака, свойственного и производным на *-ств/o/*, и дериватам на *-ение* [Сандуца, 2016, с. 94–96]. Выявленные словообразовательные параллели указанного типа фиксируются в словарях чаще как полностью равнозначные по своему значению: *кровомѣштво* – «тоже, что кровосмѣшеніе... тѣлесное совокупленіе въ близкомъ сродствѣ» (ЦС). Однако в отдельных случаях они семантически дифференцируются: за дериватами на *-ств/o/* закрепляется только значение отвлеченного признака, а за дериватами на *-ение*, помимо данного значения, – значения отвлеченного действия и отвлеченного понятия (которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно), например: *смиренство* – «скромность, кроткость нрава»; *смиреніе* – «(1) Униженіе, уничиженіе себя; приведеніе въ покорность. <...> 3) Кроткость, униженность; добродѣтель христіанская, производящая въ насъ внутреннее чувствіе въ разсужденіи нашей слабости» (САР).

4. Словообразовательные параллели на *-ств/o/* и *-ость*. Существительные на *-ость*, имея основное значение, связанное с выражением отвлеченного признака, образовывали параллельные ряды с именами на *-ств/o/*, вступая с ними в прямую конкуренцию, поскольку для последних это значение также издревле являлось основным [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 80], например: *свирѣштво* – *свирѣшность*; *смиренство* – *смиренность*; *учтивство* – *учтивость*; *храбрство* – *храбрость* и др. Как правило, фиксируемые в словарях данные одноосновные дериваты семантически эквивалентны: *смиренность* – «смиренство... скромность, кроткость нрава» (САР); *святство* – «то же что святость, святыня» (ЦС).

II. Разноосновные однокоренные словообразовательные параллели на *-ств/o/*.

1. Словообразовательные параллели на *-ств/o/* и *-ние*. Возникновение данных

словообразовательных параллелей обусловлено наличием общего значения – отвлеченного процессуального признака, характерного как для имен на *-ств/o/*, так и для дериватов на *-ние* [Сандуца, 2016, с. 94–96], например: *иконописательство* – *иконописані*[jэ]; *лихоимство* – *лихоимані*[jэ]; *благоговѣштво* – *благоговѣшні*[jэ]; *благодательство* – *благодѣяні*[jэ] и др. Как правило, указанные дериваты являются эквивалентными в семантическом плане: *лихоиманіе* и *лихоимство* – «...взимание лихвы; мздоимство» (САР), однако важно отметить, что в отдельных случаях они не обнаруживают в своем значении полного тождества: *иконописательство* – «... искусство, художество иконописное»; *иконописаніе* – «... писаніе образовъ» (САР). Конкуренция данных форм на протяжении XVIII в. в русском языке, как свидетельствуют словарные данные, является одной из наиболее ярко выраженных.

2. Словообразовательные параллели на *-ств/o/* и *-ость*. Разноосновные параллели имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/* и *-ость*, как и одноосновные, объединялись в словообразовательные ряды на основе способности выражать отвлеченный признак. При этом количество разноосновных конкурирующих дериватов указанного типа значительно превосходит количество одноосновных пар: *безпутство* – *безпутность*; *враждебство* – *враждебность*; *вѣроломство* – *вѣроломность*; *жадничество* – *жадность*; *покорство* – *покорливость*; *пронырство* – *пронырливость*; *раболѣштво* – *раболѣшность*; *сострадательство* – *сострадательность*; *стропотство* – *стропотность*; *суевѣрство* – *суевѣрность*; *хвастливостъ* – *хвастовство*; *щедротство* – *щедрость* и др.

Во многих случаях отмеченные дериваты семантически эквивалентны, например: *святство* – «то же что святость, святыня» (ЦС). При этом количество зафиксированных в анализируемых словарях религионимов на *-ость*, имеющих значение отвлеченного признака, значительно превосходит количество религионимов на *-ств/o/* с тем же значением. Этот факт позволяет сделать вывод о слабой позиции последних в рассматриваемой оппозиции. В то же время некоторая часть данных однокорневых параллелей выявляет

отсутствие тождества в семантике: за дериватами на *-ость* закрепляется значение отвлеченного признака, а за образованиями на *-ств/o/* – значение отвлеченного действия: *враждебство* – «действие тѣхъ, кои враждуютъ»; *враждебность* – «склонность къ враждованію, къ злобствованію» (САР). Данное обстоятельство позволяет говорить о проходящем в XVIII в. процессе семантической дифференциации лексем с рассматриваемыми формантами.

3. Словообразовательные параллели на *-ств/o/*. В изучаемых словарях фиксируются словообразовательные параллели существительных религиозной семантики, образованных от разных однокорневых производящих основ, но при помощи одного суффикса *-ств/o/*. Данные словообразовательные ряды по своим структурным особенностям могут быть разделены на две группы. Первую группу составляют пары, где в качестве одного из вариантов выступает производная лексема, образованная от существительного с суффиксом *-ник-*, например: *безбожничество* – *безбожество*; *пустынничество* – *пустынство*; *священничество* – *священство*. Вторую группу образуют пары, в которых в качестве одного из конкурирующих дериватов выступает слово, созданное на базе существительного на *-тельство/o/*, например: *иконописание* – *иконопись*; *паствительство* – *пастырство*. Анализ словарных статей, толкующих значение данных словообразовательных параллелей, свидетельствует о том, что среди них в равной степени фиксируются как сходные по своему значению производные: *пустынство* – «житіе въ пустыни» (ЦС); *пустынничество* – «...пустынное, безмолвное житіе» (САР), так и образования, различные по своей семантике: *пастырство* – «звание пастырское»; *паствительство* – «попеченіе о паствѣ» (ЦС).

Отметим также, что среди регистрируемых в исследуемых лексиконах религиозников-субстантивов на *-ств/o/*, *-ствие* и др., образующих словообразовательные параллели, основную часть составляют дериваты, вошедшие в русский язык до XVIII в., однако в отдельных случаях лексикографами зафиксированы словообразовательные ряды¹³, включающие в качестве конкурирующих про-

изводных и новообразования XVIII века¹⁴: *безбожничество* – *безбожество* – *безбожие*; *безстыдство* – *безстыдность*; *раболѣпство* – *раболѣпность* – *раблѣпіе*; *суевѣрство* – *суевѣрствіе* – *суевѣрность* – *суевѣріе*; *усердство* – *усердность* – *усердіе*; *покорство* – *покорливость* – *покорность* – *покорствованіе*; *смиренство* – *смиренность* – *смиреніе*; *сострадательство* – *сострадательность* – *состраданіе*. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что составители рассматриваемых лексикографических произведений, оказавшись в ситуации противоборства различных словообразовательно-орфографических начал, не пошли по пути «умолчания» или предельного сокращения вариантов производных слов, а избрали путь осмысления живых явлений, происходящих в русском языке в XVIII веке.

Заключение

Несмотря на то что словарные источники, по словам В.В. Веселитского, «сами по себе не в состоянии дать полной картины истории слов» [Веселитский, 1972, с. 14], поскольку, во-первых, как отмечал В.В. Веселитский, с определенным отставанием описывают словарный состав языка [Веселитский, 1972, с. 14], а во-вторых, по мнению А.И. Бовсуновской, «предполагают влияние субъективного языкового сознания составителя, представленного как в специфике отбора материала, так и в его толковании» [Бовсуновская, 2010, с. 315], тем не менее они представляют «особую ценность, поскольку призваны фиксировать определенный этап в формировании языка» [Бовсуновская, 2010, с. 315]. В этой связи представленный выше анализ рассматриваемых словарных источников XVIII в. на предмет лексикографического описания в них имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/* позволяет сделать следующие выводы.

1. Языковой анализ словообразовательного типа на *-ств/o/* выявил разнообразие основ, с которыми к концу XVIII в. мог соединяться данный суффикс при образовании существительных религиозной семантики. При этом наиболее продуктивной словообразовательной моделью, в соответствии с которой

образовывалась большая часть религиозно-именов-субстантивов на *-ств/o/*, является модель, где производящей базой выступает основа нарицательного имени существительного славянского или иноязычного (по преимуществу греческого) происхождения со значением лица.

2. Представленные результаты свидетельствуют, что суффикс *-ств/o/* мог оформлять как неконкретные, так и в редких случаях конкретные имена существительные среднего рода, выражающие религиозную семантику. При этом основным значением у данных дериватов к концу XVIII в. является не собирательное, а абстрактное значение, связанное главным образом с обозначением отвлеченного действия или сана, звания, должности. В целом же необходимо отметить, что семантика религиозно-именов-субстантивов на *-ств/o/* в данный период находилась в стадии своего активного развития.

3. В анализируемых словарных источниках среди религиозно-именов-субстантивов на *-ств/o/* было выделено в общей сложности 11 лексем, являющихся новообразованиями в русском языке XVIII века. Большинство из них составляют абстрактные дериваты отсубстантивного происхождения.

4. Наличие значительного количества словообразовательных параллелей у имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/* к концу XVIII в. было обусловлено не только активизацией в этот период альтернативных словообразовательных моделей, вовлеченных в процесс формирования пласта конфессиональной лексики русского языка по причине отсутствия сложившегося узуса, но и культурными противоречиями, проявлявшимися на семиотическом уровне в виде конкуренции церковнославянских и русских словообразовательных моделей. Само же объединение имен существительных на *-ств/o/* в синонимические ряды с дериватами на *-ствие*, *-ение*, *-ние*, *-ие*, *-ость* было возможным на основании общности их значения, связанного с выражением семантики абстрактности.

5. Несмотря на ощутимую конкуренцию, обусловленную наличием синонимичных дериватов, имена существительные религиозной семантики на *-ств/o/* закрепились в словарной системе русского языка XVIII в., обра-

зую особый лексический пласт конфессиональной лексики, что подтверждается самим фактом их широкой кодификации в исследуемых лексикографических произведениях. Однако нельзя не отметить и то, что данный класс слов, как и в целом русский религиозный стиль, находился в XVIII в. в состоянии своего активного формирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В современной лингвистической науке на происхождение суффикса *-ств/o/*, как справедливо отмечает И.В. Ерофеева, «существуют разные точки зрения. Некоторые исследователи считают его старославянским, другие – общеславянским» [Ерофеева, 2010, с. 342]. По мнению В.И. Дяттерева, суффикс *-ств/o/* – результат «сочетания» суффикса «относительных прилагательных *-ьск-* (от лично-именных основ) и суффикса **-tvo* (и. -е. **-tvam*)» [Дегтярев, 2014, с. 89]. «Алломорфами морфемы *-(e)ств*» являются в русском языке «морфы *-ств-* и *-еств-*», которые «находятся в отношении дополнительной дистрибуции» [Никитинская, 1977, с. 5–6].

² В статье в качестве классифицирующего именования для лексических единиц, служащих для обозначения религиозных понятий, используется термин «религионим». Данный термин, насколько нам известно, был введен в научный оборот Р.И. Горюшиной и Ю.Н. Михайловой [Горюшина, 2002; Михайлова, 2004]. Помимо этого, в указанном значении данный термин был неоднократно использован нами при описании результатов проводимых исследований (см., например: [Феликсов, 2009а]).

³ В работе к исследованию привлечены издания «Церковного словаря», вышедшие при жизни его автора: 1) первое издание: «Церковный словарь» (1773 г.), «Дополнение къ Церковному словарю» (1776 г.), «Продолжение Церковнаго словаря» (1779 г.); 2) второе издание: «Церковный словарь» (1794 г.). Подробнее о «Церковном словаре» П.А. Алексева см.: [Феликсов, 2009б].

⁴ Материалом для исследования послужили более 200 лексических единиц (имен существительных религиозной семантики на *-ств/o/*), извлеченных из указанных словарных источников.

⁵ Культурный конфликт, проявлявшийся в оппозиции церковнославянского и русского языков, ощущается общественным языковым сознанием ко второй половине XVIII в. не так остро, нежели в первой, поскольку образовавшееся к этому времени «гражданское наречие» получает «отсутствовавший у него прежде престиж», постепенно «захватывая» область богословской литературы [Живов,

2017, с. 954, 1087]. Указанное обстоятельство обусловило возможность издания словарей, описывающих религиозную лексику, в типографиях гражданской печати, что, свою очередь, во многом способствовало формированию религиозного стиля русского языка.

⁶ Здесь и далее этимологические сведения приводятся на основе словарных материалов, представленных на портале «Этимология и история слов русского языка» ИРЯ РАН (<http://etymolog.ruslang.ru/>).

⁷ Полагаем, вслед за Э.М. Ножкиной, что данные дериваты имеют отадъективное происхождение, так как в семантическом отношении у них наблюдается более тесная связь с притяжательными именами прилагательными, нежели с личными именами существительными [Ножкина, 1961].

⁸ Поскольку в семантическом отношении приведенные из ЦС существительные в отмеченном значении обнаруживают тесную связь с глаголом, обозначая отвлеченное действие, можно предположить, что они были произведены не от именных, а от глагольных форм.

⁹ При анализе в статье использована классификация лексических значений абстрактных имен существительных, представленная в работе Л.В. Калининой [2007].

¹⁰ Под «вѣжствомъ» понимается «мудрость, благоразумность», связанная с познанием Бога (САР).

¹¹ Лихоимство рассматривается как отрицательное (греховное) действие, поскольку оно связано с совершением поступков, обусловленных «излишней алчностью к приобретению имения» (Дьяч.), мздоимством (САР). На этом же основании к данной тематической группе отнесено слово *рѣзоимство* – «лихоимство, браніе роста» (САР).

¹² Данное слово образовано при помощи суффикса *-овств-* [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 78].

¹³ С одной стороны, семантика отвлеченного признака способствовала объединению существительных на *-ств/о/* (*-ствие*) с лексемами на *-ие* и с формами на *-ость*, обусловив появление многочисленных синонимических рядов на *-ств/о/* (*-ствие*) и *-ие*, *-ость*; с другой стороны, благодаря существительным на *-ство* происходило объединение в один синонимический ряд дериватов, выражающих качественность и глагольность [Мальцева, Молотков, Петрова, 1975, с. 67], вызвав появление многочисленных словообразовательных рядов на *-ств/о/*, *-ость*, *-ние* / *-ение*.

¹⁴ В статье новообразования XVIII в. среди религиозимов-субстантивов, входящих в рассматриваемые словообразовательные параллели, отмечены знаком «<».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Э. В., 1977. О морфологической структуре имен существительных с суффиксом *-ств(о)* // Филологические науки. № 3. С. 98–100.
- Бовсуновская А. И., 2010. Nomina agentis в двуязычных лексиконах XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. № 1. С. 315–320.
- Веселитский В. В., 1972. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М.: Наука. 319 с.
- Виноградов В. В., 1946. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Т. 5, вып. 3. С. 223–238.
- Горюшина Р. И., 2002. Лексика христианства в русском языке (системное отношение прямых конфессиональных и производных светских значений слов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 20 с.
- Дегтярев В. И., 2014. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). Ростов н/Д: Изд-во Юж. федер. ун-та. 344 с.
- Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю., 2010. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов: Науч. кн. 364 с.
- Ерофеева И. В., 2010. Производные образования с суффиксом *-ство* в номинации явлений средневековой действительности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. № 4 (1). С. 341–348.
- Живов В. М., 2017. История языка русской письменности: в 2 т. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке. Т. 2. С. 817–1297. В томах принята сквозная нумерация страниц.
- Кадькалов Ю. Г., 1967. Отвлеченные существительные на *-ие*, *-ье* в русском языке и их взаимодействие с именами существительными других суффиксальных типов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 17 с.
- Калинина Л. В., 2007. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных // Вопросы языкознания. № 3. С. 55–70.
- Калинина Л. В., 2009. Лексико-грамматический потенциал имен существительных с суффиксом *-ств(о)* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. № 1. С. 249–254.

- Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М., 1975. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л. : Наука. 371 с.
- Михайлова Ю. Н., 2004. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 20 с.
- Никитинская Р. П., 1977. Отвлеченные суффиксальные существительные среднего рода в русском литературном языке первой трети XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 21 с.
- Николаев Г. А., 2010. Русское историческое словообразование. М. : ЛИБРОКОМ. 184 с.
- Ножкина Э. М., 1961. Образование отвлеченных имен существительных с суффиксом *-ство* в древнерусском языке // Вопросы русского языкознания : сб. ст. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 31–50.
- Пацюкова О. А., 2014. Переразложение и закономерности развития протяженных аффиксов в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород. 365 с.
- Попова Т. Н., 2008. Книжные словообразовательные типы в диалектном словопроизводстве (суффикс *-ствие*) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Языкознание. № 3. С. 99–107.
- Сандуца А. А., 2016. Русские отглагольные существительные XVIII века (словообразовательный и функциональный аспекты) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 2, № 3. С. 93–106.
- Феликсов С. В., 2009а. П. А. Алексеев как лексикограф : дис. ... канд. филол. наук. М. 240 с.
- Феликсов С. В., 2009б. «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексеева // Русская речь. № 3. С. 80–87.
- Шанский Н. М., 1968. Очерки по русскому словообразованию. М. : Изд-во МГУ. 312 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Дьяч.* – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М. : Отчий дом, 2013. 1120 с.
- Берында П. Лексиконъ славеноросскій // Сахаровъ И. П. Сказанія русскаго народа. СПб. : Тип. Сахарова, 1849. Т. 2, кн. 5. С. 5–118.
- КСС* – Романовъ Е. Краткой словарь славянской. СПб. : В тип. Императ. сухопут. шляхет. кадет. корпуса, 1784. 171 с.
- Поликарповъ Ф. Леѣиконъ треѣзычный. М. : Синод. тип., 1704. 403 с.
- САР* – Словарь Академіи Россійской : в 6 ч. СПб. : В тип. Императ. Акад. наукъ, 1789–1794.

- СДРЯ XI–XIV* – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1–11. М. : Рус. яз. ; Азбуковник, 1988–2016.
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.
- СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л. : Наука, 1984–1991 ; Вып. 7–19. СПб. : Наука, 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 01.02.2019).
- Срезн.* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Репр. изд. 1893–1912 гг. М. : Знак, 2003.
- ЦС* – Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. М. : При Императ. Моск. ун-те, 1773. 396 с. ; Алексѣевъ П. А. Дополненіе къ Церковному словарю. М. : При Императ. Моск. ун-те, 1776. 324 с. ; Алексѣевъ П. А. Продолженіе Церковнаго словаря. М. : Тип. Императ. Моск. ун-та, 1779. 299 с. ; Алексѣевъ П. А. Церковный словарь : в 3 т. СПб. : При Императ. Акад. наук, 1794. Т. 1. 359 с. ; Т. 2. 412 с. ; Т. 3. 304 с.

REFERENCES

- Alekseeva E.V., 1977. O morfologicheskoy strukture imen sushchestvitelnykh s suffiksom *-stv(o)* [About Morphological Structure of Nouns with Suffix *-stvo (o)*]. *Filologicheskie nauki*, no. 3, pp. 98-100.
- Bovsunovskaya A.I., 2010. Nomina agentis v dvuyazychnykh leksikonakh XVII veka [Nomina Agentis in Bilingual Lexicons of the 17th Century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology. Art Criticism], no. 1, pp. 315-320.
- Veselitskiy V.V., 1972. *Otvlechnaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII – nachala XIX v.* [Abstract Lexicon in the Russian Literary Language of the 18th – Early 19th c.]. Moscow, Nauka Publ. 319 p.
- Vinogradov V.V., 1946. O zadachakh istorii russkogo literaturnogo yazyka preimushchestvenno XVII–XIX vv. [About Problems of History of the Russian Literary Language of Mainly the 17th – 19th Centuries]. *Izvestiya AN SSSR. Otd. literatury i yazyka*, vol. 5, iss. 3, pp. 223-238.
- Goryushina R.I., 2002. *Leksika khristianstva v russkom yazyke (sistemnoe otnoshenie pryamykh konfessionalnykh i proizvodnykh svetskikh znacheniy slov): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Vocabulary of Christianity in

- Russian (System Relation of Direct Confessional and Derived Secular Meanings of Words). Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.]. Volgograd, 20 p.
- Degtyarev V.I., 2014. *Kategoriya chisla v slavyanskikh yazykakh (istoriko-semanticheskoe issledovanie)* [Category of Number in Slavic Languages (Historical and Semantic Research)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Yuzhnogo federalnogo universiteta. 344 p.
- Dmitrieva O.I., Kryuchkova O.Yu. 2010. *Dinamika slovoobrazovatelnykh protsessov: semantiko-kognitivnyy, zhanrovo-stilisticheskyy, strukturnyy aspekty* [Dynamics of Word-Forming Processes: Semantico-Cognitive, Genre-Stylistic, Structural Aspects]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ. 364 p.
- Erofeeva I.V., 2010. Proizvodnye obrazovaniya s suffiksom -stvo v nominatsii yavleniy srednevekovoy deystvitelnosti [Derivative Structures with Suffix -stvo (-СТВО) in the Nomination of the Phenomena of Medieval Reality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya*. [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology], no. 4 (1), pp. 341-348.
- Zhivov V.M., 2017. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti: v 2 t.* [History of Language of the Russian Writing]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, vol. 2, pp. 817-1297
- Kadkalov Yu.G., 1967. *Otvlechennye sushchestvitelnye na -ie, -be v russkom yazyke i ikh vzaimodeystvie s imenami sushchestvitelnymi drugikh suffiksnykh tipov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Distracted Nouns on -ie, -be in Russian and Their Interaction with Noun Names of Other Suffixal Types. Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.] Moscow. 17 p.
- Kalinina L.V., 2007. K voprosu o kriteriyakh vydeleniya i otlichitelnykh primetakh leksiko-grammaticheskikh razryadov imen sushchestvitelnykh [On the Criteria of Determining Lexico-Grammatical Classes of Nouns and Their Distinguishing Marks]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 3, pp. 55-70.
- Kalinina L.V., 2009. Leksiko-grammaticheskyy potencial imen sushchestvitelnykh s suffiksom -stv(o) [Lexico-Grammatical Potential of the Nouns with the Suffix -stv(o)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya*. [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology], no. 1, pp. 249-254.
- Maltseva I.M., Molotkov A.I., Petrova Z.M., 1975. *Leksicheskie novoobrazovaniya v russkom yazyke XVIII v.* [Lexical New Growths in Russian of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ. 371 p.
- Mikhaylova Yu.N., 2004. *Religioznaya pravoslavnyaya leksika i ee sudba (po dannym tolkovykh slovarey russkogo yazyka): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Religious Orthodox Vocabulary and Its Fate (According to the Strong Dictionaries of the Russian Language). Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.]. Yekaterinburg. 20 p.
- Nikitinskaya R.P., 1977. *Otvlechennye suffiksnyye sushchestvitelnye srednego roda v russkom literaturnom yazyke pervoy treti XVIII v.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Distracted Suffixal Nouns of the Neuter Gender in the Russian Literary Language of the First Third of the 18th Century: Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.]. Moscow. 21 p.
- Nikolaev G.A., 2010. Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie [Russian Historical Word Formation]. Moscow, LIBROKOM Publ. 184 p.
- Nozhkina E.M., 1961. Obrazovanie otvlechennykh imen sushchestvitelnykh s suffiksom -bstvo v drevnerusskom yazyke [Formation of Abstract Nouns with Suffix -bstvo in Old Russian Language]. *Voprosy russkogo yazykoznanija* [Issues of Russian Linguistics. Collected Articles. Saratov]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, pp. 31-50.
- Patsyukova O.A., 2014. Pererazlozhenie i zakonmernosti razvitiya protyazhennykh affiksov v russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk [Redecomposition and Regularities of Development of Extended Affixes in Russian. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Nizhny Novgorod. 365 p.
- Popova T.N., 2008. Knizhnye slovoobrazovatelnye tipy v dialektnom slovoizvodstve (suffiks -stvie) [Book Word-Formation Types in a Dialect Word-Formation (Suffix -stvie)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism], no. 3, pp. 99-107.
- Sandutsa A.A., 2016. Russkie otglagolnye sushchestvitelnye XVIII veka (slovoobrazovatelnyy i funktsionalnyy aspekty) [Russian Verbal Nouns of the 18th Century: Derivational and Functional Aspects]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], vol. 2, no. 3, pp. 93-106.
- Feliksov S.V., 2009a. *P.A. Alekseev kak leksikograf: dis. ... kand. filol. nauk* [P.A. Alekseyev as a Lexicographer. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Moscow. 240 p.
- Feliksov S.V., 2009b. «Tserkovnyy slovar» protoiereya Petra Alekseeva [Church Dictionary of Archpriest Petr Alekseev]. *Russkaya rech*, no. 3, pp. 80-87.

Shanskiy N.M., 1968. Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu [Sketches on the Russian Word Formation]. Moscow, Izd-vo MGU. 312 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

Dyachenko G. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar* [Unabridged Church Slavonic Dictionary]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2013. 1120 p.

Berynda P. *Leksikon slavenorosskiy* [Slavic Russian Lexicon]. Sakharov I.P. *Skazaniya russkogo naroda* [Legends of the Russian People]. Saint Petersburg, Tipografiya Sakharova, 1849, vol. 2, book 5, pp. 5-118.

Romanov E. *Kratkoy slovar slavyanskoy* [Short Dictionary Slavic]. Saint Petersburg, V tipografii Imperatorskogo sukhoputnogo shlyakhetnogo kadetskogo korpusa, 1784. 171 p.

Polikarpov F. *Leksikon treyazychnyy* [Three Language Lexicon]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1704. 403 p.

Slovar Akademii Rossiyskoy: v 6 ch. [Dictionary of Russian Academy. In 6 Parts]. Saint Petersburg, V tipografii Imperatorskoy Akademii nauk, 1789-1794.

Slovar drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. T. 1–11 [Dictionary of the Old-Russian Language of the 11th–14th Centuries. Vol. 1–11]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Azbukovnik Publ., 1988–2016.

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Kyp. 1–30 [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Iss. 1–30]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2015.

Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Iss. 1–6. Leningrad, Nauka Publ., 1984–1991; Iss. 7–19. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992–2011. URL: [http:// feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm](http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm) (accessed 1 February 2019).

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t.* Repr. izd. 1893–1912 gg. [Materials for the Old Russian Language Dictionary According to Manuscripts. In 3 Vols. Reproduction Edition of 1893–1912]. Moscow, Znak Publ., 2003.

Alekseev P.A. *Tserkovnyy slovar* [Church Dictionary]. Moscow, Pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1773. 396 p.

Alekseev P.A. *Dopolnenie k Tserkovnomu slovaryu* [Addition to the Church Dictionary]. Moscow, Pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1776. 324 p.

Alekseev P.A. *Prodolzhenie Tserkovnago slovarya* [Continuation of the Church Dictionary]. Moscow, Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1779. 299 p.

Alekseev P.A. *Tserkovnyy slovar: v 3 t.* [Church Dictionary. In 3 Vols.]. Saint Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii nauk, 1794, vol. 1. 359 p.; Vol. 2. 412 p.; Vol. 3. 304 p.

Information about the Author

Sergey V. Feliksov, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Philology, Perervinsky Theological Seminary, Shosseynaya St., 82, Bld. 1, 109383 Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Pedagogics and Methodology of Primary Education, Saint Tikhon's Orthodox University, Novokuznetskaya St., 23, Bld. 5A, 115184 Moscow, Russia; Lecturer, Preparatory Office Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov, Staromonetny Lane, 5, 119017 Moscow, Russia, svfeliksov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5928-3311>

Информация об авторе

Сергей Владимирович Феликсов, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой филологии, Перервинская духовная семинария, ул. Шоссейная, 82, стр. 1, 109383 г. Москва, Россия; доцент кафедры педагогики и методики начального образования, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, ул. Новокузнецкая, 23, стр. 5А, 115184 г. Москва, Россия; преподаватель подготовительного отделения, Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова, пер. Старомонетный, 5, 119017 г. Москва, Россия, svfeliksov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5928-3311>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.6>

UDC 81'37:26-246/-247
LBC 81.053.1

Submitted: 14.05.2019
Accepted: 03.09.2019

LEXICAL MEANS OF CONSTRUCTING IMAGES OF GODLINESS DEVOTEES IN HAGIOGRAPHIC TEXTS ¹

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Irina A. Safonova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article provides some results of linguistic analysis carried out on biographies of female godliness devotees, that focuses on linguistic representation of culturally significant concepts and moral values of ethnos with religious-and-moral ideals as their central component in hagiographic texts of the 18th – 19th centuries. The authors point to the lexical units which belong to two semantic groups: the emotives and perceptives. To create the images of female godliness devotees, the units comprising each of the abovementioned lexical sets are used in a particular way, revealed by the authors. It has been stated, that specific character of emotive vocabulary use in hagiographic texts depends on its functional impact, with characterological function recognized as the major one. The emotive lexical units, regarded as key characteristics, contribute significantly to plot development and genre canonical structure realization. The criteria for selecting lexical units with semantics of perception as well as their pattern of use are determined by the language system peculiarities and existing concept of religious devotion. The paper reviews linguistic means of perceptual processes explication that are significant for describing godliness devotees. The research results establish the dominance of visual perception as a process that determines female devotees' interaction with the real world and the world beyond reality disclosed to them by the will of the God, (which is reflected in the direct meanings of linguistic units), as well as revealing a connection with mental activity (reflected in the figurative meanings of linguistic units).

Key words: hagiography, godliness devotee image, emotive vocabulary, perceptual vocabulary, lexical semantics, functioning.

Citation. Dmitrieva E.G., Safonova I.A. Lexical Means of Constructing Images of Godliness Devotees in Hagiographic Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 75-87. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.6>

УДК 81'37:26-246/-247
ББК 81.053.1

Дата поступления статьи: 14.05.2019
Дата принятия статьи: 03.09.2019

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПОДВИЖНИЦ БЛАГОЧЕСТИЯ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ¹

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ирина Александровна Сафонова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме языкового воплощения в агиографических текстах культурно-значимых смыслов, ценностных ориентиров этноса, центральным из которых является понятие религиозно-нравственного идеала. Материалом для изучения послужили жизнеописания подвижниц благочес-

тия XVIII–XIX веков. В центре внимания авторов находятся лексические единицы двух семантических групп – эмотивы и перцептивы. Установлены особенности, определяющие употребление единиц каждого из названных лексических множеств для создания образов подвижниц. Показано, что специфика использования эмотивной лексики в агиографическом тексте задается ее функциональной нагрузкой: в качестве основной функции признается характерологическая. Эмотивы входят в число «ключевых характеристик», играют важную роль в развитии сюжета и реализации жанрового канона. Отбор и специфика функционирования единиц с семантикой восприятия детерминируются особенностями языковой системы и существующими представлениями о подвижничестве. Рассмотрены средства языковой экспликации перцептивных процессов, значимых для описания подвижниц благочестия. Установлено доминирование зрительного восприятия как процесса, определяющего взаимодействие с реальным миром и миром, находящимся за границами реальности и открывающимся подвижницам по воле Господа (отражено в прямых значениях языковых единиц), а также обнаруживающего связь с мыслительной деятельностью (отражено в переносных значениях языковых единиц).

Ключевые слова: жизнеописание, образ подвижницы, эмотивная лексика, перцептивная лексика, лексическая семантика, функционирование.

Цитирование. Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А. Лексические средства создания образов подвижниц благочестия в агиографических текстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 75–87. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.6>

Введение

Отечественные подвижники благочестия всегда занимали значительное место в сознании русского народа: почитались их святость, неутомимое служение людям. Память о праведниках поддерживалась контактами с подвижниками, устной традицией и бытованием в агиографической литературе (об этом подробнее см.: [Буганов, 2009]).

Агиографический жанр долгое время являлся одним из самых распространенных в русской книжности, имел большое значение для формирования христианского мировоззрения [Творогов, 2005, с. 3], на протяжении веков оставаясь важнейшим средством поддержания культурной памяти русского народа. В.В. Красных, ссылаясь на Я. Ассмана, понимает культурную память как форму «трансляции и актуализации культурных смыслов», которая создает и воспроизводит идентичность сообщества, а также как некое знание, регулирующее деятельность человека и управляющее переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах и в обществе в целом [Красных, 2016, с. 132]. Центральное место среди ключевых культурных смыслов занимают представления о нравственном идеале.

При общей определенности ядра понятия нравственного идеала (см., например: [Воловикова, 2004; Иконникова, 1962; и др.]

в научной литературе предпринимались попытки разграничить его типы с опорой на различия в источниках тех морально-этических принципов, которым нужно следовать. Так, выделяется понятие религиозно-нравственного идеала и возникает необходимость говорить о специфике религиозно-этических принципов по отношению к морально-этическим принципам. Хотя различия между ними могут показаться несущественными, осмысление их через призму святости свидетельствует об исключительном характере религиозно-нравственного идеала [Дмитриева, 2018, с. 66].

В статье представлены результаты очередного этапа реализации проекта, ориентированного на изучение языковых средств создания нравственного идеала в разновременных агиографических текстах, поскольку именно святые своей жизнью воплощают нравственный идеал. Источниками для отбора фактического материала послужили жизнеописания подвижниц благочестия XVIII–XIX вв. (см. список источников)².

В рассматриваемых текстах показаны разные пути обретения Божественной благодати (праведничество, иночество, молчалиничество, преподобничество, старчество, юродство). Среди изучаемых жизнеописаний представлены пространные, повествующие о жизни подвижниц с рождения и до кончины (жизнеописание Сезеновской игуменьи Серафимы, в схиме Евфимии), и краткие, рассказываю-

шие о каком-то периоде жизни (жизнеописание рабы Божьей Татианы). Однако в текстовой и речевой организации анализируемых жизнеописаний обнаруживается общность, обусловленная во многом реализацией в них единого религиозно-нравственного идеала. Так, можно выявить повторяющиеся сюжетные мотивы, например смирение (см. об этом: [Стародубцева, 2018]), проявляющееся в отказе от должностей и наград, подражание учеников и др.

В языковом воплощении общность исследуемых житий обнаруживается в использовании лексических единиц разных тематических групп как средств создания образов подвижниц. В статье сосредоточим внимание на лексических единицах со значением эмоций и восприятия.

Эмотивные лексемы как средство характеристики подвижниц

Важную роль в выражении религиозно-нравственного идеала в агиографическом тексте играет лексика эмоций, что обусловлено ее особой функциональной нагрузкой.

Как отмечалось нами ранее, эмотивные лексемы в житиях выполняют характерологическую и текстообразующую функции [Дмитриева, 2011, с. 46]. К факторам, определяющим специфику реализации характерологической функции, относятся: 1) статус характеризуемого субъекта (святой / обычный человек); 2) характер обозначаемой глаголом эмоции (положительная / отрицательная / нейтральная) и ее интенсивность (низкая / средняя / высокая); 3) причина эмоционального переживания.

Принятое в науке деление эмоций на положительные и отрицательные в житийных текстах теряет свою однозначность, поскольку положительные эмоции могут оцениваться отрицательно, а отрицательные – положительно. Так, традиционно чувство страха, испытываемое по отношению к Богу, характеризует добродетель, а от смеха, хотя он и является выражением положительных эмоций, следует воздержаться:

(1) Благочестивымъ своимъ видомъ, благоговѣйнымъ стояніемъ во храмѣ, крестнымъ

знаменіемъ, поклонами, слезами и она невольно внушала **страхъ Божій**, который отъ нея не отступалъ никогда. Разъ, когда келейная ея громко **разсмѣялась**, она подошла къ ней, перекрестила ее и сказала: «Христось съ тобою, Аннушка; нехорошо, другъ мой, такъ **смѣяться**, да и нездорово» (МЕ, с. 144–145).

Усложнение эмоционального рисунка житий проявляется и в том, что одно и то же чувство по-разному оценивается в течение жизни подвижниц и перед их кончиной, ср.:

(2) Проводя земную жизнь свою **во страхѣ Божіемъ**, монахиня Елисавета сохраняла всегда въ сердцѣ и въ памяти своей мысль о смерти и тѣмъ облегчала себѣ переходъ изъ временной жизни въ вѣчную (МЕ, с. 147);

(3) ...она **безъ страха** переселилась въ вѣчность... (МЕ, с. 147);

(4) Но лицо ея оставалось неизмѣнно: соблюдая молчаніе, она не допускала себя **ни до одной улыбки радости, ни до слезы горя** (ВМ, с. 203);

(5) Предъ кончиною ея лицо освѣтила **радостная улыбка**, какой никогда не видали у нея при жизни (ВМ, с. 207).

Особенность в употреблении эмотивных лексем в исследуемых житиях проявляется в выражении ими высокой интенсивности эмоционального переживания. Как и в текстах более ранних периодов, для ее передачи используются единицы, обозначающие сильные эмоции и чувства, и разнообразные контекстуальные уточнители:

(6) Тогда **великою радостію** возсіяло лицо старицы, и она испустила духъ (ИМ, с. 15);

(7) Какъ **велика** была ея **вѣра** и какъ **глубока** ея **любовь**, давшія ей такую энергію и настойчивость въ дѣлѣ, не приносившемъ лично ей ничего, кромѣ лишений! (РБТ, с. 17);

(8) Я съ **величайшимъ** и **радостнымъ** удовольствіемъ жертвовалъ ей нѣсколько, хотя и занятыхъ, часовъ, дабы продлить ея присутствіе у меня... (СП, с. 278);

(9) Да и нельзя было не прилѣпиться **всѣмъ сердцемъ** къ этой благочестивой старушкѣ, – съ какой стороны ни разсматривать ее (СП, с. 278).

В этой связи представляет интерес употребление лексемы **любвеобильный** – «исполненный любви» (СЦСиРЯ, т. II, с. 273); «способный сильно любить или любить мно-

гих» (БТСРЯ, с. 509). Если в современном русском языке данное прилагательное имеет скорее отрицательный оттенок, то в анализируемых текстах выражает положительную характеристику:

(10) Впрочемъ, кроткая и **любвеобильная** Марѳа не приняла на себя должности постоянной надзирательницы и настоятельницы этого собравшегося къ ней семейства дѣвственницъ (ИМ, с. 13);

(11) Почти десять лѣтъ пробыла Ковригина въ Кронштадтѣ, исполняя завѣтъ Иларіона, но неугомимая старушка неудовольствовалась «сіяніемъ свѣточа въ своемъ только градѣ», – какъ говорила она, – а решила съ побыватъ въ Петербургѣ, «дабы и тамъ скорбные и нуждающіеся узнали о **любвеобильномъ** помощникѣ» (СП, с. 280).

Описывая жизнь подвижниц, автор подчеркивает любовь, которая повсюду их сопровождала:

(12) Она находила душевное утѣшеніе въ домѣ своего духовнаго отца, приходскаго священника о. Петра, **любившаго** ее (ИС, с. 174).

(13) «Вела себя она, говорилъ ей братъ, съ отличною кротостію и богоугодно, пользуясь **всеобщю любовію** не только въ семействѣ, но и отъ другихъ людей». Одушевленная такою **любовію** и кротостію нрава, Марѳа-труженица, часто, тайно отъ матери и отъ родныхъ, исполняла работы слуг... (ИМ, с. 11).

Частотное употребление лексем с семантикой любви, традиционно характеризующее тексты житий, с одной стороны, можно считать проявлением житийного канона, нацеленного на установление определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого «православного» мирочувствования. Устойчивости этой атмосферы, по мнению Б.И. Бермана, и способствовала устойчивость, неизменность житийного канона [Берман, 1982, с. 162]. С другой стороны, высокая частотность указаний на чувство любви связана с коренными особенностями национальной языковой картины мира, русской ментальности. Так, В.И. Шаховский, обращая внимание на то, что «наша аффективная жизнь связана с национальными (этническими) идеями», относит любовь к универсальным эмоциям [Шаховский, 2009, с. 34]. Тем не менее многие отечественные и зарубежные авторы в раз-

ные эпохи и независимо друг от друга отмечают, как показал Т.Б. Радбиль, особый «вселенский» характер русского понятия «любовь» [Радбиль, 2010, с. 248].

Сопоставление разных текстов показало, что на фоне общей частотности лексем с корнем *-люб-* могут быть выделены повторяющиеся «ключевые характеристики» подвижниц в рамках отдельных житий. Например, такой характеристикой в жизнеописании инокини Маргариты (Марфы) является *утешение*:

(14) «Она такъ была счастлива, по выраженію ея брата, что очень многіе постоянно ходили къ ней за совѣтами, либо съ просьбою **утѣшенія** въ скорби». И она обладала въ высшей степени даромъ совѣта и **утѣшенія** (ИМ, с. 11);

(15) «Когда и мне бывало огорченіе, рассказывалъ о себѣ братъ, я всегда обращался къ покойной сестрѣ-**утѣшительницѣ**» (ИМ, с. 11).

Лексемы с корнем *-див-* повторяются в жизнеописании игумении Евпраксии:

(16) Какъ игуменія, блаженная Евпраксія была **дивно**-мудрою (ИЕ, с. 249);

(17) Не разъ въ пути ей сопутствовалъ **дивный** свѣтъ... **дивный** столпъ огненный спасъ ее отъ ножа бѣглаго солдата... (ИЕ, с. 252);

(18) Когда омывали тѣло почившей, оно **дивно** само собою оказалось въ сидячемъ положеніи (ИЕ, с. 255).

Следует отметить, что в роли «ключевых характеристик» могут выступать не только эмоциональные лексемы. Так, мотив созидания, деятельности, труда настойчиво повторяется в жизнеописании первоначальниц Мензелинского Пророко-Ильинского женского монастыря игумений Евгении и Филареты:

(19) Дѣятельность этихъ двухъ **труженицъ** по устройенію обители такъ тѣсно связана... (ИЕиФ, с. 231);

(20) Но отшельницы не падали духомъ; оне усердно молились и еще усерднее **трудились**. А **трудились** онѣ едва-ли не болѣе всякаго рабочаго крестьянина... (ИЕиФ, с. 234);

(21) Память этихъ **труженицъ**-первоначальницъ благоговѣйно чтится признательною обителію (ИЕиФ, с. 239).

По-видимому, такие устойчивые характеристики призваны способствовать индивидуализации описаний.

Выявляя сквозные мотивы русской языковой картины мира, А.Д. Шмелев отмечает важность того, что «тема *счастья* в русской языковой картине мира неразрывно связана с темой любви» [Шмелев, 2005, с. 460]. Отражение этой идеи находим и в агиографических текстах:

(22) Неменьшую **любовь** и уваженіе постепенно приобрѣла Марѳа и внѣ своего семейства, въ городѣ. «Она такъ была **счастлива**, по выраженію ея брата, что очень многіе постоянно ходили къ ней за совѣтами, либо с просьбою угѣшенія въ скорби» (ИМ, с. 11).

Эмоциональная палитра изучаемых текстов разнообразна и не ограничивается только повторяющимися, «ключевыми характеристиками». В текстах описаны и особые эмоциональные состояния, связанные с религиозными переживаниями:

(23) Съ какимъ-то **особеннымъ религиозно-восторженнымъ чувствомъ** слушала Ковригина вечерню... (СП, с. 278).

Заслуживает внимания то обстоятельство, что важнейшие решения подвижницы и их близкие принимают, руководствуясь сердцем – чувствами, эмоциями:

(24) Родители Евѳиміи, люди благочестивой жизни, **сердцемъ своимъ чувствовали**, что ихъ дочь назначена для жизни не мірской, а духовной (ИС, с. 174);

(25) Вмѣстѣ съ Ефимомъ Моргачевымъ должна была отправляться и дочь ихъ Евѳимія; но для нея это отправленіе было **не по сердцу** (ИС, с. 175);

(26) Оставалась послѣдняя рѣшительная минута, и въ эту-то роковую минуту Евѳимія обратилась съ молитвою къ Создателю всяческихъ въ **сѣдственной горницѣ**. Ея **слезная** молитва услышана: невѣдомый голосъ **возвѣстилъ** ей три раза: «**не бойся**»... (ИС, с. 175–176).

Это позволяет говорить, что эмоциональная лексика играет важную роль и в развитии сюжета повествования.

Таким образом, в текстах жизнеописаний отечественных подвижниц благочестия XVIII и XIX вв. лексика эмоций используется для характеристики персонажей, участвует в реализации житийного канона и репрезентации важных элементов

русской языковой картины мира. Все это свидетельствует о том, что эмоции являются одной из ключевых составляющих представления о религиозно-нравственном идеале.

Перцептивные глаголы как средство описания подвижниц

Образ подвижницы создается разными лексическими средствами, важными среди которых являются перцептивные глаголы, номинирующие процесс взаимодействия человека с окружающим миром – от простого, «нейтрального», получения информации о реалиях до «эмоционально окрашенного» восприятия сведений о действительности.

Глаголы восприятия мы рассматриваем как единицы, формирующие отдельную лексико-семантическую группу, которая входит в состав лексико-семантического поля ‘действие’ (см. об этом: [Семантика древнерусского глагола..., 2015, с. 242]).

Специфика перцепции как вида деятельности детерминруется несколькими факторами, к наиболее значимым из которых относятся активность / пассивность воспринимающего субъекта и канал получения информации. В связи с этим перцептивные глаголы анализируются нами с учетом их дифференциации по разным основаниям. Характер воспринимающего субъекта (активный / пассивный) обуславливает выделение глаголов непреднамеренного и преднамеренного восприятия. Канал получения информации определяет способ восприятия, который, в свою очередь, задает выделение подгрупп глаголов с общим значением восприятия, зрительного восприятия, слухового восприятия, обоняния, осязания и глаголов, обозначающих восприятие на вкус (подробнее об этом см.: [Семантика древнерусского глагола..., 2015, с. 241–244]).

Для создания образов подвижниц в изучаемом материале используются глаголы с общим значением восприятия, глаголы зрительного восприятия и глаголы слухового восприятия. Употребление перцептивных глаголов в рассматриваемых жизнеописаниях обнаруживает сходства, которые проявляются

в характере значения лексической единицы (прямое или переносное).

Глаголы с общим значением восприятия, не содержащие в семантике указания на канал получения информации об окружающем мире, обозначают «синкретичное» восприятие, которое всегда осуществляется пассивным субъектом. Эта подгруппа представлена лексемами *чувствовать*, *перечувствовать*, *почувствовать*, которые, функционируя преимущественно в описаниях физического состояния подвижниц, реализуют переносные значения. Например:

(27) Между тѣмъ, тѣлесныя силы подвижницы сильно истощались. Марѳа **чувствовала** этотъ постепенный упадокъ силъ (ИМ, с. 14);

(28) Евѳимія тотчасъ же **почувствовала** облегченіе, силы возвратились... (ИС, с. 174);

(29) Но, **почувствовавъ** облегченіе, каждый разъ [болящие] откладывали поѣздку... (СП, с. 281);

(30) Покойная **почувствовала** болѣзнь съ января мѣсяца 1906 года (СИА, с. 434).

В приведенных контекстах глаголы *чувствовать*, *почувствовать* употребляются в сочетании с существительными *упадок (сил)*, *облегчение*, *болезнь*, а потому обозначают не получение информации с помощью органов чувств, а состояние субъекта, не являющееся результатом взаимодействия с окружающим миром.

Глагол *перечувствовать*, представленный единичным употреблением в жизнеописании игумении Серафимы (в схиме Евфимии), используется для описания смятения подвижницы:

(31) Много и очень много она [Евѳимія] **перечувствовала**: разныя мысли смѣнялись одна другою... (ИС, с. 176).

В данном случае рассматриваемый глагол реализует значение, связанное не просто с мыслительной деятельностью, но со сменой мыслительных операций (*пере-*). Актуализации этого значения способствует использование существительного *мысль* и глагола *сменяться*.

Глаголы зрительного восприятия могут обозначать непреднамеренное и преднамеренное восприятие, реализуя как прямые, так и переносные значения.

Непреднамеренное зрительное восприятие репрезентировано в изучаемых текстах лексемами *видать (увидать)*, *видѣть (увидѣть)*, *узрѣть*.

Глагол *видать (увидать)* используется и при описании подвижниц, и при описании людей из их окружения (нередко в сочетании с частицей *не*). Например:

(32) ...и, приказавъ чрезъ Бирюкова бывшимъ для поливки деревь женщинамъ спрятаться, чтобы **не видали** лица затворника... (ИС, с. 179);

(33) Среди многихъ видѣній, какихъ удостоивалась блаженная, она часто **видала** древною инокиню Акилину... (ИЕ, с. 252);

(34) Когда пришли сестры и **увидали** Евдокию здоровою, умилились и прославили Бога (ИЕ, с. 248);

(35) Но какъ радостно забилося сердце у Ковригиной, когда она **увидала** впервые этого дивнаго пастыря за вечернею службою... (СП, с. 278).

Рассматриваемые глаголы используются в изучаемых текстах преимущественно для номинирования получения сведений о других людях, о чем свидетельствует сочетание с нарицательными существительными *лицо*, *инокия*, *пастырь* и с антропонимом *Евдокия*.

Аналогичную тенденцию в употреблении обнаруживает глагол *видѣть (увидѣть)*. Реализуя прямое значение, *видѣть (увидѣть)* функционирует и в описаниях подвижниц, и в описаниях людей из их окружения. Например:

(36) Минуты кончины блаженной старицы Господу угодно было ознаменовать особеннымъ чуднымъ знаменіемъ, которое **видѣла** неотлучно сидѣвшая при ней сестра (Мавра) (ИМ, с. 15);

(37) ...смотрѣвшій изъ алтаря на приступавшихъ къ св. чашѣ помѣщикъ М. **видѣлъ** ее озаренною особымъ светомъ (ВМ, с. 201);

(38) ...ее [Ирину] **видѣли** на молитвѣ и въ башнѣ, и въ колодцѣ, и подъ церковью... (БИЗ, с. 230);

(39) Прежде всего на тѣлѣ почившей **увидѣли** «желѣзныя вериги» (ИМ, с. 15–16);

(40) ...вдругъ она... **увидѣла**, какъ ея келлія вдругъ открылась, и въ нее вошли два свѣтлыхъ мужа... (ИЕ, с. 248).

Преимущественно для создания образов подвижниц используется глагол *узрѣть*, синонимичный в рассматриваемом материале *увидѣть*.

(41) Затѣмъ сестра **узрѣла** несказанной красоты юношу... (ИМ, с. 15);

(42) За нѣсколько времени до смерти блаженная... **узрѣла** надъ собою распростертую десницу... (ИЕ, с. 252).

Употребление данного глагола в конструкции с существительными *юноша, десница*, номинирующими реалии, получение информации о которых может осуществляться с помощью органов зрения, подтверждает обозначение им зрительного восприятия.

Глагол *видѣть*, обнаруживающий широкие сочетаемостные возможности, отмечен в рассматриваемых текстах в конструкциях с абстрактными существительными, например:

(43) Она [Апфія]... не обременяла жертвователей просьбами, напротив, когда **видѣла** нужду у своего прежняго благодѣтеля, сама... помогала ему (СИА, с. 431).

Употребление *видѣть* в сочетании с существительным *нужда* свидетельствует о невозможности обозначения им зрительного восприятия, важнейшим условием которого является конкретность воспринимаемого объекта. В приведенном контексте анализируемый глагол номинирует не процесс получения информации об окружающем мире, а мыслительный процесс.

Для обозначения ментальной деятельности глагол *видѣть* используется также в следующем контексте:

(44) ...сердце ея предалось еще большей горести, **видя** владѣльцами родного ея дома чуждыхъ для нея... (ИС, 177).

Такое употребление данного глагола отмечено только в описаниях действий подвижниц. Агиограф меняет «фокус», акцентирует внимание не на взаимодействии с окружающим миром, а на осмыслении происходящего в нем.

В исследуемых текстах глаголы непреднамеренного зрительного восприятия обнаруживают употребление, близкое современному и не отмеченное нами в других текстах, рассмотренных в предыдущих работах (см., например: [Дмитриева, Сафонова, 2018; Сафонова, 2019]).

Так, в жизнеописании старицы Параскевы находим:

(45) И вотъ мы **видимъ**: больные исцѣляются; грѣшныя каются; вѣрующіе радуются силѣ Божіей, въ мирѣ являющейся, и укрѣпляются... (СП, с. 285).

В данном случае приводится описание разных событий, происходящих в мире с верующими и неверующими людьми. Причем часть этих событий может быть воспринята зрительно (*больные исцѣляются*), а часть – нет (*вѣрующіе радуются силѣ Божіей и укрѣпляются*). Это позволяет говорить о реализации глаголом *видѣть* «обобщенного» значения, близкого современному «испытывать, переживать, а также встречать что-л., сталкиваться с чем-л.» (МАС, т. I, с. 173).

В исследуемых житиях перцептивные глаголы отмечены и в метафорическом употреблении. Например:

(46) Тогда еще начиналась многоплодная, многотрудная пастырская дѣятельность о. Иоанна, въ которой многіе **видѣли** только что-то новое, рѣзко бьющее, на первый взгляд, въ глаза (СП, с. 278);

(47) Староладожскій Успенскій женскій монастырь С.-П.-Бургск. епархіи... **видѣлъ** немало горестныхъ событий... (ИЕ, с. 247);

(48) ...Кронштадтъ **увидаль** немало Петербуржцевъ, пріѣхавшихъ помолиться, получить благословеніе о. Иоанна... (СП, с. 280).

В (46) анализируемый глагол используется в сочетании с местоимением *что-то*, указывающим на существительное широкой семантики *дѣятельность* и соотношенным с определениями *новое* и *рѣзко бьющее въ глаза*, последнее из которых основано на метафорическом переносе. Все это свидетельствует о том, что в данном случае *видѣть* номинирует не процесс восприятия конкретного объекта с помощью органов зрения, а осмысление деятельности Иоанна Кронштадтского, которая не соответствовала сложившимся в обществе представлениям.

В (47) субъект действия, обозначенного глаголом *видѣть*, выражен существительным *монастырь*, а объект – существительным *событие*. Введение контекстуальных уточнителей *немало* и *горестный* представляет собой способ создания контраста между теми периодами, когда монастырь переживал невзгоды, и теми «радостными днями», когда «являлись личности, которыя своею жизнію и дѣятельностью

надолго оставляли по себѣ свѣтлый слѣдъ, вызывали по себѣ благодарную память, свѣтлыя воспоминанія» (ИЕ, с. 247). Неодушевленность субъекта и абстрактность объекта исключают возможность обозначения глаголом *видѣть* зрительного восприятия. В данном случае можно говорить о реализации им значения, близкого современному «переживать, испытывать; знать» (БТСРЯ, с. 130).

В (48) при сохранении признака конкретности объекта действия (*петербуржцы*) изменяется характер субъекта действия: позицию субъекта занимает имя собственное *Кронштадтъ*, что делает восприятие невозможным и актуализирует значение, близкое к «встречать что-л., сталкиваться с чем-л.» (МАС, т. 1, с. 173).

В некоторых случаях глагол *видѣть* используется во вставных конструкциях, например:

(49) Сопровождая, какъ мы уже **видѣли** о. Иоанна повсюду, она привлекла на себя вниманіе Кронштадтцевъ... (СП, с. 279).

Анализируемый глагол в форме прошедшего времени и в сочетании с контекстуальным уточнителем *уже*, не обозначая зрительного восприятия, выражает отсылку к описанным выше событиям из жизни подвижницы (в терминологии И.Р. Гальперина [2007] – объективно-авторская ретроспекция).

Глаголы преднамеренного зрительного восприятия представлены лексемами *взглянуть*, *взирать*, *смотрѣть*, *высматривать*, *разсматривать*, *всмотрѣться*, реализующими и прямые, и переносные значения.

В прямых значениях функционируют все указанные глаголы, номинируя разные «возможности» получения информации с помощью органов зрения. Например:

(50) Затѣмъ, **взглянувъ** къ дубу, у коего стояла Евѳимія Моргачева, въ простой крестьянской одеждѣ... (ИС, с. 179);

(51) Въ началѣ 1861 года, выйдя, какъ дѣлала всякій годъ, взглянуть на Новгородъ, **Вѣра** долго сидѣла, **смотря** на городъ (ВМ, с. 207);

(52) ...и однажды, когда она приобщалась, **смотрѣвшій** изъ алтаря на приступавшихъ къ св. чашѣ помѣщикъ М. **видѣлъ** ее озаренною особымъ светомъ (ВМ, с. 201).

Приведенные контексты свидетельствуют о том, что преднамеренное зритель-

ное восприятие осуществляется и подвижницами, и людьми из их окружения. Каким бы ни показывал агиограф этот процесс – осуществляющимся быстро (*взглянувъ*) или долго (*смотря*, *смотрѣвшій*), глаголы используются в сочетании с предложно-падежными формами существительных или местоимений, что позволяет говорить о грамматической экспликации преднамеренности: глагол управляет формой Вин. п. с предлогом *на* или формой Дат. п. с предлогом *къ*.

Глагол *смотрѣть* употребляется для обозначения восприятия в определенном эмоциональном состоянии:

(53) Находила Ковригина и такихъ, которые с ненавистью **смотрѣли** на добраго пастыря... (СП, с. 279).

Употребление анализируемого глагола в сочетании с уточнителем (*с ненавистью*) подчеркивает значимость деятельности старицы Параскевы (Ковригиной), которая рассказывала о добрых делах о. Иоанна (Кронштадтского), тем самым убеждая людей в его добрых намерениях и истинной вере, и они «дѣлались ревностнѣйшими его почитателями» (СП, с. 279).

Глаголы *всмотрѣться*, *разсматривать*, которые обозначают внимательное восприятие, имеющее целью что-то понять, распознать, постигнуть, используются только при описании подвижниц:

(54) ...и надо было имѣть ослѣвленные душевныя очи и окаменѣлое сердце, чтобы не ощутить чего-то особеннаго, возвышеннаго, **всмотрѣвшись** въ эту почтенную старицу (СП, с. 282);

(55) Да и нельзя было не прилѣпиться всѣмъ сердцемъ къ этой благочестивой старушкѣ, – съ какой стороны ни **разсматривать** ее (СП, с. 282).

Из всех глаголов преднамеренного зрительного восприятия переносные значения реализует в изучаемом материале глагол *смотрѣть*, который функционирует в составе устойчивого метафорического выражения:

(56) Прикованная къ болѣзненному ложу, усопшая [Филарета], какъ истинная инокиня, прямо **смотрѣла в глаза смерти** и постоянно готовилась к ней (ИЕиФ, с. 236).

Использование данного выражения в сочетании с наречием *прямо* свидетельствует о внутреннем спокойствии подвижницы и приятии ею смерти, что отличает истинно верующих людей.

Глаголы слухового восприятия номинируют в рассматриваемых текстах как непреднамеренное, так и преднамеренное восприятие.

Непреднамеренное получение информации с помощью органов слуха обозначают глаголы *прослышать, услышать, услыхать*.

(57) Но, **прослыша** про силу молитвъ о. Іоанна, Т. возымѣль искреннее желаніе пригласить сего добраго пастыря къ себѣ на квартиру... (СП, с. 281);

(58) Евѣимія... **услышала** пѣніе и только тутъ по голосу узнала, что это самъ затворникъ... (ИС, с. 180);

(59) Однажды... когда больная [Евпрасія] лежала в изнеможеніи, вдругъ она **услыхала** стройное пѣніе... (ИЕ, с. 248)

Употребление глагола *прослышать* в сочетании с предложно-падежной формой *про силу* актуализирует в его семантике компонент, связанный с восприятием информации со слов других людей. Сочетание глаголов *услыхать* и *услышать* с существительным *пение* подтверждает реализацию ими прямых значений.

Преднамеренное слуховое восприятие репрезентируется в анализируемом материале лексемами *внимать, слушать, выслушать*, которые употребляются в прямых значениях.

Глагол *внимать* представлен в описании подвижницы в сочетании с отрицательной частицей *не*, например:

(60) ...а сама [Серафима], углубляясь въ умную молитву, уже **не внимала** никакимъ советамъ и говору (ИС, с. 190).

Использование данного глагола в сочетании с существительными *совет* и *говор*, называющими реалии, которые могут быть восприняты с помощью органов чувств, свидетельствует об обозначении им процесса получения информации посредством слуха.

Преимущественно при описании подвижниц и в сочетании с наименованиями реалий, предполагающих восприятие на слух, употреб-

ляются также глаголы *слушать, выслушать*, например:

(61) С какимъ-то особеннымъ религиозно-восторженнымъ чувствомъ **слушала** Ковригина вечерню... (СП, с. 278);

(62) **Выслушавъ** погребальныя пѣснопѣнія, больная [Анна] совершенно ободрилась и даже воодушевилась (СИА, с. 436).

Итак, перцептивные глаголы в анализируемых текстах служат средством описания подвижниц и мирян из их окружения. Из выделенных в зависимости от способа получения информации подгрупп глаголов восприятия в исследуемом материале отмечены подгруппы глаголов с общим значением восприятия, зрительного и слухового восприятия. Глаголы слухового восприятия, как правило, реализуют прямые значения, тогда как глаголы с общим значением восприятия преимущественно используются в переносных значениях. При этом глаголы зрительного восприятия, обнаруживая большой семантический диапазон и широкие сочетаемостные возможности, зафиксированы как в прямых, так и в переносных значениях, отражающих связь восприятия и мыслительных процессов, репрезентация которой представляется значимой для формирования образа подвижницы.

Заключение

Одними из важнейших при создании образа подвижницы являются языковые единицы с эмотивной и перцептивной семантикой.

Проведенный анализ употребления лексики эмоций позволил сделать ряд выводов: 1) основной функцией эмотивов в агиографическом тексте является характерологическая; специфика ее реализации в рассматриваемых жизнеописаниях определяется преимущественно двумя факторами – характером обозначаемой эмоции и ее интенсивностью; 2) в текстах отмечены так называемые «ключевые характеристики», номинируемые повторяющимися однокоренными лексемами, в большинстве случаев эмотивными; набор данных характеристик задается жанровыми особенностями текстов; выбор в конкретном жизнеописании одной из них свидетельствует о некоторой индивидуализации портретов подвижников; 3) лексика эмоций поддерживает

развитие сюжета, называя причины важнейших поступков и решений; 4) выбор эмотивных лексем свидетельствует о репрезентации в текстах религиозно-нравственного идеала, черты которого закреплены не только в житийном каноне, но и в русской национальной языковой картине мира.

В результате исследования глаголов восприятия: 1) выявлены значимые для описания подвижниц благочестия перцептивные процессы и особенности их языковой экспликации; 2) определен доминирующий процесс (зрительного восприятия), в ходе которого осуществляется взаимодействие с реальным миром и миром, находящимся за границами реальности и открывающимся подвижницам по воле Господа; 3) установлены процессы, которые не соответствуют представлениям о подвижничестве и потому не репрезентируются в изучаемых текстах, – обоняния, осязания и восприятия на вкус.

Таким образом, для использования перцептивных языковых единиц более значимыми оказываются характеристики, определяемые языковой системой, тогда как эмотивы более зависимы от синтагматических условий – контекста, текста, жанра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-34-01009-ОГН «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII–XX веков».

The reported study was funded by RFBR in the framework of research project no. 17-34-01009-ОГН “Reflection of the Moral Ideal Notion in the Language of Russian Original Hagiography of the 18th – 20th Centuries”.

² Исследование проводилось по изданию 1996 г., которое представляет собой репринт издания: *Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 вв.* : Сентябрь. М. : Изд. Афон. Рус. Пантелеимонов. монастыря ; Типо-литография И. Ефимова, 1909.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берман Б. И., 1982. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и тради-

ция его восприятия) // *Художественный язык средневековья* / отв. ред. В. А. Карпушин. М. : Наука. С. 159–183.

Буганов А. В., 2009. Отечественные подвижники благочестия и формирование русского национального самосознания // *Труды Института российской истории*. М. : Наука. Вып. 8. С. 12–25.

Воловикова М. И., 2004. Представления русских о нравственном идеале. М. : Институт психологии РАН. 312 с.

Гальперин И. Р., 2007. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стер. М. : Ком-Книга. 144 с.

Дмитриева Е. Г., 2011. Функции эмотивной лексики в Повести о Петре и Февронии // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. № 2 (14). С. 45–49.

Дмитриева Е. Г., 2018. Религиозно-нравственный идеал в современных агиографических текстах: лингвистическая характеристика // *Научный диалог*. № 12. С. 64–74. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-64-74.

Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А., 2018. Текстовые и языковые средства создания образа подвижника в житиях преподобных старцев // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 4. С. 27–39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.3>.

Иконникова С., 1962. Идеал нравственный // *Философская энциклопедия* : в 5 т. М. : Советская энциклопедия. Т. 2. С. 202–204.

Красных В. В., 2016. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис. 496 с.

Радбиль Т. Б., 2010. Основы изучения языкового менталитета. М. : Флинта. 328 с.

Сафонова И. А., 2019. Глаголы восприятия как средство создания образов в Житии Корнилия Переславского // *Научный диалог*. № 1. С. 122–132. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-122-132.

Семантика древнерусского глагола: синхронно-диакронический аспект : коллект. моногр., 2015 / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова, И. А. Сафонова, Е. В. Терентьева ; отв. ред. Е. М. Шептухина. 2-е изд., доп. М. : Флинта : Наука. 352 с.

Стародубцева Н. А., 2018. Средства выражения нравственного идеала в языке житий русских святителей синодального периода // *Научный диалог*. № 12. С. 152–165. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-152-165.

Творогов О. В., 2005. О «Своде древнерусских житий» // *Русская агиография : Исследования, публикации, полемика* / ред. : С. А. Семячко

(отв. ред.), Т. В. Руди. СПб. : Дмитрий Буланин. С. 3–58.

Шаховский В. И., 2009. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград : Перемена. 170 с.

Шмелев А. Д., 2005. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Зализняк Анна. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры. С. 452–464.

ИСТОЧНИКИ

БИЗ – Блаженная Ирина Зеленогорская // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 226–230.

ВМ – Вѣра-молчальница // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 201–207.

ИЕ – Игуменія Евпраксія // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 247–255.

ИЕУФ – Первоначальницы Мензелинскаго Пророко-Ильинскаго женскаго монастыря игуменія Евгенія и Филарета // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 231–239.

ИМ – Инокія Маргарита (Марѳа) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 10–17.

ИС – Сезеновская игуменія Серафима, въ схимѣ Евѳимія // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 171–191.

МЕ – Монахиня Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря Елисавета // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 141–147.

РБТ – Раба Божія Татіана // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 17–19.

СИА – Свяжская схи-игуменія Анна // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 424–438.

СП – Старица Параскева // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 ве-

ков : Сентябрь. Козельск : Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 275–285.

СЛОВАРИ

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : «Норинт», 2000. 1536 с.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985–1988.

СЦСурЯ – Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ : в 4 т. Санкт-Петербургъ : Въ Типографіи Императорской Академіи наукъ, 1847.

REFERENCES

Berman B.I., 1982. Chitatel zhitiya (Agiograficheskiy kanon russkogo srednevekovya i traditsiya ego vospriyatiya) [Hagiographic Text Reader (Hagiographic Canon of Russian Middle Ages and the Tradition of Its Perception)]. Karpushin V.A., ed. *Khudozhestvennyy yazyk srednevekovya* [Artistic Language of the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 159–183.

Buganov A.V., 2009. Otechestvennye podvizhniki blagochestiya i formirovanie russkogo natsionalnogo samosoznaniya [Native Godliness Devotees and the Formation of Russian National Identity]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii* [Proceedings of The Institute of Russian History]. Moscow, Nauka Publ., iss. 8, pp. 12–25.

Volovikova M.I., 2004. *Predstavleniya russkikh o npravstvennom ideale* [Russians' Vision of a Moral Ideal]. Moscow, Institut psikhologii RAN. 312 p.

Galperin I.R., 2007. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ. 144 p.

Dmitrieva E.G., Akimova E.N., 2011. Funktsii emotivnoy leksiki v Povesti o Petre i Fevronii [Emotive Vocabulary Functions in the Novelette About Petr and Fevroniya]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (14), pp. 45–49.

Dmitrieva E.G., 2018. Religiozno-npravstvennyy ideal v sovremennykh agiograficheskikh tekstakh: lingvisticheskaya kharakteristika [Religious and Moral Ideal in Modern Hagiographic Texts: Linguistic Characteristics]. *Nauchnyy dialog*

- [Scientific Dialogue], no. 12, pp. 64-74. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-64-74.
- Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2018. Tekstovye i yazykovye sredstva sozdaniya obraza podvizhnika v zhitiiakh prepodobnykh startsev [Textual and Linguistic Means of Constructing the Venerable Image in Men of Faith Hagiographies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 27-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.3>.
- Ikonnikova S., 1962. Ideal npravstvennyy [Moral Ideal]. *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t.* [Philosophical Encyclopedia. In 5 Vols.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., vol. 2, pp. 202-204.
- Krasnykh V.V., 2016. *Slovar i grammatika lingvokultury. Osnovy psikholingvokulturologii* [Dictionary and Grammar of Linguistic Culture. Fundamentals of Psychological Linguistic Culturology]. Moscow, Gnozis Publ. 496 p.
- Radbil T.B., 2010. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta [Fundamentals of Linguistic Mentality Study]. Moscow, Flinta Publ. 328 p.
- Safonova I.A., 2019. Glagoly vospriyatiya kak sredstvo sozdaniya obrazov v Zhitii Korniliya Pereslavskogo [Verbs of Perception as Means of Creating Images in the Life of Korniliy Pereslavsky]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 1, pp. 122-132. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-122-132.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V.; Sheptukhina E.M., ed. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015. 352 p.
- Starodubtseva N.A., 2018. Sredstva vyrazheniya npravstvennogo ideala v yazyke zhitiiy russkikh svyatiteley sinodalnogo perioda [Means of Expressing Moral Ideal in Language of Hagiographic Texts About Russian Hierarchs of Synodal Period]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 12, pp. 152-165. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-152-165.
- Tvorogov O.V., 2005. O «Svode drevnerusskikh zhitiiy» [On the Collection of Ancient Russian Hagiographic Texts]. Semyachko S.A., Rudi T.V., eds. *Russkaya agiografiya: Issledovaniya, publikatsii, polemika* [Russian Hagiography: Studies, Publications, Disputes]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., pp. 3-58.
- Shakhovskiy V.I., 2009. *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokulturologii* [Language and Emotions Within the Framework of Linguistic Culturology]. Volgograd, Peremena. 170 p.
- Shmelev A.D., 2005. Skvoznye motivy russkoy yazykovoy kartiny mira [Repetitive Motives of the Russian Language Worldview]. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D., eds. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Worldview]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 452-464.

SOURCES

- Blazhennaya Irina Zelenogorskaya [Blessed Irina Zelenogradsaya]. *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 226-230.
- Vera-molchalnitsa [Vera the Silentiary]. *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 201-207.
- Igumeniya Evpraksiya [Hegumene Evpraksiya]. *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 247-255.
- Pervonachalnitsy Menzelinskago Proroko-Ilinskago zhenskago monastyrya igumenii Evgeniya i Filareta [Hegumenes Eugenia and Filareta, the Founders of Menzelinsky Prohet-Ilyinsky Nunnery]. *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 231-239.
- Inokinya Margarita (Marfa) [Nun Margarita (Marfa)]. *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 10-17.
- Sezenovskaya igumeniya Serafima, v skhime Evfimiya [Hegumene Seraphima Sezenovskaya].

- Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 171-191.
- Monakhinya Kashinskago Sretenskago zhen-skago monastyrja Elisaveta [Elisaveta, the Nun of Kashinsky Sretensky Nunnery]. *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 141-147.
- Raba Bozhiya Tatiana [Christian Tatiana]. *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 17-19.
- Sviyazhsкая skhi-igumeniya Anna [Hegumene Anna Sviyazhsкая]. *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 424-438.
- Staritsa Paraskeva [Elderess Paraskeva]. *Zhizneopisaniya otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya 18 i 19 vekov: Sentyabr* [Hagiographies of the Native Godliness Devotees of the 18th – 19th Centuries. September]. Kozelsk, Vveden. Optina Pustyn Publ., 1996, pp. 275-285.

DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988.
- Slovar tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk: v 4 t.* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian Language Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, V Tipografii Imperatorskoy Akademii nauk, 1847.

Information about the Authors

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Irina A. Safonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

Информация об авторах

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Ирина Александровна Сафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.7>

UDC 811.161.1'366
LBC 81.411.2-21

Submitted: 26.08.2019
Accepted: 03.10.2019

EVOLUTION OF NUMBER NAMES IN MODERN RUSSIAN¹

Mariya V. Shulga

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The paper deals with the evolution of morphological forms and syntactic relations of numerals which give names to categories of numbers. The ways of formation of a number name *тысяча / tysjatscha* and its part-of-speech signs are illustrated with the texts taken from the Russian National Corpus. It's the first systematic description of transition of a noun into a number name regarded as a complex grammatical process – morphological unification of case forms (instrumental case *тысячью / tysjatschju*); substitution of countable noun government by coordination with it in every indirect case; loss of syntactic forms of gender and number (i.e. their ability to correlate with words in gender and number); loss of morphological forms of the plural number and their substitution by forms of the singular number; formation of compound numerals on the bases of the numeral *тысяча / tysjatscha*; signs of morphological separation of the number name *тысяча / tysjatscha* and the name of quantity. The development and grammatical adaptation of *тысяча / tysjatscha* in the line of numerals is reported to have taken long. The article presents a sequence of obtaining new features of the numerals. Evolution of numerals is presented as a relevant grammatical process that implements synthetic potential of the Russian language grammatical system.

Key words: morphology, numerals, grammatical form, synthetic grammatical form, dynamics, formation of numerals, *тысяча / tysjatscha*, development of the morphological system.

Citation. Shulga M.V. Evolution of Number Names in Modern Russian. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 88-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.7>

УДК 811.161.1'366
ББК 81.411.2-21

Дата поступления статьи: 26.08.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

ДИНАМИКА ФОРМ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Мария Владимировна Шульга

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. В работе рассматривается динамика морфологических форм и синтаксических связей имен числительных, называющих числовые разряды. На материале текстов Национального корпуса русского языка прослеживается формирование в системе современного русского языка основных частеобразующих признаков имени числительного у слова *тысяча*. Переход существительного в числительные впервые представлен как комплексный грамматический процесс. Выявлены и поэтапно описаны следующие составляющие этого процесса: морфологическая унификация падежных форм (Тв. ед. *тысячью*); замена управле-

ния именем, называющим считаеые предметы, на согласование с ним во всех непрямых падежах; утрата синтаксических форм рода и числа (способности иметь при себе согласуемые в роде и числе слова); утрата морфологических форм мн. числа – замена их соотносительными формами ед. числа; формирование на основе числительного *тысяча* составных числительных; признаки морфологического обособления названия числа *тысяча* от названия количества. Показано, что грамматическая адаптация существительного *тысяча* среди числительных является длительным и развивающимся во времени процессом. Приведены данные о последовательности инноваций по образцу числительных. Вопреки лингвистической традиции, формирование имени числительного представлено как грамматический процесс, реализующий синтетический потенциал грамматической системы русского языка.

Ключевые слова: морфология, числительное, грамматическая форма, синтетическая грамматическая форма, динамика, формирование числительных, слово *тысяча*, развитие морфологической системы.

Цитирование. Шульга М. В. Динамика форм имени числительного в современном русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 88–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.7>

Введение

Имя числительное в Русской грамматике 1980 г. характеризуется следующим образом: «Числительное как часть речи представляет собой не пополняемую группу слов» [Русская грамматика, 1980, § 1366]. Эта мысль в разных формулировках (например, «выпадение числительных из грамматики в словарь» [Виноградов, 1972, с. 247]) представлена во многих авторитетных грамматических описаниях.

Наше намерение заключается в том, чтобы оспорить этот тезис, продемонстрировать, что имя числительное – это активно формирующаяся на протяжении веков часть речи, расширяющая свой лексический состав и в настоящее время. С развитием имен числительных связано усложнение морфологической системы современного русского языка и обогащение ее грамматических средств.

Мы остановимся в основном на современной истории слова *тысяча*. Наблюдаемую вариантность его форм и синтаксических связей рассмотрим с позиций их отношения к грамматическим системам имени существительного и имени числительного.

Этапы перехода имени существительного в имя числительное

На пути превращения в числительное имя существительное проходит сложные грамматические преобразования. История тех числительных, которые грамматически сформировались на лексической базе существительных,

позволяет выделить несколько грамматических процессов. Одни из них обязательны для всех отсубстантивных числительных. Другие – дополнительные – отражают специфику названий числовых разрядов (*десять*, *сто*).

Среди общих грамматических изменений субстантивных форм, называющих числа, выявляются, по крайней мере, следующие преобразования (1–3).

1. Морфологическая унификация (сближение) падежных форм и / или парадигм склонения. Например: форма Тв. ед. *десятемь* (сущ. муж. рода) → *десятью*, как *пятью*; формирование двучленных падежных парадигм (противопоставлен Им.–Вин. падеж остальным падежам) на месте многочленных падежных парадигм: *полтора* – *полтора*, *сорок* – *сорока*, *девянсто* – *девянста*, *сто* – *ста*.

2. Замена в непрямых падежах (Род., Дат., Тв., Предл. падежи) управления именем, называющим считаеые предметы (что свойственно существительным), на согласование с этим именем. Например: *с десятиью рублей* (*десять* управляет существительным *рубль* в форме Род. мн.) → *с десятиью рублями* (*десять* согласуется в падеже с существительным *рублями*). Формируется сочетание разных синтаксических связей в падежной парадигме, неизвестное за пределами класса числительных.

3. Утрата категорий рода и числа, и вследствие этого утрата синтаксических показателей этих категорий, то есть способности иметь при себе слова, согласуемые в роде и числе: *в ту пять лет* (согласованное определение) → *в те пять лет* (определение не

согласовано с названием числа). Числительное и существительное, называющее считаемые предметы, в прямых падежах создают синтаксическое единство: количественное именное сочетание, построенное по особым правилам синтаксической связи с определением и глаголом-сказуемым. Здесь исключено согласование в роде и числе с названием числа. При числительном в Им. и Вин. падежах согласование отсутствует: *все десять рублей разошлись / разошлось*; ср. согласование в роде и числе при существительном с количественным значением: *весь десяток экземпляров разошелся, всю сотню экземпляров*.

В отличие от других названий чисел, отсубстантивные названия числовых разрядов имели соотносительные числовые формы: *десятью* и *десятьми*, *стом* и *стами* и т. п. Утрата категории числа в процессе формирования у них грамматических свойств числительных сопровождается дополнительными преобразованиями (4–6).

4. У названий простых чисел наблюдается замена морфологических форм мн. числа соотносительными формами ед. числа: *с десятьми* (мн.) → *с десятью* (ед.), *со стами* (мн.) → *со ста* (ед.).

5. Аналогичная замена мн. числа соотносительными формами ед. числа осуществляется в составных числительных, образованных на основе названий разрядов: *с пятью десятьми* (мн.) → *с пятьюдесятью* (ед.); *с пятью стами* (мн.) → *с пятьюстами* (ед.; не соотв. норме).

6. В тех синтаксических позициях, где возможны только формы мн. числа, числительные замещаются существительными. Например, в позиции при местоименных числительных: *нескольким десятем* (числ.) → *нескольким десяткам* (сущ.), *несколькимстам* (числ.) → *нескольким сотням* (сущ.).

Наблюдается своеобразное дублирование названия разряда в разных грамматических формах – числительного и существительного (*десять* и *десяток*, *сто* и *сотня*), необходимое для заполнения разных синтаксических позиций. Числительное и существительное с одним и тем же числовым значением вступают в отношения дополнительной дистрибуции²:

– названия десятков: **числительное** *десять* – *с пятьюдесятью* (ед.); **существительное** *десяток* – *с полутора десятками* (мн.), *с несколькими десятками* (мн.);

– названия сотен: **числительное** *сто* – *с полуторастами* (ед.), *с пятьюстами* (ед.; не соотв. норме); **существительное** *сотня* – *с несколькими сотнями* (мн.).

В связи со словом *тысяча* в лингвистической литературе лишь упомянуты отдельные грамматические инновации: Тв. ед. *тысячью* и возможность согласоваться с существительным, называющим считаемые предметы (*с тысячью рублями*); способность иметь при себе несогласуемое сказуемое. В многочисленных публикациях по теме числительных специфика слова *тысяча* не описывается. Характерно, что слову *тысяча* не уделено внимания и в фундаментальных грамматических исследованиях, проведенных по текстам XVIII и XIX веков (см., например: [Булаховский, 1958; Очерки по исторической грамматике..., 1964]).

Наши наблюдения показывают, что слово *тысяча* в системе современного русского языка вовлечено в той или иной (в разной) степени во все грамматические преобразования, связанные с формированием частеречных признаков числительного. Рассмотрим эти преобразования на конкретном материале³.

Морфологическая унификация

Творительный падеж

единственного числа тысячью

Нестандартная (и уникальная для склонения на *-а*) флексия *-ью* у формы Тв. ед. *тысячью* объясняется влиянием числительных, ср.: *пятью*, *десятью*, *пятнадцатью*, *тридцатью*, *пятьюдесятью*. Таким же путем ранее возникла форма Тв. ед. *десятью*, вытеснившая исконную форму мужского рода *десятьмь*. Грамматическая суть флективной замены состоит в вовлечении существительного *тысяча* в процесс морфологической унификации разнотипных названий чисел⁴. Некоторые примеры:

(1) Впереди были две дороги: на одной невеста с **тысячью** душами... однако, ведь с **тысячью**! (А.Ф. Писемский. Тысяча душ, 1858);

(2) На меня наставлен сумрак ночи **тысячью** биноклей на оси (Б.Л. Пастернак);

(3) **Тысячью** ультразвуковыми уколами прошелся по телу (Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха, 1987);

так же в составном числительном:

(4) Карманники похитили бумажник с 1 920 (одной **тысячью** девятьсот двадцатью) рублями (Московский листок, 1903).

Морфологическая унификация – это один из наиболее ранних этапов в становлении числительных как части речи. Форма *тысячью* убедительно документирована в текстах с XVIII в., наряду с *тысячей*. В НКРЯ (основной подкорпус) *тысячью* представлена 401 вхождением; форма *тысячей* (*тысячею*) представлена 140 вхождениями (74 % и 26 %). Словоформа *тысячью* стабильно и выразительно преобладает на протяжении трех веков.

Соотношение словоформ *тысячью* – *тысячей* (*тысячею*) для разных временных отрезков следующее:

- XVIII в.: 10 и 2 (83 % и 17 %);
- 1800–1850-е гг.: 35 и 1 (97 % и 3 %);
- 1851–1900-е гг.: 86 и 12 (88 % и 12 %);
- 1901–1950-е гг.: 110 и 20 (85 % и 15 %).

Особо выделим десятилетия после выхода Грамматики 1952 г. и Русской грамматики 1980 г.:

- 1951–1980-е гг.: 38 и 16 (70 % и 30 %);
- 1981–2014-й гг.: 110 и 50 (69 % и 31 %).

Здесь наблюдается некоторая динамика в сторону формы *тысячей*, которая может быть связана с нормативным регулированием вариантности форм. Тем не менее, форма *тысячью* и здесь составляет более двух третей.

Дистрибуция форм тысячью и тысячей

В грамматиках и нормативных пособиях рекомендуется различать формы *тысячью* и *тысячей* следующим образом: *тысячью* – допустимая специфическая (маркированная) форма числительного; *тысячей* – основная форма в любой позиции; *тысячей* – единственно возможная форма в позиции существительного (в значении неопределенно большого количества чего-либо, с определением, без считаемого слова).

Узус этому представлению не соответствует. Форма *тысячью* употребляется в характерном для числительного синтаксическом сопровождении и в собственно количественном значении. Однако так же регулярно форма *тысячью* представлена в контекстах, которые характерны для существительного и иллюстрируются ниже.

Тысячью в предметном значении неопределенно большого количества чего-либо:

(5) Обычный день, хлопотливый, но не суетный, заполненный **тысячью мелочей**... (М. Гуревич. Пространство и время человеческого существования, 1990–2000);

(6) Почти вся деятельность здесь, в Париже, была **тысячью нитей** связана с мыслью о тебе (Комсомольская правда, 13.02.2014).

Тысячью с определением:

(7) Отъем населенных не **одной тысячью** крестьян имений (П.И. Мельников-Печерский. На горах, 1875–1881);

(8) С четырьмя тысячами пехоты... и **одной тысячью** кавалерии Миронов двинулся на фронт (Ю.В. Трифонов. Отблеск костра, 1965).

Тысячью с определением и без существительного, называющего считаемые предметы:

(9) Тогда они попросили тысячу, и... **этой тысячью** и объяснялись наши первоначальные успехи (В.В. Шульгин. Последний очевидец, 1971);

(10) Общее число покидающих свои рабочие места исчисляется не **одной тысячью** (Известия, 24.12.2007).

Тысячью в качестве существительного, называющего считаемые предметы:

(11) Вышли мы к Сен-Готарду **двадцать одной тысячью** (О.Д. Форш. Михайловский замок, 1946).

Из материала следует, что на словоформу *тысячью* не распространяются какие-либо ограничения: она «универсальна» – функционирует и как числительное, и как существительное.

На ее фоне словоформа *тысячей* (*тысячею*) довольно последовательно сохраняет грамматические признаки существительного. Она широко представлена без существительного, называющего считаемые предметы:

(12) Ему все равно – **тысячей** меньше или больше... (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, 2001).

Если исходить из данных НКРЯ, то у словоформы *тысячей* (*тысячею*) употребление без существительного, называющего считаемые предметы, составляет более 15 %.

При этом *тысячей* свободно сочетается с согласуемым определением:

(13) Часто все **этой тысячей** и ограничивается (Т. Иванова. Где рыбаку найти ответ? 23.01.2003);

(14) Даже если ухажу только **со своей тысячей** (Артем Тарасов. Миллионер, 2004).

Выразительную особенность словоформы *тысячей* составляет последовательное управление: существительное, называющее считаемые предметы, стоит в форме Род. мн., а не Тв. мн.:

(15) Подведший черту **под первой тысячей** своих краткосрочных и достаточно разнообразных любовных **связей** (Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дальше века..., 1999–2003).

Факт, что *тысячей* в Тв. ед. управляет, убедительно документировано текстами на протяжении XIX–XX и начала XXI в., в то время как *тысячью* и управляет, и согласуется (см. об этом ниже).

Тысячей редко встречается в структуре составных числительных, в отличие от формы *тысячью*.

Таким образом, в употреблении словоформы Тв. ед. *тысячей* тексты последовательно отражают грамматические признаки существительного.

Насколько перечисленные контексты (12–15) с Тв. ед. *тысячей* диагностичны для существительного? Проведем небольшой эксперимент. Обратимся к числительным *десять* и *сто* – к тем названиям числовых разрядов, которые прошли путь от существительного к числительному. Возможно ли употребление числительных в тех контекстах, которыми ограничена форма Тв. ед. *тысячей*? Эксперимент показывает, что в каждом контексте нам придется заменить числительное на существительное – *десяток* (или *десятка*), *сотня*:

– **тысячей** меньше или больше – **десятком**, **сотней** больше или меньше (не **десятью**, **ста**);

– ухажу только **со своей тысячей** – **со своей десяткой**, **сотней** (не с **десятью**, **со ста**);

– **все этой тысячей** и ограничивается – **этой десяткой**, **сотней** (не **этой десятью**, **этим ста**);

– **черту под первой тысячей** своих краткосрочных и достаточно разнообразных любовных **связей** – **под первым десятком** связей, **под первой сотней** связей (не **под первой десятью** связей, **под первым ста** связей).

Диагностические контексты показывают, что переход существительных *десять* и *сто* в числительные сопровождался разделением их функций – некоторые синтаксические позиции должны быть заполнены существительным с тем же количественным значением. Возможно, что у слова *тысяча* при наблюдающемся формировании признаков числительного происходит аналогичная специализация формы Тв. ед. *тысячей* (аналог *десяток*, *сотня*).

Похожее явление наблюдается в Род. мн.: варианты *тысяч* и *тысячей* (см. об этом ниже).

Итак, в результате морфологической унификации существительного *тысяча* и числительных типа *пять*, *десять* в Тв. ед. сложилась вариантность форм *тысячей* – *тысячью* и условия для грамматического разграничения названия числа и названия количества (существительного и числительного). Академические грамматики исходят из того, что форма Тв. ед. *тысячью* ограничена собственно количественным употреблением (маркирована как форма числительного). Однако в узусе это разграничение обнаруживает противоположный характер: форма Тв. ед. *тысячью* не ограничена какими-либо условиями употребления (не маркирована: функционирует как числительное и как существительное); форма Тв. ед. *тысячей* функционирует как существительное (маркирована).

Морфологическое разграничение названия количества и названия числа:

Тв. ед. и Род. мн. *тысячей*

Регулярной флексией Род. мн. у существительного *тысяча* является нулевая флексия (*тысяч*). Грамматика 1952 г. называет

несколько существительных на *-а* с ударной флексией Род. мн. *-ей*: *бахчей, каланчей, пращей, свечей, возжей* [Грамматика..., 1952, § 234]. Здесь появление нестандартной флексии *-ей* обусловлено ударностью окончания во всей парадигме. О неударном окончании *-ей* Н.А. Еськова сообщает следующее: «Неударное окончание *-ей* (оно может быть только у существительных с ударением на основе во всех формах) является отступлением от стандарта. К таким нестандартным формам относятся *юношей, дядей, офеней*; вариативные формы у слов общего рода *грязнулей, разиней, тихоней*. Предпочтению не ударного *-ей* способствует наличие в конце основы существительного некоторых групп согласных: *распрей, буклей, саулей* и др.» [Еськова, 2014, с. 484].

В исследованных текстах встречается словоформа Род. мн. *тысячей* с нерегулярной флексией *-ей*, морфонологически не обусловленной и до сих пор грамматиками не замеченной⁵. Она представлена достаточно убедительно – 59 вхождениями (НКРЯ). Например:

(16) После крови, **тысячей** смертей, после позорного отступления Ташкент поразил Бориса (Татьяна Окуневская. Татьянин день, 1998);

(17) Четверть века прошло с той поры, как свои жалобы и пени предъявил этот «среди **тысячей** небожителей – единственный человек», и что же? (Сергей Чупринин. Высокая (ли) болезнь // Знамя, 2004, в цитате из А. Вознесенского).

В употреблении Род. мн. *тысячей* на фоне регулярной формы с нулевой флексией *тысяч* наблюдается та же дистрибуция, которую мы описали для Тв. ед. *тысячей, тысячею* (см. выше). Диагностические для существительного контексты таковы:

– употребление без существительного, обозначающего считаемые предметы:

(18) Видеть глупость целого народа, глупость **тысячей**, чувствовать себя выше их и умнее... да!.. (М.Е. Салтыков-Щедрин. Рецензии, 1863–1864);

(19) Мы, я, ты, Третьяковы, Мишка наш – выше **тысячей**, не ниже сотней (А.П. Чехов. Письма Александру Павловичу Чехову, 1883);

– употребление вне составного числительного, с согласованным определяющим словом:

(20) Во имя этих жертв и **всех тех тысячей** и **тысячей**... остановимся, довольно (Н.Л. Давыдова. Полгода в заключении, 1920–1921).

Еще одна выразительная особенность: сравнительно регулярное употребление Род. мн. *тысячей* с местоименными числительными: *столько тысячей, сколько тысячей, несколько тысячей, для многих тысячей, много тысячей*.

(21) Услыхал Стенька Разин, что за морем у бусурманов **много тысячей** крещеного народу в полону живет (П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая, 1871–1874);

(22) Чай, он, может, **сколько тысячей** верст ехал, нигде не платил (В.Г. Короленко. Ат-Даван, 1892);

(23) Пошли тринадцать генералов и **столько ж тысячей** солдат (А.А. Брусилов. Воспоминания, 1923);

(24) Нет, сыне, **многих тысячей** стоило то дивное творение рук человеческих (А.П. Чапыгин. Гулящие люди, 1937);

(25) Регулярно приходили счета на суммы в **несколько тысячей** шекелей (Другие события (2004) // Бизнес-журнал, 22.01.2004).

Употребление в сочетании с местоименными числительными не характерно для числительных. Избавляясь от категории числа, числительные уступают эту позицию (позиция при местоименных числительных требует мн. числа) существительным с тем же количественным значением, ср.: *несколько десятков, несколько сотен*. Русская грамматика 1980 г. рекомендует заменять числительное *сто* в сочетаниях типа *несколько сот, несколькими стами*, чтобы избежать форм мн. числа *сот, стам, стами, стах*: «В подобных случаях рекомендуется употреблять формы сущ. *сотня*: *в нескольких сотнях писем, в нескольких сотнях метров* [Русская грамматика, 1980, § 1373].

Описанные общие особенности в употреблении словоформ Тв. ед. (см. выше) и Род. мн. *тысячей* наводят на мысль, что в системе языка наметилась специализация этих падежных форм на основе функций, аналогичных функциям слов *десяток* и *сотня* при числительных *сто* и *десять*. Для числительных, образующих числовые разряды, наличие таких специализированных форм – это необходимый этап развития.

Смена управления существительным на согласование: единственное число

Творительный падеж

Один из специфических частеречных синтаксических признаков числительного – совмещение в словоизменительной парадигме управления существительным, называющим считающиеся предметы, и согласования с этим существительным. В Им. и Вин. падежах числительное управляет – требует от существительного, называющего считающиеся предметы, Род. падежа: *десять столов*, на *десять столов*; здесь направление синтаксической связи (управление) от названия числа к названию считающихся предметов: *десять* → *столов*. В не прямых падежах числительное согласуется с существительным, называющим считающиеся предметы, в падеже: от *десяти столов*, к *десяти столам*, с *десятью столами*, в *десяти столах*. В не прямых падежах направление синтаксической связи (согласование) идет в обратном направлении: не от названия числа, а от названия считающихся предметов к названию числа: к *столам* → *десяти*.

Переход существительного в числительные предполагает замену управления на согласование в Дат., Тв. и Предл. падежах (в Род. падеже управление и согласование по форме существительного, называющего считающиеся предметы, не различаются⁶). В связи со словом *тысяча* это означает распространение инноваций типа *к тысяче рублям*, с *тысячью рублями*, о *тысяче рублях*.

Русская грамматика 1980 г. признает вариантность синтаксических связей (управления существительным, называющим считающиеся предметы, и согласования с существительным) в Тв. падеже при форме *тысячью*: *тысячей* (и *тысячью*) человек (и человеками), *тысячей* (и *тысячью*) рублей (и рублями) [Русская грамматика, 1980, § 1366]. Подобное согласование документируется уже у В.К. Третьяковского и Д.И. Фонвизина:

(26) Я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми **тысячью рублями**... (В.К. Третьяковский. Новый и краткий способ к сложению стихов Российских, 1735);

(27) Рассуди же, какая разница между этою безделицею и **тысячью червонными** (Д.И. Фонвизин. Письма родным, 1784–1785).

Оно представлено также в современных текстах:

(28) Думаю, однако, раньше наброситься на «Translationsstrom» с теми **тысячью проволоками**, которые спаял Иван (Предл. Н. Лебедев. Письма, 1902);

(29) Ее главнейшая достойная представительница – география со своими **тысячью речонками, городами и городишками, губерниями и великими герцогствами** уже в прошлом году безвозвратно сбыта с рук долой (В.С. Новицкая. Первые грезы, 1912);

(30) Шаркают подошвы чьих-то ног, и кровь стучит **тысячью пульсами** в висках (Борис Левин. Иностранное тело, 1965–1994);

(31) Нет такого фильма, из-за которого я бы внутренне не терзался **тысячью вопросами** (Славуцкий Александр. Валерий Тодоровский: «Бригада» не виновата // Труд-7, 29.11.2003);

(32) Его умение слиться с камерой, будто бы превратившись в существо с **тысячью глазами**... уникально (Лариса Юсупова. Кинодеятели требуют от СК извинений перед Костомаровым // Известия, 09.12.2012).

Замену управления на согласование с существительным, обозначающим считающиеся предметы, в научной литературе связывают со словоформой *тысячью*, ею согласование и ограничивают. Истории формирования частеречных признаков числительного это представление противоречит. Последовательность распространения согласования в не прямых падежах при переходе существительных в числительные иная. Для согласования наиболее проникаемой падежной формой является предложный падеж.

Предложный и дательный падежи

С предложного падежа начинается и предложным падежом ограничивается распространение согласования у числительных в XVII в. (случаи в других падежах единичны). Та же последовательность воспроизводится при более позднем формировании согласования у названия числа *сто*. Тексты показывают, что и у слова *тысяча* наиболее регулярно согласование представлено в предложном падеже:

(33) Великолѣпной павлиной хвостъ о **тысячѣ** **ракетахъ** (Описание и изъяснение великаго фейерверка // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь – Июнь, 1755 года, 1755);

(34) С обрубистых краев нашего становища полилась вода в **тысяче местах** (В.Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник, 1825);

(35) Та же самая вещь представляется в **тысяче** различных **видах** (А.А. Бестужев-Марлинский. Следствие вечера на кавказских водах, 1830);

(36) Которые находятся от него и в тридцати, и в **тысяче метрах** (Ю. Алан. Уральский следопыт, 1982);

(37) До 3 тыс. различных племен, говорящих на **тысяче языках** (Зарубежное военное обозрение, 24.05.2004);

(38) Более чем на **тысяче предприятиях** пищевой промышленности (Мясная индустрия, 26.07.2004);

(39) Я слышал эту историю в **тысяче интерпретациях** (А. Иличевский. Перс, 2009).

По-видимому, существительное *тысяча* повторяет цикл и последовательность грамматических преобразований, пройденные ранее другими существительными при их переходе в числительные.

Как уже было сказано, Русская грамматика 1980 г. допускает согласование только в Тв. ед. при форме *тысячью*. Иначе согласование представлено в Грамматике 1952 г.: она признает согласование слова *тысяча* во всех не прямых падежах и иллюстрирует это формой дательного падежа: «В косвенных падежах слово *тысяча*, употребляемое в качестве числительного, согласуется с существительным, обозначающим считаемые предметы, в падежной форме, напр.: *к тысяче рублям надо прибавить еще двести*» [Грамматика..., 1952, § 618]. Еще ранее (в 1924 г.) об этом написал Л.В. Щерба: «Однако ход культуры и развитие отвлеченного мышления дают себя знать: *тысяча* все больше и больше превращается в количественное слово, и *тысяче солдатам был роздан паек* не звучит чересчур неправильно (*миллиону солдатам* сказать было бы невозможно)» [Щерба, 1957, с. 74].

Согласование в Дат. падеже имеет давнюю традицию – в текстах оно обнаруживается с 30-х гг. XIX в.:

(40) И в течение семи лет сказал правду, по крайней мере, **тысяче человекам** (Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем, 1832);

(41) Если предложите **тысяче человекам** такие вопросы (Ф.В. Булгарин. Управление именем, 1841);

(42) К родовым **тысяче душам** прикупил тысячи полторы (А.И. Герцен. Долг прежде всего, 1851);

(43) Тут-то я по **тысяче причинам** должен урезывать себя во всех отношениях (Г.И. Успенский. Письма, 1887);

(44) Ежегодная зауспокойная литургия совершалась в соборе лавры, который в свою очередь едва удовлетворял **тысяче желавшим** почтить память П. И. Чайковского (И.И. Чайковский. Почему не чествуется память П.И. Чайковского // Новое время, 1911).

Исследованный материал показывает, что в системе русского языка у слова *тысяча* сформировалась характерная для числительных модель с управлением в прямых падежах и согласованием в не прямых падежах. Эта модель реализована уже в материалах XVIII–XIX веков. Согласование со считаемым существительным не ограничено формой *тысячью* и формой Тв. ед. Согласование представлено во всех не прямых падежах ед. числа (Дат., Тв., Предл.). Наиболее регулярно эта модель реализуется в форме Предл. ед.

Смена управления существительным на согласование: множественное число

Простое числительное *тысяча*

Недопустимость согласования с существительным, называющим считаемые предметы, для слова *тысяча* во мн. числе особо оговаривает Грамматика 1952 г.: «Во множественном числе слова *тысяча*, *миллион* и т. п. всегда употребляются в значении счетных существительных, в связи с чем существительные, обозначающие считаемые предметы, всегда стоят при них в родительном падеже (множественного числа), например: *...дивизии пополнились тысячами бойцов*» [Грамматика..., 1952, § 618]. Тексты отражают возможность согласования слова *тысяча* во мн. числе:

(45) Торжественно бросает его в лицо **тысячам** с ним **не согласным** (Борцов. «Врач» о гомеопатии // Гомеопатический вестник, № 7–9, с. 400–437, 1890);

(46) И еще **тысячам китайцам** предстоит покинуть насиженные места (Речь, 1912).

Как и в ед. числе (см. выше), согласование форм мн. числа слова *тысяча* раньше (с середины XIX в.) и более регулярно отмечается в Предл. падеже:

(47) Распространены были въ народѣ въ **тысячахъ экземплярахъ** (М. Погодинъ. Москвитянинъ, 1850);

(48) Они, в **тысячахъ экземплярахъ**, пошли бы по округам (П.В. Анненков. Февраль и март в Париже 1848 года, 1859–1862);

(49) в сравнении с нашими хозяйствами на **тысячахъ десятинахъ** (А.А. Фет. Мои воспоминания, 1862–1889);

(50) – Скажите пожалуйста! ведь в **тысячахъ душахъ** был! а какой хлебосол! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи, 1872–1876);

(51) Оглашали в **тысячахъ экземплярахъ** их фальшивые банковые балансы (А.Ф. Писемский. Мещане, 1877);

(52) в **тысячахъ экземплярахъ** распространенную по фронту (П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени, 1922);

(53) проповеди печатались в **тысячахъ экземплярахъ** (митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни, 1935–1940);

(54) расходились в **тысячахъ спискахъ** (А.К. Джигелегов. Поэзия английского возрождения, 1943);

(55) растиражированная в **тысячахъ экземплярахъ** (М. Палей. Ланч, 1999);

(56) Советы лгали о **тысячахъ** разочаровавшихся в «капиталистическом рае» **эмигрантахъ** (Сай Фрумкин. Вестник США, 12.11.2003);

(57) напечатанном отдельной брошюрой в **тысячахъ экземплярахъ** (Родина, 2008).

Согласование форм мн. числа *тысячам*, *тысячами*, *тысячахъ* предсказуемо, если исходить из перспективы развития частеречных признаков числительного. Отсутствие согласования во мн. числе исключало бы возможность для слова *тысяча* участвовать в формировании составных числительных, например, по типу форм числительного *сто*: *двумстам рублям*, *пятьюстами рублями*.

Составные числительные на основе слова *тысяча*

В составном числительном⁷ синтаксическая связь с существительным, называющим считающиеся предметы, зависит от последнего числового компонента. Если последним числовым компонентом в количественном сочетании

является существительное (*десяток*, *сотня*; *миллион*, *миллиард*), то это существительное управляет; если последним числовым компонентом является числительное, то это числительное согласуется со считаемым существительным: *к пяти сотням рублей* – *к пятистам рублям*. Поэтому синтаксические связи слова *тысяча* в качестве последнего числового компонента составного числительного представляют диагностический интерес: согласование удостоверяет наличие составного числительного. Покажем это на сопоставлении количественно-именных сочетаний с управлением и согласованием.

При управлении: *В пяти тысячах компаний* имеется простое числительное *пяти*, согласованное с существительным *в тысячахъ*; *в тысячахъ* обозначает считающиеся предметы и управляет существительным *компаний*.

При согласовании: *В пяти тысячах компаниях* имеется составное числительное *пяти тысячахъ*, которое согласуется в падеже с существительным *в компанияхъ*, обозначающим считающиеся предметы.

Таким образом, согласование в непрямых падежах слова *тысяча* является условием формирования на базе слова *тысяча* составного числительного.

Материалы отражают здесь согласование довольно поздно, на полтора века позднее, чем при формах мн. числа простого числительного *тысяча*. При этом они представлены в каждом падеже.

Дательный падеж:

(58) А государству и **10 тысячам акционерам** АО «Полимер» остались мобилизационные мощности... (Иван Штольц. Дело (Самара), 16.08.2002);

(59) ведь Минобороны собирается платить высокую зарплату только контрактникам, только **130 тысячам офицерам** (А. Закатнова. Российская газета, 07.15.07.2003);

(60) соответствуют по производительности **365 тысячам процессорам** Intel 4004 (От счет – до эксафлопса // За науку, 2011);

(61) У нас этот диагноз поставлен **150 тысячам пациентам** (Алексей Бойко, Елена Кудрявцева. Огонек, 2015).

Творительный падеж:

(62) с собранными для нее Сашей **двумя тысячами рублями** (Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания, 1975–2003).

Как и при простом числительном *тысяча* в ед. и мн. числах, более восприимчив к согласованию предложный падеж:

(63) в **40 тысячах** частных российских **компаниях** (Н. Анисин. Завтра, 26.03.2003);

(64) на **100 тысячах фунтах** кукурузы (Форум, 2011);

(65) Село Цовкра – в **двух тысячах метрах** над уровнем моря (М. Ахмедова. Русский репортер, № 3 (181), 2011);

(66) на **двух тысячах площадках** (Утро на 1 канале, 07.09.2018);

(67) В более чем **двух тысячах российских школах** нет теплых туалетов (Новости на 1 канале, декабрь 2018).

Такие примеры иллюстрируют наметившуюся в системе возможность образования составных числительных на основе слова *тысяча*.

Все приведенные примеры с согласованием при составном числительном со словом *тысяча* (58–67) – это инновации последних двух десятилетий⁸. Таким образом, вариантность синтаксических связей у слова *тысяча* отражает сегодняшнюю динамику его морфологического статуса в направлении числительных.

Что касается характерного для числительных согласования, то приведенный здесь материал дает о нем следующую дополнительную (см. выше) информацию: слово *тысяча* согласуется по образцу числительных не только во всех формах непрямых падежей ед. числа, но и в формах мн. числа; оно проявляет способность к согласованию также в качестве последнего компонента составного числительного.

Утрата синтаксических связей по роду и числу

При переходе в числительные количественные существительные теряют способность иметь при себе слова, согласуемые в роде и числе. Так на синтаксическом уровне проявляет себя утрата числительными категорий рода и числа, свойственных существительному. Ср.: согласованное определение и сказуемое при существительном *сотня* и отсутствие согласования с числительным *сто*: *Первая сотня образцов разошлась быст-*

ро. – *Первые сто образцов разошлись быстро*. Во втором примере определение и сказуемое синтаксически связаны не с числительным *сто*, а с количественным сочетанием *сто образцов*; и эта связь осуществляется по особым правилам, отличным от синтаксических связей имени существительного.

Традиционное согласование сказуемого и определения со словом *тысяча* представлено в следующих примерах:

(68) У него **загорелась целая тысяча** спичек (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада», 1855);

(69) На следующий год **была пройдена первая тысяча** метров (В. Котов. Трудное счастье Севана // Техника – молодежи, 1976).

Несогласованное сказуемое при количественно-именном сочетании со словом тысяча

Отсутствие при слове *тысяча* согласования характерно для числительных, а не для существительных. Инновации в несогласовании сказуемых по образцу числительных отражаются в материалах НКРЯ начиная с пушкинского времени:

(70) И вь П. Б. **ходят тысяча** списковъ съ него... (А.С. Пушкин. Письмо Л.С. Пушкину, 01.04.1824);

(71) **Будут тысяча** билетов по 10 руб. каждый (Хроника «Новости дня», 1904);

(72) А вот когда около тебя **кормятся тысяча** людей... это не шутка! (Максим Горький. Враги, 1906);

(73) в мою взволнованную душу, в которой **свирепствуют тысяча** бурь (В. Ерофеев. Из записных книжек, 1958–1990);

(74) На этом пятачке **топчутся тысяча** человек (Л. Сатушева. Рекламный мир, 30.03.2000);

(75) Так, губернатор сказал, что «как Волгу **питают тысяча** рек, так и Россию питают ее народы» (А. Гулина. Богатей (Саратов), 03.07.2003);

(76) А почти **тысяча** банков **не имеют** возможности полноценно встроиться в систему государственной помощи (Елена Кривякина. Дмитрий Медведев: «Значительной части населения придется менять не только работу, но и место жительства» // Комсомольская правда, 27.09.2013);

(77) Может, **не нужны** России **тысяча** институтов? (Александр Милкус. Минобрнауки делает ставку на университетскую науку // Комсомольская правда, 02.10.2013).

К вариантности формы сказуемого при слове *тысяча* современная норма относится противоречиво. Почти век назад, в работе 1924 г., Л.В. Щерба своеобразно прокомментировал согласование сказуемого со словом *тысяча* по модели существительных: «*Тысяча* все больше и больше превращается в количественное слово... а сказать *приехала тысяча солдат*, пожалуй, и вовсе смешно» [Щерба, 1957, с. 74]. Тем самым синтаксическая связь без согласования типа *приехали тысяча солдат* признана академиком Л.В. Щербой предпочтительной.

Грамматика 1952 г. считает возможной несогласованность сказуемого в числе даже при существительных *миллион* и *миллиард*: «Что касается слов *миллион*, *миллиард*, то употребление их в качестве числительных при именах существительных, обозначающих считаемые предметы, выражается только в том, что сказуемое глагол может иметь при них форму множественного числа, например: *миллион рублей будут истрачены на электроэнергию; миллион жителей уже вселились в новые квартиры*» [Грамматика..., 1952, § 618]. Эта позиция предполагает по умолчанию признание нормой формы мн. числа у сказуемого также при слове *тысяча*.

В рекомендациях для печати Д.Э. Розенталь отстаивает традиционное согласование: «При словах *тысяча*, *миллион*, *миллиард*, стоящих ближе к существительным, чем к числительным, сказуемое согласуется по правилам согласования с существительным (в числе и роде), например: *Явилась тысяча человек; Миллион зрителей посетил за три с половиной месяца новую художественную выставку. Ср.: Говорил он так, будто перед его пальцем сидела Андреева* (А.Н. Толстой)» [Былинский, Розенталь, 2011, с. 243].

Однако в «Справочнике по правописанию и стилистике» Д.Э. Розенталь допускает при слове *тысяча* несогласование сказуемого: «Возможны также конструкции по образцу согласования с подлежащими – счетными оборотами: *Тысяча солдат бросились на правый фланг* [Розенталь, 1997, § 184].

Грамматики и нормативные справочники уделяют внимание вариантности ед. и мн. числа у сказуемого при количественно-именных сочетаниях: «Сказуемое в этих случаях

ставится как в единственном, так и во множественном числе» [Былинский, Розенталь, 2011, с. 239]. Особые условия для количественно-именных сочетаний со словом *тысяча* при этом не оговариваются, но важно подчеркнуть, что форма ед. числа в случаях типа *тысяча рублей разошлось* является несогласованной со словом *тысяча* формой так же, как и мн. число *разошлись*.

Несогласованное определение при количественно-именном сочетании со словом тысяча

На материале определений прослеживается динамика наблюдаемого процесса. Так, отсутствие согласования у определения при Им. ед. *тысяча* отражено в материалах на полвека позднее, чем у сказуемого, – в текстах последней четверти XIX в.; несогласование сказуемого его регулярно сопровождает:

(78) Эти «тысяча человек» так рельефно **выдавали** его! (Ф.М. Достоевский. Подросток, 1875);

(79) Словно эти тысяча человек **танцовали** хорошо разученный ими балет (В.Э. Краевский. В Японии, 1905);

(80) Души их царствуют уже с Ним, пока **продут эти тысяча** лет (С.Н. Булгаков. Апокалиптика и социализм, 1910);

(81) Но эти тысяча фонарей **будут** еще в 1914 году (Одесский листок, 1913).

В винительном падеже старший пример без согласования определения относится к последним десятилетиям XIX в.:

(82) **Все тысячу** рублей разом и получишь (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина, 1887–1889).

Более широко явление отражается в текстах XIX в.:

(83) Предлагаю этому господину сейчас же получить **следуемые тысячу рублей** (М.В. Нестеров. О пережитом, 1926–1928);

(84) Но эти тысячу лет Россия прожила недаром (Совещание членов Учредительного Собрания, 1921);

(85) Но эти тысячу лет – мой летящий во тьме труп! (А.Н. Толстой. Аэлита, 1939);

(86) Он прав на **все тысячу** процентов (Аркадий Львов. Двор, 1981).

Утрата согласования проявляется у количественных сочетаний со словом *тысяча* менее регулярно, чем другие признаки числительных. Это соответствует относительной хронологии формирования частеречных особенностей числительных. Так, в аналогичных сочетаниях с «первородными» числительными еще и в XVII в. наблюдаем согласование:

(87) отдала я сынишка своего сыну Усенкову на шесть летъ і в **ту шесть летъ** выучит было ему сынишка моего живописному мастерству (1691 г.) (МДБП, 1968, с. 116).

То же в составных числовых конструкциях:

(88) (Дое)хали здорово до Бузану с пят<ь>юдесяти члвки а **другую пядесят** взял Ушаков. *Астрах. а. № 1232. Отписка*. 1632–1633 гг. (Сл XI–XVII, 1995, с. 101).

Симптоматично, что и Л.В. Щерба, и академические грамматики, и нормативные справочники обходят вопрос о согласовании / несогласовании определения при количественных сочетаниях со словом *тысяча*, не регламентируя и не замечая здесь вариантности.

Утрата согласования при слове *тысяча* отражает тенденцию к утрате у него категорий числа и рода в процессе адаптации в кругу числительных.

Замена форм множественного числа формами единственного числа

В отличие от других имен, числительные не имеют морфологической категории числа. Переход счетных существительных *десять* и *сто* в числительные сопровождается утратой форм мн. числа.

Так, в текстах XVIII и XIX вв. они еще встречаются в формах мн. числа:

(89) Жалгѣю, что **десятьми** днями не ранѣе тебя полонили (М.И. Веревкин. Исторія о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга. Ч. 1. [перевод Прево и Лагарпа], 1782);

(90) Таковые студенты числятся по университетам в других государствах не токмо **стами**, но и тысячами из разных городов и земель. (М.В. Ломоносов. Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской императорской Академии Наук, 1755);

(91) Со **стами**-то рублями мужичок все хозяйство оборудует, да еще останется (М.Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни, 1886–1887).

Замещение мн. числа ед. числом раньше завершилось у числительного *десять* и у названий десятков: *десятью*, *пятьюдесятью*. Ср. в текстах XVIII в. в названиях десятков еще сохраняется мн. число:

(92) Отходя съ побѣдою отъ берега встрѣтились съ **пятьюдесятьми** Каликутскими судами (М.И. Веревкин. Исторія о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга. Ч. 1. [перевод Прево и Лагарпа], 1782);

(93) а не только перед **шестьюдесятьми** чело-веками народу (И.А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами, 1789).

Простое числительное *сто* утратило мн. число в основном на протяжении XIX в., но до сих пор сохраняет формы мн. числа в названиях сотен: *со ста рублями*, но *с пятьюстами рублями*. На протяжении XX в. наблюдается активное замещение мн. числа ед. числом в формах типа *с пятьюста рублями*. Современная норма игнорирует этот неизбежный морфологический процесс и считает такие формы ненормативными. Однако делает это непоследовательно. Для числительного *полтора* ед. число в непрямых падежах уже «узаконено»: «Употребления, встречающиеся в устной и газетной речи, типа *противостоять полторастам стран*, *находиться в полторастах километрах* не являются нормативными; нормально: *полтораста странам*, *в полтораста километрах*» [Русская грамматика, 1980, § 1377].

Видимо, Русская грамматика 1980 г. исходит из того, что сложное числительное *полтора* исторически включало форму Род. ед. *ста* (управляемую существительным *пол*): *поль вѣтора съта* → *полтора*. Тем не менее, в XIX в., еще и в первой половине XX в. формы типа *полтора* (с управлением и с согласованием) отражаются в художественной литературе:

(94) Я знаю, что буду полезен моим **полтора-стам**, или там двумстам душам, которые мне принадлежат (А.Ф. Писемский. Взбаламученное море, 1863);

(95) При **полутора**стах рублях месячного жалования нельзя делать таких туалетов... (А.В. Амфиотров. Первая пощечина (из сборника «Бабы и дамы»), 1890–1900);

(96) Немцы были в **полутора**стах метрах (Б.Л. Горбатов. Лейтенант Леонтий Деркач и его рота, 1941).

Следовательно, замена мн. числа единственным числом – это актуальный для формирования числительных морфологический процесс. Показательно, что, в отличие от числительного *сто*, количественное существительное *сотня* последовательно сохраняет формы мн. числа: *до полутора сотен, к полутора сотням, с полутора сотнями, о полутора сотнях*.

Количественное слово *тысяча* тоже вовлечено в процесс замещения форм мн. числа формами ед. числа. Такие замены sporadически встречаются в текстах с начала XVIII века.

Примечательно, что и здесь наблюдается характерная для формирования имен числительных «цикличность»: у слова *тысяча*, как и у числительного *сто*, замены мн. числа ед. числом чаще и более регулярно представлены именно в сочетании с числительным *полтора*. Поскольку это явление до сих пор никем не отмечено и не прокомментировано, приведем более широкую выборку материала.

Родительный падеж: ед. *тысячи* вместо мн. *тысяч*:

(97) За требованием билетов явилось до **полутора** **тысячи** человек (М.А. Корф. Записки, 1838–1852);

(98) Двинулись мы с отрядом, считавшим не более **полутора** **тысячи** штыков и пяти горных орудий (Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера, 1866–1880);

(99) Без передышки, по тысяче поклонов клал; а в большие праздники и до **полутора** **тысячи** отбрасает (Е.П. Карнович. На высоте и на доле: Царевна Софья Алексеевна, 1879);

(100) никак не меньше **полутора** **тысячи** (Влад. Азов. Маленький фельетон (13.09.1908) // Русское слово (статья), 1908);

(101) В Большом театре собралось до **полутора** **тысячи** представителей «цензовой» и «нецензовой» России (М.В. Вишняк. Дань прошлому, 1953);

(102) А я сделал более **полутора** **тысячи** сил! (Феликс Чуев. Ильюшин, 1998);

(103) За ночь он надеется получить до **полутора** **тысячи** рублей (Горячева Марина. С «ветерком» не получилось // Труд–7, 02.03.2002);

(104) «Скрытое Богом от людей в продолжение **полутора** **тысячи** лет» и открытое лишь одному ему, Ньютону, он не имеет права открывать всем (Светлана Кузина. Конец света настанет в 2060 году? // Комсомольская правда, 25.02.2003);

(105) На момент проверки более **полутора** **тысячи** служащих ЦБ... являлись держателями акций коммерческих банков (Прокуратура услышала Френкеля // РБК Daily, 21.02.2007);

(106) Дипломы и медали в присутствии **полутора** **тысячи** гостей вручит лауреатам король Швеции Карл VI Густав (Людмила Божко. Нобелевские премии 2007 года будут вручены в Осло и Стокгольме // РИА Новости, 10.12.2007);

(107) Выходцы из Африки проживают на территории нынешнего Ирака на протяжении не менее **полутора** **тысячи** лет (Али Хусейн. Чернокожие в Ираке надеются, что и в их в стране появится свой Обама // РИА Новости, 09.12.2008).

В подобных количественных сочетаниях вторичность формы ед. числа не вызывает сомнений. Форма Род. ед. *тысячи* (управляемая существительным *пол*) исторически восстанавливается только при форме жен. рода *полторы*: *поль вторы тысячи* → *полторы тысячи*. Это отражено преимущественно в ранних употреблениях типа *более полуторы тысячи посетителей*. При форме *полтора* (по происхождению это муж.-ср. род) форма Род. ед. жен. *тысячи* исторически не мотивирована.

Мы рассматриваем форму Род. ед. в количественном сочетании *полтора тысячи* как результат морфологической замены формы мн. числа *тысяч*. На возможность такой интерпретации однозначно указывают также замены в других падежах.

Дательный падеж: ед. *тысяче* вместо мн. *тысячам*:

(108) К **полутора** **тысяче** зрителей, собравшихся в театральной зале, нельзя обращаться, как к двум–трем товарищам (Ю. Писаренко. Хрестоматия актера: Сборник, 1930).

Творительный падеж: ед. *тысячью*, *тысячею* вместо мн. *тысячами*.

(109) «Именно в тюрьме... с ее **полутора** **тысячею** ночей, проведенных мною в бодрствовании... начался для меня новый этап метаисторического и трансфизического познания» (Даниил Андреев 1956) (Наталья Галкина. Вилла Рено // Нева, 2003);

(110) Итак, с **полутора тысячьо** душ принял-ся за экономию (Д.И. Фонвизин. Добрый наставник, 1783–1784).

Предложный падеж: ед. *тысяче* вместо мн. *тысячах*:

(111) Ноября в 30 день государь ездил к местечку Веприку, где был наш гарнизон в **полуторе тысяче** человеках (А.М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого), 1698–1721).

Аналогичные этим (и довольно ранние) замены наблюдаются также в количественных сочетаниях слова *тысяча* с другими числительными.

Например, с простыми и сложными числительными:

(112) ...Шведский генерал стоял с **пятью тысячьо**... (И.А. Желябужский. Дневные записки, 1682–1709);

(113) Люстра-монстръ, съ своими **ста тысячьо** рожками, хмурилась отъ невыносимаго жару... (С. Колошинъ. Вашъ старый знакомый (1849) // Москвитянинъ, 1850);

(114) Самого крупного во время оно русско-го помещика, владевшего больше чем **ста тысячьо** душами крепостных крестьян (П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая, 1875–1881);

(115) – Брешь в твоих делах заткнешь этими **ста тысячьо** только на время (Н.Э. Гейнце. Самозванец, 1898);

(116) Сенат приговорил каждого из братьев к уплате проторей и убытков по **тридцати тысячи** рублей ассигнациями (А.И. Герцен. Былое и думы. Часть первая. Детская и университет, 1853–1860);

(117) В индустриальный строй встало свыше **двух тысячи** новых, оборудованных по последнему слову техники, фабрик и заводов (Я. Ларри. Страна счастливых, 1931).

В современных текстах также встречаются рассматриваемые замены:

(118) Из **пяти тысячи** эзков в Экибастузе евреев было очень немного (Семен Бадаш. Открытое письмо Солженицыну (2003) // Вестник США, 23.07.2003);

(119) Мебельное объединение «Эдем-Самара» с нынешних **2,8 тысячи** кв. м увеличит площадь... до 4 тысяч кв. м. (События (2004) // Бизнес-журнал, 03.03.2004);

(120) Из необходимых **4,5 тысячи** солдат военные смогли набрать чуть больше половины

(Дмитрий Литовкин. Коммунизм и картошка (2003) // Известия, 24.06.2003);

(121) До **11, 7 тысячи рублей** увеличится средний размер пенсии в течение 2015 года (Неделя. Барометр // Огонек, 2014).

В приведенных количественных сочетаниях со словом *тысяча* реализована та же модель, которая представлена в сложных числительных типа *с пятьюдесятью*, *с полутора ста*, *с пятиста*. Можно, по-видимому, говорить, об обозначившейся перспективе образования сложных числительных на базе слова *тысяча* по аналогии с другими названиями числовых разрядов. Такая перспектива у названий разрядов создается вследствие утраты ими категории числа. Мы склонны интерпретировать отмеченные замены мн. числа ед. числом как проявление тенденции к утрате словом *тысяча* категории числа в процессе формирования грамматических признаков числительного.

Итоги

Что отражают тексты?

В системе современного русского языка у слова *тысяча* сформированы основные частеобразующие признаки имени числительного:

– унификация падежных форм (морфологическая): Тв. ед. *тысячей* → **тысячьо**, как **пятью**;

– наметилось морфологическое обособление названия числа от названия количества: Тв. ед. *тысячей*, Род. мн. *тысячей* – специфические падежные формы существительного;

– замена управления именем, называющим считаеемые предметы, на согласование с ним во всех непрямых падежах ед. и мн. числа (Дат., Тв., Предл.): *в тысяче рублей* → *в тысяче рублех*; *в тысячах экземпляров* → *в тысячах экземплярах*;

– утрата морфологических форм мн. числа – замена их соотносительными формами ед. числа: *с пятью тысячами рублей* → *с пятью тысячьо рублями*;

– утрата синтаксических форм рода и числа (способности иметь при себе согласуемые в роде и числе слова): *вся тысяча рублей разошлась* → *все тысяча рублей разошлись*;

– на основе числительного *тысяча* формируются составные числительные: *пятью тысячами рублями*. Это создает перспективу дальнейшего лексического расширения грамматического класса имен числительных.

Грамматическая адаптация существительного *тысяча* среди числительных представляет собой длительный и развивающийся во времени процесс. Изученные материалы позволяют предположить следующую последовательность в формировании инноваций по образцу числительных.

1. Наиболее ранние и последовательные преобразования связаны с морфологической унификацией формы Тв. ед. В текстах XVIII в. Тв. ед. *тысячью* преобладает, форма Тв. ед. *тысячью* не ограничена какими-либо условиями употребления. Видимо, уже в XVIII в. наметилось также морфологическое обособление названия числа от названия количества: Тв. ед. *тысячей*, Род. мн. *тысячей* как специфические падежные формы существительного.

2. Замену управления на согласование с именем, называющим считаемые предметы, тексты отражают в такой последовательности: в XVIII в. проявляется возможность согласования слова *тысяча* с существительным, называющим считаемые предметы, в формах Предл. ед. и Тв. ед.; в 30-е гг. XIX в. согласование слова *тысяча* отражается также в форме Дат. ед. (до этого убедительно документировано управление); в формах мн. числа согласование отмечается с середины XIX в. в форме Предл. мн.; согласование в Дат., Тв., Предл. при составном числительном со словом *тысяча* (в *сорока тысячах компаниях*) – это инновации последних двух десятилетий.

3. Утрата категории числа у слова *тысяча* отражается как замена морфологических форм мн. числа (в составных количественных сочетаниях) формами ед. числа с начала XVIII века. Более регулярны замены в сочетании с числительным *полтора*.

4. Утрата синтаксических форм рода и числа (способности иметь при себе в Им. падеже согласуемые в роде и числе слова) начинается со сказуемого в первой четверти XIX века. Отсутствие согласования у определения при количественном сочетании со

словом *тысяча* (Им. и Вин. падежи) отражено в материалах на полвека позднее – в текстах последней четверти XIX века.

Как может реагировать на изменения в системе нормативная описательная грамматика?

Снять нормативные ограничения на согласование слова *тысяча* в формах не прямых падежей, то есть вернуться к Грамматике 1952 г.: не только *с тысячью рублями*, но и *к тысяче рублям, о тысяче рублях*.

Снять нормативные ограничения на согласование слова *тысяча* в формах мн. числа: *к пяти тысячам рублям*.

Включить в описание форму существительного Род. мн. *тысячей*.

Общие итоги

Формирование имени числительного является морфологическим процессом, актуальным для современной системы языка.

Этот процесс распространяется от названий меньших чисел к названиям больших чисел: *десять > сто > тысяча*.

Грамматическая адаптация каждого существительного среди числительных составляет несколько веков (не менее трех-четырех веков).

Переход существительного в числительные – это комплексный грамматический процесс с участием разных грамматических средств, свойственных языкам синтетического строя.

В результате этого процесса в системе языка на основе комплекса синтетических средств формируется новая уникальная парадигма.

Формирование числительных усложняет грамматическую систему языка. В этом процессе нет места для проявления аналитических тенденций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного на Девятых Римских Кирилло-Мефодиевских чтениях (Рим – Милан, 4–9 февраля 2019 г.).

² Аналогичные этим отношения наблюдались в распределении местоименных форм дв. числа *дѣва, оба* и мн. числа *дѣвои, обои*. Формы мн. числа восполняли несочетаемость существительных *pluralia tantum* с формами дв. числа: *обѣ странѣ—обоѣ книги* (pl. t.), *обоѣ дѣти* (pl. t.) [Шульга, 2003, с. 172–173].

³ Используем собственные наблюдения и материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), основного и газетного подкорпусов.

⁴ В XVIII и в первой половине XIX в. у слова *тысяча* наблюдалась морфологическая унификация также в форме Тв. мн.: *тысячьми* под влиянием образований типа *десятьми, пятьюдесятьми, шестьюдесятьми*, например: *Иллюминировано многими тысячьми фонарей* (А.М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого), 1698–1721). По мере замещения «образца» *десятьми* формой ед. числа *десятью*, форма *тысячьми* выходит из употребления. Те же временные границы функционирования формы Тв. мн. *тысячьми* в [Еськова, 2008, с. 666].

⁵ В НКРЯ форма Род. мн. *тысячей* представлена с грамматическими пометами «Тв. ед.», а не «Род. мн.». В словаре [Еськова, 2008, с. 649–650] она иллюстрируется примерами из текстов XVIII и XIX веков.

⁶ В Род. падеже замена управления согласованием при числительных обнаруживается в согласовании прилагательного – не с названием числа, а со считаемым существительным: *от первых десяти столов, от потерянных ста рублей*; ср. при количественных существительных возможно согласование с названием числа: *от первого десятка столов, от потерянной сотни рублей*. При слове *тысяча* также отмечаются следствия замены управления на согласование в Род. падеже: *При покупке следующих тысячи литров топлива* (От «рогов», инопланетян и сухого закона: список 10 самых необычных видов страховок // Известия, 2006.06.09); *Из полученных двадцати одной тысячи рублей я немедленно возвращаю Брюханову его десять тысяч* (Б.Г. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина, 1980).

⁷ «Составные числительные состоят из нескольких слов (двух и более), каждое из которых само является простым или сложным числительным» [Русская грамматика, 1980, § 1367].

⁸ Исключением является единичный пример у И.А. Крылова: *Видишь ли, друг мой, чем я тебе пожертвовал! По крайней мере **три** тысячьми рублями* (И.А. Крылов. Почта Духов..., 1789). Нам представляется, что этот пример для ранней датировки инноваций со словом *тысяча* в структуре составного числительного не является показательным и достоверным. У названий чисел *два,*

три, четыре не было альтернативы согласованию с существительным (в данном случае с существительным *тысячьми*). Согласование здесь было первоначально; ср.: *с тремя стами* так же, как и *с тремя сотнями, с тремя миллионами*. В языковой системе XVIII в. нет оснований рассматривать *три тысячьми* как составное числительное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булаховский Л. А., 1958. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд. Киев : Радянська шк. 488 с.
- Былинский К. И., Розенталь Д. Э., 2011. Литературное редактирование. 3-е изд., испр. и доп. М. : Флинта. 400 с.
- Виноградов В. В., 1972. Русский язык : (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М. : Высш. шк. 616 с.
- Грамматика русского языка, 1952. М. : Изд-во Академии наук СССР. Т. 1. 720 с.
- Еськова Н. А., 2008. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков : Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М. : Рукописные памятники Древней Руси. 960 с.
- Еськова Н. А., 2014. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М. : Яз. слав. культуры. 536 с.
- Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века, 1964 / под ред. акад. В. В. Виноградова, д-ра филол. наук Н. Ю. Шведовой. М. : Наука. Вып. 1 : Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. 600 с.
- Розенталь Д. Э., 1997. Справочник по правописанию и стилистике. М. : Комплект. 384 с.
- Русская грамматика, 1980. В 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука. Т. 1. 784 с.
- Шульга М. В., 2003. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М. : Изд-во МГУЛ. 304 с.
- Щерба Л. В., 1957. О частях речи в русском языке (1924) // Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз. С. 63–84.

ИСТОЧНИКИ

- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII века / подгот. С. И. Котков [и др.]. М. : Наука, 1968. 342 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

СЛОВАРИ

Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв.
Вып. 21. М.: Наука, 1995. 280 с.

REFERENCES

- Bulakhovskiy L.A., 1958. *Istoricheskiy kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical Commentary to the Russian Literary Language]. Kiev, Radyanska shkola Publ. 488 p.
- Bylinskiy K.I., Rozental D.E., 2011. *Literaturnoe redaktirovanie* [Literary Editing]. Moscow, Flinta Publ. 400 p.
- Vinogradov V.V., 1972. *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language. (Grammatical Study of the Word)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 616 p.
- Grammatika russkogo yazyka*, 1952. [Grammar of the Russian Language]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, vol. 1. 720 p.
- Eskova N.A., 2008. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII-XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar. Poyasnitelnye statyi* [Norms of the Russian Literary Language of the 18th–19th Centuries. Stress. Grammatical Forms. Word Variations. Dictionary. Explanatory Articles]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ. 960 p.
- Eskova N.A., 2014. *Slovar trudnostey russkogo yazyka. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Dictionary of the Difficulties of the Russian Language. Stress. Grammatical Forms]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 536 p.
- Vinogradov V.V., Shvedova N.Yu., eds., 1964. *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka* [Essays on the

Historical Grammar of the Russian Literary Language of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1964, iss. 1. 600 p.

- Rozental D.E., 1997. *Spravochnik po pravopisaniyu i stilistike* [Handbook on Orthography and Stylistics]. Moscow, Komplekt Publ. 384 p.
- Shvedova N.Yu., ed., 1980. *Russkaya grammatika: v 2 t. T. 1* [Russian Grammar. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ. 784 p.
- Shulga M.V., 2003. *Razvitie morfologicheskoy sistemy imeni v russkom yazyke* [Development of the Morphological System of Nominal Categories in the Russian Language]. Moscow, Izd-vo MGUL. 304 p.
- Shcherba L.V., 1957. O chastyakh rechi v russkom yazyke (1924) [On Parts of Speech in the Russian Language (1924)]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ. pp. 63-84.

SOURCES

- Kotkov S.I. et al., eds. *Moskovskaya delovaya i bytovaya pismennost XVII veka* [Official and Everyday Texts of the 17th-Century Moscow]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 342 p.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

DICTIONARIES

- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Вып. 21* [Dictionary of the Russian Language, 11th–17th Centuries. Iss. 21]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 280 p.

Information about the Author

Mariya V. Shulga, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Bld. 51, 119991 Moscow, GSP-1, Russia, shoulga@mail.ru, IstinaResearcherID (IRID): 2778936

Информация об авторе

Мария Владимировна Шульга, доктор филологических наук, профессор филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 51, 119991 г. Москва, ГСП-1, Россия, shoulga@mail.ru, IstinaResearcherID (IRID): 2778936

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.8>

UDC 81'1:659.123.1

LBC 81.055.51.6

Submitted: 29.01.2019

Accepted: 03.09.2019

MEANS OF CREATING THE ADVERTISING EFFECTS IN THE CREOLIZED TEXTS OF MARKETING COMMUNICATION

Olga A. Selemeneva

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

Abstract. The article discusses the issue of linguistic and paralinguistic means of creating some psychological techniques in marketing communication. Advertising text is considered as an example of a complex linguistic-and-visual phenomenon, which is represented by two heterogeneous parts: verbal and nonverbal. The author identifies and describes the system of means aimed at forming the effects of recipient's emotional involvement and gradually increasing attention. The study is carried out on the material of creolized commercial advertising texts published in international and Russian magazines in 2018. Verbal means of creating the effect of emotional involvement includes the words with semantic component of intellectual and aesthetic evaluation, abstract nouns, declarative exclamatory sentences and imperatives. The effect of gradually increasing the recipient's attention is achieved by using the words of utilitarian, normative and teleological evaluation, some affixal morphemes, such as: *ультра-, сверх-, супер-*; adjectives in comparative and superlative degree, cardinal numerals, lexical repetitions, interrogative sentences, parceled and compressed utterances, expressive syntactic constructions and other means. On the nonverbal level, the effects of emotional experiences, and the effect of gradually increasing the recipient's attention are achieved through paralinguistic means: type variation, the combination of colours, spatial-planar variation of the text, the images.

Key words: effects of advertising, emotivity, concentration of attention, creolized text, semiotic heterogeneous components, verbal part, paralinguistic means.

Citation. Selemeneva O.A. Means of Creating the Advertising Effects in the Creolized Texts of Marketing Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 105-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.8>

УДК 81'1:659.123.1

ББК 81.055.51.6

Дата поступления статьи: 29.01.2019

Дата принятия статьи: 03.09.2019

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕКЛАМНЫХ ЭФФЕКТОВ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ МАРКЕТИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ольга Александровна Селеменова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам эффективной маркетинговой коммуникации. На материале креолизованных коммерческих рекламных текстов из международных и российских журналов за 2018 год автором выделены и описаны средства формирования двух рекламных эффектов: эмоционального переживания и постепенного усиления внимания. Установлено, что рассматриваемые психологические приемы создаются совокупностью словесных и несловесных (паралингвистических) средств. Эффект эмоционального переживания формируется такими вербальными средствами, как лексемы со значением интеллектуальной и эстетической оценки, абстрактные существительные, повествовательные восклицательные и императивные предложения; а эффект постепенного усиления внимания достигается в результате использования таких вербальных средств, как лексемы, выражающие утилитарную, нормативную и телеологическую оценку, аффиксальные морфемы типа *ультра-, сверх-, супер-*, количественные числительные, синтетические и аналитические формы степеней сравнения прилагательных, свободно функционирующие предложно-па-

дежные конструкции, вопросительные предложения, экзистенциальные предложения, парцелированные, расчлененные и компрессивные высказывания, лексические повторы. Невербальными средствами создания эффектов эмоционального переживания и постепенного усиления внимания являются шрифтовое варьирование, определенная комбинаторика, динамика и гармония цветов, пространственно-плоскостная синтагматика, изображения. Показано, что невербальные средства создания рассматриваемых эффектов могут быть самостоятельными и вспомогательными (по отношению к языковым средствам).

Ключевые слова: эффект рекламы, эмоциональность, напряжение внимания, креолизованный текст, семиотически гетерогенные компоненты, вербальная часть, паралингвистические средства.

Цитирование. Селеменова О. А. Средства создания рекламных эффектов в креолизованных текстах маркетинговой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 105–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.8>

Введение

В последние десятилетия лингвистика все чаще обращается к всестороннему исследованию взаимосвязей и взаимодействия естественного языка с другими семиотическими системами. Тем целостным в функционально-структурном и смысловом плане образованием, которое соединяет семиотически гетерогенные компоненты, становится креолизованный текст. Интерес к изучению сложных текстов, обладающих высоким прагматическим потенциалом и информационной емкостью, возникает как вследствие неоднозначности решения проблемы делимитации границ текста, так и под влиянием амбивалентных медийных глобализационных процессов. Именно их действие обеспечивает распространение новых информационно-коммуникационных технологий, «интернетизацию» традиционных средств коммуникации, изменение способов дистрибуции медиапродуктов, определяет приоритеты и стратегии рекламной деятельности. Поэтому прототипичными образцами поликодовых текстов становятся современные рекламные тексты, в которых целостность всего негомогенного феномена, транслирование реципиенту общего смысла, реализация механизмов манипуляции и внушения обеспечивается интеграцией вербальных и иконических элементов, максимальной сбалансированностью языковых и неязыковых средств.

Цель нашей работы – проанализировать с опорой на комплексный подход рекламные тексты как особые семиотические объекты, выявить и описать вербальные и невербальные средства создания некоторых рекламных эффектов в них: эффекта эмоционального пе-

реживания и эффекта постепенного усиления внимания.

Понятие «эффект рекламы» связано с изучением психолингвистических и прагматических аспектов маркетинговой коммуникации, базирующихся на интерпретации идеи об антропоцентричности языка и признании его полифункциональности. Тематическое поле отечественных и зарубежных исследований в этой области еще недостаточно широко. Однако уже имеются работы, описывающие приемы, способствующие реализации суггестивной стратегии рекламного дискурса (гиперболы, ориентационные и пространственные метафоры, императивы и др.) [Вариясова, 2013]; механизмы манипулятивного воздействия в гендерно ориентированной рекламе с целью создания соответствующего имиджа товара [Колтышева, 2008]; конкретные универсальные и специфические манипулятивные тактики, трансформирующие прототипический рекламный текст [Попова, 2005]; речевые стратегии и импликации рекламных объявлений [Liu Fang, 2012; McQuarrie, Mick, 1996] и некоторые другие явления.

Обычно термин «рекламный эффект» определяют как «сильное впечатление, произведенное кем-либо или чем-либо» [Кохтев, 1991, с. 59]. Уточняя эту дефиницию, мы рассматриваем в качестве рекламных эффектов группу психологических приемов, основанных на внушении и влияющих на массовое потребительское поведение. Постановка проблемы текстовой гетерогенности и изучение рекламного текста как явления, существующего в специфической «изобразительно-вербальной форме» [Максименко, 2012, с. 97], позволяет констатировать факт формирования рекламных эффек-

тов во взаимодействии вербального и невербального компонентов текста.

Материалом исследования послужили креолизованные коммерческие рекламные тексты из международных и собственно российских журналов за 2018 год². Обращение к такому рода источнику языкового материала обусловлено несколькими причинами. Во-первых, эти источники отражают существенное влияние западной рекламы на русский рекламный дискурс и регулярную обновляемость правил построения рекламного текста и средств речевого воздействия на реципиентов. Во-вторых, высокое полиграфическое качество перечисленных журналов, нацеленность на создание специфического визуального пространства за счет использования особых изобразительных средств и возможностей современного фотоискусства позволяют собрать для анализа коммерческие рекламные тексты с разной степенью креолизации и характером взаимодействия между компонентами. В-третьих, ориентация перечисленных журналов на продуцирование стиля жизни различных социальных и гендерных групп, их жизненной философии и способов коммуникации предопределяет тематическую дифференцированность рекламных текстов, особенности их строения, функции паралингвистических средств.

В методологической основе работы лежат два подхода к рекламному дискурсу: системный, базирующийся на принципе единства лингвистической и экстралингвистической сторон речи, и семиотический, актуализирующий идею коммуникативной эффективности текстов, поликодовых по своей природе. При интерпретации и систематизации авторской картотеки примеров, включающей более 600 единиц, применялись описательно-аналитический и коммуникативно-прагматический методы, метод контекстного анализа.

Вербальные и невербальные средства реализации эффекта эмоционального переживания

Одной из характерных черт рекламного текста является эмоциональность; она проявляется даже в тех случаях, когда реклама как будто бы апеллирует к разуму человека, ис-

пользуя метод убеждения в преимуществах рекламируемого продукта. По словам Д.В. Ольшанского, «на деле такое информационное воздействие реально оказывается лишь камуфляжем» [Ольшанский, 2002, с. 317].

В рекламном дискурсе эффект эмоционального переживания как психологический прием основан и на способности человека испытывать эмоции при восприятии предмета или ситуации (радость, симпатию и др.), и на способности к социоэмоциональному взаимодействию, то есть восприятию, пониманию эмоциональных состояний других субъектов, адекватному реагированию на них. Поэтому условно эффект эмоционального переживания складывается из собственно эмоционального переживания и сопереживания.

Характерной чертой креолизованных текстов рекламы является реализуемая вербальным компонентом оценочная модальность. На лексическом уровне для ее создания используются преимущественно имена прилагательные. Эффект эмоционального переживания в основном создается общеоценочным прилагательным *хороший* и его синонимами с разными экспрессивно-стилистическими оттенками: *безукоризненный, безупречный, великолепный, восхитительный, замечательный, идеальный, изумительный, лучший, особенный, отличный, превосходный, солидный* и др. Они называют не один признак рекламируемого объекта, а ряд свойств и выражают «холистическую оценку, аксиологический итог» [Арутюнова, 1988, с. 75]. Например:

(1) Приходите в CLUEV взглянуть на одну из лучших в Европе коллекцию камней... (TATLER, 2018, № 5, с. 45);

(2) Идеальные украшения для такой разной тебя в новой осенней коллекции PANDORA (COSMOPOLITAN. Русское издание, сентябрь 2018, с. 37);

(3) Превосходная развлекательная программа для детей и взрослых (Гастрономъ, 2018, № 7–8, с. 87).

Для создания эффекта эмоционального переживания в рекламный текст вводятся имена прилагательные (в том числе возникшие путем адъективации причастий), выражающие различную оценку, связанную с

удовлетворением нравственного чувства и чувства прекрасного, составляющих, по словам Н.Д. Арутюновой, «ядро духовного начала человека» [Арутюнова, 1988, с. 76]: психологическую (интеллектуальную) оценку (*захватывающий, интересный, сложный, увлекательный* и др.), эстетическую оценку (*живописный, красивый, прекрасный, невероятный* и др.). Например:

(4) Это уникальная возможность стать частью постоянно развивающейся истории города и открыть новую **захватывающую** главу в своей жизни (TATLER, 2018, № 5, с. 69);

(5) Лето в горах – это всегда новые впечатления и эмоции, **невероятные** виды, ароматы горных трав и заряд энергии каждый день! (TATLER, 2018, № 5, с. 103).

Иррадируя на весь рекламный текст, оценочная лексика заменяет логическую аргументацию и вызывает у реципиента устойчивые положительные ассоциации.

Благоприятный эмоциональный фон формируют и абстрактные существительные со значением психологических состояний субъекта, положительных эмоций, отвлеченных свойств, качеств, способности человека действовать в соответствии со своими интересами, целями (*удовольствие, радость, счастье, ностальгия, роскошь, молодость, свобода, великолепие* и др.). Например:

(6) ...Ведь наблюдать в больших окнах рассветы и закаты с видом на башни Московского Кремля – сплошное **удовольствие** (TATLER, 2018, № 4, с. 109);

(7) Ощутите полную **свободу** творчества с современными объективами NIKKOR Z... (Вокруг света, 2018, № 10, с. 9);

(8) Все **великолепие** дворцов в вашем доме (Интерьерный, 2018, № 27, с. 17);

(9) **Интрига. Желание. Страсть. Наслаждение.** Это – новая коллекция ароматов HFC (VOUGE, 2018, № 11, с. 127).

На синтаксическом уровне эффект эмоционального переживания создается в результате использования повествовательных восклицательных и побудительных предложений. Восклицательные предложения обладают особой эмоциональной напряженностью и создают экспрессивность рекламного текста. Например:

(10) МАХЕЕВЪ. Делает мир вкуснее! (Гастрономъ, 2018, № 5–6, с. 45);

(11) Традиция! Ремесло! Совершенство! Сыр Гюуиге АОР Швейцария – девятивековая традиция сыроварения (Гастрономъ, 2018, № 10, с. 9).

(12) Сборная ŠKODA Hockey Edition готова побеждать! (За рулем, 2018, № 10, с. 19);

(13) Эффекс Трибулс делает мужчину успешным! Ваш «Эффекс» – Ваш успех! (Вокруг света, 2018, № 11, с. 29).

Восклицательная интонация, усиливая смысловое содержание рематической части высказывания, позволяет ему в полной мере реализовать воздействующую функцию. В результате человек, по мнению Д.В. Ольшанского, «начинает ощущать себя членом некой виртуальной общности “эмоционально-позитивных” людей» [Ольшанский, 2002, с. 316], у него повышается самооценка.

Побудительные предложения, сформированные глаголами повелительного наклонения, выполняют свое основное назначение – обеспечивают прескрипцию определенного поведения человека-потребителя, ориентацию на выполнение действия-приобретения объекта рекламы. В анализируемых нами коммерческих рекламных текстах директивные речевые акты в основном представляют советы, предложения, рекомендации, которые позволяют сократить дистанцию между адресантом и адресатом и сформировать благоприятный эмоциональный фон. Например:

(14) Окружи себя облаком туалетной воды на основе теплых пряных и искрящихся цветочно-фруктовых нот (COSMOPOLITAN. Русское издание, сентябрь 2018, с. 41);

(15) Volkswagen Polo. Двигайся вместе с городом (Вокруг света, 2018, № 10, с. 7).

Использование преимущественно глагольных форм единственного числа, как объясняют С.С. Ваулина и И.Ю. Кукса, обусловлено желанием составителей рекламы создать атмосферу «личностного общения и вызвать доверие к адресанту» [Ваулина, Кукса, 2018, с. 71].

Встречается в рекламных текстах и побуждение, основанное на обязательности осуществления выраженного в предложении действия, передающегося путем использования модального слова *нужно* в сочетании с инфинитивом:

(16) Шторы **нужно покупать** в цвет своей души! (Жилая среда, 2018, № 10, с. 21).

В эмоционально окрашенных побудительных предложениях, ориентирующих реципиента на преодоление препятствий на пути к желаемой цели, транслируется активная жизненная позиция, воссоздается ситуация успеха. Например:

(17) Стань красивой! Закажи себе коробочку Лизабокс на сайте lisa.ru/box (Мой ребенок, 2018, № 11, с. 89);

(18) Стань первым среди лучших! (За рулем, 2018, № 10, с. 2).

Эффективность рекламного текста зависит не только от тщательного отбора языковых средств, но и от выбора невербальных средств, способных актуализировать благоприятный эмоциональный фон. Так, на формирование положительных эмоций по отношению к какому-либо объекту рекламы оказывают влияние самостоятельные паралингвистические средства – фотографии-изображения женщин, детей и животных. В рекламных текстах приоритетно использование фотографий женских лиц, что свидетельствует об актуализации архетипа женщины как способа привлечения непроизвольного внимания и, следовательно, рождения аффективного эмпатического отклика, активизации в сознании реципиента идеального представления, ассоциирующегося с рекламируемым объектом.

Желание вызвать у реципиента умиление и удовлетворить эстетические потребности в гармонии и красоте обуславливает использование изображений в жанре портрета или бытовой фотографии, целью которой является передача эмоционального состояния объекта съемки. Например, Дмитрий Дибров с женой и сыновьями, распаковывающими подарки, в рекламе интернет-магазина игрушек «TOY.RU» (TATLER, 2018, № 1, с. 50) или улыбающаяся Лив Тайлер, бегущая с дочерью Лулой по пляжу, в рекламе курортных отелей «Maxx Royal Resorts» в Турции (TATLER, 2018, № 1, с. 44–45).

Цвет в креолизованных коммерческих рекламных текстах также участвует в формировании эмоций. Используемая в рекламе цветовая гамма рассчитана не только на эстетическое воздействие, но и на определен-

ный психоэмоциональный отклик, формирование правильного настроения, основанного на чувстве удовлетворения, погружения в состояние расслабления или, напротив, напряжения, трепета, взволнованности. Как пишет Г. Цойгнер, «выразительность цвета должна согласовываться с функцией или назначением предмета или с определенной тематикой» [Цойгнер, 1971, с. 112]. Несмотря на то что существует национально-культурная специфичность символики и восприятия цвета, в анализируемых текстах она нивелируется за счет большого количества международной рекламы. В ней красный цвет ассоциируется с активностью, волей, энергией, страстью: аромат «POWER of SEDUCTION» от «ANTONIO BANDERAS» (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 10) или четвертый аромат из коллекции «Narciso eau de parfum rouge» (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 29); серый – с властью, зрелостью, сдержанностью: реклама спорткара «Prototype 10» от японского автопроизводителя «Infiniti» (Тест-Драйв, 2018, № 10, с. 4–5) или шин «Hankook» (За рулем, 2018, № 10, с. 2); желтый – с теплом, солнцем, движением: женская одежда из Германии «MADELEINE» (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 19); зеленый – обилием, здоровьем, природой, расслаблением: натуральная косметика из Израиля «ORGANIX COSMETIX» (КРАСОТА и ЗДОРОВЬЕ, 2018, № 5, с. 109) или акустические кабинки от компании «ALCOPA PROJECT» (Жилая среда, 2018, № 10, с. 7); голубой и синий – с небом, легкостью, изяществом: реклама ювелирных бутиков «GRAFF» и «BULGARI» (TATLER, 2018, № 1, с. 4, 8); белый – с чистотой, молодостью, сиянием: реклама модного дома «CHANEL» и ювелирного японского бренда «MIKIMOTO», специализирующегося на создании украшений из жемчуга (TATLER, 2018, № 1, с. 12, 16), или крема «Возраст эксперт» от «L'ORÉAL» (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 35) и т. д.

Г. Цойгнер различал три ступени выбора цвета с позиций эстетики: комбинаторика (абстрактная группировка цветов для создания определенного ощущения), гармония (выбор сочетания цветов с учетом их воздействия) и динамика (выбор цвета с ориентацией на психофизиологическое воздействие) [Цойгнер, 1971, с. 108]. В письменных реклам-

ных текстах учитываются все эти ступени. Например, сочетание красного (самого активного цвета спектра) с белым является «жестким» сочетанием, вызывает сильную активацию эмоционального состояния и используется преимущественно в креолизованных текстах, объект рекламы которых предполагает ярко выраженный сексуальный подтекст или нацеленность на борьбу с чем-либо: помада «DIORROUGE» (на белом фоне изображен красный футляр помады, модель в красном пуловере, с красным маникюром и ярко-красными губами) (COSMOPOLITAN, сентябрь 2018, с. 2); крем «Ultimune Концентрат» от «SHISEIDO» для восстановления кожи и предотвращения ее старения (красный флакон с кремом на красно-белом фоне) (COSMOPOLITAN, сентябрь 2018, с. 31) и др. Разнообразные цветовые сочетания могут активизировать или компенсировать эффект эмоционального переживания, иными словами, подчеркивать или ослаблять его.

Вербальные и невербальные средства формирования эффекта постепенного усиления внимания

Задача любого рекламного текста состоит в том, чтобы привлечь и удержать внимание адресата в процессе чтения. Чтобы избежать затухания внимания, копирайтеры используют эффект постепенного усиления внимания. Под указанным эффектом мы понимаем психологический прием, нацеленный на аттракцию и удерживание напряжения внимания реципиента в письменном рекламном тексте за счет содержательного, логико-эмоционального и визуального усиления информационных блоков.

Эффект постепенного усиления внимания формируется как вербальными, так и невербальными средствами, причем языковые средства его создания более разнообразны по сравнению со средствами, формирующими эффект эмоционального переживания. На лексическом уровне используется оценочная лексика: прилагательные со значением утилитарной (*вредный, выгодный, полезный, удобный* и др.), нормативной (*здоровый, качественный, классический, правильный, нестандартный, популярный, индивидуальный, инно-*

вационный и др.) и телеологической оценки (*неэффективный, эффективный, результативный, нерезультативный* и др.). Такие прилагательные, по мнению Н.Д. Арутюновой, «связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека» [Арутюнова, 1988, с. 76–77], они участвуют в выстраивании логической аргументации через индукцию и дедукцию в рекламном сообщении. Прилагательные нормативной оценки актуализируют достоинства рекламируемых объектов, а утилитарной и телеологической оценки – акцентируют внимание реципиента на получаемой потребительской выгоде. В результате их использования происходит содержательное усиление информации вербальной части креолизованных рекламных текстов. *Например:*

(19) Большой выбор **специальной** строительной химии и **уникальных** материалов поможет решить вам даже самую сложную задачу (Калининградские дома, 2018, № 10, с. 2);

(20) **Качественное** международное образование – инвестиция в будущее вашего ребенка (TATLER, 2018, № 5, с. 75);

(21) L-карнозин – самый **эффективный** омолаживающий компонент из известных науке на сегодняшний день (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 57).

Актуализации эффекта усиления внимания способствуют абстрактные отглагольные имена существительные со значением действий, имеющих положительный результат: *замедление, восстановление, улучшение, снижение, уменьшение, укрепление* и под. *Например:*

(22) Карнозин Эвалар способствует... быстрому **восстановлению** после физических нагрузок, **улучшению** работы мозга и сердца... (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 57);

(23) **Восстановление** структуры волос с экстрактом водоросли Ундария Перистая и гидролизованного Кератина (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 107).

Такие существительные указывают на факт, а не доказывают его. Привлекая внимание реципиента к рекламируемому объекту посредством представления аргумента как аксиомы, они выполняют аттрактивную функцию и тем самым способствуют формирова-

нию эффекта усиления внимания в креолизованных текстах.

В создании указанного эффекта могут участвовать некоторые аффиксальные морфемы (префиксы типа *ультра-*, *сверх-*, *супер-*), благодаря которым дериваты имеют значение крайней степени проявления того, что названо мотивирующим словом. Например:

(24) Созданная силой моря, улучшенная биологами Biotherm, теперь энергия преобразования красной водоросли заключена в **ультралегкой** текстуре инновационного крема для лица (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 13);

(25) **Суперэкономичная** морозильная камера с классом А++/А-60% (Гастрономъ, 2018, № 7–8, с. 2);

(26) Витамин для **сверхспособностей** (Вокруг света, 2018, № 10, с. 29).

Эффект постепенного усиления внимания достигается благодаря использованию прилагательных в сравнительной и превосходной степени. Выражая максимальное проявление свойств рекламируемого объекта, они способствуют формированию его положительной оценки. Например:

(27) Новый KIA Cerato поднимет оценку ваших достижений на еще **более высокий** уровень (За рулем, 2018, № 10, с. 4);

(28) Рыбная лавка КАМЧАТКА. Только дикая рыба и **вкуснейшая** икра (Калининградские дома, 2018, № 10, с. 69);

(29) Становись **моложе** с каждым днем! (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 57);

(30) **Наиболее эффективный** карабин с продольно-скользящим затвором... (Охота и рыбалка XXI век, 2018, № 7, с. 99).

Производные слова с элементами типа *ультра-*, *сверх-*, *супер-* и прилагательные в сравнительной и превосходной степени – яркий пример манипуляций копирайтеров с искусственными скрытыми сравнениями. Эти языковые средства направлены на представление преимуществ рекламируемого объекта, создание неповторимого образа, удержание внимания потенциального покупателя в письменном тексте.

Заметную роль в создании эффекта постепенного усиления играют порядковые и количественные числительные. Из порядковых числительных наиболее последователь-

но аттрактивную функцию выполняет числительное *первый*. Например:

(31) **ПЕРВЫЙ** МИЦЕЛЛЯРНЫЙ уход для волос (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 39);

(32) **Первое** тональное средство Clarins в текстуре сыворотки (COSMOPOLITAN. Русское издание, сентябрь 2018, с. 23);

(33) **Первый** легко усваиваемый «Куркумин» (Гастрономъ, 2018, № 10, с. 63).

Количественные числительные, записанные цифрами в целях компрессии текстовой информации и с учетом ориентации на зрительное восприятие текста реципиентом, участвуют в создании эффекта усиления внимания при использовании в маркированных списках. В этих случаях они берут на себя роль «маячков», помогающих структурировать сложную информацию в целях упрощения ее восприятия. Например:

(34) Через 4 недели:

97 % Кожа увлажнена

90 % Улучшение общего состояния кожи

81 % Сведены к минимуму проблемы с кожей

93 % Заметный эффект сияния

86 % Более ровный тон кожи

95 % Гладкая кожа (COSMOPOLITAN. Русское издание, сентябрь 2018, с. 33).

Употребленные однократно или вне маркированного списка, количественные числительные, на наш взгляд, создают не столько эффект усиления внимания, сколько эффект доверия – психологический прием, заключающийся в формировании у реципиента уверенности в достоверности представленной в рекламе информации. Основными средствами создания этого эффекта выступают антропонимы (*Лив Тайлер, Наталья Водянова, Оксана Федорова* и др.) и показатели авторизации (*Как отмечает Татьяна Валерьевна...*), позволяющие осуществить суггестию через авторитетный источник информации. Помимо указанных средств, созданию эффекта доверия способствуют количественные числительные, которыми оперируют копирайтеры с целью ввести статистические данные, полученные в результате проведенных измерений, экспериментов. Если эта фактуальная информация не является достоверной, она все же выполняет свою основную функцию: у адресата

создается впечатление точности и полноты полученного знания.

Для формирования эффекта усиления внимания в рекламный текст вводится и наречие *впервые*. Оно выносится в начало предложения:

(35) **Впервые** в лабораториях VICHY в MINERAL 89 минерализующую термальную воду в рекордной концентрации [89 %] объединили с увлажняющим компонентом натурального происхождения – гиалуроновой кислотой в высокой концентрации (COSMOPOLITAN. Русское издание, сентябрь 2018, с. 75);

(36) Секреты детокса со всего света. Проверено временем. **Впервые** перед вами (ELLE, 2018, № 11, с. 121).

Эффект усиления внимания формируется не только лексическими, но и синтаксическими средствами. Так, его созданию способствуют предложения, осложненные однородными членами. Цепочки однородных членов помогают удержать внимание адресата за счет подробности описания рекламируемых объектов, перечисления их типов или свойств. Связь в сочиненных рядах часто осуществляется только при помощи интонации или слов типа *и многое другое, и подобное*, которые указывают на незаконченность сочиненных рядов, возможность их дополнения. Например:

(37) Инновации для пола: плетеный винил, гибридный кварц-винил, пробка с фотопечатью, микодур и многое другое (Калининградские дома, 2018, № 10, с. 35);

(38) Уменьшите видимые признаки старения. Подтянутая, гладкая, сияющая кожа (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 13);

(39) Различные объективы, окуляры, разрешения матриц, крепления и насадки позволяют выбрать оптимальную конфигурацию тепловизора для реализации конкретного решения (Охота и рыбалка XXI век, 2018, № 7, с. 5).

С целью привлечения внимания реципиента, включения его в диалог в креолизованных рекламных текстах используются вопросительные предложения. Среди них отмечаем наличие двух типов конструкций: предложения с прямым вопросительным значением и предложения с переносным вопросительным значением (подробно о типах вопросительных

значений см.: [Воейкова, 2015]). Прямое значение реализуется в прямых вопросах с эксплицитными или имплицитными ответами. Например:

(40) Что нужно знать о вызревании? Вызревание (созревание, выдержка) говядины – подготовка мяса к употреблению. В процессе вызревания происходят естественные изменения, в результате которых оно делается мягче и вкуснее (Гастрономъ, 2018, № 9, с. 5)

(41) Устали от усталости? (Гастрономъ, 2018, № 9, с. 9);

(42) Любишь хоккей и автомобили? (Вокруг света, 2018, № 11, с. 13)

В примере (40) представлен развернутый ответ на вопрос, в примерах (41) и (42) подразумевается краткий ответ «да/нет». Переносное вопросительное значение реализуется в конструкциях, имеющих риторический характер:

(43) WINTER. Что еще нужно? (Движок, 2018, № 68, с. 55).

Вопросительные структуры в вербальной части креолизованных коммерческих рекламных текстов могут быть оформлены расчлененно:

(44) Что старит нас в первую очередь? Морщины? Нечеткий овал? (ELLE, 2018, № 5, с. 219);

(45) Кашель? Бронхит? Лекарственный растительный препарат Бронхипрет (Мой ребенок, 2018, № 11, с. 75).

Такие свернутые формы синтаксических построений, представляющие именные синтагмы, ориентированы на динамизм и предполагают максимальную словесную сжатость при сохранении смысловой емкости. Они являются результатом влияния разговорной речи и, как показано А.А. Воейковой, «приобретают еще и оттенок дополнительной эмоциональности (удивления, изумления, сочувствия)» [Воейкова, 2015, с. 115], приводящей к логико-эмоциональному усилению вербальной части рекламного текста.

Заметную роль в создании эффекта усиления внимания в текстах рекламы играет группа экзистенциальных предложений. При необходимости привлечь внимание реципиента к месту нахождения рекламируемого

объекта или явления копирайтеры используют конструкции, представленные именительным падежом существительного и включающие локативные словоформы. Например:

(46) Летняя палитра в **Гранд Паласе** (Я покупаю, июль-август 2018, с. 27);

(47) Удобное место в **центре города** (Интерьерный, 2018, № 27, с. 15);

(48) Премьера в **России** (Вокруг света, 2018, № 11, с. 31).

Однако пространственный локализатор не всегда вербально представлен в высказывании. Он может отсутствовать по причине смысловой избыточности, возникающей вследствие упоминания в контексте или восстановления из ситуации. При этом существительное в именительном падеже распространяется атрибутивными словоформами, подчеркивающими уникальные характеристики товара. Например:

(49) Просторные учебные классы с инновационным оборудованием (TATLER, 2018, № 5, с. 75);

(50) Сверхэффективные инновационные природные комплексы (Вокруг света, 2018, № 11, с. 81).

В рекламе школ международного оператора «Brookes Education Group» (пример 49) легко восстанавливается пространственный локализатор – в школе; в рекламе пищевых добавок от «Siberian Wellness» (пример 50) – пространственный локализатор – в этом препарате.

Экзистенциальные предложения без усложнения синтаксиса позволяют повысить возможности запоминания рекламного текста и его экспрессивность за счет своей фрагментарности и семантической емкости.

Стилистической напряженности, усилению логических и смысловых акцентов способствует употребление парцелированных конструкций, в которых парцелляты, отрываясь от базовой части высказывания, поясняют, семантически распространяют основное рекламное сообщение. Например:

(51) Сражение с акне. Но не с кожей (COSMOPOLITAN. Русское издание, сентябрь 2018, с. 191);

(52) Абсолютно натуральный продукт, только из Швейцарии. Не содержит глютен и лактозу (Гастрономь, 2018, № 10, с. 9);

(53) Было время, когда люди разучивали танцевальные движения. Когда одеваться стильно было «классной» идеей. Когда хороший дизайн был актуален десятилетиями (Вокруг света, 2018, № 11, с. 3).

Таким образом, эффект постепенного усиления внимания формируется посредством расчлененности структуры рекламного текста, которая проявляется не только в парцелированных, но и сегментированных конструкциях, включающих две части: препозитивный номинатив, называющий объект рекламы, и характеризующий его компонент. Например:

(54) Greenfield. Чай в алюминиевых капсулах. Jardin. Кофе в алюминиевых капсулах (Вокруг света, 2018, № 11, с. 44–45);

(55) LOLA KONTI. Мультибрендовый бутик (Я покупаю, сентябрь 2018, с. 9);

(56) CALVIN KLEIN WOMEN. Новый аромат для нас (ELLE, 2018, № 11, с. 71).

Использование латинской графики препозитивного номинатива – прагматонима, идентифицирующего товар или вид услуг, – выполняет аттрактивную функцию, активизирует, по мнению И.В. Высоцкой, метаязыковое поведение посредством актуализации противопоставления «своего» и «чужого» [Высоцкая, 2010, с. 473], а также восприятия иноязычного слова как более престижного.

Требования смысловой емкости и словесной сжатости, стремление к компактности рекламного текста обуславливают распространение компрессивных структур – предложений с нулевыми сказуемыми. Например:

(57) Beauty spa by World Class. Красота – рядом (TATLER, 2018, № 2, с. 71);

(58) БИОТИН для визуального эффекта плотности, КОЛЛАГЕН – для укрепления, КОФЕ – для поднятия волос у корней и активизации их роста (Glamour, 2018, № 6, с. 79).

Добиться повышенного внимания адресата к ключевым характеристикам объекта рекламы позволяют предложно-падежные формы в самостоятельном употреблении. Например:

(59) Интерьерная мастерская RAPPА DECO. **От дизайн-проекта до реализации** (Калининградские дома, 2018, № 10, с. 55);

(60) Лечение гриппа и простуды в полном объеме! **Для взрослых и детей с 6-ти месяцев** (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 139);

(61) Все. **От мебели до посуды** (TATLER, 2018, № 4, с. 89);

(62) LACOSTE. **Для нее. Для него** (COSMOPOLITAN. Русское издание, сентябрь 2018, с. 45);

(63) **От головы до форели** (Спортивное рыболовство, 2018, № 9, с. 21).

Реализации эффекта усиления внимания в рамках сложного синтаксического целого способствуют лексические повторы ключевых слов. Например:

(64) Много лет **LUZAR** выпускает **автомобильные радиаторы**. **Мы** являемся лидерами по объему выпуска **автомобильных радиаторов** в России и странах бывшего СССР. **Для нас** вершина производственного мастерства – это выпуск **радиаторов для грузовых автомобилей**. Это направление является сложным и требующим отдельного подхода – в сравнении с выпуском «обычных» легковых и легко-грузовых теплообменников. **Мы** гордимся тем, что система **качества LUZAR** позволяет производить крупногабаритные **радиаторы – для автомобилей КАМАЗ, МАЗ, ЛиАЗ...** – несомненно высочайшего **качества** и ресурса. **Мы** понимаем, насколько важно, чтобы **Ваш грузовик** бесперебойно работал. Именно поэтому **мы** производим **радиаторы**, обладающие высочайшим **качеством** и ресурсом – чтобы **Ваша** работа не останавливалась, и **Ваш** труд приносил еще больше пользы людям (Движок, 2018, № 68, с. 53).

Ключевые слова *радиаторы, автомобильный, грузовой, качество, LUZAR, мы, Ваш* выступают, во-первых, структурными показателями глобальной и локальной связности приведенного рекламного текста, а во-вторых, способствуют реализации «формулы внушения» (подробно о формуле см.: [Вариясова, 2013, с. 16]). Используемые ключевые слова хорошо знакомы потенциальному покупателю, поэтому их повторение не приводит к вербальной сатиации или словесному насыщению, нейтрализующим эффект усиления внимания.

Помимо лексических повторов, указанный эффект поддерживается сопоставительными отношениями между отдельными высказываниями текста или предикативными единицами сложного предложения и таким сти-

листическим приемом, как синтаксический параллелизм. Например:

(65) Салициловая кислота выравнивает текстуру кожи, органическая розовая вода придает сияние, а полифенол виноградных косточек контролирует выработку себума (COSMOPOLITAN. Русское издание, сентябрь 2018, с. 103);

(66) ROLEX. Эталон современных часов с 1945 года. Их функциональность и дизайн выдержали испытание временем. Эти часы не просто показывают время. Они рассказывают историю (VOUGE, 2018, № 11, с. 32).

Среди паралингвистических средств способом стимулирования интереса к бренду и удержания внимания потенциального покупателя становится использование в качестве иконического компонента фотографий известных мужчин и женщин (актеров театра и кино, певцов, врачей, ученых и др.), обладающих требуемыми личностными характеристиками и сформировавшейся репутацией. Например, Татьяна Лютаева, заслуженная артистка России, в рекламе процедуры «CoolSculpting» в клинике «Supernova» (TATLER, 2018, № 1, с. 101) или Штефан Хипп, глава и владелец «HIPPO GROUP», в рекламе продуктов для детского питания «HIPPO ORGANIC» (Мой ребенок, 2018, № 11, с. 41). Полагаем, что создание эффекта усиления внимания – вторичная функция таких изображений, а основная – формирование эффекта доверия, осуществление суггестии через «свидетельство».

Поскольку на произвольное внимание адресата влияет совокупность факторов (интенсивность раздражителя, его уникальность и др.), на невербальном уровне креолизованного рекламного текста эффект усиления внимания формируется в результате использования такого средства неязыковой письменной коммуникации, как шрифтовое варьирование, воздействующий потенциал которого основан на размере букв. Графические выделения отдельных букв, морфем или слов, словосочетаний способствуют логико-эмоциональной интенсификации содержания вербальной части рекламного текста. Например:

(67) **ЧТО** стало С утром **НА** серебряном дожде? (Вокруг света, 2018, № 10, с. 93);

(68) **ШВАБРА** с инновационным легким отжимом (Коллекция. Караван историй, 2018, № 10, с. 91).

Шрифтовое варьирование наиболее важно для рекламного текста языкового элемента способствует актуализации графической игры, нацеленной на создание смысла с помощью технических ресурсов.

Супраграфика, как показано Е.Б. Кургановой, нередко приводит к различного рода графическим искажениям – контаминациям с выделенным сегментом, порождающим «второй смысловой ряд» и позволяющим установить причинно-следственные отношения [Курганова, 2004, с. 103]. Такие искажения представлены и в нашем материале, например:

(69) **ХОФИТОЛ**. Отличное решение для **УДАЧНОГО** пищеварения. Раствор может приниматься у детей **ЛЮБОГО ВОЗРАСТА!** (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 129).

Лексема **УДАЧНОГО** в рекламном контексте членится на два сегмента: «у» и «**ДАЧНО-ГО**», подчеркивая связь не с мотивирующим *удача*, а со словом *дача* (**УДАЧНОГО** при вычете *У* превращается в **ДАЧНОГО**). Этот графический прием привлечения внимания реципиента подкрепляется и изобразительным компонентом – идиллической сценой приготовления счастливой семьей блюда на мангале.

Функцию усиления внимания в тексте выполняют и графические англо-русские гибриды, активизирующие словообразовательную игру с латиницей:

(70) **ОБЩАЙТЕSS!** Выбери свою территорию общения и обменяй **TESS-коины** на **ПРИЗЫ!** (Домашний очаг, сентябрь 2018, с. 87).

Использование конечных цветов ахроматического ряда – черный шрифт на белом фоне или белый шрифт на черном фоне – также выступает средством создания эффекта усиления внимания, поскольку гармония цветов основана на факторе контрастности, обуславливающим психические реакции человека. По нашим наблюдениям, цветовой лаконизм становится характерной чертой тех креолизованных текстов, в которых рекламируемый объект символизирует утонченность, строгость, аристократизм. Например, белый фон и черный шрифт используется в рекламе

одежды и аксессуаров итальянского дома моды «PRADA» (TATLER, 2018, № 2, с. 3) и французского модного дома «CHANEL» (TATLER, 2018, № 2, с. 3–4) или, наоборот, черный фон и белый шрифт в рекламе коллекции ювелирных изделий «Giardini Segreti» итальянского бренда «Pasquale Bruni» (TATLER, 2018, № 1, с. 15).

Для создания эффекта усиления, помимо шрифтового варьирования, применяется такое паралингвистическое средство, как топографика. Пространственно-плоскостное варьирование акцентирует внимание реципиента на наиболее важных элементах текста. Например, наименования объектов рекламы обычно выделяют жирным шрифтом и располагают вверху или внизу страницы по центру.

Заключение

Проведенный анализ фактического материала из международных и российских журналов позволяет сделать вывод о том, что формирование эффектов эмоционального переживания и постепенного усиления внимания осуществляется в креолизованных текстах коммерческой рекламы посредством оптимальной сочетаемости словесных и несловесных средств. К языковым средствам создания описываемых эффектов мы отнесли оценочную лексику, абстрактные существительные, некоторые морфемы и морфологические формы, определенные типы предложений, а к наиболее активным и влияющим на аудиторию паралингвистическим средствам – фотографии, сочетаемость цветов и шрифтовое варьирование. По отношению к языковым средствам паралингвистические могут быть как относительно самостоятельными (фотографии), так и зависимыми, вторичными (шрифтовое, пространственно-плоскостное варьирование). При минимализации словесного элемента на привлечение внимания потенциальной аудитории и формирование положительного эмоционального фона нацелены изображения, самостоятельные и вспомогательные паралингвистические средства; при значительном объеме словесного компонента ведущую роль в формировании эффектов эмоционального переживания и усиления внимания играют языковые средства.

Выявленный набор средств формирования анализируемых психологических приемов в рекламных текстах не является исчерпывающим, он может быть расширен в результате изучения пунктуационного варьирования, необычной орфографии, сегментации текста и некоторых других особенностей, оказывающих определенное суггестивное воздействие на реципиента. Проведенное нами исследование имеет перспективы, поскольку роль креолизованных текстов возрастает в связи с изменяющимися потребностями современного общества, интенсификацией обмена информацией, качественной трансформацией коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в примерах орфография и пунктуация рекламных текстов сохранены.

² Источниками для отбора фактического материала послужили следующие журналы: «Вокруг света», «Гастрономъ», «Движок», «Домашний очаг», «Жилая среда», «За рулем», «Интерьерный», «Калининградские дома», «КАРАВАН историй», «КРАСОТА и ЗДОРОВЬЕ», «Мой ребенок», «Охота и рыбалка XXI век», «Спортивное рыболовство», «Тест-Драйв», «Я покупаю», «COSMOPOLITAN. Русское издание», «ELLE», «Glamour», «TATLER», «VOUGE».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 341 с.
- Вариясова Е. В., 2013. Средства речевого воздействия в русских рекламных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут. 24 с.
- Ваулина С. С., Кукса И. Ю., 2018. Лингвистические стратегии реализации побудительной модальности в политическом лозунге и рекламном слогане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 2. С. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.7>.
- Воейкова А. А., 2015. Структурно-функциональные особенности вопросительных предложений (на примере текстов русской рекламы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 6 (159). С. 113–117.
- Высоцкая И. В., 2010. «Свое» и «чужое», или Взаимодействие кириллицы и латиницы в совре-

менном рекламном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4 (2). С. 471–474.

- Колтышева Е. Ю., 2008. Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте: на материале англоязычных глянцевого журналов для женщин : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль. 281 с.
- Кохтев Н. Н., 1991. Десять эффектов рекламы // Русская речь. № 6. С. 59–64.
- Курганова Е. Б., 2004. Игровой аспект в современном рекламном тексте. Воронеж : Родная речь. 122 с.
- Максименко О. И., 2012. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 2. С. 93–102.
- Ольшанский Д. В., 2002. Психология масс. СПб. : ПИТЕР. 368 с.
- Попова Е. С., 2005. Рекламный текст и проблемы манипуляции : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 256 с.
- Цойгнер Г., 1971. Учение о цвете (популярный очерк) / пер. с нем. Э. Н. Зеликиной ; науч. ред. Г. Г. Борис. М. : Изд-во лит. по стр-ву. 194 с.
- Liu Fang, 2012. A Study of Principle of Conversation in Advertising Language // Theory and Practice in Language Studies. Vol. 2, no 12. P. 2619–2623. URL: <http://www.academypublication.com/issues/past/tpls/vol02/12/22.pdf> (date of access: 09.08.2018).
- McQuarrie E. F., Mick D. G., 1996. Figures of Rhetoric in Advertising Language // Journal of Consumer Research. Vol. 22, no. 4. P. 424–438. URL: <http://www.jstor.org/stable/2489791> (date of access: 12.07.2018).

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of the Language Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.
- Variyasova E.V., 2013. *Sredstva rechevogo vozdeystviya v russkikh reklamnykh tekstakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Means of Speech Influence in Russian Advertising Texts. Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.]. Tyumen. 54 p.
- Vaulina S.S., Kuksa I.Yu., 2018. *Lingvisticheskie strategii realizatsii pobuditelnoy modalnosti v politicheskom lozunge i reklamnom slogane* [Linguistic Strategies and Realization of Incentive Modality in Political Slogan and Advertising Slogan]. *Vestnik Volgogradskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaniiye [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 2, pp. 63-73. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.7>.
- Voyeykova A.A., 2015. Strukturno-funktsionalnye osobennosti voprositelnykh predlozheniy (na primere tekstov russkoy reklamy) [Structural and Functional Characteristics of Question Patterns Found in Russian Advertisements]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], iss. 6 (159), pp. 113-117.
- Vysotskaya I.V., 2010. «Svoe» i «chuzhoye», ili Vzaimodeystvie kirillitsy i latinitsy v sovremennom reklamnom tekste [“Own” and “Alien” (Interaction of the Cyrillic and Latin Script in Modern Advertising Text)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 4 (2), pp. 471-474.
- Koltysheva E.Yu., 2008. *Manipulyativnoe vozdeystvie v sovremennom reklamnom tekste: na materiale angloyazychnykh glyantsevykh zhurnalov dlya zhenshchin: dis. ... kand. filol. nauk.* [Manipulative Influence in the Modern Advertising Text: On the Material of English Glossy Magazines for Women. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Yaroslavl. 281 p.
- Kokhtev N.N., 1991. Desyat effektov reklamy [Ten Advertising Effects]. *Russkaya rech*, no. 6, pp. 59-64.
- Kurganova E.B., 2004. *Igrovoy aspekt v sovremennom reklamnom tekste* [Gaming Aspect of the Modern Advertising Text]. Voronezh, Rodnaya rech Publ. 122 p.
- Maksimenko O.I., 2012. Polikodovyy vs. kreolizovannyi tekst: problema terminologii [Polycode vs. Creolized Text: Terminology Problem]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics], no. 2, pp. 93-102.
- Olshanskiy D.V., 2002. *Psikhologiya mass* [Mass Psychology]. Saint Petersburg, PITER Publ. 368 p.
- Popova E.S., 2005. *Reklamnyy tekst i problemy manipulyatsii: dis. ... kand. filol. nauk.* [Advertising Texts and the Issue of Manipulation. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Yekaterinburg. 256 p.
- Tsoygnier G., 1971. *Uchenie o tsvete (populyarnyy ocherk)* [Doctrine of Colour (Popular Essay)]. Moscow, Izdatelstvo literatury po stroitelstvu. 194 p.
- Liu Fang, 2012. A Study of Principle of Conversation in Advertising Language. *Theory and Practice in Language Studies*, vol. 2, no. 12, pp. 2619-2623. URL: <http://www.academypublication.com/issues/past/tpls/vol02/12/22.pdf> (accessed 9 August 2018).
- McQuarrie E.F., Mick D.G., 1996. Figures of Rhetoric in Advertising Language. *Journal of Consumer Research*, vol. 22, no. 4, pp. 424-438. URL: <http://www.jstor.org/stable/2489791> (accessed 12 July 2018).

Information about the Author

Olga A. Selemeneva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language, Russian Teaching Methodology and Document Science, Bunin Yelets State University, Kommunarov St., 28, 399770 Yelets, Russia, ol.selemeneva2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

Информация об авторе

Ольга Александровна Селеменова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Россия, ol.selemeneva2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.9>

UDC 811.161.1'42
LBC 81.411.2-51

Submitted: 14.03.2019
Accepted: 03.09.2019

PERCEPTIONS OF CORPOREAL DIMENSION OF BEAUTY IN VARIOUS DISCOURSES OF THE RUSSIAN LINGUOCULTURE

Viktoriya V. Zhura

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

Yuliya V. Rudova

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

Abstract. The article set out to explore the ways in which the corporeal dimension of beauty is represented in medical and internet discourses of the Russian linguoculture. The importance of the phenomenon being studied is associated with a significant role of the corporeal dimension in constructing the linguistic world view and building language awareness of the Russian-language *homo communicans*. Using the explanatory potential of the word 'concept' we identified that the corporeal dimension is formed by semantic, axiological and imagery components and is incorporated into the Beauty concept. The medical discourse provides an objective presentation of the morphological parameters of the body, which can be graduated on the basis of mathematical symbols. Within the internet discourse, corporeal beauty is subjectively interpreted and is conceptualized as changeable, achievable, natural and a launch pad to success. The axiological component is conceptualized in the studied discourses in various ways. Within the medical discourse, the corporeal dimension correlates with the physiological norm, while in the internet discourse it is associated with evaluation statements of the Russian linguoculture. The imagery is conceptualized by means of icons in both discourses. The findings of the study, which shed light on the ways the corporeal dimension of the Beauty concept is represented in different discourses, may become a tool for elucidating the patterns of verbal behavior associated with aesthetic appreciation, and a means of facilitating intercultural communication.

Key words: corporeal dimension, medical discourse, internet discourse, semantics, axiology, imagery, the Beauty concept.

Citation. Zhura V.V., Rudova Yu.V. Perceptions of Corporeal Dimension of Beauty in Various Discourses of the Russian Linguoculture. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 118-128. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.9>

УДК 811.161.1'42
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 14.03.2019
Дата принятия статьи: 03.09.2019

КОРПОРЕАЛЬНОСТЬ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРАСОТЕ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Виктория Валентиновна Жура

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия

Юлия Владимировна Рудова

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Целью исследования стало выявление особенностей репрезентации признака корпоральности в контексте представлений о красоте, реализованных в русской лингвокультуре в медицинском и интернет-дискурсах. Актуальность работы обусловлена значимой ролью корпоральности в картировании действительности в сознании русской языковой личности. С использованием объяснительного потенциала тер-

мина «концепт» показано, что корпоральность формируется понятийной, ценностной (оценочной) и образной составляющими и входит в структуру концепта «Красота». В медицинском дискурсе понятийный компонент корпоральности включает объективные представления о морфологических параметрах тела и их градуируемости при помощи математических единиц. В интернет-дискурсе актуализируются субъективные признаки телесной красоты: ее изменчивость, отчуждаемость, естественность и роль в повышении социального статуса. Ценностный компонент по-разному реализуется в изучаемых дискурсах: путем соотнесения с физиологической нормой в медицинском дискурсе и оценочными понятиями русской лингвокультуры в интернет-дискурсе. Образный компонент в обоих дискурсах реализуется посредством иконических знаков. Полученные в работе выводы об особенностях репрезентации корпоральности концепта «Красота» в различных дискурсах могут быть использованы для объяснения закономерностей вербального поведения людей при оценке объектов эстетического восприятия, а также для облегчения межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: корпоральность, медицинский дискурс, интернет-дискурс, понятийный компонент, ценностный компонент, образный компонент, концепт «Красота».

Цитирование. Жура В. В., Рудова Ю. В. Корпоральность и представления о красоте в различных дискурсах русской лингвокультуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 118–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.9>

Введение

Освоение действительности человеком осуществляется на основе взаимосвязи его физической и духовной сущностей. Именно поэтому красотой наделяются не только объекты внешнего мира, но и телесные «параметры» индивида, а также его духовные (душевные) качества. В связи с этим актуально изучение корпоральности как важнейшей характеристики культуры в целом и той или иной лингвокультуры в частности. Поскольку корпоральность является важным признаком, на котором базируется концептуализация действительности и который определяет способы конструирования внешнего мира человеком, значимым представляется выявление особенностей выражения корпорального признака, входящего в структуру концепта «Красота» и по-разному эксплицированного в дискурсах разных типов, репрезентирующих русскую лингвокультуру.

Методы и методология исследования

В данном исследовании использовано понятие концепта, широко применяемое в лингвистике и лингвокультурологии и до сих пор имеющее эвристический потенциал. Термином «концепт» в данной работе обозначена ментальная единица упорядочения информации об особенностях восприятия и объективации социокультурно значимых фрагментов

действительности. Учитывая тот факт, что концепт – это культурно-специфический конструкт, возникающий в сознании и приобретающий дополнительные смыслы, образы и оценки в условиях изменяющейся объективной действительности, в работе мы придерживались определения концепта, данного В.И. Карасиком: «Концепт – это многомерное смысловое образование, в котором наряду с образно-перцептивной и понятийной составляющими, выделяется ценностный компонент» [Карасик, 2001, с. 10]. Компоненты концепта получают формальную репрезентацию при помощи вербальных и невербальных средств, эксплицитно или имплицитно передающих его содержание.

Выявление и описание корпорального признака исследуемого концепта осуществлялось на основе метода концептуального анализа. Изучение способов репрезентации корпоральности проводилось с применением методов интерпретативного и лингвистического анализа медицинского дискурса и интернет-дискурса.

Лексико-семантический анализ слов, репрезентирующих концепт «Красота», проведенный рядом исследователей на материале словарных статей толковых словарей (см., например: [Колышкина, Шустина, 2015; Окунева, 2008; Черкашина, 2014]), позволил установить, что корпоральность является ядерным понятием признаком данного концепта, так как в различных словарных источниках облигаторно фиксируется значение, связанное с красо-

той человека, его внешности в целом либо лица, осанки, глаз и т. п.

В качестве рабочей гипотезы было сформулировано предположение о том, что реализация признака корпоральности зависит от типа дискурса, в котором репрезентируется концепт «Красота». Исследование проведено на материале медицинского дискурса и интернет-дискурса в таких его разновидностях, как медико-эстетический и модельный дискурс (о принципах выделения этих разновидностей (см.: [Ахнина, Куриленко, 2015; Михеев, Горбунов, 2012; Пивоварчик, 2018]). Выбор этих типов дискурса обусловлен центральной ролью понятия «тело» и его внешних признаков в их концептуальной системе, а также различными подходами к их концептуализации. В рамках каждого дискурса выявлены вербальные и невербальные средства реализации понятийной, образной и оценочной составляющих корпоральности в структуре концепта «Красота».

Результаты и обсуждение

Медицинский дискурс. Тело человека является важнейшим объектом изучения и воздействия в медицине. Первые попытки научного анатомического определения идеальных пропорций человеческого тела были предприняты в Древней Греции. Создавая статуи богов, скульпторы выявили математическое соотношение размеров частей тела, которое они соблюдали в своих произведениях. Дальнейшей попыткой обоснования канонических анатомических параметров тела человека стало созданное Леонардо да Винчи изображение Витрувианского человека и пояснительные надписи к нему. На основании этого рисунка также были сделаны выводы об идеальных геометрических и арифметических параметрах тела.

Современный уровень развития медицины позволяет более детально описать телесные параметры человека. В рамках медицинского дискурса концепт «Красота» реализуется посредством набора морфологических признаков, определяющих форму тела человека. Значения каждого из признаков могут варьироваться в определенном диапазоне, поэтому понятийная составляющая рассмат-

риваемого концепта включает, как правило, значения, соотносимые с наиболее удовлетворительными показателями физиологической жизнедеятельности организма. К числу основных морфологических признаков относятся следующие: длина тела человека (рост), периметр (обхват) груди, масса тела, пропорции тела, телосложение, включающее развитие мускулатуры, жировых отложений, форму грудной клетки, форму живота и т. д. (Ёкубов, Болтаева). Норма морфологического признака получает выражение при помощи математических обозначений (Филимонова и др.).

Лицо человека в медицине также описывается в терминах ряда морфометрических признаков: высота лба, ширина лба, высота носа, скуловой диаметр и др. Морфологическая типология лица имеет этноспецифический характер и, кроме того, отражает взаимосвязь между отдельными параметрами лица и половым диморфизмом (Негашева; Хлыбов и др.).

Соответствие морфометрических параметров лица нормативным критериям определяется на основе их роли в осуществлении физиологических процессов, а отклонение от нормы рассматривается в связи с различными патологическими состояниями (например, уменьшением высоты гнатической части лица или ухудшением окклюзии зубов) (Королев и др.).

Итак, понятийная составляющая корпоральности концепта «Красота» в медицинском дискурсе включает семантические признаки морфологии тела человека, которые репрезентируются при помощи медицинских терминов. Оценочная составляющая получает двойное выражение: с одной стороны, при помощи математического градуирования выделенных параметров, с другой стороны, посредством соотнесения проградированных параметров с нормальным функционированием человеческого организма. Следовательно, в медицинском дискурсе понятие красоты коррелирует с понятием нормы и соответствует ей и наоборот. Примером тому может послужить описание астенического типа телосложения:

(1) Он отмечал у астеников высокий рост, leptосомное телосложение, узкую грудную клетку, подвижное десятое ребро, слаборазвитую муску-

латуру, склонность к побледнению кожи (Цыганков, Овсянников, с. 95);

(2) У астеников определяют **тонкую аорту, сплахноптоз, слабость связок**, сухожилий и соединительной ткани. <...> Это **слабое развитие** поперечного размера проходит через все части тела... и через все формы тканей (Цыганков, Овсянников, с. 95).

Отрицательно-оценочные дескрипторы *слаборазвитая, побледнение, слабость* свидетельствуют о несоответствии такого тела нормам физического здоровья, а соответственно, красоты.

Анализ текстов медицинских статей, монографий и учебных пособий, трактующих базовые медицинские понятия, показал, что образная составляющая корпоральности концепта «Красота» в медицинском дискурсе не находит объективации посредством вербальных средств. Тем не менее, в ряде случаев научный текст сопровождается рисунками, схемами, диаграммами или графиками, иллюстрирующими образную составляющую описываемых телесных параметров, что позволяет говорить о его частичной креолизации знаками отличных от естественного языка семиотических систем (см. об этом процессе: [Саидова, 2016]). Итак, представления о корпоральности красоты конструируются в медицинском дискурсе на основании медицинской картины мира, и в соответствии с ее критериями текстовую репрезентацию получают оценочная и образная составляющая описываемого нами признака.

Интернет-дискурс. Для изучения способов объективации корпорального признака концепта «Красота» в *медико-эстетическом интернет-дискурсе* мы провели анализ вербального оформления сайтов клиник косметологии и пластической хирургии («Вирго», «Врачебная косметология», «Lege Artis», «СМ-Косметология», «Лазерный доктор», «Градиент» и др.).

В *медико-эстетическом дискурсе* понятийная составляющая корпоральности конструируется посредством выражения как эстетических, так и медицинских признаков. Для репрезентации эстетических признаков красоты используется «метод от противоположного», то есть перечисление физических несовершенств облика человека, которые будут преодолены в случае обращения в клинику (*второй под-*

бородок, рубцы и растяжки, целлюлит, морщины, борозды «гнева» на лбу и т. п.). Отсутствие этих и других дефектов постулируется как красота. Намечается и траектория достижения красоты, вербализуемая посредством предикатных конструкций:

(3) С помощью процедур биоревитализации можно: **увлажнить кожу; выровнять рельеф кожи; устранить морщины и дряблость кожи** (ВМЭЦ).

Необходимо отметить, что оба смысловых компонента (наличие телесных дефектов и способы их устранения, а точнее достигнутый результат, находясь на разных оценочных полюсах концепта «Красота», то есть сопряжены с ценностной составляющей концепта.

Медицинские аспекты корпоральности как в медицинском, так и в медико-эстетическом интернет-дискурсе акцентируют физиологическую норму протекания процессов в организме. Описания различных косметологических процедур по достижению красоты включают указание на нормализацию / оптимизацию физиологических процессов, протекающих в организме:

(4) [при RF-лифтинге лица и тела] **улучшается снабжение** клеток кислородом (ВМЭЦ);

(5) [при мезотерапии] **усиливается** кровообращение, **ускоряются** обменные процессы, быстрее **идет обновление** клеток») (ВМЭЦ).

Предоставление подобной информации позволяет «усилить» эстетические параметры искомой красоты путем указания на ее физиологичность.

В медико-эстетическом дискурсе актуализацию получает и такой понятийный аспект красоты, как изменчивость. Красота представляется как нечто отчуждаемое, как то, что может приноситься извне, корректироваться в угоду моде:

(6) Ведь концепция идеальной красоты и Ваше лицо **подвержены постоянным изменениям**, поэтому потребности и запросы **подлежат периодической корректировке** (ВКМЭЦ).

Схожая с этой интерпретация понятия красоты содержится в отзывах клиентов клиник косметологии:

(7) **Моя красота** в руках профессионалов! (ВМЭЦ).

Кроме того, в объем понятия корпоральной красоты включаются привносимые извне атрибуты физического совершенства – перманентный макияж, пирсинг, шугаринг, татуировки и т. п., которым придается положительная оценка:

(8) **Перманентный макияж** (татуаж) сохраняет четкость линий макияжа... значительно экономит время (ВКМЭЦ);

(9) **Пирсинг** является своеобразным искусством, которое требует вторжения в тело человека (ВКМЭЦ).

Анализ информации, представленной на сайтах клиник, показал, что ценностный аспект телесной красоты реализуется в медико-эстетическом дискурсе посредством апелляции к таким ценностным понятиям, как молодость, совершенство, безболезненность и безвредность для организма. Они сопряжены с положительной оценкой и в совокупности отражают идеал человеческой красоты: обладание молодостью или ее продление, оптимальное состояние физической внешности и физиологии, отсутствие болезни и боли. Примером экспликации такой оценки служат описания различных процедур, акцентирующие данные аспекты корпоральной красоты: *омоложение кожи, разглаживание кожи, формирование тургора, обновление кожи* (ВМЭЦ). В медико-эстетическом интернет-дискурсе происходит ценностная гиперболизация ряда морфологических признаков, которые рассматривались нами в рамках медицинского дискурса. Так, если в медицинском дискурсе общая величина лица толкуется как признак, позволяющий дифференцировать женские и мужские особи (половой диморфизм), то в рамках медико-эстетического интернет-дискурса его гносеологический потенциал заменяется на аксиологический (форма и овал лица рассматриваются как признаки фемининности / маскулинности, то есть красоты). В медико-эстетическом интернет-дискурсе ценностное значение может переноситься и на другие морфологические признаки для акцентирования женственности (пухлые губы, узкие и высокие скулы с

отсутствием комков Биша, острый подбородок) или мужественности:

(10) Любая модница желает иметь **высокие скулы**. Кто-то, следуя диктуемой с запада моде, мечтает о **скулах, как у голливудских звезд** – как правило, **высоко приподнятых и резко очерченных**. Но самые утонченные соискательницы знают, что секрет воспеваемой красоты русской женщины заключается в мягкости и большей женственности черт лица, типичных для восточных славянок. Поэтому все большей популярностью пользуются **высокие, мягко очерченные, женственные** – «**славянские**» **скулы**. **Высокие скулы** – это не только модно и красиво. **Поднятие скул** поможет визуально скрыть некоторые недостатки, к примеру, круглое лицо сделать **более узким** (L.A.).

В медицинском дискурсе эти признаки не обладают такой понятийной причинно-следственной связью:

(11) Скуловая кость – **парная**, является одной из наиболее **крепких**. Она имеет **неправильную четырехугольную форму**. Эта кость легко прощупывается под кожей. Она **соединяется с лобной, клиновидной, височной костями** и верхней челюстью. От **формы скуловой кости** в значительной мере **зависит форма средней части лица**» (Иваницкий, с. 80).

В ряде случаев данные признаки противоречат представлению о физиологической норме (например, липосакция на бедрах, преследующая цель уменьшить объем бедер у представительниц женского пола). Кроме того, чрезмерное увлечение процедурами эстетической косметологии и пластической хирургии может приводить к достижению анти-идеала телесной красоты, о чем повествуют нарративы пластических хирургов [Zhura, Rudova, Martinson, 2017].

Образная составляющая признака корпоральности также получает репрезентацию в текстах сайтов клиник косметологии и пластической хирургии и способствует созданию их апеллятивного потенциала. Средствами его репрезентации выступают образные сравнения, метафоры, эпитеты, стилистический прием контраста, способствующие ментальной визуализации явлений:

(12) Можно навсегда забыть о «**гусиных лапках**» в уголках глаз и губ, о **грубых бороздах** «**гнева**» на лбу (ВКМЭЦ);

(13) **Мелкие и глубокие морщины разглаживаются**, а поверхность кожи **становится ровной** (ВКМЭЦ);

(14) появляются **сеточки морщин** и **мешки под глазами** (ВКМЭЦ);

(15) появляются **ненавистные** жировые отложения (ВКМЭЦ);

(16) «**апельсиновая корка**» и **нежелательная растительность** (ВКМЭЦ).

Частотным является использование различных медицинских жаргонизмов и профессионализмов:

(17) «**Печеночные**» **пятна**, родимые пятна, «**старческая гречка**», родинки, **веснушки**, солнечное лентико – все это гиперпигментация (ВКМЭЦ).

В текстах сайтов осуществляется в основном апелляция к отрицательно-оценочным образам.

Для изучения особенностей объективации корпорального признака концепта «Красота» в *модельном интернет-дискурсе* мы проанализировали информационный блок о требованиях, предъявляемых к физическим параметрам моделей, на интернет-сайтах российских модельных агентств «Elite Stars», «Krasnadevitsa», «Brio Models», «Sigma».

Анализ лексико-семантического уровня текстов, представленных в информационном блоке «Стать моделью», существующем в структуре всех рассмотренных сайтов модельных агентств, позволил выявить ряд ключевых слов, раскрывающих основной семантический признак телесной красоты – физическое совершенство, отвечающее требованиям модельного бизнеса: *идеальная внешность, идеальное тело, фигура модели, модельная внешность, идеальная фигура, красивое тело*.

В рамках описываемой разновидности интернет-дискурса понятийная составляющая признака корпоральности концепта «Красота» реализуется посредством описания привлекательности тела в целом и отдельных его частей. Акцент при этом делается как на природных данных, соответствующих требуемым в модельном бизнесе параметрам, так и на красоте, достигаемой путем сознательных усилий в стремлении к навязываемому идеалу; ср. примеры (18) и (19):

(18) ...Открыть дорогу в мир высокой моды для девушки с **идеальными параметрами** и **чертами лица** (RMM);

(19) Тело должно **выглядеть красивым, подтянутым**, без видимых шрамов и татуировок. **Волосы** придают особый **шарм внешности**, если они **ухоженные** и имеют **естественный** цвет. Не стоит забывать о **внешнем виде ногтей и пяток** (ВМ).

Важным критерием красоты, актуализированным в данном дискурсе, является молодость:

(20) Вы **молоды и красивы**? Значит, карьера модели – это для вас (АМS).

Несмотря на то что стремление к внешнему совершенству поощряется в данном дискурсе, важным измерением телесной красоты считается ее естественность:

(21) **Волосы** должны быть **живыми, блестящими, шелковистыми**. <...> Ногти должны быть **ухожены** и **естественны**... (КМ);

(22) Модель должна **максимально естественно** выглядеть! (КМ);

Кроме того, красота постулируется как способ улучшения качества жизни, повышения статуса, социально-экономического положения:

(23) Начни свое **восхождение в гляцевый мир** с модельной школой... (АМS);

(24) **Попасть** в модельный **бизнес мечтают** ... (АМS);

(25) Не секрет, что модель это тоже профессия и **профессия высокооплачиваемая** (GMS).

Ценностная составляющая корпоральности реализуется в модельном интернет-дискурсе посредством соотнесения красоты тела с такими положительно оцениваемыми в обществе понятиями, как совершенство, естественность, молодость. Кроме того, подчеркивается, что данные составляющие красоты обеспечивают возможность достижения успеха в жизни, что также характеризует высокую социокультурную значимость корпорального признака:

(26) Мы готовы работать 25 часов в сутки, чтобы вы **обрели уверенность** и **превратили каждый нюанс своей внешности**... в ту «**фишку**», которая **превращает модель в успешную модель!** (S);

(27) Мы делаем все для того, чтобы **мечты о зарубежных контрактах воплощались в жизнь** (S).

На вербальном уровне ценностный аспект объективируется при помощи обращений, императивов и модальных выражений, стимулирующих к использованию телесной красоты для достижения успеха, а также применением прилагательных с положительно-оценочной семантикой:

(28) **Невозможно** вести **успешный** модельный бизнес без по-настоящему **красивых** и **талантливых** ребят (S);

(29) **Не бойтесь пробовать, не упускайте свой шанс**, нам неважно, из какого вы города, если у вас **хорошие внешние данные!!!** (S);

(30) Сейчас вы на нашем сайте, а значит, **нет повода опускать руки!** (S).

Важную роль в реализации оценочного потенциала признака корпоральности играют модальные глаголы и слова, выражающие положительное отношение к сообщаемому и повышающие его аксиологический статус:

(31) В ходе обучения в нашей школе моделей ты **сможешь** принимать участие в кастингах и даже подписать контракт с самыми именитыми модельными агентствами мира! (AMS);

(32) Мы готовы работать по 25 часов в сутки, чтобы вы **смогли** обрести уверенность и превратить каждый нюанс своей внешности в неповторимую особенность (AMS).

Оценочные лексемы, используемые в текстах данной разновидности интернет-дискурса, раскрывают ее различные понятийные аспекты, такие, как идеал, принятый в данной сфере деятельности, естественность, усилия по достижению и поддержанию красоты: *прекрасный, идеальный, привлекательный, великолепный, блестящие волосы, ухоженные ногти, естественные ногти* и т. д.

Интерактивность модельного интернет-дискурса, способствующая созданию его воздействующего потенциала за счет использования вопросительно-апеллятивных высказываний, также может рассматриваться в качестве имплицитного выражения ценностной интерпретации красоты тела как руководства к действию:

(33) **Попытаем удачу** вместе? Друзья, знакомые и просто незнакомые люди часто говорят вам, что вы имеете отличные данные и **можете стать моделью?** У вас **интересное лицо** и **прекрасная фигура**, вы **фотогеничны?** (KM).

Отрицательная оценка также получает репрезентацию в подобных текстах. Она используется для констатации отрицательных последствий изменения внешности, преследующего квазицель ее эстетизации и усовершенствования, и актуализируется посредством употребления превосходной степени прилагательных, отрицательных местоимений, слов-интенсификаторов, усиливающих значение ключевых слов:

(34) **Самая страшная** ошибка модели – это эксперименты со своим имиджем! Искусственный цвет волос, **выщипанные в нить** (то есть очень тонкие) брови, наращенные ногти, пирсинги, татуировки, **чрезмерный загар**. Все это вредит модельной карьере! (ES);

(35) Эти требования **абсолютное табу...** <...> И **никаких** секущихся концов! (ES).

Анализ образного компонента корпоральности концепта «Красота» в текстах, представленных в информационных блоках «Портфолио» на сайтах российских модельных агентств показал, что в большинстве случаев образно-перцептивное восприятие соматических параметров обеспечивается посредством использования иконических знаков, например фотографий моделей, содержащихся в портфолио модельного агентства. Данные иконические знаки обладают значительным воздействием потенциалом вследствие их наглядности и сходства с объективно существующими моделями [Сорокин, Тарасов, 1990]. И так, в интернет-дискурсе происходит совмещение двух критериальных систем выражения представлений о корпоральности – специфической для рассматриваемых сфер ценностной картины мира, согласно которой красота осмысливается как своего рода «товар», и медицинской картины мира, постулирующей объективные свойства красоты.

Заключение

Результаты исследования подтверждают зависимость реализации корпоральности как

признака концепта «Красота» от типа дискурса, в котором он актуализирован.

В медицинском дискурсе понятийную составляющую этого признака формируют представления об основных морфологических параметрах тела, объективируемых посредством терминов, используемых в различных областях медицины. Другим семантическим признаком выступает градуируемость красоты, выражаемая в терминах математических единиц. С позиций медицины красота мыслится как норма, обеспечивающая жизнедеятельность человеческого организма – тела. Такая норма имеет объективный характер, так как обоснована причинно-следственными связями, реализуемыми в телесном бытии. Ценностный аспект корпоральности рассматриваемого концепта реализуется посредством привлечения положительно- либо отрицательно-оценочных дескрипторов, указывающих на соответствие / несоответствие тела морфологическому параметру. Образность концепта создается путем креолизации медицинского текста в результате привлечения единиц иного семиотического плана.

Семантическое содержание корпоральной красоты в медико-эстетическом дискурсе более разнопланово и субъективировано. Оно формируется в рамках понятийной дихотомии «отсутствие красоты – ее достижение», признаки, ее реализующие, располагаются на разных оценочных полюсах. Наряду с представлением о красоте как о соответствии морфологической и физиологической норме, в данном дискурсе актуализируются субъективные признаки, такие как изменчивость красоты, ее отчуждаемость и возможность привнесения извне. Ценностная составляющая корпоральности концепта «Красота» выражается посредством соотнесения телесных параметров человека с рядом понятий, положительно оцениваемых в русской лингвокультуре. В вербализации образной составляющей важную роль играет профессиональное просторечие, а также стилистические приемы, способствующие визуализации смыслового содержания.

В модельном интернет-дискурсе семантическая составляющая корпоральности концепта «Красота» реализуется посредством акцентуации идеальной внешности и сознатель-

ных усилий, направленных на достижение принятого в данной сфере идеала красоты, молодости и естественности. Понятие красоты семантически ассоциировано с возможностью достижения успеха. Ценностная составляющая концепта «Красота» в этой разновидности интернет-дискурса выражается посредством как положительной, так и отрицательной оценки. Кроме того, оценочность корпорального признака может выражаться имплицитно.

Образно-перцептивная репрезентация телесных параметров в интернет-дискурсе осуществляется посредством иконических знаков, обладающих высоким апеллятивным потенциалом.

Полученные в работе выводы об особенностях дискурсивной репрезентации корпоральности в структуре концепта «Красота» расширяют представления о картине мира, отраженной в русской лингвокультуре. Они могут быть использованы для объяснения закономерностей вербального поведения людей при оценке объектов эстетического восприятия, а также для облегчения межкультурного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахнина К. В., Куриленко В. Б., 2015. Сетевой медицинский дискурс: сущность, признаки, структура // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. № 1. С. 76–84.
- Карасик В. И., 2001. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена. С. 3–16.
- Колышкина Т. Б., Шустина И. В., 2015. Восприятие концепта «красота» различными группами участников рекламной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 6(38). С. 46–54. DOI: 10.17223/19986645/38/4.
- Михеев А. Е., Горбунов П. А., 2012. Интернет и сохранение здоровья // Врач и информационные технологии. № 1. С. 6–16.
- Окунева И. О., 2008. Прототипы и стереотипные представления о красоте человека в системе устойчивых сравнений русского и английского языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 100–108.

- Пивоварчик Т. А., 2018. Сетевой медицинский дискурс: коммуникативные практики тематических интернет-сообществ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 4. С. 148–155.
- Саидова З. Э., 2016. Феномен креолизации текста в сетевом дискурсе // Молодой ученый. № 10 (144). С. 1490–1493.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Ю. Ф., 1990. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. М.: Наука. С. 180–186.
- Черкашина Е. А., 2014. Концепт «Красота» в русском языке // Вестник Таганрогского государственного педагогического института им. А. П. Чехова. № 2. С. 38–43.
- Zhura V. V., Rudova Yu. V., Martinson Zh. S., 2017. Narrative Continuum of Corporeal Culture // Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities” (CILDIAH 2017). Vol. 97. P. 342–347. DOI: <https://doi.org/10.2991/cildiah-17.2017.60>.
- Хлыбов – Хлыбов В. С., Краюшкин А. И., Пикалов М. А. Анатомия лица в мире эстетической и пластической хирургии: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2012. 80 с.
- Цыганков, Овсянников – Цыганков Б. Д., Овсянников С. А. Психиатрия. Руководство для врачей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 492 с.
- AMS – Avant Models School. URL: <http://avantschool.ru/>
- BM – Brio Models. URL: <https://agency.moda>.
- ES – Elite Stars. Модельное агентство. URL: <https://www.elitestars.ru/model>.
- GMS – Grace Models School. URL: http://gracemodels.com/model_school%20.html.
- KM – Krasnadevitsa Models. URL: <http://www.krasnadevitsa.ru>.
- LA – Lege Artis. Клиника эстетической медицины. URL: <http://www.l-a.ru/news/3494>.
- RMM – Renessans Model Management. URL: <http://www.renessans.ru>.
- S – Sigma. Модельное агентство. URL: <https://sigmascouting.ru>.

ИСТОЧНИКИ

- ВКМЭЦ – Врачебная косметология. Медико-эстетический центр. URL: <http://www.vr-cosmetology.ru/kosmetology/inkos>.
- ВМЭЦ – Вирго. Медико-эстетический центр. URL: <http://virgo-khv.ru/>
- Ёкубов, Болтаева – Ёкубов Ж. Н., Болтаева Н. Н. Основные морфологические признаки, определяющие внешнюю форму человека // Наука и образование сегодня. 2016. № 3 (4). С. 42–43.
- Иваницкий – Иваницкий М. Ф. Анатомия человека (с основами динамической и спортивной морфологии): учеб. для ин-тов физ. культуры. Изд. 7-е. М.: Олимпия, 2008. 624 с.
- Королев и др. – Королев А. И., Фищев С. Б., Севастьянов А. В., Орлова И. В., Багомаев Т. С. Особенности строения гнатической части лица у детей с физиологической окклюзией постоянных зубов и уменьшением высоты гнатической части лица // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 6. С. 80–83.
- Негашева – Негашева М. А. Морфологические особенности строения головы и лица у различных конституциональных типов мужчин и женщин // Вопросы антропологии. 1998. Вып. 89. С. 81–90.
- Филимонова и др. – Филимонова З. А., Краюшкин А. И., Перепелкин А. И., Сопит Т. П. Эстетика математики в анатомии человека (золотое сече-

REFERENCES

- Akhmina K.V., Kurilenko V.B., 2015. Setevoy meditsinskiy diskurs: sushchnost, priznaki, struktura [Medical Net-Discourse: Essence, Qualities, Structure]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost* [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices], no. 1, pp. 76-84.
- Karasik V.I., 2001. O kategoriyakh lingvokulturologii [On Linguocultural Categories]. *Yazykovaya lichnost: problemy kommunikativnoy deyatel'nosti: sb. nauch. tr.* [Homo Communicans: Communication Challenges. Collection of Research Papers]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 3-16.
- Kolyshkina T.B., Shustina I.V., 2015. Vospriyatie kontsepta «krasota» razlichnymi gruppami uchastnikov reklamnoy kommunikatsii [The Perception of the Concept “Beauty” in Different Groups of Advertising Communication Participants]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologia* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 6 (38), pp. 46-54. DOI: 10.17223/19986645/38/4.
- Mikheev A.E., Gorbunov P.A., 2012. Internet i sokhranenie zdorov'ya [The Internet and Keeping Healthy]. *Vrach i informatsionnye tekhnologii* [Information Technologies for the Physician], no. 1, pp. 6-16.

- Okuneva I.O., 2008. Prototypy i stereotipnye predstavleniya o krasote cheloveka v sisteme ustoychivyykh sravneniy russkogo i angliyskogo yazykov [Prototypes and Stereotype Conception of Beauty Viewed Through the System of Similes of the Russian and English Language]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 3, pp. 100-108.
- Pivovarchik T.A., 2018. Setevoy meditsinskiy diskurs: kommunikativnye praktiki tematicheskikh internet-soobshchestv [Network Medical Discourse: Communicative Practice Thematic Internet Communities]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Folologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 4, pp. 148-155.
- Saidova Z.E., 2016. Fenomen kreolizatsii teksta v setevom diskurse [The Phenomenon of Text Creolization]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], no. 10 (144), pp. 1490-1493.
- Sorokin Yu.A., Tarasov Yu.F., 1990. Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized Texts and Their Communicative Function]. Kotov R.G., ed. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of Linguistic Manipulation]. Moscow, Nauka Publ., pp. 180-186.
- Cherkashina E.A., 2014. Kontsept «Krasota» v russkom yazyke [The Concept of Beauty in the Russian Language]. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.P. Chekhova*, no. 2, pp. 38-43.
- Zhura V.V., Rudova Yu.V., Martinson Zh.S., 2017. Narrative Continuum of Corporeal Culture. *Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference "Current Issues of linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities" (CILDAH 2017)*, vol. 97, pp. 342-347. DOI: <https://doi.org/10.2991/cildiah-17.2017.60>.
- vnesnyuyu formu cheloveka [The Main Morphological Features Specifying the Exterior Shape of the Human Body]. *Nauka i obrazovanie segodnyay* [Science and Education Today], 2016, no. 3 (4), pp. 42-43.
- Ivanitskiy M.F. *Anatomiya cheloveka (s osnovami dinamicheskoy i sportivnoy morfologii)*: ucheb. dlya in-tov fiz. kultury [Human Anatomy: Basics of Dynamic and Sport Morphology. Textbook for Institutes of Physical Education]. Moscow, Olimpiya Publ., 2008. 624 p.
- Korolev A.I., Fishchev S.B., Sevastyanov A.V., Orlova I.V., Bagomaev T.S. Osobennosti stroeniya gnaticeskoy chasti litsa u detey s fiziologicheskoy okklyuziey postoyannykh zubov i umensheniem vysoty gnaticeskoy chasti litsa [The Structure of the Mandible in Children with Physiologic Occlusion in the Primary Dentition and Reduced Height of the Mandibular Bone]. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii* [Modern High Technologies], 2014, no. 6, pp. 80-83.
- Negasheva M.A. Morfologicheskie osobennosti stroeniya golovy i litsa u razlichnykh konstitutsionalnykh tipov muzhchin i zhenshchin [Morphological Features of the Head and Face Structure in Males and Females with Different Types of Body Constitution]. *Voprosy antropologii*, 1998, vol. 89, pp. 81-90.
- Filimonova Z.A., Krayushkin A.I., Perepelkin A.I., Sopit T.P. Estetika matematiki v anatomii cheloveka (zolotoe sechenie, logarifmicheskaya spiral, biosimmetriya) [Aesthetics of Mathematics in Human Anatomy (Golden Section, Logarithmic Spiral, Biosymmetry)]. *Volgogradskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal* [Volgograd Journal of Medical Research], 2017, no. 4 (56), pp. 17-23.
- Khlybov V.S., Krayushkin A.I., Pikalov M.A. *Anatomiya litsa v mire esteticheskoy i plasticheskoy khirurgii: ucheb. posobie* [Facial Anatomy in Aesthetic and Plastic Surgery. Handbook]. Volgograd, Izd-vo VolgGMU, 2012. 80 p.
- Tsygankov B.D., Ovsyannikov S.A. *Psikhiatriya. Rukovodstvo dlya vrachey* [Psychiatry. Handbook for Physicians]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2011. 492 p.
- Avant Models School*. URL: <http://avantschool.ru/>.
- Brio Models*. URL: <https://agency.moda/>.
- Elite Stars. Modelnoe agentstvo* [Elite Stars. Modeling Agency]. URL: <https://www.elitestars.ru/model/>.
- Grace Models School*. URL: http://grace-models.com/model_school%20.html.
- Krasnadevitsa Models*. URL: <http://www.krasnadevitsa.ru/>.
- Lege Artis. Klinika esteticheskoy meditsiny* [Lege Artis. Medical and Esthetic Clinic]. URL: <http://www.l-a.ru/news/3494/>.

SOURCES

- Vrachebnaya kosmetologiya. Mediko-esteticheskiy tsentr* [Medical Cosmetology. Medical and Aesthetic Center]. URL: <http://www.vr-cosmetology.ru/kosmetology/inkos>.
- Virgo. Mediko-esteticheskiy tsentr* [Virgo. Medical and Esthetic Center]. URL: <http://virgo-khv.ru/>.
- Ekubov Zh.N., Boltaeva N.N. Osnovnye morfologicheskie priznaki opredelyayushchie

Renessans Model Management. URL: <http://www.renessans.ru/>.

Sigma. Modelnoe agentstvo [Sigma. Modeling Agency]. URL: <https://sigmascouting.ru/>.

Information about the Authors

Viktoriya V. Zhura, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department for Modern Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russia, vvzhura@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8128-701X>

Yuliya V. Rudova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department for Modern Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russia, juliarud@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7722-6831>

Информация об авторах

Виктория Валентиновна Жура, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Россия, vvzhura@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8128-701X>

Юлия Владимировна Рудова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Россия, juliarud@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7722-6831>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.10>

UDC 81'322.4
LBC 81.184

Submitted: 27.04.2019
Accepted: 03.09.2019

LOST IN MACHINE TRANSLATION: CONTEXTUAL LINGUISTIC UNCERTAINTY

Anton V. Sukhoverkhov

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Dorothy DeWitt

University of Malaya, Kuala Lumpur, Malaysia

Ioannis I. Manasidi

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Keiko Nitta

College of Arts, Rikkyo University, Toshima City, Tokyo, Japan

Vladimir Krstić

University of Auckland, Auckland, New Zealand

Abstract. The article considers the issues related to the semantic, grammatical, stylistic and technical difficulties currently present in machine translation and compares its four main approaches: *Rule-based (RBMT)*, *Corpora-based (CBMT)*, *Neural (NMT)*, and *Hybrid (HMT)*. It also examines some “open systems”, which allow the correction or augmentation of content by the users themselves (“crowdsourced translation”). The authors of the article, native speakers presenting different countries (Russia, Greece, Malaysia, Japan and Serbia), tested the translation quality of the most representative phrases from the English, Russian, Greek, Malay and Japanese languages by using different machine translation systems: PROMT (RBMT), Yandex.Translate (HMT) and Google Translate (NMT). The test results presented by the authors show low “comprehension level” of semantic, linguistic and pragmatic *contexts* of translated texts, mistranslations of rare and culture-specific words, unnecessary translation of proper names, as well as a low rate of idiomatic phrase and metaphor recognition. It is argued that the development of machine translation requires *incorporation* of literal, conceptual, and content-and-contextual forms of meaning processing into text translation *expansion* of metaphor corpora and contextological dictionaries, and *implementation* of different types and styles of translation, which take into account gender peculiarities, specific dialects and idiolects of users. The problem of untranslatability (‘linguistic relativity’) of the concepts, unique to a particular culture, has been reviewed from the perspective of machine translation. It has also been shown, that the translation of booming Internet slang, where national languages merge with English, is almost impossible without human correction.

Key words: machine translation, untranslatability, contextual translation, linguistic relativity, lexical ambiguity, syntactic ambiguity.

Citation. Sukhoverkhov A.V., DeWitt D., Manasidi I.I., Nitta K., Krstić V. Lost in Machine Translation: Contextual Linguistic Uncertainty. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 129-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.10>

УДК 81'322.4
ББК 81.184

Дата поступления статьи: 27.04.2019
Дата принятия статьи: 03.09.2019

ТРУДНОСТИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: КОНТЕКСТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Антон Владимирович Суховерхов

Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, Россия

Дороти де Витт

Малайский университет, г. Куала-Лумпур, Малайзия

Иоаннис Игоревич Манасиди

Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, Россия

Кейко Нитта

Колледж искусств, Университет Риккё, Тошима, Токио, Япония

Владимир Крстич

Университет Окленда, Окленд, Новая Зеландия

Аннотация. В статье изучаются актуальные проблемы, связанные с семантическими, грамматическими, стилистическими и техническими трудностями машинного перевода, сравниваются 4 основных метода такого перевода: 1) на основе правил (RBMT); 2) на основе корпусов текстов (CBMT); 3) нейронный (NMT); 4) гибридный (HMT). Описываются некоторые «открытые системы» перевода, которые позволяют самим пользователям исправлять или дополнять содержание перевода («краудсорсинговый», или «коллективный, перевод»). Коллективом авторов статьи, носителями языка разных стран (России, Греции, Малайзии, Японии и Сербии), проведено тестирование качества перевода наиболее показательных фраз на английском, русском, греческом, малайском и японском языках с использованием различных систем машинного перевода: PROMT (RBMT), Яндекс.Переводчик (HMT) и Google Translate (NMT). В результате тестирования выявлен недостаток учета семантического, лингвистического и прагматического контекстов переводимого текста (А. Суховерхов), неверный перевод редкой или лингвоспецифичной лексики (К. Нитта), смысловой перевод имен собственных (И. Манасиди), низкое распознавание идиоматических выражений и метафор (Д. де Витт). Авторами статьи показано, что для совершенствования современных систем машинного перевода требуется объединение буквальная, концептуальная и контентно-контекстная форм обработки смыслов текста, улучшение корпусов метафор и контекстологических словарей (Д. де Витт), разработка различных типов и стилей перевода, включающих специфические диалекты и идиолекты пользователей, а также гендерные особенности языка (К. Нитта). На материале сербского языка В. Крстичем переосмыслена с точки зрения машинного перевода проблема непереводаемости («языковой относительности») понятий, уникальных для определенной культуры. И. Манасиди показано, что без участия человека невозможен перевод бурно развивающегося интернет-сленга, характеризующегося смешением национальных языков с английским.

Ключевые слова: машинный перевод, непереводаемость, контекстуальный перевод, лингвистическая относительность, лексическая многозначность, синтаксическая многозначность.

Цитирование. Суховерхов А. В., де Витт Д., Манасиди И. И., Нитта К., Крстич В. Трудности машинного перевода: контекстная языковая неопределенность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 129–144. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.10>

The language barrier and machine translation

Natural languages *per se* are hybrid, dynamic, context-sensitive and eco-logical [Sukhoverkhov, 2014; 2015; Steffensen, Fill, 2014; Sukhoverkhov, Fowler, 2015]. Each has its own syntax, multiple word meanings, idioms, innuendos, intertextualities, ecological and cultural embeddedness that sometimes do and sometimes do not coincide with each other. Although analytic philosophy, the generative-linguistic theory, Russian formalists, French structuralists and others have all contributed to language formalisation in recent years, the ecological, process and system approaches to language nature questioned the possibility and effectiveness of such formalisation. For example, ecolinguistics, the distributed language theory, the dynamic and adaptive systems approaches to language, systemic functional linguistics, and cognitive linguistics show that the same language has potentially an infinite variety of meanings and structures and that, by its nature, it is dynamic, interactive, situated, and ecologically / culturally embedded [De Bot, Lowie, Verspoor, 2007; Fowler, Hodges, 2011; Verspoor, De Bot, Lowie, eds, 2011]. As natural languages being developed, distributed, and situated within various systems of activities cannot be completely formalised, the process of translation *sui generis* is also approximate and constantly developing.

Machine translation programs can effectively produce “*verbum pro verbo*” translations but the metaphorical, metonymic, and idiomatic expressions are not captured in most cases [Abd Rahman, Md Norwawi, 2013; Yusoff, Jamaludin, Yusoff, 2016]. However, the process of *human* translation is not based on a simple rendering according to denotation *per se*; it requires capturing the concept of a word, phrase (sentence), and the general idea of the whole message (text). The results are even more distinguishable when those languages are seldom used or when they belong to a different language family. For instance, the metaphorical expression “*The wheels are falling apart*” or idiomatic phrase “*let’s call it a day!*” cannot be translated literally, because they express a problem of a human relationship or need to rest. Knowledge of the relevant culture is also crucial for correct

translations. For instance, Bahasa Malaysia or Malay (the national language of Malaysia) has significant varieties of idioms that have been used as a tool of socialization and have contributed to transferring the values and thoughts of the Malay culture [Muhammad, 2006]. A simple idiom such as “*hitam manis*” in Malay (directly translated as “*black sweet*”) would be used to refer to a pretty lady (but never to a boy) with a dark complexion. Context sensitivity is another problem for human and machine translation. For example, the Malay word “*geram*”, when used in reference to an adorable child, conveys “love and fondness” such as in the expression “*Geram melihat anak comel ini*”, but the same word, when used in another context, can denote anger or disappointment.

Furthermore, in some languages, including Japanese, homophones cause an analogous problem. Numerous homophones in Japanese may be fairly distinguished one another when they are spelled in correct Chinese characters (i.e., ideograms) or pronounced with conventional intonations. For instance, one within the system of Japanese would never be seriously complicated between *kuma* (“bear”) and *kuma* (“dark circles under eyes”) even without a strict context. However, when either human or machine translators lack sufficient knowledge of Chinese characters, they cannot translate even the simple sentence “*Tsukare te kuma ga deki-ta*”, meaning ‘I’ve got dark circles under my eyes due to fatigue’ correctly. Indeed, an actual trial of translating the sentence by Google Translate, which uncontrollably detects the Japanese sentence merely in alphabetical syllables, ends up with ‘I got tired and made a bear’. Obviously, there are obstacles to even performing an elementary “literal translation” in a general sense. The case demonstrates the multiple layers of both polysemy as well as literariness as a critical issue of translation.

The complexity and multidimensionality of translation presupposes an interaction between the understanding of the general content / context of an utterance and its particular concepts or components. Yu. Marchuk shows that modern machine translation systems cannot even solve the basic task of making the correct choice between variants of polysemantic words in one phrase. For example, nowadays, the above-mentioned Google Translate, which is based on

the latest and the most advanced Neural Machine Translation system, correctly translates the phrase “*technical support system*” to Russian [Marchuk, 2016, p. 29], yet fails to identify the meaning of the Sydney Trains announcement “*Doors closing, please stand clear*” or the sceptical response “*I don't buy it!*”.

In contrast to a human translator, a machine does not possess the language mastery and cultural background needed to create a trustworthy translation without having a set of rules explicitly predefined in it. These rules have been seen as the result of linguistic formalisation and are based on both cultural idiosyncratic and universal aspects [Wierzbicka, 1992, p. 26]. In comparison with previous years [Kotov, Marchuk, Nelyubin, 1983; Novozhilova, 2014], we see that translation methods and technologies have been greatly improved and diversified thus effectively diminishing the language barrier between speakers of different languages. However, many problems, issues and technical challenges related to machine translation still remain. In this paper, we revise and test the latest machine translation systems for translation accuracy of idioms, rare words, proper names, phrasal verbs and the general content of phrases [Marchuk, 2016; Nguyen, Chiang, 2017] and for the ability to keep track of the fast developing and chaotic online communication, the so-called “netspeak” [O'Curran, 2014; Lim, Cosley., Fussell, 2018; Lohar, Afli, Way, 2018].

To reach the purpose, we review existing translation algorithms, comparing outcomes of the most popular machine translation systems (PROMT, Yandex and Google) with, respectively, Rule-based (RBMT), Hybrid (HMT) and Neural (NMT) algorithms. By translating between various languages (English, Greek, Russian, Malay and Japanese), we test the ability of these systems to understand concepts, metaphorical expressions and structure of a sentence and suggest possible linguistic and technical solutions to detected problems. Therefore, another purpose of this article is to identify the unavoidable limitations of machine translation, show how these limits are predetermined by and correlated with the systemic and dynamic nature of languages, and propose some solutions for coping with this linguistic dynamics and fuzziness.

The main approaches to machine translation

Machine Translation, as a subfield of computational linguistics that investigates the use of computer software for translation of text or speech, has four main approaches on its current stage of development: Rule-based (RBMT), Corpora-based (CBMT), Neural (NTM) and Hybrid (HMT). In this chapter, the theoretical and technical premises of these approaches are reviewed. For the comparison of these methods and for the analysis of their effectiveness, we evaluate their translation quality by using popular machine translation systems: PROMT (RBMT), Yandex.Translate (HMT) and Google Translate (NMT). Received results are used for examination of properties and complexions of tested languages that have yet to be handled by these systems.

Rule-based Machine Translation (RBMT). Rule-based Machine Translation is a translation approach which uses dictionaries to determine the corresponding words, syntax and grammar between the target and the source language. After receiving the message, the machine uses the dictionaries to construct an equivalent message in the target language, which it then outputs. Examples of such systems are Apertium, GramTrans and PROMT, while new systems are being elaborated for Uralic languages [Riahovskaya, 2017; Wiechetek, 2008; Johnson et al., 2017b].

Even though Rule-based Machine Translation seems like a neat solution to our problem, it comes with various inflexibilities that can make it unsuitable in a variety of situations. To begin with, in order to create an accurate RBMT system, all grammatical rules from both languages, as well as the relations between them, have to be explicitly defined in a programmatical way, including grammar exceptions. This greatly increases the time, effort and funds needed to construct such a system. In addition, the word dictionaries (lexicons) are hard to manufacture as, on the one hand, the number of total existing words is different in each language and, on the other hand, this number is constantly increasing by leaps and bounds. For instance, the Global Language Monitor shows that the English language has 1,052,010.5 words (on March 2019)

and a new word is being created every 98 minutes, averaging to about 14.7 words per day (<http://www.languagemonitor.com/global-english/no-of-words>) However, such a word difference may be compensated for, as example, by adapting or borrowing words from another language, without any translation [Koltan, 2017; Cui, 2012].

Therefore, having only a set of strictly defined rules and a list of corresponding words may lead to false and untrustworthy results, especially when idioms or literary texts are involved [Riahovskaya, 2017]. Furthermore, because natural languages are constantly evolving, with new meanings being added quite frequently, keeping the corpora up to date can be just as inefficient as creating them, especially if a grand change in a language system takes place. Take, for example, the transition from Katharevousa to Demotic Greek which took place in the 1980s, putting an end to the diglossia between written text (Katharevousa) and spoken language (Demotic) in favour of the latter. Were a change like that to happen to a modern language in Rule-based Translation, its dictionaries would be instantly rendered obsolete.

Corpora-based Machine Translation (CBMT). Corpora-based Machine Translation, contrary to RBMT, does not strictly depend on defined lexicons and grammar rules but instead bases its acquisition of “language knowledge” (training) on the analysis of parallel corpora between two languages. This way, the task of manually creating and maintaining rules or word correspondences is delegated to an algorithm, solving RBMT’s inflexible dictionary problem.

With the help of information and probability theories comes one of the most popular and effective CBMT’s methods: Statistical Machine Translation (SMT), which, as its name suggests, translates texts based on probability values between the source and the target language. In its essence lies the fact that every word in the target language is a suitable translation of a word in the source language and has a certain probability of being correct. The word with the highest probability value is then selected and the source word is substituted by it. For metaphors or idioms, SMT systems can use phrases instead of words to deliver results. The probability values can be determined in a number of ways of which we list two: 1) by analysing the provided parallel corpora and

calculating probabilities based on word or phrase equivalence between the source and target languages; or 2) by identifying the words that are more likely to appear after other words [Wang et al., 2017; Babhulgaonkar, Bharad, 2017].

The main disadvantage of Corpora-based Machine Translation, however, is its ineffectiveness when presented with text that it was not trained for. If, for example, the parallel corpora were based on distinct terminology (for a specific brand or domain), then it will struggle to translate text that is written in everyday, casual style. Moreover, if casual texts are added in the specialised training set, then some specific translations could be overridden by casual ones, as their probabilities of appearing would be higher. Consequently, it is important to exercise caution when selecting the parallel corpora, depending on the material that is going to be translated.

In recent years, various **Hybrid Approaches** have been actively developed [Costa-Jussa, Fonollosa, 2015]. Some of them combine the statistical method and the rule-based approach and are applied to popular and rare languages alike [Oladosu et al., 2016]. According to such research, this approach competes with base machine translation methods and provides the best translated output in each language. In keeping with translation quality metrics, for this approach, the National Institute of Standards and Technology (NIST) method displayed a score of 0.8963, while the Bilingual Evaluation Understudy (BLEU) algorithm output a score of 0.7923, with a value close to one indicating high similarity of the machine translation to a reference text, usually a human translation [Oladosu et al., 2016, p. 123]. An example of a Hybrid Machine Translation system is Yandex.Translate, which combines the Neural (Russian to English) and Statistical (all languages) methods, using another system for selecting the best result out of the two (CatBoost) (<https://www.bbc.com/russian/features-41086998>).

Neural machine translation (NMT). As of 2016-2017, Google, Yandex, Omniscien Technologies, SDL and many others have announced the deployment of neural machine translation. Generally, a neural translation system is based on encoder-decoder architecture. The encoder takes in a sentence in the source language and formalizes its semantics, outputting a sequence of numbers that represent its meaning.

This technology, in contrast to other methods of machine translation, does not “memorize” phrase-to-phrase correspondences or rules between languages, but instead tries to encode the semantics of a sentence and saves them for future reference. In order to represent linguistic (sequentially dependent) information, a more complex type of neural network is used: for example, recurrent neural networks, along with their specific architectures that can “remember” the words used in a sentence (LSTM, GRU) [Zaremba, Sutskever, Vinyals, 2014].

Neural networks represent each word and the whole meaning of a sentence through numerical values. These values are then passed through different mathematical functions and get influenced by other coefficients that hold the “language knowledge” of the system, making a prediction of what the translated text should be like. The coefficients are usually represented through $(N \times M)$ – dimensional matrices and are adjusted with the goal of minimizing the system’s error value; i.e. how wrong the system was in its translations (e.g. backpropagation algorithm).

In the meantime, Google has developed an approach that allows an NMT system to generalize each language’s accumulated semantics. This allows for “zero-shot translation”, meaning that the system can translate between

language pairs (correspondences) that were not explicitly included in the training set [Johnson et al., 2017a].

Despite its increased accuracy, NMT also has its problems; it is comparatively quite computationally expensive to train and, in translation inference, encounters difficulty with rare words. It can “over-translate” or “under-translate” (overfitting/underfitting data) and may provide wrong results where the meaning of the source sentence is ambiguous [Wu et al., 2016; Wang et al., 2017]. Taking into account these NMT translation flaws, developers and researchers have proposed hybrid models based on the integrity of the statistical and neural machine translation technologies [Wang et al., 2017].

Accuracy testing of main machine translation approaches. In order to examine the different types of machine translation methods, we used a number of phrases from Russian, English, Greek, Malay, and Japanese. The result was that Google (NMT) and Yandex (HMT) translation services showed the highest degree of accuracy, compared to PROMT (RBMT). However, PROMT had several results better than Google and Yandex.

Below are the samples of the most illustrative results of our online machine translation tests (see Tables 1-5).

Table 1

Russian language

<ul style="list-style-type: none"> ▪ Phrase: Он на седьмом небе от счастья ▪ Human translation: <i>He’s on cloud nine.</i> 			
Language	PROMT, RBMT	Yandex.Translate, Hybrid (NMT)	Google Translate, NMT
To English:	He is in the seventh heaven	He’s over the moon.	He is in seventh heaven
To Greek	Αυτός είναι στον έβδομο ουρανό (He is on the seventh sky).	Είναι στον έβδομο ουρανό από ευτυχία (He* is on seventh the sky from happiness). *Pronoun with no gender difference.	Είναι στον έβδομο ουρανό (He* is on the seventh sky). *Pronoun with no gender difference.
To Malay	Not available.	Dia ke Bulan (He has gone to the moon).	Dia berada di langit ketujuh (He is in the seventh Sky).
To Japanese	<i>Kare wa, miyo no kofuku de imasu</i> (He is in the supreme happiness).	<i>Kare wa tsuki no ue da</i> (He is on the moon).	<i>Kare wa dai-nana tengoku ni iru</i> (He is in the seventh heaven).
Comments: 1) Malay translation “ <i>he has gone to the moon</i> ” shows that Yandex renders from Russian to English and only afterwards to Malay. 2) Malaysia also has the tradition of 7 layers of heaven. 3) Hybrid MT and NMT translated Greek in gender-neutral form, while RBMT explicitly used a male pronoun (Αυτός), like in the original text. 4) There is no idea of the seventh heaven in Japanese culture either religious or secular. Yet, PROMT presents the descriptive accuracy of the phrase, even though its syntax is somewhat awkward for the choice of preposition <i>de</i> instead of <i>ni</i> .			

Table 2

English language

<ul style="list-style-type: none"> ▪ Phrase: This is, straight up, not my cup of tea. ▪ Human translation: Это, честно, не в моих интересах (<i>Honestly, I am not interested in this</i>). 			
Language	PROMT, RBMT:	Yandex.Translate, Hybrid (CBMT):	Google Translate, NMT:
To Russian:	Это, прямо, не моя чашка чая (<i>This, straight, not my cup of tea</i>).	Это, прямо вверх, не моя чашка чая (<i>This is, straight upward, not my cup of tea</i>).	Это, прямо, а не моя чашка чая (<i>This, straight, but not my cup of tea</i>).
To Greek	Αυτό είναι, στρέιτ*, δεν μου φλιτζάνι του τσαγιού (<i>This is, straight*, not to me cup of tea</i>). *Word not translated, written in Greek letters.	Αυτό δεν είναι το τσάι μου (<i>This is not my tea</i>).	Αυτό είναι, κατ'ευθείαν, δεν είναι το φλιτζάνι τσάι μου (<i>This is, right away, is not my tea cup</i>).
To Malay	Not available.	Ini adalah, yang lurus ke atas, bukan cangkir teh saya (<i>This is the straight upwards, not my tea cup</i>).	Ini, lurus, bukan cawan teh saya (<i>This, straight, is not my tea cup</i>).
To Japanese	<i>Kore wa, massugu ni ue e, o-cha no watashi no kappu de wa arima-sen</i> (This is, straight upwards, not my tea cup).	<i>Kore wa, massugu de wa naku, o-cha no watashi no kappu desu</i> (This is, not straight, and my tea cup).	<i>Kore wa massugu de, watashi no o-cha de wa arima-sen</i> (This is straight, and not my tea).
<p>Comments: 1) Malay translation of <i>cangkir</i> and <i>cawan</i> mean the same, meaning a 'cup'.</p> <p>2) Hybrid MT failed to convey the meaning to Greek, i.e. even if the user knew both English and Greek, it would be impossible to manually translate the Greek output back to English.</p> <p>3) All the three translations to Japanese fail to both convert the meaning and compose natural phrases with conventional collocations. In particular, <i>o-cha no watashi no kappu</i> means literally 'tea's my cup', even though it can be guessed as 'my teacup'. '[M]y tea' in Google Translate can be considered to connote 'my cup of tea' only by omitting the container in accordance with the grammatical convention of Japanese.</p>			

Table 3

Greek language

<ul style="list-style-type: none"> ▪ Phrase: Περίμενε με ανυπομονησία το μέλλον ▪ Human translation: He was looking forward to the future. 			
Language	PROMT, RBMT:	Yandex.Translate, Hybrid (CBMT):	Google Translate, NMT:
To Russian:	Он с нетерпением ожидали в будущем (<i>He with impatience [they] awaited in the future</i>).	Ждал с нетерпением будущее (<i>He waited with impatience for the future</i>).	Он с нетерпением ждал будущего (<i>He with impatience waited for the future</i>).
To English	He waited impatiently for the future.	Wait, looking forward to the future.	He was looking forward to the future.
To Malay	Not available.	Tunggu, sabar untuk masa depan (<i>Wait, patience for the future</i>).	Dia menanti masa depan (<i>He waits for the future</i>).
To Japanese	Not available.	<i>Mirai wo tanoshimi ni shite matte</i> (Looking forward to the future).	<i>Watashi-tachi no te no todoku tokoro ni</i> (Within our reach).
<p>Comments: 1) RBMT provided an inaccurate translation with both invalid grammar and meaning.</p> <p>2) Hybrid MT provided a Russian gender-neutral translation, but confused the gender-neutral verb with its imperative form when translating to English ('Wait...'). The other two translation systems used a male pronoun in the Russian translation.</p> <p>3) The imperative form can still be used '[Then,] look forward to the future', but is secondary and less common for the user's needs. Furthermore, the translation results for this variant are not grammatically correct.</p> <p>4) Available two translations to Japanese are both incomplete as sentences: Hybrid MT fails to translate the subject/noun, while Google Translate provides the sentence lacking both verb and object besides its mistranslation of <i>he</i> as 'we'.</p>			

Table 4

Malay language

<ul style="list-style-type: none"> Phrase: Timah*, dengan warna kulit kuning langsai, dikenali dengan kejelitaannya. Human translation: Timah, with her fair skin, is renowned for her beauty. 			
Language	PROMT, RBMT:	Yandex.Translate, Hybrid (CBMT):	Google Translate, NMT:
To Russian:	Not available	Свинец, цвета кожи желтая кожа светлая, выявленных kejelitaannya (Lead, skin color yellow skin light, identified kejelitaannya).	Жесть с желтым цветом кожи известна своей красотой (The tin, with a yellow skin color, is known for its beauty).
To English	Not available.	Tin, with the color of the skin yellow complexioned, known by the kejelitaannya	The tin, with a yellow skin color, is known for its beauty.
To Greek	Not available.	Μόλυβδος, το χρώμα του δέρματος κίτρινο complexioned, που προσδιορίζονται από kejelitaannya (Lead, the colour of the skin yellow complexioned, that [are] defined from kejelitaannya).	Ο κασσίτερος, με κίτρινο χρώμα δέρματος, είναι γνωστός για την ομορφιά του (The tin*, with yellow skin colour, is known for its beauty) *The periodic element (Sn).
To Japanese	Not available.	Hifu no iro to suzu, kejelitaannya ni yotte shirarete-iru, kaoiro no kiiro (Skin color and tin, known by kejelitaannya, yellow in the complexion).	Kiironi hada-iro no suzu wa, sono utsukushi-sa de shirarete imasu (Yellow complexion is known for its beauty).
Comments: 1) <i>Kuning langsai</i> is used in Malay to refer to fair-skinned or fair complexion. 2) * <i>Timah</i> is a colloquial shortened name for <i>Fatimah</i> , and is translated erroneously as ‘tin’. 3) Both Hybrid MT and NMT output an illogical, absurd translation in all target languages, failing to provide the proper context in their result and using source words without any changes. 4) Two available translations to Japanese also fail to recognize the proper noun <i>Timah</i> and automatically drop the word from translation, while Hybrid MT leaves <i>kejelitaannya</i> as it is.			

Table 5

Japanese language

Example 5. Japanese language			
<ul style="list-style-type: none"> Phrase: あのかふえのあまざけはおいしいね (Ano kafe no amazake wa oishii-ne.) Human translation: <i>Amazake</i> [sweet non-alcohol rice drink] at that cafe is tasty, isn't it? 			
Language	PROMT, RBMT:	Yandex.Translate, Hybrid (CBMT):	Google Translate, NMT:
To Russian:	No translation	Вот именно (It is true).	Вкус Акафу восхитителен (The taste of Akafu is delicious)
To Greek	Not available.	Σωστά (Right).	Η γεύση του Akafu είναι υπέροχη (The taste of Akafu is wonderful)
To Malay	Not available.	Itu benar (It is true)	Rasanya Akafu lezat (Akafu tastes delicious)
To English	No translation	That's right.	The taste of Akafu is delicious
Comments: 1) [<i>K</i>]afe is a loan word meaning ‘cafe’. No system can identify the word, though humans perhaps can guess its sense by analogy with the original word. 2) <i>-ne</i> at the tail of the sentence is a unique binding particle used to ask for confirmation rhetorically. The function of the construction is thus analogous with the tag question in English. Again, no system succeeds in translating the structure. 3) <i>Amazake</i> is a culturally specific soft drink, produced intermediately in the process of brewing <i>sake</i> , Japanese rice wine.			

These online translation examples illustrate the high degree of literal translation persistent in machine translation systems. When the machine translation is juxtaposed to human translation, it can be seen that the online translation procedure lacks conceptual meaning even though the semantic and syntactic systems are integrated into it the online translation procedure. Surprisingly, our testing indicated that all translation systems encounter problems with the recognition of both full and shortened names. In Table 4 *Timah*, a

shortened name, was translated as ‘tin’ and Greek name *Ειρήνη* (*Irene* in English) also was not recognized as a name and got translated literally by its meaning (‘peace’) in another tested phrase “Σάμπως να είχε δίκιο η Ειρήνη τελικά;”.

In most cases, idiomatic phrases were not detected and were translated literally by the systems (see Tables 1, 2). Also, this pair of examples demonstrates that the accuracy of a translation depends on the syntactical complexity of the source phrase. Whereas the outcomes in

the first example basically maintain minimum readability, those in the second example are broken in terms of the sentence structure. All three systems are obviously weak in translating adverbial syntax; the adverbial clause *straight up* seems to make them particularly confused and this results in poor performance. Likewise, additional information in the fourth example “*with her fair skin*” and simple modifier *today* in Table 5 respectively cause the same type of mistranslation. Colloquialisms are also misrepresented: the phrase “*Geram melihat anak comel ini*” should convey a feeling of affection when seeing the child, and means ‘What a cute child!’. However, with Google Translate it loses its meaning in the given context, becoming ‘Greedy saw this cute kid’.

The ambiguity problems, which can be easily resolved by a human, largely contribute to wrong output, as is the case with *ανυπομονησία*: the Greek word describing the feelings of impatience and excitement caused by an unknown situation (Table 3). In the same example, the translation systems fail to identify the gender of the subject and even change the verb into an imperative form. Cases regarding Japanese are even more complicated: the third-person singular pronoun is replaced by the first-person plural *we* in one case, and in the other case, the subject is dropped as seen in the participial construction. This instance suggests that ambiguity of the action can result in the misplacement of the verb causing a wrong form as well as a fragmentary phrase never aligned in a complete sentence.

As mentioned above, the Malay language is full of idiomatic expressions which reflect the various cultural aspects of the language. This feature of the language has led to many inconsistencies in machine translations. As has been shown by previous research in an accuracy analysis during the translation of 200 Malay sentences containing proverbs into English, more than half (55.0 %) of them were wrongly translated by Google Translate, and 34.0 % were correct while only 9.6 % were translated accurately into similar idioms [Abd Rahman, 2013]. The challenges encountered during machine translation were mostly rooted in the use of affixes in words and the additional stopwords in phrases during translation (both of which were used to reflect the grammatical structure of the language), as well as the use of different words

with the same meaning [Abd Rahman, 2013]. In the first issue, the example *memilih kasih* can be translated when the affixes are removed: “*pilih kasih*”. Hence, stemming, which is the detection and filtering of the proverb to exclude affixes, needs to be done before translation [Abd Rahman, 2013]. Secondly, proverbs may have stopwords such as in the following phrases: “*sedikit-sedikit lama-lama jadi bukit*” and “*sedikit-sedikit lama-lama akan jadi bukit*”. Hence, the removal of superfluous words such as *akan* would enhance accuracy of the translation [Kwee, Tsai, Tang, 2009; Abd Rahman, 2013]. Thirdly, there may be different words used to represent the same proverbial meaning – “*Ada angin, ada pokoknya*” is similar to “*Ada angin, ada pohonnya*” (meaning anything that happen has a cause) [Abd Rahman, 2013]. In the case “*bagai kera mendapat bunga*” for someone who does not appreciate the value of a gift, *beruk* and *monyet* can replace *kera* to mean the same thing.

Contemporary machine translations have yet to solve the above-mentioned problems [Yusoff, Jamaludin, Yusoff, 2016]. As language does not exist in isolation but is part of a society and culture, one would need to be familiar with Malay to be able to translate the rich and colourful cultural contexts of the language [Chan, DeWitt, Chin, 2018]. Nevertheless, there are studies of Semantic-based Translation using N-Grams that could deal with ambiguous sentences by identifying words with multiple (ambiguous) meanings [Yusoff, Jamaludin, Yusoff, 2016].

Therefore, our analyses and results of previous works in this field show that for machine translation to be effective, it first needs to incorporate three levels of meanings processing: the literal, the conceptual, and contextual. Secondly, a corpus of metaphors, idiomatic phrases and proverbs with equivalences from different cultures need to be constructed. Finally, the recognition of proper names and their shortened versions should be improved.

Machine translation and linguistic relativity theory

The act of translating from one language to another, apart from being a fairly complex problem when implemented by machines, can pose difficulties even for a human translator. A good

example of this fact is the book “English As She Is Spoke: the new guide of the conversation in Portuguese and English” by Pedro Carolino [Da Fonseca, Carolino, 2002] which is full of grammatical and stylistic mistakes that are surprisingly similar to the ones made by the machine translation systems.

The linguistic relativity theory and theories similar to it explain some of these translational difficulties. They show that many languages differ in the amount of words they have, some words describe unique feelings, a person’s characteristics, professional jargon, and many other realities specific to a culture [Whorf, 1956; Kövecses, 2005; Deutscher, 2010]. The surrounding environment, natural resources, and specific activities of a region also bootstrap vocabularies or slangs that have no equivalents in other languages [Wierzbicka, 1992; Durdureanu, 2011; Sanders, 2014]. Because of this cultural and geographical specificity, many of them can be translated only with the help of a contextual explanation, rather than with a distinct word. A good example is a word *sevdah*, whose root comes from Turkish language, and is commonly used by people living in Bosnia. The standardly offered translations – “melancholy”, “lovesickness”, “yearning for love” – do not really capture the essence of *sevdah*. A more precise translation would be ‘enjoying your state of sorrow as a very special (sorrow-ish) kind of “pleasure”’. Perhaps, the English term “wallowing in your sorrow” would not be a bad way to understand *sevdah* but only because a better concept does not exist. This specific kind of “emotion” simply seems to be “reserved” for people from the Balkans who would find *sevdah*-kind of happiness in singing songs describing and glorifying the heroic death of their most loved ones. A possible explanation is that the people from the Balkans in the most difficult times in which they had little to look forward to simply evolved to learn how to enjoy in their sorrow. Today, mainly due to the changed historic circumstances, even many young people from the Balkans would struggle to understand word *sevdah* itself and the state of being in *sevdah*.

Such types of words do not have their counterparts in other languages and this kind of untranslatability very often leads to their borrowing: we adopt words from one language

(the donor language) and incorporate them into another language without or with minor modifications. Sometimes this happens on a critical cultural level because borrowings tend to overflow national languages around the globe (e.g. economic and computer terms such as *market*, *poster*, *billboard*, *slogan*, *hashtag*, etc.). In France, this has even caused cultural resistance [Stybło, 2007; Caruso, 2012]. However, the question whether simply introducing a foreign word into a language entails introducing the relevant concept in that language remains discussable. Suppose we incorporate word *sevdah* into English in a way in which we can incorporate *poster* into Serbo-Croatian: it is unlikely that the former borrowing will yield the same result as the latter.

Difficulties in translations of unique words also could be overcome by “adaptation” or “free translation” wherein the social or cultural reality (idea) in the source language is replaced with new realities that are closer and more natural to the audience in the target language. Such “domestication” [Lawrence, 1995] of the source text is very artistic and vulnerable to criticism, and for the moment cannot be implemented by machine translation because of its creative complexity. The opposite side in the art of translation – “foreignization” – strives to save the source language and culture, and translate text into the target language with minimal changes using, for instance, comments and explanations about original realities. However, many researchers, as in the case of verbally expressed humour based on wordplay, agree that such methods are sometimes ridiculous because additional comments and explanations destroy the amusement [Low, 2011; Hoffman, 2012]. Humour comprehension requires implicit and explicit knowledge of specific cultural and linguistic realities, and their explanations could be too long or inappropriate for translation. For example, the joke “*A priest, a rabbi, and a nun all walk into a bar, and the bartender says, ‘What is this, some kind of joke?’*” requires knowledge about jokes that begin with “*A, B and C walk into a bar...*”.

In this regard, we can see that the problem “how to translate” is a unique and disputable task that can be solved differently by different translators and with a variety of methods. This

complexity / relativity of languages, cultures and methods makes current machine translation systems just an auxiliary tool. However, the more successful, socially accepted or standardised examples of human translations we will have, the more data could be borrowed, formalised and used by specialists and technical systems for “neutral translation” [Razlogova, 2017]. Thus, despite variabilities in the rendering of the same text, some *formal invariants* or *typical examples* can be extracted and be practically used in the machine and human translation.

Lost in Internet translations

The on-going technology boom has further created an additional problem in terms of language translation. Internet slangs, acronyms, hidden meanings, letter and number combinations in words and intentional mistakes are, generally, an accepted way of communicating online.

Additionally, foreign languages are heavily influenced by English in this field with many hybrid words being coined as a result of mixing two languages together. For instance, incorporating English in German to create Denglish, or English in Malay for Manglish, or writing Greek characters in English (Greeklish) as a means to not constantly switch between keyboard layouts. In this case, translations need to consider processing the literal, the conceptual, and the content/context meanings, referring to contextological dictionaries for styles and idiolects of the users.

Combined with the many abbreviations used online, it can be hard for speakers who are learning the language to understand these foreign compressed messages even if they might understand colloquial speech. For instance, the numbers 55 sounds as ‘go go’ in Japanese and are used to convey the English meaning. In Malaysia, *fuyoh* is commonly used online and may be equivalent to the *OMG* in the internet slang. An example in Manglish: “*Fuyoh, so cheap!*”

The difficulty and novelty of this language style or idiolect is high enough that a reader outside a given network community and culture would be frustrated to understand anything. Even YouTube comments are becoming more and more outlandish for “strangers”. These are the reasons why the origins of “netspeak” and “digital

natives” – competent communicators in cyber contexts – are being postulated by researchers in modern culture or in so-called “generation Z” [Crystal, 2001; Pasfield-Neofitou, 2012; Sharifian, 2017, p. 108].

Therefore, “netspeak” is a refined example of an untranslatable language system via machine translation processes because the online translation tool requires to be trained to recognise style, deliberate typos, abbreviations and acronyms. In addition, the community-specific vocabulary predominantly depends on the contexts within which it is utilised. This social reality in interlocutor exchange situations directly affects the translation programs. It is essential to have machine training based on corpora that include words, concept, and content. However, such a problem was partly solved by emergence of a new branch in translation called “crowdsourced translation”. Its two main forms are: 1) non-professional community-based systems such as the Google Translate community that corrects automated translations or Luis von Ahn’s “Duolingo” language approach that uses a learning platform where people translate websites as a part of the learning process and 2) crowdsourced translation service platforms such as TM-Town, Gengo, Smartling and others with professional translators providing their services (<https://www.morningtrans.com/crowdsourced-translation-does-it-work/>).

Because of the international boom of social networks and the need for translating user-generated content with its slang variations and informal language, Facebook and Twitter have also launched crowdsourced translation platforms in order to create multilingual posts. It must be noted, however, that crowdsourced methods do not restrict themselves to translation problems only. For instance, project reCAPTCHA uses the input words or selected images to bring old books to the digital realm and to gather data for artificial intelligence, improving the accuracy of maps. This project is realised in expecting users to decipher distorted words or to identify particular pictures online to reach a successful registration. Crowdsourced translation for verification of machine translations may be the solution to accurate translation for languages in which words and phrases are heavily reliant on culture and context, such as in the Malay language. However,

the difficulty may be in getting a sufficiently dedicated and sufficiently informed crowd to contribute to the translations.

Conclusion

In retrospect, looking at the problems discussed in previous works [Kotov Marchuk, Nelyubin, 1983; Novozhilova, 2014; Arestova, 2015; Dulov, Shmeleva, Boronkinova, 2017], we still see that:

1) At the present stage and in the near future, it is impossible to exclude the human editor from machine translation. The latest and most advanced Neural Machine Translation so far needs human corrections even with simple tasks [Marchuk, 2016; Nguyen, Chiang, 2017]. Therefore, linguists and other scholars still have to contribute to the further development of such systems, for example, through the construction of metaphors corpora and contextological dictionaries that could be used for translation (interpretation) of the most difficult literary texts. For the further development of machine translation, it is also crucial to include the various pragmatics aspects of language into the process of computer-based translation. For the moment, “crowdsourced translation” could be a solution of that problem. It may provide resources for the current translation issue of fast-growing “netspeak”. An attempt was also made by a recent project called “SenseTrans”, a tool that adds contextual information to posts in social media using AI-analytics [Lim, 2018; Lim Cosley, Fussell, 2018]. The idea of mobilizing a crowd of translators of a variety of texts – both amateurs and professionals – into a sort of collective wisdom for trans-linguistic communications seems also to become a computational materialization of the “translation norms” or “the social reality of correctness notions” [Bartsch, 1987, p. xii]. According to the two pioneer contributors to the theory, G. Toury and Th. Herman, each individual’s interaction with the multi-layered socio-cultural norms circumscribing her/his verbal operations informs the sense of accuracy and quality of a translation result [Toury, 1995; Hermans, 1996]. Crowdsourcing processes in tandem with platforms of professional translators able to verify them can potentially construct such a norm that helps make translation machine a usable apparatus.

2) We still do not have an integrated typology of various types and styles of translation. Indeed, translations of technical texts differ from translations of newspaper texts or informal online conversations. Among the systems tested in our research, only PROMT, with some limits, can translate with pre-set writing styles but still cannot detect such styles or eliminate stylistic mistakes. However, some grammar checker software (like Grammarly, StyleWriter, WhiteSmoke, etc.) have addressed this problem, revealing, for instance, colloquialisms in documents written in an academic style.

Many studies show that there are cultural and aesthetic differences between men and women in the use of vocabulary, syntax, and communication [Na, 2016; Okamoto, 2013]. In the Japanese language, “onnarashii hanashikata” (feminine ways of speech) and “otokorashii kotobazukai” (masculine ways of speech) is common. This kind of speech reflects specific forms of politeness and cultural norms represented by language. Although there is no masculine or feminine way of speaking in the Malay language, specific words may be used to describe a feminine or masculine trait. “*Hitam manis*” is always used for women but for men, they are “*berkulit gelap*” or dark complexion. In that context, wrong word choice could lead to ridiculous or impolite results in machine translation.

Nowadays, Google Search considers the original location of a search query, as well as the user’s previous requests. Probably in the future, machine translation will also become less abstract and universal, and more personalised and situated, by constantly learning from the interests and idiolects of its users.

3) Modern ecolinguistics, the distributed language theory, the dynamic and adaptive systems approaches to language, systemic functional linguistics, and cognitive linguistics have shown that language (or process of “*linguaging*”) is dynamic, interactive, situated, ecologically and culturally embedded. All these aspects of language complicate its formalisation and machine translation. However, it may be still possible to find a common, formalizable core (“universal grammar”) for a group of languages by means of theoretical (linguistic, mathematical) and machine analysis of languages. Furthermore, dynamic, learning and evolving models (software) can be

designed by programmers and linguists that could adapt the machine translation to the dynamic nature or the evolvability of natural language and to dialects/idiolects of their users.

REFERENCES

- Abd Rahman K., Md Norwawi N., 2013. The Challenges of Handling Proverbs in Malay-English Machine Translation. *14th International Conference on Translation 2013*. Penang, University Sains Malaysia, pp. 27-29. URL: www.scribd.com/doc/163669571/Khirulnizam-The-Challenges-of-Automated-Detection-and-Translation-of-Malay-Proverb.
- Arestova A.A., 2015. Sravnitelnyy analiz sistem mashinnogo perevoda [Comparative Analysis of Machine Translation Systems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9, Issledovaniya molodykh uchenykh* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research], no. 13, pp. 105-109.
- Babhulgaonkar A.R., Bharad S.V., 2017. Statistical Machine Translation. *Intelligent Systems and Information Management. 1st International Conference on Intelligent Systems and Information Management (ICISIM)*, Aurangabad, pp. 62-67.
- Bartsch R., 1987. Norms of Language: Theoretical and Practical Aspects. London, New York, Longman. 348 p.
- Caruso G., 2012. French Language Legislation in the Digital Age: The Use of Borrowed English Telecommunication Terms and Their Official French Replacements on Twitter and in the American Foreign Language Classroom. *Theses, Dissertations, and Other Capstone Projects*. URL: <https://cornerstone.lib.mnsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1119&context=etds>.
- Chan S.F., DeWitt D., Chin H.L., 2018. The Analysis of Cultural and Intercultural Elements in Mandarin as a Foreign Language Textbooks from Selected Malaysian Public Higher Education Institutions. *MOJES: Malaysian Online Journal of Educational Sciences*, vol. 6 (1), pp. 66-90. URL: <https://mojes.um.edu.my/article/view/12512>.
- Costa-Jussa M.R., Fonollosa J.A., 2015. Latest Trends in Hybrid Machine Translation and Its Applications. *Computer Speech & Language*, vol. 32 (1), pp. 3-10.
- Crystal D., 2001. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press. 272 p.
- Cui J., 2012. Untranslatability and the Method of Compensation. *Theory and Practice in Language Studies*, vol. 2 (4), pp. 826-830.
- Da Fonseca J., Carolino P., 2002. *O novo guia de conversação em português e inglês*. Casa da Palavra.
- De Bot K., Lowie, W., Verspoor M., 2007. A Dynamic Systems Theory Approach to Second Language Acquisition. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 10 (1), pp. 7-21.
- Deutscher G., 2010. *Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages*. New York, Metropolitan Books. 306 p.
- Dulov S.Yu., Shmeleva A.G., Boronkinova N.T., 2017. Praktika mashinnogo perevoda i iskusstvennye yazyki v oblasti perevoda [Practice of Machine Translation and Man-Made Languages in Translation]. *Uspekhi v khimii i khimicheskoy tekhnologii* [Advances in Chemistry and Chemical Technology], vol. 31, no. 14 (195), pp. 62-64.
- Durdureanu I.I., 2011. Translation of Cultural Terms: Possible or Impossible. *The Journal of Linguistic and Intercultural Education*, vol. 4, pp. 51-63.
- Fowler C.A., Hodges B.H., 2011. Dynamics and Language: Toward an Ecology of Language. *Ecological Psychology*, vol. 23, pp. 147-156.
- Hermans T., 1996. Norms and the Determination of Translation. Alvarez R., Vidal A., eds. *Translation, Power, Subversion*. Clevedon, Multilingual Matters, pp. 25-51.
- Hoffman J., 2012. Me Translate Funny One Day. *The New York Times*.
- Johnson M., Schuster M., Le Q.V., Krikun M., Wu Y., Chen Z., Hughes M., 2017a. Google's Multilingual Neural Machine Translation System: Enabling Zero-Shot Translation. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, vol. 5, pp. 339-351.
- Johnson R., Pirinen T.A., Puolakainen T., Tyers F., Trosterud T., Unhammer K., 2017b. North-Sámi to Finnish Rule-Based Machine Translation System. *Proceedings of the 21st Nordic Conference on Computational Linguistics, NoDaLiDa, 22-24 May 2017*. Gothenburg, Sweden Linköping University Electronic Press, vol. 131, pp. 115-122.
- Koltan O.A., 2017. Osobennosti ispolzovaniya angliyskikh zaimstvovaniy v sovremennom yazyke SMI i povsednevnoy zhizni [Specifics of the Use of English Borrowings in the Modern Language of the Media and Everyday Life]. *Mir yazykov: rakurs i perspektivy: sb. materialov VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii* [The World of Languages: Foreshortening and Perspectives. Collection of Materials from the 8th International Scientific and Practical Conferences]. Minsk, Izd-vo BGU, pp. 95-100.

- Kotov R.G., Marchuk Yu.N., Nelyubin L.L., 1983. Mashinnyy perevod v nachale 80-kh godov [Machine Translation in the Early 80s]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], vol. 1, pp. 31-38.
- Kövecses Z., 2005. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge, Cambridge University Press. 314 p.
- Kwee A.T., Tsai F.S., Tang W., 2009. Sentence-Level Novelty Detection in English and Malay. Theeramunkong T., Kijirikul B., Cercone N., Ho T.B., eds. *Advances in Knowledge Discovery and Data Mining. PAKDD 2009. Lecture Notes in Computer Science*. Berlin, Springer, vol. 5476, pp. 40-51.
- Lawrence V., 1995. *The Translator's Invisibility*. New York, Routledge. 353 p.
- Lim H., 2018. Design for Computer-Mediated Multilingual Communication with AI Support. *Companion of the 2018 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work and Social Computing ACM*. New York, pp. 93-96.
- Lim H., Cosley D., Fussell S.R., 2018. Beyond Translation: Design and Evaluation of an Emotional and Contextual Knowledge Interface for Foreign Language Social Media Posts. *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems ACM*. New York, ACM, vol. 217.
- Lohar P., Afli H., Way A., 2018. Balancing Translation Quality and Sentiment Preservation (Non-Archival Extended Abstract). *Proceedings of the 13th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas*, vol. 1, pp. 81-88.
- Low P.A., 2011. Translating Jokes and Puns. *Perspectives: Studies in Translatology*, vol. 19(1), pp. 59-70.
- Marchuk Yu.N., 2016. Kontekstnoe razreshenie leksicheskoy mnogoznachnosti [Resolution of Polysemy in Context]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 1, pp. 26-32.
- Muhammad H.S., 2006. Dalam Daun Ada Bicara: Falsafah Alam Pantun Melayu. Rogayah A.H., Jumaah I., eds. *Pandangan Semesta Melayu Pantun*. Kuala Lumpur, Dewan Bahasa dan Pustaka, pp. 1-32.
- Na W.E.I., 2016. Gender Differences in the Use of English Vocabulary Learning Strategies in Chinese Senior High Schools. *Studies in Literature and Language*, vol. 12(4), pp. 58-62.
- Nguyen T.Q., Chiang D., 2017. Improving Lexical Choice in Neural Machine Translation. *Proceedings of NAACL-HLT 2018*. New Orleans, Louisiana, Association for Computational Linguistics, pp. 334-343.
- Novozhilova A.A., 2014. Mashinnye sistemy perevoda: kachestvo i vozmozhnosti ispolzovaniya [Machine Translation Systems: Quality and Possible Ways of Use]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3(22), pp. 67-73. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.13>.
- O'Curran E., 2014. Machine Translation and Post-Editing for User Generated Content: An LSP Perspective. *Proceedings of the 11th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas. Vol. 2*. Vancouver, BC, pp. 50-54.
- Okamoto S., 2013. Variability in Societal Norms for Japanese Women's Speech: Implications for Linguistic Politeness. *Multilingua*, vol. 32, iss. 2, pp. 203-223.
- Oladosu J., Esan A., Adeyanju I., Adegoke B., Olaniyan O., Omodunbi B., 2016. Approaches to Machine Translation: A Review. *FUOYE Journal of Engineering and Technology*, vol. 1(1), pp. 120-126.
- Pasfield-Neofitou S., 2012. 'Digital Natives' and 'Native Speakers': Competence in Computer Mediated Communication. Sharifian F., Jamarani M., eds. *Language and Intercultural Communication in the New Era*. New York, London, Routledge, pp. 138-159.
- Razlogova E.E., 2017. Standartnye i nestandartnye varianty perevoda [Standard and Non-Standard Versions of Translation]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 52-73.
- Riahovskaya A.Yu., 2017. Sravnitelnyy analiz sistem mashinnogo perevoda [Comparative Analysis of Machine Translation Systems]. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiума Srednerusskiy universitet. Seriya: Informatsionnye tekhnologii*, no. 1(9), pp. 25-28.
- Sanders E.F., 2014. *Lost in Translation: An Illustrated Compendium of Untranslatable Words from Around the World*. Berkeley, California, Ten Speed Press. 112 p.
- Sharifian F., 2017. *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, XVII. 171 p.
- Steffensen S.V., Fill A., 2014. Ecolinguistics: The State of the Art and Future Horizons. *Language Sciences*, vol. 41, pp. 6-25.
- Styblo Jr., M., 2007. *English Loanwords in Modern Russian Language. Master's Dissertation*. Chapel Hill. 72 p.
- Sukhoverhov A.V., 2014. Sovremennye tendentsii v razvitiy ekolingvistiki [Current Trends and

- Developments in Ecolinguistics]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 3 (27), pp. 166-175.
- Sukhoverkhov A.V., 2015. Lingvisticheskiy determinizm, kumulyativnaya evolyutsiya i rost nauchnogo znaniya [Linguistic Determinism, Cumulative Evolution and Development of Scientific Knowledge]. *Politematicheskii setevoj elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University], no. 105, pp. 1-22.
- Sukhoverkhov A.V., Fowler C.A., 2015. Why Language Evolution Needs Memory: Systems and Ecological Approaches. *Biosemiotics*, vol. 8 (1), pp. 47-65.
- Toury G., 1995. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins. 311 p.
- Verspoor M., De Bot K., Lowie W., eds., 2011. *A Dynamic Systems Approach to Second Language Development: Methods and Techniques*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins. 211 p.
- Wang X., Lu Z., Tu Z., Li H., Xiong D., Zhang M., 2017. Neural Machine Translation Advised by Statistical Machine Translation. *Proceedings of the Thirty-First AAAI Conference on Artificial Intelligence*, California, AAAI, pp. 3330-3336.
- Whorf B., 1956. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, MIT Press. 290 p.
- Wiecheteck L., 2008. *Rule-Based MT Approaches Such as Apertium and GramTrans*. URL: <https://uit.no/Content/84555/cache=20171811052806/mt.pdf>.
- Wierzbicka, A., 1992. *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York, Oxford University Press. 487 p.
- Wu Y. et. al., 2016. *Google's Neural Machine Translation System: Bridging the Gap Between Human and Machine Translation*. 23 p. arXiv:1609.08144
- Yusoff N., Jamaludin Z., Yusoff M.H., 2016. Semantic-Based Malay-English Translation Using N-Gram Model. *Journal of Telecommunication, Electronic and Computer Engineering (JTEC)*, vol. 8 (10), pp. 117-123.
- Zaremba W., Sutskever I., Vinyals O., 2014. *Recurrent Neural Network Regularization*. 8 p. arXiv:1409.2329

Information about the Authors

Anton V. Sukhoverkhov, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Kuban State Agrarian University, Kalinina St. 13, 350044 Krasnodar, Russia, sukhoverkhov.ksau@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0357-4013>

Dorothy DeWitt, PhD, Associate Professor, Department of Curriculum and Instructional Technology, University of Malaya, 50603 Kuala Lumpur, Malaysia, dorothy@um.edu.my, <https://orcid.org/0000-0003-3123-7150>

Ioannis I. Manasidi, Student, Faculty of Applied Informatics, Kuban State Agrarian University, Kalinina St. 13, 350044 Krasnodar, Russia, johnfrom636@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2090-9970>

Keiko Nitta, PhD, Professor, Department of Letters, College of Arts, Rikkyo University, 3-34-1 Nishi Ikebukuro, 171-8501 Toshima City, Tokyo, Japan, knitta@rikkyo.ac.jp, <https://orcid.org/0000-0002-6963-711X>

Vladimir Krstić, PhD, Honorary Research Associate, Department of Philosophy, University of Auckland, Private Bag 92019, 1142 Auckland, New Zealand, v.krstic@auckland.ac.nz, <https://orcid.org/0000-0003-1953-2675>

Информация об авторах

Антон Владимирович Суховерхов, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Кубанский государственный аграрный университет, ул. Калинина, 13, 350044 г. Краснодар, Россия, sukhoverkhov.ksau@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0357-4013>

Дороти де Витт, PhD, доцент кафедры учебных программ и технологий обучения, Малайский университет, 50603 г. Куала-Лумпур, Малайзия, dorothy@um.edu.my, <https://orcid.org/0000-0003-3123-7150>

Иоаннис Игоревич Манасиди, студент факультета прикладной информатики, Кубанский государственный аграрный университет, ул. Калинина 13, 350044 г. Краснодар, Россия, johnfrom636@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2090-9970>

Кейко Нитта, PhD, профессор кафедры литературы, Колледж искусств, Университет Риккё, 3-34-1 Ниши Икебукуро, 171-8501 Тошима, Токио, Япония, knitta@rikkyo.ac.jp, <https://orcid.org/0000-0002-6963-711X>

Владимир Крстич, PhD, почетный научный сотрудник, кафедра философии, Университет Окленда, Прайвит Бэг 92019, 1142 Окленд, Новая Зеландия, v.krstic@auckland.ac.nz, <https://orcid.org/0000-0003-1953-2675>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.11>

UDC 811.112.2'373
LBC 81.432.4-324

Submitted: 07.11.2018
Accepted: 03.07.2019

**TYPES OF COMPOUND WORD-FORMATION
IN MEDICAL TERMINOLOGY
(ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)**

Marina I. Nosacheva

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russia

Nataliya I. Danilina

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russia

Abstract. The aim of the study is to optimize the classification of the types of the compound word-building with components of Greek and Latin origin; the research is based on the sample of 2882 substantive compound terms of the German clinical terminology. The researches apply the descriptive analytical and quantitative methods to the study. It is stated, that the words with complex morphemic structures can be formed by composite and non-composite types of word-building. The paper presents the complex classification of different ways of the compound word-formation considering following criteria: the type and the base of the word-formation process (morphological and morphological-and-syntactic ways of the compound word-formation), the number of the word-building processes, taking place within the compound word-formation (pure and mixed types of the compound word-formation). The analysis of the material reveals the dominance of the morphological compound word-building. In the medical terminology the following subtypes of the compound word-formation are distinguished: stem + terminological element, term + term, stem + term, with the latter two to be the most productive. The use of terminological units as structural elements of compounds and their employment in classification allows to avoid excessive extension of stock of morphemes used in the so-called intermediate zone. Further arrangement of word-building patterns is carried out according to the genetic criterion. In German clinical terminology the dominance of hybrid terms with German components has been established; among homogeneous compounds the terms consisting of Greek rather than Latin or German components are more widely represented. The proposed classifications are applicable to the material of medical terminologies in other languages and enable their accurate comparison.

Key words: word-formation type, word composition, compound word, terminological element, interfix, medical terminology, German language.

Citation. Nosacheva M.I., Danilina N.I. Types of Compound Word-Formation in Medical Terminology (On the Material of the German Language). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 145-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.11>

УДК 811.112.2'373
ББК 81.432.4-324

Дата поступления статьи: 07.11.2018
Дата принятия статьи: 03.07.2019

**СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ
В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Марина Игоревна Носачёва

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, г. Саратов, Россия

Наталья Ивановна Данилина

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, г. Саратов, Россия

Аннотация. Цель исследования состоит в оптимизации классификации способов образования композитов с участием компонентов греко-латинского происхождения. Материалом послужила выборка субстантивных композитов немецкой клинической терминологии (2 882 термина). Использованы описательно-аналитический и количественный методы. Показано, что сложные по морфемному составу слова могут быть образованы композитными и некомпозитными способами. Предложена комплексная классификация композитных способов терминоподобия, учитывающая тип базиса (морфологические и морфолого-синтаксические способы), количество процессов, одновременно происходящих в акте словообразования (чистые и смешанные способы). Установлено, что в немецкой клинической терминологии доминирует морфологическое словосложение. Данный способ применительно к медицинской терминологии дифференцирован по типу складываемых компонентов: собственно словосложение, основа + термин, основа + терминологический элемент. Выявлено, что наиболее продуктивными являются сложение с термином и собственно словосложение. Доказано, что признание терминологического компонента структурной составляющей композитов и использование его в классификации способов композитоподобия позволяет отказаться от чрезмерного расширения инвентаря морфем переходной зоны. Дальнейшая группировка словообразовательных моделей проведена по генетическому критерию. Установлено, что в немецкой клинической терминологии преобладают термины-гибриды с немецкими компонентами; из гомогенных композитов греческие представлены шире, чем латинские и немецкие. Предложенные в статье классификации применимы к материалу медицинских терминологических систем других языков и обеспечивают возможность их корректного сопоставления.

Ключевые слова: способ словообразования, словосложение, композит, терминологический элемент, интерфейс, медицинская терминология, немецкий язык.

Цитирование. Носачёва М. И., Данилина Н. И. Способы образования сложных слов в медицинской терминологии (на материале немецкого языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 145–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.11>

Введение

Словосложение, под которым традиционно понимается соединение двух или более корневых морфем / слов в сложное слово (Bubmann, 1990, S. 400), – один из древнейших способов словообразования в индоевропейских языках [Степанова, 1953, с. 109; Meillet, 1908, p. 257; Schleicher, 1861, S. 290]. Роль его в современных языках может быть различной. В русском языке он относится к периферии словообразовательной системы: существительных, образованных чистым словосложением, немного, среди них преобладают слова с интернациональными компонентами, входящие в сферу научно-технической терминологии [Русская грамматика, 1980, с. 243–246]. В немецком словосложение, напротив, является важнейшим и продуктивным способом словообразования, что отмечается и в фундаментальных грамматиках [Eichinger, 2000, S. 71; Eichler, Bunting, 1996, S. 230], и в исследованиях, выполненных на материале языка СМН XXI в. [Жилук, 2016; Elsen, Dzikowicz, 2005, S. 81, 82]. Поэтому в целом в трудах германистов теория сложного слова разработана детальнее, чем в русистике, но некоторые ее аспекты, в частности проблемы переход-

ной зоны между способами словообразования и отграничение композитов от смежных явлений, остаются актуальными и дискуссионными [Elsen, Michel, 2007, S. 4–5]. Так, предлагается оптимизация традиционных критериев на материале немецкого языка [Груздева, 2012; Юшкова, 2018], шкалирование морфем переходной зоны в зависимости от продуктивности и частотности на материале английского языка (см.: Бартков, 2018), полевая концепция сложного слова на материале русского языка [Гудилова, 2005]. Нельзя не отметить попытки скоординировать терминологические системы разных национальных школ [Иванова, Аржанцева, 2012], чтобы обеспечить возможность дальнейших сопоставительных исследований.

Поскольку в русском языке сферой бытования композитов является преимущественно терминология, изучение данного участка системы других языков представляется актуальным с точки зрения перспектив сопоставительных исследований. К способам словообразования, активизировавшимся в современных языках для специальных целей, В.М. Лейчик относит: лексикализацию словосочетаний, аббревиацию, усечение, сложносокращенный способ, телескопию, полуаффиксацию [Лейчик, 2007, с. 54–57]. Сходство этих способов с тра-

диционным словосложением очевидно: все они имеют результатом совмещение в одной лексеме нескольких понятий, связываемых с отдельной корневой морфемой, ср. трактовку, предложенную в «Русской грамматике» [Русская грамматика, 1980, с. 139]. Анализ соотношения разных способов терминообразования в рамках одной терминосистемы и выявление характерных тенденций в этой сфере могут стать материалом для сопоставительного анализа как терминосистемы и литературного языка, так и различных национальных терминосистем.

Объектом изучения в данной статье выбрана немецкая терминология клинической медицины. Ее специфика в сравнении с литературным языком заключается в широкой представленности в структуре терминов морфем греческого и латинского происхождения, что традиционно отмечается исследователями (см., например: [Федорцова, 1984]). Эта черта характеризует и другие национальные медицинские терминосистемы, в частности русскую и английскую [Архипова, Гущина, 2012; Носачёва, 2017], а также терминологии смежных дисциплин [Хакимова, 2018, с. 184, 188]. Исследователи, как правило, уделяют внимание описанию структуры и семантики конкретных моделей, в то время как морфемный статус греко-латинских компонентов и их роль в системе способов словообразования не получают четкой теоретической интерпретации в работах терминологов. Показателен вывод В.Н. Федорцовой: «...последовательное размежевание аффиксов и корней в ряду связанных морфем греко-латинского происхождения невозможно. В связи с этим в системе интернационального медицинского терминообразования невозможно выделить традиционные модели словосложения, префиксации и суффиксации» [Федорцова, 1984, с. 186–187]. Все это делает медицинскую терминологию актуальным объектом анализа в аспекте уточнения теоретического аппарата дериватологии.

Материал и методы исследования

Нами была произведена выборка клинических терминов из «Roche Lexikon Medizin». Ее общий объем – 5 155 единиц. Сложные тер-

мины, зафиксированные в этой выборке, составили 2 882 единицы (55,9 %), что свидетельствует о существенной роли композитов в немецкой клинической терминологии. Задачами статьи являются классификация способов образования сложных слов, фиксируемых в анализируемом материале, и установление роли каждого из них в изучаемой терминосистеме на основе количественного анализа. В соответствии с ними используются описательно-аналитический и количественный методы.

Результаты и обсуждение

Способы образования сложных слов.

Если понимать под сложным словом, включающее несколько корневых морфем, можно заметить, что не все такие слова образованы способом словосложения. Например, слова *hochsommerlich*, *Eisenbahner*, *m*, *Schullehrerin*, *f* появились в результате прибавления суффикса к основе сложного слова (*Hochsommer-* + *-lich*, *Eisenbahn-* + *-er*, *Schullehrer-* + *-in*). В таких случаях наблюдается противоречие между морфемной структурой слова и способом его образования, то есть несовпадение результатов морфемного и словообразовательного членения. Сказанное означает, что могут быть выделены сложные слова, образованные композитными и некомпозитными способами. К первым следует отнести такие, которые включают соединение в словообразовательном акте нескольких корней (свободных или связанных) / основ / слов, ко вторым – присоединение форманта к основе, уже содержащей несколько корней в результате предшествующих актов словообразования. Учет данной дихотомии принципиально важен при словообразовательном анализе: словосложение всегда приводит к образованию композита, в то время как не каждое сложное слово является в результате словосложения.

К некомпозитным способам образования сложных слов относятся аффиксальные способы и сокращение. При аффиксальном способе формант прибавляется к основе сложного слова (*Außenseiter-* + *-isch* = *außenseiterisch*, *un-* + *Gleichgewicht*, *n* = *Ungleichgewicht*, *n*). При сокращении в качестве единственного словообразовательного процесса выступает опускание одного или нескольких компо-

нентов сложного слова (*Elektromobil*, *n* от *Elektroautomobil*, *n*).

Некомпозиционные способы образования клинических терминов. В нашем материале сложные термины, образованные некомпозиционными способами, составили 1,9 %. Полученные в результате анализа количественные данные и примеры представлены в таблице 1.

Как можно видеть, наиболее частотным среди аффиксальных способов образования композитов является суффиксация (72,5 % всех терминов, образованных этими способами, наиболее продуктивны при этом суффиксы *-osis* / *-ose* (16 терминов) и *-om* / *-oma* (10 терминов).

Композиционные способы образования сложных слов. Обратимся к классификации композитных способов словообразования, то есть таких, в которых содержание словообразовательного акта составляет соединение компонентов. Ввести понятие «композиционные способы» побуждает существование широкого и узкого понимания термина «композиция». С одной стороны, под композицией (словосложением) понимается любое соединение корневых морфем / основ / слов в сложное слово (см. об этом: Петров, 2003, с. 4), а также: [Степанова, Фляйшер, 1984, с. 116; Engel, 1994, S. 84]). Интерпретируемая таким образом, она включает, кроме словосложения, разнородные словообразовательные процессы: универбацию (*die Analgetika* от словосочетания *analgetische Mittel*), сращение (*das Gelverdiene*) и др. С другой стороны, к словосложению, как отмечает У. Энгель, иногда не относятся такие процессы, при которых базисом для образования сложного слова являются не сло-

ва, а словосочетания (*zweibeinig*) [Engel, 1994, S. 85].

В связи с этим целесообразно прибегнуть к делению способов словообразования на морфологические и неморфологические, восходящему к классификации В.В. Виноградова, различавшего морфологические, морфолого-синтаксические, лексико-синтаксические, лексико-семантические способы [Виноградов, 1975, с. 156]. При анализе нашего материала релевантной оказалась дифференциация способов композитообразования на морфологические и морфолого-синтаксические, поскольку композиция в широком смысле подразделяется на морфологическую (на основе отдельных слов) и морфолого-синтаксическую (на базе словосочетаний). При этом проведение четких границ между названными способами представляется затруднительным ввиду тесной взаимосвязи морфологических и синтаксических процессов. Например, сложносокращенный способ на базе слова (*U-Bahn*, *f* от *Untergrundbahn*, *f*) может быть отнесен к морфологическим, а на основе словосочетания (*DB* от *deutsche Bahn*) – к морфолого-синтаксическим способам.

В зависимости от количества процессов, взаимодействующих в акте словообразования, и морфологические, и морфолого-синтаксические способы подразделяются на чистые и смешанные. К чистым относятся словосложение в узком смысле слова, то есть соединение двух или более корней / основ / слов в одно сложное слово (*die Eisenbahn*, *die Doktorarbeit*), и сложносокращенный способ на базе словосочетания (*die Gesellschaft*

Таблица 1

Количественная представленность некомпозиционных способов образования сложных терминов

Способ образования		Кол-во терминов	Кол-во компонентов, примеры	
			2	3
Аффиксальный	Суффиксальный	37	36 <i>Adenofibromatosis, f</i>	1 <i>Megakaryozytose, f</i>
	Префиксальный	12	11 <i>Präleukämie, f</i>	1 <i>Paraosteoarthropathie, f</i>
	Префиксально-суффиксальный	2	2 <i>Agranulozytose, f</i>	–
Сокращение		4	4 <i>Mukotympanum</i> (<i>< Seromukotympanum</i>)	–
<i>Итого</i>		55	53	2

mit beschränkter Haftung = GmbH). При взаимодействии в акте композитообразования нескольких процессов можно говорить о смешанных способах словообразования. К таковым относятся парасинтетические, то есть сложение на базе слова в сочетании с аффиксацией (*Straf- + verfolg- + -er = Strafverfolger, m*), и сращение, то есть сложение на базе словосочетания в сочетании с аффиксацией, конверсией или стяжением (*schnell laufen + -er = Schnellläufer, m*) [Степанова, 1953, с. 192].

Все сложные слова, образованные композитными способами (кроме сращений), в зависимости от отсутствия / наличия соединительного элемента (интерфикса) подразделяются на полносложные и неполносложные. Это деление, восходящее к классификации Я. Гримма [Grimm, 1831, S. 407–408], получает развитие в трудах немецких и русских германистов [Степанова, 1953, с. 110–112; Behaghel, 1930, S. 258; Henzen, 1957, S. 36–37] и в настоящее время может использоваться в качестве критерия формальной дифференциации моделей в рамках структурной классификации.

Приведенная выше классификация способов композитообразования может получить дальнейшее уточнение при рассмотрении терминологического словосложения.

Композитные способы образования в клинической терминологии. Одной из тенденций медицинского терминологического композитообразования является широкое использование компонентов греко-латинского происхождения, поэтому представляется целесообразным дать теоретическую интерпретацию их морфемного состава и дифференцировать способ словосложения в зависимости от статуса соединяемых компонентов.

Во-первых, может быть выделено собственно словосложение – способ, при котором всеми компонентами композита становятся самостоятельные слова. Структурной особенностью данной разновидности является отсутствие интерфикса между этими компонентами и, как правило, дефисное написание. В качестве первого компонента в большинстве терминов выступает имя собственное, финального – греческий по происхождению термин *Syndrom, n*, латинский *Operation, f*, а также немецкие (*Krankheit, f, Zeichen, n*).

Во-вторых, самостоятельным термином может быть только финальный компонент сложения (как национального, так и греко-латинского происхождения), остальными компонентами в этом случае служат основы терминов или греко-латинские терминологические элементы, например: *Muldenplastik, f, Abspreizzeichen, n*.

В-третьих, финальными компонентами сложного термина могут являться греко-латинские терминологические элементы (далее – ТЭ), не существующие в немецком языке в качестве самостоятельных слов, структурно представляющие собой морфемный комплекс «корень + суффикс + флексия». Возможность рассматривать термины типа *Proktoskopie, f, Mikromyelie, f* как образованные словосложением, а не сложением аффиксальным способом (например, *prokt- + skop + суффикс -ie*) объясняется тем, что финальные ТЭ, соотносящие термин с тем или иным понятием клинической медицины, воспроизводятся в терминологическом словосложении в готовом виде. В свою очередь комплексные ТЭ, как было показано М.И. Носачёвой на материале русского языка [Носачёва, 2018], делятся на сложные, то есть комплексы с идиоматизированной семантикой, в которых семантика ТЭ невыводима напрямую из семантики корня (*-loge, -logia, -skop, -skopia* и др.), и псевдосложные, в которых суффиксально-флексионная часть не меняет семантики корня, а служит лишь грамматическому оформлению слова (*-kardie, -myelie* и т. д.).

Таким образом, с учетом особенностей структуры клинического термина словосложение в сфере клинической терминологии можно разделить на собственно словосложение, сложение с самостоятельным термином, сложение со сложным ТЭ и сложение с псевдосложным ТЭ.

Неполносложные композиты с интерфиксами в медицинском терминологическом образовании имеют ряд особенностей. В большинстве композитов греко-латинского происхождения в качестве соединительного элемента используется интерфикс *-o-*, заимствуемый из греческой модели словосложения: *Myodegeneration, f, Palatoplastik, f*. В состоящих из компонентов греко-латинского и национального происхождения, а также в национальных терминах используются немецкие интерфиксы *-s-, -(e)n-* и др., например *Arterienverschluss, m*,

Milchdrüsenentzündung, f. В некоторых терминах корневые ТЭ имеют греко-латинское происхождение, а единственным национальным компонентом является немецкий интерфикс: *Aortenatresie, f, Aspirationspneumonie, f.*

Композитные способы словообразования в немецкой клинической терминологии. Представленность композитов, образованных разными способами, в нашем материале отражают таблицы 2–4. В них рядом с названием каждого способа указано количество терминов, встретившихся в выборке.

Как видно из приведенных данных, словосложение со всеми его разновидностями – самый продуктивный способ композитообразования в клинической терминологии (91,5 % всех композитных терминов выборки). Наибольшее количество композитных терминов образуется путем сложения ТЭ / основы тер-

мина с самостоятельным термином / словом и собственно словосложением. Доля терминов, полученных сложением ТЭ / основы термина и сложного или псевдосложного ТЭ, составляет 18,6 % всех терминов, возникших в результате словосложения.

Большинство терминов, образованных сложением (63,9 %), – полносложные композиты. Преобладание полносложных конструкций среди сложений с самостоятельным термином является результатом активного использования, наряду с греко-латинскими ТЭ, национальных компонентов, что допускает большую вариативность в способах соединения компонентов термина. Термины, образованные сложением ТЭ / основы термина с ТЭ, состоят из компонентов греко-латинского происхождения, что обуславливает применение греческих моделей с интерфиксом -о-

Таблица 2

Словосложение в композитном терминоподобии

Способ сложения	Кол-во терминов	Кол-во компонентов, примеры				
		2	3	4	5	> 5
Сложение ТЭ / основы термина с термином	1 627	1 106 <i>Pulmosklero- se, f</i>	437 <i>Angiofibroli- pom, n</i>	67 <i>Mastzellenleuk- ämie, f</i>	12 <i>Postmyo- kardinfarkt- Syndrom, n</i>	5 <i>Autoimmunpo- lyendokrinopa- thie, f</i>
Сложение ТЭ / основы термина со сложным ТЭ	235	194 <i>Pädiater, m</i>	34 <i>Pyeloneosto- mie, f</i>	7 <i>Adrenomyelo- neuropathie, f</i>	–	–
Сложение ТЭ / основы термина с псевдосложным ТЭ	251	239 <i>Myalgie, f</i>	11 <i>Mikroteleop- sie, f</i>	1 <i>Meningomye- locystocele, n</i>	–	–
Собственно сложение	502	314 <i>Adams- Operation, f</i>	155 <i>Aase-Smith- Syndrom, n</i>	28 <i>Petges-Cléjat- Jacobi- Krankheit, f</i>	5 <i>Abderhalden- Fanconi- Kaufmann- Lignac- Syndrom, n</i>	–
<i>Итого</i>	2 615	1 853	637	103	17	5

Таблица 3

Парасинтетические композитные способы терминоподобии

Способ образования	Кол-во терминов	Кол-во компонентов, примеры		
		2	3	4
Сложносuffixальный	62	51 <i>Menhidrosis, f</i>	11 <i>Myeloosteofibrose, f</i>	–
Сложнопrefиксальный	42	36 <i>Abiotrophie, f</i>	5 <i>Parakolostomieher- nie, f</i>	1 <i>Abetalipoproteinä- mie, f</i>
Префиксально-сложносuffixальный	5	5 <i>Pericholangitis, f</i>	–	–
<i>Итого</i>	109	92	16	1

Таблица 4

Морфолого-синтаксические композитные способы терминообразования

Способ образования	Кол-во терминов	Кол-во компонентов, примеры		
		2	3	4
Сложносокращенный	63	55 <i>M.R.K.-Syndrom, n</i>	8 <i>Atrioseptopexie, f</i>	
Сращение:	14			
а) Сложение + конверсия	4	4 <i>Münzenzählen, n</i>		
б) Сложение + аффиксация	1	1 <i>Mädchenfänger, m</i>		
в) Сложение + стяжение	9		4 <i>Arteria-praeorlandica-Syndrom, n</i>	5 <i>Arteria-parieto-occipitalis-Syndrom, Alice - im - Wunderland – Syndrom, n</i>
<i>Итого</i>	77	60	12	5

и объясняет доминирование неполносложных композитов.

Парасинтетическими способами образовано небольшое количество терминов выборки (3,8 %), наиболее продуктивной разновидностью среди них является сложносуффиксальный способ. Из аффиксов большую продуктивность имеют суффиксы *-itis* (21 термин) и *-ose / -osis* (16 терминов), префикс *a- / an-* (34 термина).

На морфолого-синтаксические способы приходится всего 2,7 % от общего количества композитов выборки.

Модели композитного терминообразования в клинической терминологии. Лексические единицы, образованные тем или иным способом, группируются обычно в словообразовательные типы, выделяемые по признакам словообразующего средства, словообразовательного значения и части речи производящей основы [Русская грамматика, 1980, с. 135]. Очевидно, что к композитам данные критерии трудно применимы. Все исследователи медицинской терминологии предпочитают использовать понятие модели. Количество моделей, которыми оперируют терминологи, бывает велико, поэтому в зависимости от целей конкретного исследования они могут быть объединены по тем или иным критериям. Для медицинской терминологии релевантной представляется генетическая группировка, позволяющая установить роль национального и греко-латинского морфемных фондов в формировании композитов.

Все модели могут быть объединены в два класса: гомогенные, компоненты которых имеют одинаковое происхождение, и гибридные, включающие компоненты разного происхожде-

ния. В нашей выборке доминируют термины, образованные по гибридным моделям. При этом 18,8 % единиц образованы комбинацией греческих компонентов с латинскими, а 37,7 % композитов включают также национальные компоненты. Например, в термине *Abduktionssyndrom, n* латинский корень при помощи немецкого интерфикса присоединяется к греческому термину. Среди композитов, образованных по гомогенным моделям, преобладают греческие (30 % всей выборки), но встречаются также латинские и немецкие, например: *Pankreasdiabetes, m* (греч.), *Affenpocken, n* (нем.), *Mammaabszess, m* (лат.).

Квалификация морфем переходной зоны. Для определения способа образования каждого конкретного термина следовало принять решения относительно квалификации морфем переходной зоны. Взяв за основу традиционные критерии серийности и семантического сдвига [Груздева, 2012], мы дополнили их критериями позиционной закреплённости [Гущина, 2003; Данилина, 2012; Michel 2011], способности к употреблению в качестве связанного корня в простых словах [Ваганова, 2013], частеречной вариативности [Elsen, 2005], конкретности / обобщённости семантики [Elsen, 2009]. Каждому из критериев было приписано условное количественное значение (0,1–0,2). Морфема, получающая в сумме 1 (серийная, имеющая обобщённое значение и семантический сдвиг в сравнении с этимологом, позиционно закреплённая, оформляющая термины только одной части речи, неспособная выступать корнем простого слова), признается аффиксом, а набирающая от 0,2 до 0,9 – переходной. Морфемы переходной зоны мы разделили на частотные компоненты композитов (0,2–0,5) и полуаффиксы (0,6–0,9). В ре-

зультате статус полуаффиксов получили 4 ТЭ (*makr-*, *-penie*, *-pexie*, *-zele*), а статус частотных компонентов – 22 (*all-*, *aut-*, *multi-*, *poly-*, *-rrhagie*, *-rrhö*, *-tom* и др.).

Таким образом, сложение и аффиксация как способы терминообразования не имеют четких границ. Композиты, образованные сложением с самостоятельным термином, могут иметь в начальной позиции частотный компонент, что «размывает» границу с префиксальным способом, а композиты, образованные сложением с ТЭ, могут иметь в составе ТЭ-полуаффикс, что «размывает» границу с суффиксацией. Однако количественные подсчеты показывают, что модели с морфемами переходной зоны не занимают ведущего места в общей системе способов словообразования, и сами способы дифференцируются достаточно четко. Проиллюстрируем этот вывод таблицей 5, в которой представлены количественные данные по наиболее многочисленной группе терминов – двухкомпонентным композитам, образованным сложением.

Мы полагаем, что введение в классификацию ТЭ в качестве самостоятельной структурной единицы способствует разграничению способов словообразования, а традиционное шкалирование единиц переходной зоны представляет собой классификацию иного порядка и носит функциональный характер.

Выводы

Терминология клинической медицины включает сложные термины, образованные композитными и некомпозитными способами. Выделение в особую группу композитных способов словообразования базируется на широ-

ком понимании композиции как объединения в одном словообразовательном акте нескольких основ. Среди проанализированных терминов клинической медицины в немецком языке данными способами образованы 98 % единиц. По типу производящей базы композитные способы делятся на морфологические (на базе слова) и морфолого-синтаксические (на базе словосочетания). Последние представлены реже (2,7 % терминов). По количеству процессов в словообразовательном акте выделяются способы чистые (только сложение) и смешанные (сложение в сочетании с другими словообразовательными процессами). Чистые способы являются более продуктивными (93,4 % терминов). Среди композитных способов терминообразования в немецкой клинической терминологии доминирует морфологическое словосложение. Данный способ применительно к медицинской терминологии может быть дифференцирован в зависимости от типа складываемых компонентов: сложение нескольких слов (собственно словосложение); сложение основы / ТЭ с самостоятельным термином; сложение основы / ТЭ с финальным ТЭ (сложным или псевдосложным). Наиболее продуктивны в немецкой клинической терминологии сложение ТЭ / основы термина с самостоятельным термином и собственно словосложение. Признание ТЭ структурной составляющей композита и опора на него в классификации способов словообразования позволяет, с одной стороны, отказаться от чрезмерного расширения переходной зоны, с другой – провести границу между способами и моделями в терминологическом словообразовании с участием компонентов греко-латинского происхождения. Группировка моделей может быть произведена по критериям, от-

Таблица 5

Количественная представленность двухкомпонентных композитов с морфемами переходной зоны

Способ терминообразования	Модель термина	Кол-во терминов	%
Сложение с термином	Основа / корневой ТЭ + термин	972	63,2
	Частотный компонент + термин	134	8,7
Сложение со сложным ТЭ	Основа / корневой ТЭ + сложный ТЭ	191	12,4
	Основа / корневой ТЭ + сложный ТЭ-полуаффикс	3	0,2
Сложение с псевдосложным ТЭ	Основа / корневой ТЭ + псевдосложный ТЭ	234	15,2
	Основа / корневой ТЭ + псевдосложный ТЭ-полуаффикс	5	0,3
<i>Итого</i>		1 539	100,0

личным от словообразовательных, например, по генетическому, который релевантен для медицинской терминологии. Анализ материала в этом аспекте показал, что в немецкой клинической терминологии преобладают термины-гибриды с участием немецких компонентов; из гомогенных композитов греческие представлены шире, чем латинские и немецкие.

Предложенные классификации призваны учесть словообразовательную специфику медицинской терминосистемы в сравнении со словообразованием общеупотребительной лексики и могут быть применены к материалу медицинских терминосистем других языков для обеспечения возможности их корректного сопоставления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипова Д. А., Гущина Л. Н., 2012. Сравнительно-сопоставительный анализ английских и русских онкологических терминов (опухоли центральной нервной системы) // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. № 3. С. 75–77.
- Ваганова Н. В., 2013. Морфемный статус препозитивного элемента multi- (мульти-) в английском и русском языках // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. С. 36–40.
- Виноградов В. В., 1975. Вопросы современного русского словообразования // Избранные труды. Исследования по русской грамматике / ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука. С. 155–165.
- Груздева Н. В., 2012. Понятие и состав «переходной зоны» в словообразовании немецкого языка // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. Вып. 1 (27). С. 22–31.
- Гудилова С. В., 2005. Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке (на материале неологизмов второй половины XX в.) : дис. ... канд. филол. наук. М. 306 с.
- Гущина Л. Н., 2003. К вопросу об аффиксоидах // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. № 2. С. 19–24.
- Данилина Н. И., 2012. О специфических словообразовательных типах в медицинской терминологии // Scripta manent : материалы всерос.-науч.-практ. конф. «Классические языки в высшей школе» (г. Казань, 2–5 ноября 2012 г.). Казань : КГМУ : КазДС. С. 42–49.
- Жилюк С. А., 2016. Гибридное словосложение имен существительных в немецком языке (на материале современных СМИ) // Романо-германистика : сб. ст. по материалам XLV Междунар. филол. конф. (г. Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.) / отв. ред. Н. Г. Мед, Н. А. Шадрин, Т. И. Петухова. СПб. : ВВМ. С. 11–15.
- Иванова Т. К., Аржанцева Н. В., 2012. Терминосистема сопоставительного словосложения русского, немецкого и английского языков // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 62, № 2 (256). С. 30–37.
- Лейчик В. М., 2007. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М. : ЛКИ. 256 с.
- Носачёва М. И., 2017. Особенности немецкого субстантивного композитного терминообразования на основе греко-латинских терминологических элементов в сопоставлении со словообразовательными особенностями русских клинических терминов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4. С. 183–189.
- Носачёва М. И., 2018. Типология конечных терминологических элементов греко-латинского происхождения в составе клинических композитных терминов // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность : коллектив. моногр. / отв. ред. Т. А. Шарыпина, И. К. Полуяхтова, М. К. Меньщикова. Н. Новгород : ДЕКОМ. С. 43–50.
- Русская грамматика, 1980. В 2 т. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука. 783 с.
- Степанова М. Д., 1953. Словообразование современного немецкого языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз. 377 с.
- Степанова М. Д., Фляйшер В., 1984. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М. : Высш. шк. 264 с.
- Федорцова В. Н., 1984. Словообразовательные модели существительных с иноязычными компонентами в современном немецком языке (на материале медицинских текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Л. 341 с.
- Хакимова Г. А., 2018. Способы словообразования ветеринарной терминологии в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (88), ч. 1. С. 183–192.
- Юшкова Л. А., 2018. Терминологическая множественность в словообразовании (на примере термина «глагольные единицы с именными частицами» и его дублетов) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 28, № 6. С. 913–920.
- Behaghel O., 1930. Die deutsche Sprache. Leipzig : Freytag Verlag. 403 S.

- Eichinger L. M., 2000. Deutsche Wortbildung. Eine Einführung. Tübingen : Gunter Narr Verlag. 269 S.
- Eichler W., Bünting K.-D., 1996. Deutsche Grammatik: Form, Leistung und Gebrauch der Gegenwartssprache. 6 Aufl. Weinheim : Beltz Athenäum Verlag. 313 S.
- Elsen H., 2005. Deutsche Konfixe // Deutsche Sprache: Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. T. 33. S. 133–140.
- Elsen H., 2009. Affixoide: Nur was benannt wird, kann auch verstanden werden // Deutsche Sprache: Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. T. 37. S. 316–333.
- Elsen H., Dzikowicz E., 2005. Neologismen in der Zeitungssprache // Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. Heft 2. S. 80–85.
- Elsen H., Michel S., 2007. Wortbildung im Sprachgebrauch. Desiderate und Perspektiven einer etablierten Forschungsrichtung // Muttersprache. Vierteljahresschrift für deutsche Sprache. Heft 1. S. 1–16.
- Engel U., 1994. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. Berlin : Erich Schmidt Verlag. 316 S. (Grundlagen der Germanistik).
- Grimm J., 1831. Deutsche Grammatik. In 4 Bänden. Dritter Teil. Göttingen : Dieterich Verlag. 810 S.
- Henzen W., 1957. Deutsche Wortbildung // Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. № 5. Tübingen : Niemeyer Verlag. 306 S.
- Meillet A., 1908. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris : Librairie Hachette et C. 464 p.
- Michel S., 2011. Affixoide und Konfixe als „konstruktionelle Idiome“? Eine konstruktionsgrammatische Analyse des Affixoid- und Konfixbegriffes. URL: <http://www.uni-koblenz-landau.de/de/koblenz/fb2/ik/institut/medienwissenschaft/smichel/3innsbruck2011.pdf> (date of access: 06.01.2018).
- Schleicher A., 1861. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar : Hermann Böhlau Verlag. 764 S.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Бартков* – Бартков Б. И. Дериватарий (количественный «словарь» аффиксов) современного английского языка. Казань : Бук, 2018. 318 с.
- Петров* – Петров А. В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов. Симферополь : [б. и.], 2003. 286 с.
- Vußmann* – Vußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 1990. 904 S.

Roche Lexikon Medizin – Roche Lexikon Medizin. URL: <https://www.roche.de/lexikon/index.htm?userInput=Suche%20im%20Roche%20Lexikon&loc=www.roche.de>. (date of access: 12.08.2018).

REFERENCES

- Arkhipova D.A., Gushchina L.N., 2012. Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz angliyskikh i russkikh onkologicheskikh terminov (opukholi tsentralnoy nervnoy sistemy) [Comparative Analysis of the English and Russian Oncological Terms (Denoting Tumors of the CNS)]. *Zhurnal Grodnenskogo meditsinskogo universiteta* [Journal of Grodno State Medical University], no. 3, pp. 75-77.
- Vaganova N.V., 2013. Morfemnyy status prepozitivnogo elementa multi- (multi-) v angliyskom i russkom yazykakh [Morphemic Status of the Prepositional Unit Multi- (мульти-) in the English and Russian Languages]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 1, pp. 36-40.
- Vinogradov V.V., 1975. Voprosy sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya [Issues of Contemporary Russian Word-Formation]. Shvedova N.Yu., ed. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selected Works. Studies of the Russian Grammar]. Moscow, Nauka Publ., pp. 155-165.
- Gruzdeva N.V., 2012. Ponyatie i sostav «perekhodnoy zony» v slovoobrazovanii nemetskogo yazyka [The Concept and the Structure of the “Intermediate Zone” in the German Word-Building]. *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Philologiya* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], iss. 1 (27), pp. 22-31.
- Gudilova S.V., 2005. *Produktivnye tipy obrazovaniya slozhnykh slov v sovremennom russkom yazyke (na material neologizmov vtoroy poloviny XX v.): dis. ... kand. filol. nauk* [Productive Types of Compound Word-Building in the Contemporary Russian Language (On the Material of Neologisms of the Second Half of the 20th Century)]. Cand. philol. sci. diss. Moscow. 306 p.
- Gushchina L.N., 2003. K voprosu ob affiksoidakh [Revisited Affixoids]. *Zhurnal Grodnenskogo meditsinskogo universiteta* [Journal of Grodno State Medical University], no. 2, pp. 19-24.
- Danilina N.I., 2012. O spetsificheskikh slovoobrazovatel'nykh tipakh v meditsinskoy terminologii [About Specific Word-Building Types

- in Medical Terminology]. *Scripta manent: materialy vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Klassicheskie yazyki v vysshey shkole»* (g. Kazan, 2–5 noyabrya 2012 g.) [Scripta Manent. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Classical Languages in Higher Education Institutions” (Kazan, November 2–5, 2012)]. Kazan, KGMU Publ., KazDC Publ., pp. 42–49.
- Zhilyuk S.A., 2016. Gibridnoe slovoslozhenie imen sushchestvitelnykh v nemetskom yazyke (na material sovremennykh SMI) [Hybrid Compound Word-Building of Substantives in the German Language (Based on Modern Mass Media)]. Med N.G., Shadrina N.A., Petukhova T.I., eds. *Romano-germanistika: sbornik statey po materialam XLV Mezhdunarodnoy philologicheskoy konferentsii* (g. Sankt-Peterburg, 14–21 marta 2016 g.) [Romano-Germanic Studies. Proceedings of the 45th International Philological Conference (Saint Petersburg, March 14–21, 2016)]. Saint Petersburg, BBM Publ., pp. 11–15.
- Ivanova T.K., Arzhantseva N.V., 2012. Terminosistema sopostavitelnogo slovoslozheniya russkogo, nemetskogo i angliyskogo yazykov [Terminological System of the Comparative Compound Word-Building of the Russian, German and English Languages]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], iss. 62, no. 2 (256), pp. 30–37.
- Leychik V.M., 2007. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology Science: Subject, Methods, Structure]. Moscow, LKI Publ. 256 p.
- Nosacheva M.I., 2017. Osobennosti nemetskogo substantivnogo kompozitnogo terminoobrazovaniya na osnove greko-latinskikh terminoelementov v sopostavlenii so slovoobrazovatelnyimi osobennostyami russkikh klinicheskikh terminov [Characteristics of the German Substantive Composite Term-Formation on the Basis of the Greek and Latin Terminological Elements in Comparison with the Russian Clinical Terms]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 4, pp. 183–189.
- Nosacheva M.I., 2018. Tipologiya konechnykh terminoelementov greko-latinskogo proiskhozhdeniya v sostave klinicheskikh kompozitnykh terminov [Typology of the Final Greek-Latin Terminological Elements in the Clinical Compound Terms]. Sharypina T.A., Poluyakhtova I.K., Menshchikova M.K., eds. *Natsionalnye kody evropeyskoy literatury v diakhronicheskom aspekte: antichnost – sovremennost: kollektivnaya monografiya* [National Codes of the European Literature in Diachronic Aspect: Antiquity – Modernity. Collective Monograph]. Nizhny Novgorod, Dekom Publ., pp. 43–50.
- Russkaya grammatika. V 2 t. T. 1* [Russian Grammar. In 2 Vols. Vol. 1], 1980. Moscow, Nauka Publ. 783 p.
- Stepanova M.D., 1953. *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka* [Word-Formation of the Contemporary German Language]. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh. 377 p.
- Stepanova M.D., Fleisher W., 1984. *Teoreticheskie osnovy slovoobrazovaniya v nemetskom yazyke* [Theoretical Base of Word-Formation in the German Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 264 p.
- Fedortsova V.N., 1984. *Slovoobrazovatelnye modeli sushchestvitelnykh s inoyazychnymi komponentami v sovremennom nemetskom yazyke (na material meditsinskikh tekstov): dis. ... kand. philol. nauk* [Word-Building Models of Substantives with Foreign Components in the Contemporary German Language (Based on Medical Texts). Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.]. Leningrad. 341 p.
- Khakimova G.A., 2018. Spособы slovoobrazovaniya veterinarnoy terminologii v nemetskom yazyke [Ways of Forming Veterinary Terminology in the German Language]. *Philologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 10 (88), part 1, pp. 183–192.
- Yushkova L.A., 2018. Terminologicheskaya mnozhestvennost v slovoobrazovanii (na primere termina «glagolnye edinitzy s imennymi chastitsami» i ego dubletov) [Terminological Plurality in Word Formation (Based on the Term “Verbal Units with Nominal Particles” and Its Synonyms)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i Philologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], vol. 28, no. 6, pp. 913–920.
- Behagel O., 1930. *Die deutsche Sprache*. Leipzig, Freytag Verlag. 403 S.
- Eichinger L.M., 2000. *Deutsche Wortbildung. Eine Einführung*. Tübingen, Gunter Narr Verlag. 269 S.
- Eichler W., Bünting K.-D., 1996. *Deutsche Grammatik: Form, Leistung und Gebrauch der Gegenwartssprache*. Weinheim, Beltz Athenäum Verlag. 313 S.
- Elsen H., 2005. Deutsche Konfixe. *Deutsche Sprache: Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation*, vol. 33, S. 133–140.
- Elsen H., 2009. Affixoide: Nur was benannt wird, kann auch verstanden werden. *Deutsche Sprache:*

- Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation*, vol. 37, S. 316-333.
- Elsen H., Dzikowicz E., 2005. Neologismen in der Zeitungssprache. *Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer*, booklet 2, S. 80-85.
- Elsen H., Michel S., 2007. Wortbildung im Sprachgebrauch. Desiderate und Perspektiven einer etablierten Forschungsrichtung. *Muttersprache. Vierteljahresschrift für deutsche Sprache*, booklet 1, S. 1-16.
- Engel U., 1994. *Syntax der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin, Erich Schmidt Verlag. 316 S. (Grundlagen der Germanistik).
- Grimm J., 1831. *Deutsche Grammatik. In 4 Bänden. Dritter Teil*. Göttingen, Dieterich Verlag. 810 S.
- Henzen W., 1957. Deutsche Wortbildung. *Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte*. Tübingen, Niemeyer Verlag., no. 5. 306 p.
- Meillet A., 1908. *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes* [Introduction Into the Comparative Studies of the Indo-European Languages]. Paris, Librairie Hachette et C. 464 p.
- Michel S., 2011. *Affixoide und Konfixe als „konstruktionelle Idiome“? Eine konstruktionsgrammatische Analyse des Affixoid-und Konfixbegriffes*. URL: <http://www.uni-koblenz-landau.de/de/koblenz/fb2/ik/institut/medienwissenschaft/smichel/3innsbruck2011.pdf> (accessed 6 January 2018).
- Schleicher A., 1861. *Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Weimar, Hermann Böhlau Verlag. 764 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Bartkov B.I. *Derivatariy (kollichestvennyy «slovar» affiksov) sovremennogo angliyskogo yazyka* [Derivatariy (Quantity “Dictionary” of Affixes) of the Contemporary English Language]. Kazan, Buk Publ., 2018. 318 p.
- Petrov A.V. *Gnezdovoy tolkovo-obrazovatelnyy slovar kompozitov* [Nest Explanatory and Word-Formation Dictionary of Compounds]. Simferopol, 2003. 286 p.
- Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft* [Lexicon of Linguistics]. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag, 1990. 904 S.
- Roche Lexikon Medizin* [Roche Lexicon Medicine]. URL: <https://www.roche.de/lexikon/index.htm?userInput=Suche%20im%20Roche%20Lexikon&loc=www.roche.de> (accessed 12 August 2018)

Information about the Authors

Marina I. Nosacheva, Postgraduate Student, Department of Russian and Latin Languages, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Bolshaya Kazachya St., 112, 410012 Saratov, Russia, sgu0308@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6734-0067>

Nataliya I. Danilina, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian and Latin Languages, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Bolshaya Kazachya St., 112, 410012 Saratov, Russia, danilina_ni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

Информация об авторах

Марина Игоревна Носачёва, аспирант кафедры русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, ул. Большая Казачья, 112, 410012 г. Саратов, Россия, sgu0308@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6734-0067>

Наталья Ивановна Данилина, доктор филологических наук, доцент кафедры русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, ул. Большая Казачья, 112, 410012 г. Саратов, Россия, danilina_ni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>

UDC 811.111'38
LBC 81.432.1-55

Submitted: 22.05.2019
Accepted: 04.11.2019

FORMALITY AS A STYLE-FORMING PROPERTY OF ACADEMIC ENGLISH: SYNCHRONIC ANALYSIS OF MEDICAL RESEARCH TEXTS

Anna O. Stebletsova

Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Voronezh, Russia

Irina I. Torubarova

Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Voronezh, Russia

Abstract. The paper discusses academic formality as a basic linguistic and stylistic property which indicates academic discourse. The objective of the research is to identify specific features and means of formality representation in medical discourse. The material of the research includes a corpus comprised of fifteen authentic open – access research articles published in *European Journal of Epidemiology* in 2019. The texts of the articles were processed within the framework of descriptive linguistic analysis. The quantitative analysis and statistic processing was performed with *Compleat Lexical Tutor v.8.3*. The results of the research have revealed lexical, syntactical, grammatical and stylistic means of formality representation in medical research texts. The lexical diversity coefficient ranges from 0.22 to 2.27, which demonstrates a high level of vocabulary complexity and a relatively low level of vocabulary diversity. The high level of lexical density is acquired by a frequent use of noun groups, nominalization and medical terminology including abbreviations and acronyms. Stylistic repetitions of vocabulary and syntactic structures are registered on all texts of the research corpus. Along with a widespread use of passive and impersonal structures the texts of the research have demonstrated a tendency to use subjective language (*we / our* pronouns) for an author stance. The authors have made a conclusion that this might be an indication of a shift towards simplicity and ersonification in academic formality representation.

Key words: formality, Academic English, medical research text, lexical diversity, lexical density, abbreviation, acronym, stylistic repetition.

Citation. Stebletsova A.O., Torubarova I.I. Formality as a Style-Forming Property of Academic English: Synchronic Analysis of Medical Research Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 157-173. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>

УДК 811.111'38
ББК 81.432.1-55

Дата поступления статьи: 22.05.2019
Дата принятия статьи: 04.11.2019

ФОРМАЛЬНОСТЬ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АКАДЕМИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО: СИНХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ

Анна Олеговна Стеблецова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Ирина Ивановна Торубарова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Аннотация. Статья посвящена академической формальности, которая рассматривается как комплексная лингвостилистическая характеристика, маркирующая принадлежность текста к академическому дискурсу. Цель работы – выявление особенностей реализации формальности в медицинском дискурсе. Материал

исследования составил корпус из 15 оригинальных англоязычных медицинских статей, опубликованных в «European Journal of Epidemiology» («Европейский журнал эпидемиологии») в 2019 году. Указанные тексты рассмотрены с позиций дескриптивного лингвистического анализа. Количественная и статистическая обработка данных проведена с использованием программы Compleat Lexical Tutor v.8.3. В результате исследования выявлены и описаны лексические, грамматические и стилистические средства манифестации формальности в научном медицинском тексте. Определен коэффициент лексического разнообразия; он свидетельствует о высокой стандартизованности и терминологичности текстов. Выявлено, что высокая лексическая плотность текстов достигается за счет использования отглагольных существительных, номинативных групп, терминологических аббревиатур и акронимов. Стилистические повторы зафиксированы во всех исследованных статьях. Показано, что при стабильно широком использовании страдательных и безличных конструкций современные медицинские тексты демонстрируют тенденцию к активному выражению авторской позиции с помощью местоимений единственного числа. Установлено, что при реализации академической формальности в медицинском дискурсе намечаются тенденции к упрощению и персонификации текста.

Ключевые слова: формальность, академический английский, научный медицинский текст, лексическое разнообразие, лексическая плотность, аббревиатура, акроним, стилистический повтор.

Цитирование. Стеблецова А. О., Торубарова И. И. Формальность как стилеобразующая характеристика академического английского: синхронический анализ научных медицинских текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 157–173. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>

Введение

В настоящее время не существует признанной дисциплины, называемой медицинской лингвистикой, однако некоторые исследователи говорят о необходимости ее выделения из круга лингвистических дисциплин [Henrik, 2004]. В рамках данного направления перед учеными стоит комплекс задач: от изучения формирования и развития языка этой специальной сферы [Стеблецова, Варнавская, 2018] до исследования «медицинских» жанров и дискурса [Bhatia, 2002; Nyland, Hamp-Lyons, 2002; Swales, 1988; 1990]. В эволюции языка, который использовали в общении друг с другом врачи, а затем и доктора, можно проследить несколько периодов: «греческий» период (V–IV вв. до н. э.); период медицинской латыни (достиг расцвета в XVI–XVIII вв. н. э.); период национальных медицинских языков (начало XIX – XX в.), характерной чертой которого было активное использование элементов греческого и латинского языков для создания терминов, обозначающих новые явления в медицине; период современного медицинского английского (начало XXI в.).

Уже в 80-е гг. прошлого века Дж. Свейлз использовал понятие «English as an international language» (английский как международный язык, или международный английский) и назвал современный период эпохой всевозрастающего доминирования английского языка

[Swales, 1988]. Сегодня наиболее влиятельные медицинские журналы издаются на английском языке, который стал *lingua franca* мировой науки и международных исследований. Кроме того, английский как язык научных медицинских публикаций является серьезным посредником в распространении медицинского знания, воспитательным и образовательным инструментом [Stebletsova, Torubarova, 2017] и проводником профилактической медицины [Стеблецова, 2018].

О возросшей роли английского языка в науке в целом свидетельствует тот факт, что авторитетные научные журналы напрямую связывают качество проведенного исследования с качеством его лингвистической презентации в публикации. Именно поэтому журналы таких издательств, как «Springer» и «Elsevier», дают обстоятельные рекомендации в инструкциях для авторов о жанрово-стилистических нормах публикации [Author...; Guide...]. Недавняя работа Йонеока и Ота [Yoneoka, Ota, 2017] позволила выявить взаимосвязь между лингвистическими характеристиками научной статьи и качеством рандомизированного контролируемого исследования.

Решению практических задач международной научной коммуникации отвечает английский для академических целей, или English for Academic Purposes (EAP), – отрасль прикладной лингвистики, которая за последние 25 лет стремительного развития заняла веду-

щую позицию в сфере преподавания и исследования языка [Hyland, Hamp-Lyons, 2002]. Ее выделение из более широкой дисциплины – английского для специальных целей, или English for Specific Purposes (ESP), – произошло на фоне активного развития науки и академического взаимодействия в мировом масштабе, иными словами, глобализации научных исследований и, как следствие, потребности в универсальном или стандартизированном языке-посреднике. ЕАР называют эклектичной и прагматичной дисциплиной [Hamp-Lyons, 2011], поскольку она объединяет большой спектр лингвистических и методических предметов и рассматривает многие академические или образовательные проблемы с точки зрения их потенциального вклада в ЕАР.

Мы разделяем точку зрения ученых, считающих, что теоретические основы для выделения ЕАР в самостоятельную дисциплину были заложены Дж. Свейлзом, который в своей работе «Анализ жанров» предложил модель Create a Research Space (CARS), описывающую речевые обороты, типичные для использования в научных статьях, а также поставил цель – создание метода обучения английскому для академических и исследовательских целей [Swales, 1990]. Эти теоретическое и методическое направления, заданные ученым в конце прошлого века, в настоящее время активно развиваются в работах К. Хайленда, Л. Хэмп-Лайонз, Э. Джиллета, В. Бхатия, Э.Дж. Девиитт и др. [Bhatia, 2002; Devitt, 2015; Gillett, Hammond, Martala-Lockett, 2009; Hamp-Lyons, 2011; Hyland, Hamp-Lyons, 2002].

Сегодня для исследования ЕАР в теоретическом и практическом аспектах применяются междисциплинарные подходы, дающие возможность получить представление о структуре и значении научных (academic) текстов, требованиях, предъявляемых академическими текстами к коммуникативному поведению участников общения в данной сфере, и педагогических практиках, с помощью которых академический английский можно развивать [Hyland, Hamp-Lyons, 2002], то есть формировать академическую грамотность, представляющую собой сложный набор позволяющих добиться успехов в академической карьере навыков. Некоторые ученые разграничивают понятия *academic literacy* – навы-

ки, необходимые для академической области знания, – и *academic literacies* – содержание, язык, практика и стратегия для понимания, обсуждения, организации и создания текстов [De Chazal, 2014; Johns, 1997]. А. Видеман определяет академическую грамотность как способность использовать язык для удовлетворения потребностей высшего образования и характеризует составляющие ее компоненты как сложный комплекс способностей когнитивного характера [Weideman, 2018]. Кроме того, она должна обязательно включать знания о языковых и дискурсивных характеристиках научного текста, совокупность которых и позволяет академическому английскому быть универсальным языком-посредником современной научной коммуникации.

Отечественные ученые в разное время применительно к русскому языку выделяли такие характеристики научного стиля, как логическая строгость, объективность, последовательность и точность изложения, стандартизация, унифицированность, своеобразная клишированность средств выражения [Бахтин, 1979; Виноградов, 1981; Кожина, 2006; Самарская, 2018]. Н.И. Колесникова, анализируя работы, посвященные научному стилю, называет следующие его специфические особенности: отвлеченность, обобщенность, подчеркнутая логичность, терминологичность («терминированность»), смысловая точность, ясность, объективность изложения, стандартность, стереотипность, краткость, сжатость, лаконичность, безличность, некатегоричность (толерантность), эмотивность, образность [Колесникова, 2010]. Вслед за В.Е. Чернявской, ученый считает, что стандартизированными характеристиками, общими для каждого научного текста, являются обобщенность, подчеркнутая логичность, объективность, некатегоричность, доказательность, точность и ясность [Колесникова, 2010, с. 135; Чернявская, 2006, с. 12]. Г.Б. Поспелова, проводя обзор работ зарубежных лингвистов, посвященных выявлению характеристик научного стиля в английском языке, указывает на логичность, связанность, абстрактность, точность, объективность, формальность, номинальность, информационную насыщенность, сжатость текстов [Поспелова, 2012] (см. также: [Biber, Gray, 2010; Crompton, 1997; Gray, Cortes, 2011;

Biber et al., 1999; Martinez, 2011; Vassileva, 2001]. Не оспаривая обоснованность выделения данных черт, отметим их универсальный и мета-профессиональный характер, а также возможную специфику дискурсивной реализации в зависимости от научной дисциплины. Медицинская наука является одной из таких дисциплин, а медицинский академический дискурс предоставляет обширный практический материал для исследования предполагаемой специфики.

Обзор литературы в области прикладной лингвистики, ESP и EAP в сфере медицинских исследований [Gillett, Hammond, Martala-Lockett, 2009; Mićić, 2013; Parkinson, 2000] дает возможность выделить следующие черты академического медицинского текста:

- 1) номинализация;
- 2) технические фразы (медицинский жаргон);
- 3) распространенные номинативные группы / устойчивые словосочетания;
- 4) «предположительный, осторожный» язык (tentative language) / «хеджирование» (уклончивость или отсутствие категоричности при выражении суждений);
- 5) использование каузативных и аргументативных (causative and reasoning verbs) глаголов;
- 6) обезличенность и пассивизация (impersonal language and passivisation).

Этот краткий перечень позволяет заметить, что само выделение и обоснование типичных характеристик академического английского может представлять определенные сложности в силу разнородности и разноуровневости реализующих их языковых средств. Большинство характеристик следует рассматривать как комплексные дискурсивные феномены, которые могут быть подвержены дисциплинарной или предметной вариативности [Nyland, Hamp-Lyons, 2002], национально-культурной адаптации [Стеблецова, 2016], различной когнитивной интерпретации и естественному процессу развития узуса научного текста.

Настоящее исследование посвящено сложному феномену академического английского – формальности. На наш взгляд, это одна из основных его стилиобразующих характеристик, которую следует рассматривать не только как маркер принадлежности к формальному регистру речи или тональности дискурса, но и как комплексную лингвостилисти-

ческую характеристику, реализующуюся посредством лексико-семантических, грамматических, синтаксических и стилистических средств. Хотя проблема формальности как сложной категории научного стиля речи затрагивалась в отдельных исследованиях [Поспелова, 2012; Fryer, 2012; Mendis, 2010], она далека от полного освещения в аспектах дисциплинарной вариативности и способов реализации формальности в современном академическом дискурсе. Таким образом, цель работы – выявить особенности реализации академической формальности в медицинском научном дискурсе. В качестве эмпирического материала избраны научные публикации в жанре исследовательской статьи (research article). Достижение поставленной цели потребовало от авторов решения следующих задач:

- предложить собственную трактовку формальности, установить ее роль и место в жанре научной медицинской статьи;
- выявить языковые и дискурсивные средства реализации формальности в корпусе научных медицинских статей;
- описать современное состояние и особенности реализации формальности с позиций предметной вариативности (медицинский научный дискурс).

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили оригинальные полнотекстовые научные статьи (research articles) на английском языке, общим количеством 15 единиц (64 542 слова, 2 395 предложений), опубликованные в 2019 г. в медицинском журнале «European Journal of Epidemiology» издательства «Elsevier». Импакт-фактор журнала – 7,023. Включение статей в исследовательский корпус осуществлялось в соответствии со следующими критериями:

- статьи находятся в открытом доступе;
- тематика статей не узкоотраслевая в силу междисциплинарного характера журнала (рубрики журнала Diabetes Mellitus, Cancer, Cardiovascular Diseases, Methods, Perinatal Epidemiology, New Study);
- статьи оформлены по единым содержательно-структурным параметрам Introduction / Methods / Results and Discussion (IMRaD);

– статьи имеют аннотации (abstract), которые также были включены в исследовательский корпус;

– авторы статей: native speakers (NS) – носители английского языка как родного и non-native speakers (NNS) – носители английского языка как иностранного.

Критерий авторства статей представляется одним из наиболее сложных и неоднозначных для описания и четкого маркирования, поскольку ни фамилия, ни институциональная принадлежность автора не являются абсолютно надежным показателем для отнесения его в категорию NS или NNS. Тем не менее многонациональные и достаточно многочисленные авторские коллективы – это одна из типичных характеристик научной медицинской статьи, обусловленная глобальным и командным характером современной медицинской науки. Осознавая некоторую условность определения автора как NS или NNS, мы все же использовали для данной категоризации институциональный статус авторов в англоговорящих странах (Великобритания, США, Канада, Австралия и др.) и в первую очередь автора для контактов с редакцией (corresponding author).

Тексты статей и аннотаций исследовались и интерпретировались с помощью дескриптивного лингвистического анализа. Заголовки, подзаголовки, оглавление, подписи к таблицам, рисункам и диаграммам были исключены из материала. В целях количественной обработки данных и для статистического анализа текста использовалась программа Compleat Lexical Tutor v.8.3.

Основными параметрами количественного и качественного анализа стали следующие: коэффициент лексического разнообразия и лексическая плотность текстов; лексический состав исследуемого материала, в том числе номинативные (именные) группы, терминологические единицы, включая аббревиатуры и акронимы; лингвостилистические повторы; безличные конструкции и страдательный залог.

Результаты и обсуждение

Формальность академического английского, или академическая формальность, – уни-

версальное свойство научного дискурса, которое во многом является ключевым маркером, определяющим принадлежность того или иного текста к академическому дискурсу. Попытка предложить собственное понимание формальности обусловлена отсутствием точной дефиниции этого явления в силу его сложности и неоднозначности. Дифференциальный потенциал академической формальности (то есть способности маркировать текст как принадлежащий или не принадлежащий к академическому дискурсу) можно представить в виде набора компонентов, использующихся или не использующихся в письменном научном медицинском дискурсе. В качестве иллюстрации приведем некоторые из них.

Так, в академическом медицинском тексте нормативно **используются**:

– лексические единицы, включая термины, стилистически маркированные как научные, специальные, формальные (formal vocabulary);

– отглагольные существительные для более компактного представления действительности;

– многочленные словосочетания с главным существительным (noun groups), распространенным определенными синтаксическими способами;

– рационально-объективные языковые средства выражения собственных суждений (objective language).

В академическом медицинском тексте обычно **не используются**:

– разговорные лексические единицы, включая фразовые глаголы;

– отрицательные синтаксические конструкции, в том числе конструкции со вспомогательными и модальными глаголами с отрицательной частицей *not*;

– вопросительные и отрицательные предложения;

– эмоционально-оценочные языковые средства (subjective language).

Этот неполный перечень компонентов позволяет сделать вывод о том, что формальность – сложный многоаспектный феномен, реализующийся с помощью разнообразных языковых средств, сочетание которых маркирует текст как принадлежащий к академическому дискурсу. Очевидна необходимость детального исследования компонентов академи-

ческой формальности, предварительные результаты которого представлены ниже.

Лексические средства реализации формальности. Лексический уровень текста описывается нами с применением параметров «лексическое разнообразие» и «лексическая плотность». Вслед за В. Йоханссоном, лексическое разнообразие можно определить как измерение количества разных слов (из разных word families), используемых в тексте, а лексическую плотность – как процент значимых лексических единиц в тексте (существительных, глаголов, прилагательных и некоторых наречий): «Lexical diversity is a measure of how many different words that are used in a text, while lexical density provides a measure of the proportion of lexical items (i.e. nouns, verbs, adjectives and some adverbs) in the text» [Johansson, 2008, p. 61]. Оба параметра

являются критериями определения формальности академического английского.

Количественный анализ текстов обнаруживает, что коэффициент лексического разнообразия текстов невысок и составляет 0,22–0,27 (табл. 1). Это обусловлено частой повторяемостью этимологически родственных лексем.

Показатели лексической плотности свидетельствуют о лексической насыщенности исследуемых текстов: более 2/3 их объема занимают самостоятельные части речи. Значимой при анализе текстов, на наш взгляд, является параметр «лексический охват» (coverage) – процентное содержание слов, характеризующих «понятность» текста для читателя (подробно об этой характеристике см.: [Batia, 1989; Nation, 2006]). Полученные нами

Таблица 1

**Лексические и грамматические параметры исследуемого корпуса:
статистический анализ**

№ статьи	Кол-во слов / знаков	Кол-во разных слов (типы)	Коэффициент лингвистического разнообразия	Лексическая плотность	Кол-во предложений / из них в пассивном залоге (%)	Кол-во лексем off-list (не включены ни в GWL, ни в AWL)	Лексический охват (95%)
I	6 856/ 47 872	1 705	0,25	0,70 (content [4 800] / total [6 856])	294/177 (60,2 %)	136 (1,98 %) (<i>aliquoted, assistive, baseline, illumine, innotest, lifetime, preclinical, spirometer, subsample</i>)	K6 frequency level
II	5 730/ 37 317	948	0,17	0,69 (content [3 948] / total [5 730])	220/109 (49,55 %)	188 (3,28 %) (<i>multivariable, baseline, subcohort, nonconsumers, postmenopausal, quintiles, hemeiron, nonlinearity, endpoints, lifestyle</i>)	K7 frequency level
III	5 321/ 33 107	981	0,18	0,69 (content [3 660] / total [5 321])	167/69 (41,32 %)	124 (2,33 %) (<i>capstone, myocarditis, pathway, rapeseed, worldwide, cofounders, healthcare, seafood, endpoint</i>)	K5 frequency level
IV	5 206/ 32 184	872	0,17	0,67 (content [3 501] / total [5 206])	151/80 (52,98 %)	285 (5,47 %) (<i>univariable, confounders, haematopoietic, multiplicative, premenopausal, studentised, genotyped, pathway pleiotropy, pleiotropic</i>)	Не определяется программой после K-25 frequency level
V	4 990/ 32 879	1065	0,21	0,69 (content [3 442] / total [4 990])	180/81 (45 %)	238 (4,77 %) (<i>adiponectin, electrochemiluminescence, glycosylphosphatidylinositol, pathways, normoglycemic, prediabetic, apolipoproteins, isoform, normoglycemia, subcohort</i>)	K-16 frequency level

Окончание таблицы 1

№ статьи	Кол-во слов / знаков	Кол-во разных слов (типы)	Коэффициент лингвистического разнообразия	Лексическая плотность	Кол-во предложений / из них в пассивном залогe (%)	Кол-во лексем off-list (не включены ни в GWL, ни в AWL)	Лексический охват (95%)
VI	4 808/ 30 541	1110	0,23	0,68 (content [3 291] / total [4 808])	193/111 (57,52 %)	289 (6,01 %) (<i>baseline, subcohorts, cholecalciferol, collinearity, heteroscedasticity, hydroxyvitamin, metformin, sulphonylurea, wavelength, calcitriol, invasively, lifestyle, pathway, phenotyped, confounders, dataset, glycation, subcohort, autofluorescence</i>)	Не определяется программой после K-25 frequency level
VII	4 346/ 28 939	733	0,16	0,65 (content [2 926] / total [4 499])	194/86 (44,33 %)	164 (3,65 %) (<i>multivariable, postmenopausal, ovulatory, salpingectomy, gynecological, nulliparity, oophorectomy, parous</i>)	K-11 frequency level
VIII	4 062/ 24 798	807	0,20	0,64 (content [2 580] / total [4 062])	126/46 (36,5 %)	120 (2,95 %) (<i>lifestyle, modifiable, dyslipidemia, nonlinearity, misclassification</i>)	K7 frequency level
IX	4 003/ 26 007	851	0,21	0,66 (content [2 641] / total [4 003])	146/72 (49,32 %)	66 (1,65 %) (<i>confounders, endpoint</i>)	K-3 frequency level
X	3 908/ 26 016	921	0,24	0,72 content [2803] / total [3908])	140/62 (44,3 %)	310 (7,9 %) (<i>transcytosis, epicrea, genotyped, genotyping, underdiagnosis, apolipoproteins, clathrin-mediated etc.</i>)	Не определяется программой после K-20 frequency level
XI	3 891/ 25 501	829	0,21	0,68 (content [2 633] / total [3 891])	143/30 (20,98 %)	64 (1,64 %) (<i>anonymized, generalizability, dataset, healthcare</i>)	K4 frequency level
XII	3 521/ 22 744	758	0,22	0,66 (content [2 318] / total [3 521])	128/29 (22,7 %)	151/4,28 % (<i>healthcare, datasets, generalizability, lifestyle, misclassified, neuroimaging etc</i>)	K-7 frequency level
XIII	3 423/ 21 382	782	0,23	0,66 (content [2 270] / total [3 423])	127/42 (33,07 %)	60 (1,75 %) (<i>newborn, singleton, confounders, (+abbreviations)</i>)	K6 frequency level
XIV	2 869/ 17 931	700	0,24	0,61 (content [1 752] / total [2 869])	116/60 (51,7 %)	113 (3,94 %) (<i>confounder, granulocyte, pathway, multivariable, leukocyte, baseline</i>)	K-8 frequency level
XV	1 800/ 12 207	528	0,28	0,70 (content [1 306] / total [1 872])	70/29 (41,43 %)	52 (2,78 %) (<i>arrhythmias, baseline, quintiles, endpoints</i>)	K-8 frequency level

данные отражают сложность текстов для их восприятия читателем. Уровень «понятности» текста начинается с *K-7 frequency level*. Это означает, что читателю необходимо знать 7 000 слов, чтобы понимать содержание текста на 60 %. В одном случае программа Compleat Lexical Tutor v.8.3 не указывает

параметр «лексический охват» даже после *K-25 frequency level* (см. табл. 1).

При количественном анализе все лексические единицы текста сопоставлялись с General Word List и Academic Word List. The General Word List (GWL), или The General Service List (GSL), – это список, состоящий

примерно из 2 000 слов, опубликованный в [West, 1953]. Он включает наиболее часто встречающиеся слова из корпуса письменного английского языка. Этот список имеет два основных обновления GSL [Brezina, Gablasova, 2015; Browne, 2013]. The Academic Word List (AWL) был разработан Averil Coxhead. Он содержит 570 групп этимологически родственных слов, которые часто встречаются в академических текстах и не включены в список наиболее часто употребляющихся 2 000 слов английского языка [Coxhead, 2000].

Сравнение показало, что каждый текст содержит 1,64–7,9 % слов, не включенных ни в один из указанных выше списков, то есть *off-list words* (см. табл. 1). Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, слова *off-list* могут быть узкоотраслевыми терминами (например, *transcytosis*, *epicrea*, *salpingectomy* и др.). Во-вторых, они могут быть в пограничной зоне между общеупотребительной и профессиональной лексикой (*healthcare*, *lifestyle*, *endpoint*). В-третьих, такие лексемы могут быть примером авторского словообразования (*generalizability*, *studentised*, *subsample*).

Отметим, что в список *off-list*, наряду с узкоспециальными лексическими единицами *genotyping*, *apolipoproteins*, попали такие лексические единицы, как *pathway*, *lifestyle*, *healthcare*, *datasets*, *clathrinmediated* и др., входящие в *GWL* или *AWL*. В этом случае мы наблюдаем орфографическое изменение (опущение дефиса), приводящее к возникновению сложной словоформы, еще не зарегистрированной данной компьютерной программой.

Являясь комплексной стилиобразующей характеристикой, академическая формальность реализуется разноуровневыми средствами, среди которых выделяются:

– отглагольные существительные:

(1) **The association** between the NLR and time to all-cause mortality was assessed (XIV);

– номинативные (именные) группы, например высказывание, в котором длина группы составляет 10 лексем:

(2) The ongoing Cognitive Function and Ageing II Dementia Diagnosis Study (XII);

– аббревиатуры и акронимы терминологического характера, например: *DLB* (*dementia with Lewy Bodies*), *EMR* (*electronic medical record*), *GOLD* (*Global Initiative for Chronic Obstructive Lung Disease*).

Каждое из вышеперечисленных средств заслуживает отдельного изучения, так как при той фундаментальной роли, которую отглагольные существительные, номинативные группы, терминологические единицы играют в создании академической формальности, механизмы их действия еще далеки от полного понимания. В ходе решения задач данного исследования мы отметили, что современная практика академического английского демонстрирует случаи ненормативной реализации формальности. В частности, в статье (VI) был нарушен традиционный порядок использования и оформления терминологических аббревиатур, а именно полный термин, за которым в скобках следует аббревиатура. Авторы с языковым статусом *NNS* последовательно употребляли в тексте сначала аббревиатуру термина, а затем его полную форму:

(3) *PICALM* (phosphate idylinositolbinding clathrin assembly protein), *BIN1* (bridging integrator 1), *CD2AP* (CD2-associated protein), *RIN3* (Ras and Rab interactor 3), *APOE* (apolipoprotein E gene), *LRP1* (low-density lipoprotein, receptor related protein-1) (X).

Примером новых тенденций в реализации академической формальности служит и публикация (X) авторов с языковым статусом *NNS*, которые представили список использованных аббревиатур с расшифровкой в начале статьи после ключевых слов и далее по тексту применяли только сокращения:

(4) Abbreviations

AGEs - Advanced glycation end products

SAF - Skin autofluorescence

25(OH)D₃ - 25-hydroxyvitamin D₃

RS - Rotterdam Study

eGFR - Estimated glomerular filtration rate (VI).

Грамматические средства реализации формальности. Одним из наиболее распространенных грамматических средств, реализующих академическую формальность в английском научном дискурсе, традиционно считаются синтаксические конструкции страдательного залога (*Passive Voice*) [Tarone et al.,

1998; Rundblad, 2007]. Данные исследуемого корпуса подтверждают это и демонстрируют распространенность страдательного залога в медицинских научных статьях: предложения с ним составили от 20,98 до 60,2 % всех предложений в анализируемых текстах (см. табл. 1).

Широко употребительным грамматическим средством реализации формальности в академическом английском являются также безличные конструкции. Данные корпуса свидетельствуют об активности использования таких предложений авторами обоих языковых статусов (NS и NNS). Ниже предлагаем примеры, в которых безличные конструкции являются вводными по отношению ко второму придаточному в сложносочиненном предложении и выполняют дискурсивную функцию хеджирования, то есть снижения категоричности авторского суждения.

(5) It has not been possible to determine whether this association is causal and to dissect whether it is birth weight per se or an external factor influencing (IV);

(6) It is important to note that invisible unemployment could occur (e g if an unemployed individual is not in receipt of any social transfer benefit) (XII);

(7) It is likely that both exposure and endpoint are associated with other physical, social, and behavioural risk factors not included in the analyses, such as impulsivity, lower cognitive ability, or socioeconomic disadvantages occurring early in life or genes (XII);

(8) It is therefore possible that the NLCS has detected associations with nitrite because high levels were used in the past (II).

Наряду с нормативным употреблением страдательного залога наблюдается новая тенденция академического английского, связанная с активной декларацией авторского «я», что несколько противоречит нормативной категории объективности, сдержанности и обезличенности академического стиля. Такие примеры были зафиксированы у авторов обоих языковых статусов – NS и NNS. Использование синтаксических конструкций с активным агентом в форме 1-го л. мн. ч. отмечено, например, в следующих фрагментах:

(9) Therefore, **we have emphasized** throughout that the diagnostic uncertainty should be considered when interpreting the results for vascular dementia.

Consequently, **we named** this subtype “suggested vascular dementia” throughout the paper... Hence, **we cannot exclude** that some of the participants receiving a dementia diagnosis during our follow-up time already have dementia pathology at baseline (XII);

(10) **We could also evaluate** blood pressure, heart rate, electrolytes, and measures of kidney function, liver function, glucose metabolism and inflammation. **We found** no significant variation across weighted/simple allele score groups, suggesting that this molecular pathway may be safe to target therapeutically (VIII);

(11) **We also performed** a traditional proportional hazard regression, the results of which can be interpreted as the averaged risks over time... (XIV).

Нами был проведен сравнительный анализ для выявления частотности употребления местоимений 1-го л. у авторов NS и NNS. Полная статистическая информация по частотности употребления личных местоимений в исследовательском корпусе представлена в таблице 2.

Результаты свидетельствуют о том, что активное декларирование авторской позиции посредством местоимений 1-го л. более частотно в текстах авторов NS. В частности, самый высокий суммарный показатель употребления *we / our* – 54 / 32 единицы соответственно (2,2 % от общего количества слов) был зафиксирован в статье (I), имеющей авторский статус NS. Самый высокий суммарный показатель у авторов со статусом NNS, зафиксированный в статье (X), составил 21 / 22 случая употребления *we / our* соответственно (0,86 % от общего количества слов).

Стилистические средства реализации формальности. Частотным стилистическим средством актуализации формальности является повтор. В исследовательском корпусе выявлены следующие типы повторов: – лексический:

(12) Weight and height **were measured** with light clothes and without shoes, and the body mass index (BMI, kg/m²) was calculated. Waist circumference (cm) **was measured** midway between the 12th rib and the iliac crest. Systemic systolic (SBP) and diastolic (DBP) blood pressure **were measured** after 5 min resting; three **measurements** were taken, and the average of the second and third **measurements** was recorded and used in the analyses (IX) (в приведенном контексте из 70 слов 5 слов (7 %) являются однокорневыми);

Употребление местоимений 1-го л. *we / our* в статьях корпуса

№ статьи	Языковой статус авторов	Кол-во слов, всего	Количество слов, обозначающих 1-е л. (<i>we/our</i> /суммарный % от общего количества слов в тексте)
I	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании, Швеции	6 856	7/5/0,18 %
II	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Нидерландов	5 730	4/1/0,09 %
III	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Германии, Австрии, США	5 321	21/7/0,53 %
IV	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании, Канады, Германии, Испании, США, Австралии, Сингапура, Швеции, Бельгии, Италии	5 206	3/2/0,096 %
V	Non-Nativespeakers , медицинские университеты Германии	4 990	21/22/0,86 %
VI	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Нидерландов	4 808	11/8/0,40 %
VII	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Швеции и Норвегии	4 346	22/10/0,74 %
VIII	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании, Норвегии	4 062	1/2/0,07 %
IX	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Дании	4 003	16/2/0,45 %
X	Nativespeakers , медицинские университеты Великобритании	3 908	54/32/2,2 %
XI	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Дании	3 891	13/6/0,50 %
XII	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании, Австралии, США, Швеции, Израиля, Финляндии, Дании	3 521	21/2/0,67 %
XIII	Nativespeakers, медицинские университеты Великобритании	3 423	16/3/0,56 %
XIV	Non-Nativespeakers, медицинские университеты Нидерландов	2 869	16/3/0,66 %
XV	Nativespeakers , медицинские университеты Великобритании, Австралии	1 800	12/12/1,33 %

– синтаксический (повтор сходных синтаксических групп):

(13) For all-cause dementia, Alzheimer's disease and vascular dementia, we calculated the PPV for each dataset separately, and for all three combined.

For all-cause dementia, true positive cases were those where the adjudicator recorded dementia as being present, with or without meeting diagnostic criteria.

For dementia subtypes, cases were true positives if the adjudicator indicated that a particular subtype diagnosis could be made, with or without meeting the particular diagnostic criteria (XII);

– лексико-синтаксический (смешанный):

(14) For all-cause dementia, PPVs were 86.8 % (95% CI 78.8–92.6), 87.3 % (75.5–94.7) and 80.0 % (44.4–97.5) in primary care, hospital admissions and mortality data respectively. PPVs were 84.5% (72.6–92.7) for hospital admissions and mortality data in combination, and 82.5% (74.5–88.8) across all datasets (Fig. 4). For subtype codes to identify those specific subtypes (e.g., Alzheimer's disease codes identifying participants with Alzheimer's disease), PPVs for all datasets combined were 71.4% (58.7–82.1) for Alzheimer's disease and 43.8% (19.8–70.1) for vascular dementia (XII).

Типичные и частотные случаи лексических, синтаксических и смешанных повторов в медицинских научных статьях позволяют ин-

терпретировать их как нормативное средство реализации академической формальности. Если повторяемость употребления терминов неизбежна и обусловлена требованием ясности и последовательности научной речи, то повторы однокорневых лексем или использование параллельных синтаксических конструкций являются осознанным выбором автора по созданию максимально удобного для восприятия текста и однозначной интерпретации научных результатов.

Выводы

Проведенный анализ позволил сделать следующие заключения. Изучение академического английского может осуществляться с позиций лингвостилистического и дискурсивного подходов к анализу текста с привлечением приемов дескриптивного анализа, а также статистических методов исследования.

Формальность академического английского, или академическая формальность, является стилеобразующей характеристикой научного медицинского дискурса. Ее дискурсивная реализация происходит во многих аспектах текста и дискурса с привлечением разноуровневых языковых средств.

В исследовании на материале оригинальных медицинских научных статей проанализированы отдельные параметры – средства реализации академической формальности: лексические, грамматические и стилистические. В аспекте лексической реализации формальности был выявлен относительно невысокий коэффициент лексического разнообразия – 0,22–0,27, что свидетельствует о стандартизованности и сложности академического английского.

Лексическая плотность исследуемого корпуса достаточно высока: более 2/3 объема текста занимают самостоятельные части речи. Такая лексическая насыщенность научного медицинского текста достигается за счет доминирующего использования номинативных групп, отглагольных существительных, а также широкого употребления аббревиатур и акронимов терминологического характера.

В аспекте грамматической реализации формальности полученные данные продемонстрировали стабильно высокое исполь-

зование страдательного залога и безличных конструкций.

Стилистическим средством реализации формальности являются повторы, которые зафиксированы на лексическом уровне, – частотное употребление одинаковых или однокорневых лексем; на синтаксическом уровне – использование параллельных синтаксических конструкций. Кроме того, обнаруживается их одновременное использование.

На современном этапе развития академического дискурса формальность академического английского находится в процессе изменений и трансформаций. Нами была выявлена тенденция к более частому использованию местоимений 1-го л. для активного выражения авторской позиции и появлению новых «авторских» лексем, полученных в результате словообразовательных приемов, отмечен отход от традиционных норм оформления терминологических аббревиатур. Эти явления могут отражать стремления участников дискурса к упрощению академического английского и персонификации авторского стиля. Приведенные в статье наблюдения требуют дальнейшего подтверждения, что будет целью последующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М., 1979. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 424 с.
- Виноградов В. В., 1981. Проблемы русской стилистики. М.: Высш. шк. 320 с.
- Кожина М. Н., 2006. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука. С. 242–248.
- Колесникова Н. И., 2010. Что важно знать о языке и стиле научных текстов (Статья 1) // Высшее образование в России. № 3. С. 130–137.
- Поспелова Г. Б., 2012. Характеристики научного стиля в английском языке // Иностранные языки: теория и практика. № 2 (15). С. 8–14.
- Самарская С. В., 2018. Языковая реализация специфических черт научного стиля в английской письменной речи // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 3 (31). С. 163–169. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-3(31)-163-169.
- Стеблецова А. О., 2016. Национальный дискурсивный стиль: англоязычный и русскоязычный деловые дискурсы // Вестник Волгоградского

- государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 76–86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.8>.
- Стеблецова А. О., Варнавская Е. В., 2018. От лечца до врача: лингвистическая эволюция взаимоотношений врача и общества // Прикладные информационные аспекты медицины. Т. 21, № 1. С. 244–256.
- Стеблецова А. О., 2018. Речевое воздействие в медицинском дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 2. С. 49–51.
- Чернявская В. Е., 2006. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига. 128 с.
- Author and reviewer tutorials “Writing in English”. URL: <https://www.springer.com/gp/authors-editors/authorandreviewertutorials/writinginenglish> (date of access: 22.05.2019).
- Batia L., 1989. What percentage of text lexis is necessary for comprehension? // *Special Language: from humans thinking to thinking machines* / ed. by Ch. Lauren, M. Nordman. L.: Multilingual Matters. P. 316–323.
- Bhatia V. K., 2002. Applied genre analysis: a multiperspective model // *Iberica*. Vol. 4. P. 3–19.
- Biber D., Gray B., 2010. Challenging stereotypes about academic writing: Complexity, elaboration, explicitness // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 9, № 1. P. 2–20.
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., 1999. *Longman grammar of spoken and written English*. Harlow; England: Longman Pearson Education. 1204 p.
- Brezina V., Gablasova D., 2015. Is There a Core General Vocabulary? Introducing the New General Service List // *Applied Linguistics*. Vol. 36, iss. 1. P. 1–22. URL: <http://apllj.oxfordjournals.org/content/early/2013/08/25/applin.amt018.abstract> (date of access: 22.05.2019).
- Browne Ch., 2013. The New General Service List: Celebrating 60 years of Vocabulary Learning // *The Language Teacher*. Vol. 37, № 4. P. 13–15.
- Coxhead A., 2000. A New Academic Word List // *TESOL Quarterly*. Vol. 34, № 2. P. 213–238.
- Crompton P., 1997. Hedging in Academic writing: some theoretical problems // *English for Specific Purposes*. Vol. 16, № 4. P. 271–287.
- De Chazal E., 2014. *English for academic purposes*. Oxford: Oxford University Press. 610 p.
- Devitt A. J., 2015. Genre performances: John Swales’ Genre Analysis and rhetorical-linguistic genre studies // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 19. P. 44–51.
- Fryer D. L., 2012. Analysis of the generic discourse features of the English-language medical research article: A systemic functional approach // *Functions in Language*. Vol. 19, iss. 1. P. 5–37. DOI: 10.1075/fo19.1.01fry.
- Gillett A., Hammond A., Martala-Lockett M., 2009. *Successful Academic Writing. Inside track*. Harlow: Pearson Education. 334 p.
- Gray B., Cortes V., 2011. Perception vs. evidence: An analysis of *this* and *these* in academic prose // *English for Specific Purposes*. Vol. 30, iss. 1. P. 31–43.
- Guide for authors. Author information pack. URL: <https://www.elsevier.com/journals/human-immunology/0198-8859/guide-for-authors> (date of access: 22.05.2019).
- Hamp-Lyons L., 2011. English for academic purposes: 2011 and beyond // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 10, iss. 1. P. 2–4. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2011.01.001>.
- Henrik R. W., 2004. The language of medicine // *Journal of the Royal Society of Medicine*. Vol. 97, iss. 4. P. 187–188.
- Hyland K., Hamp-Lyons L., 2002. EAP: issues and directions // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 1, iss. 1. P. 1–12.
- Johansson V., 2008. Lexical diversity and lexical density in speech and writing: a developmental perspective // *Lund University, Dept. of Linguistics and Phonetics. Working Papers*. Vol. 53. P. 61–79.
- Johns A. M., 1997. *Text, role and context: Developing academic literacies*. Cambridge: Cambridge University Press. 171 p.
- Martinez I. A., 2011. Impersonality in the research article as revealed by analysis of the transitivity structure // *English for Specific Purposes*. Vol. 20, № 3. P. 227–247.
- Mendis D., 2010. Formality in academic writing: The use / non-use of phrasal verbs in two varieties of English // *English for Professional and Academic Purposes*. Amsterdam: Rodopi. P. 11–24.
- Mičić S., 2013. Languages of medicine – present and future // *JAHHR*. Vol. 4, № 7. P. 217–233.
- Nation I. S. P., 2006. How large a vocabulary is needed for reading and listening? // *Canadian Modern Language Review*. Vol. 63, iss. 1. P. 59–82.
- Parkinson J., 2000. Acquiring scientific literacy through content and genre: a theme-based language course for science students // *English for Specific Purposes*. Vol. 19, iss. 4. P. 369–387.
- Rundblad G., 2007. Impersonal, General and Social: The use of metonymy versus passive voice in medical discourse // *Written communication*. Vol. 24, iss. 3. P. 250–277.
- Stebletsova A. O., Torubarova I. I., 2017. Empathy Development Through ESP: A Pilot Study // *Journal of Educational, Cultural and Psychological Studies*. Vol. 16. P. 237–249.

- Swales J. M., 1988. Discourse communities, genres and English as an international language // *World Englishes*. Vol. 7, № 2. P. 211–220.
- Swales J. M., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge : Cambridge University Press. 262 p.
- Tarone E., Dwyer Sh., Gillette S., Icke V., 1998. On the use of the passive and active voice in astrophysics journal papers: With extensions to other languages and other fields // *English for Specific Purposes*. Vol. 17, iss. 1. P. 113–132. DOI: 10.1016/S0889-4906(97)00032-X.
- Vassileva I., 2001. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing // *English for Specific Purposes*. Vol. 20, iss. 1. P. 83–102.
- Weideman A., 2018. Academic literacy: Why is it important // *Academic literacy: Five new tests*. Bloemfontein : Geronimo Distribution (Pty) Ltd. P. ii–ix.
- West M., 1953. *A General Service List of English Words*. L. : Longman, Green and Co. 601 p.
- Yoneoka D., Ota E., 2017. Evaluating association between linguistic characteristics of abstracts and risk of bias: Case of Japanese randomized controlled trials // *PLOS ONE*. Vol. 12, iss. 3. P. 1–10. DOI: 10.1371/journal.pone.0173526.
- ИСТОЧНИКИ**
- I* – Rydberg Sterner T., Ahlner F., Blennow K., Dahlin-Ivanoff S., Falk H., Havstam Johansson L., Hoff M., Holm M., Hörder H., Jacobsson T., Johansson B., Johansson L., Kern J., Kern S., Machado A., Mellqvist Fässberg M., Nilsson J., Ribbe M., Rothenberg E., Rydén L., Sadeghi A., Sacuiu S., Samuelsson J., Sigström R., Skoog J., Thorvaldsson V., Waern M., Westman E., Wetterberg H., Zetterberg H., Zetterberg M., Zettergren A., Östling S., Skoog I. The Gothenburg H70 Birth cohort study 2014–16: design, methods and study population // *Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 2. P. 191–209. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0459-8>.
- II* – Brandt P. A. van den. Red meat, processed meat, and other dietary protein sources and risk of overall and cause-specific mortality in The Netherlands Cohort Study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 4. P. 351–369. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00483-9>.
- III* – Meier T, Gräfe K, Senn F., Sur P., Stangl G. I., Dawczynski C., März W., Kleber M. E., Lorkowski S. Cardiovascular mortality attributable to dietary risk factors in 51 countries in the WHO European Region from 1990 to 2016: a systematic analysis of the Global Burden of Disease Study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 1. P. 37–55. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0473-x>.
- IV* – Kar S. P., Andrulis I. L., Brenner H., Burgess S., Chang-Claude J., Considine D., Dörk T., Evans D. G. R., Gago-Domínguez M., Giles G. G., Hartman M., Huo D., Kaaks R., Li J., Lophatananon A., Margolin S., Milne R. L., Muir K. R., Olsson H., Punie K., Radice P., Simard J., Tamimi R. M., Nieuwenhuysen E. van, Wendt C., Zheng W., Pharoah P. D. P. The association between weight at birth and breast cancer risk revisited using Mendelian randomisation // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 591–600. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00485-7>.
- V* – Huth C., Toerne C. von, Schederecker F., Heras Gala T. de las, Herder C., Kronenberg F., Meisinger C., Rathmann W., Koenig W., Waldenberger M., Roden M., Peters A., Hauck S. M., Thorand B. Protein markers and risk of type 2 diabetes and prediabetes: a targeted proteomics approach in the KORA F4/FF4 study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 4. P. 409–422. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0475-8>.
- VI* – Chen J., Duin D. van der, Campos-Obando N., Arfan Ikram M., Nijsten Tamar E. C., Uitterlinden A. G., Zillikens M. C. Serum 25-hydroxyvitamin D3 is associated with advanced glycation end products (AGEs) measured as skin autofluorescence: The Rotterdam Study // *European Journal Epidemiology*. Vol. 34, iss. 1. P. 67–77. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0444-2>.
- VII* – Lundberg F. E., Iliadou A. N., Rodriguez-Wallberg K., Gemzell-Danielsson K., Johansson A. L. V. The risk of breast and gynecological cancer in women with a diagnosis of infertility: a nationwide population-based study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 5. P. 499–507. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0474-9>.
- VIII* – Kobeissi E., Hibino M., Pan H., Aune D. Blood pressure, hypertension and the risk of abdominal aortic aneurysms: a systematic review and meta-analysis of cohort studies // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 547–555. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00510-9>.
- IX* – Jørgensen M. B., Pedersen J., Thygesen L. C., Lau C. J., Christensen Illemann A., Becker U., Tolstrup J. S. Alcohol consumption and labour market participation: a prospective cohort study of transitions between work, unemployment, sickness absence, and social benefits // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 4. P. 397–407. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0476-7>.

- X – Rasmussen I. J., Tybjerg-Hansen A., Rasmussen K. L., Nordestgaard B. G., Frikke-Schmidt R. Blood-brain barrier transcytosis genes, risk of dementia and stroke: a prospective cohort study of 74,754 individuals // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 579–590. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00498-2>.
- XI – Sommerlad A., Perera G., Mueller C., Singh-Manoux A., Lewis G., Stewart R., Livingston G. Hospitalisation of people with dementia: evidence from English electronic health records from 2008 to 2016 // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 567–577. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00481-x>.
- XII – Wilkinson T., Schnier C., Bush K., Rannikmäe K., Henshall D. E., Lerpiniere C., Allen N. E., Flaig R., Russ T. C., Bathgate D., Pal S., O'Brien J. T., Sudlow C. L. M. Identifying dementia outcomes in UK Biobank: a validation study of primary care, hospital admissions and mortality data // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 6. P. 557–565. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00499-1>.
- XIII – Modabbernia A., Sandin S., Gross R., Leonard H., Gissler M., Parner E. T., Francis R., Carter K., Bresnahan M., Schendel D., Hornig M., Reichenberg A. Apgar score and risk of autism // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 2. P. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0445-1>.
- XIV – Fest J., Ruiter T. R., Groot Koerkamp B., Rizopoulos D., Arfan Ikram M., Eijck C. H. J. van, Stricker B. H. The neutrophil-to-lymphocyte ratio is associated with mortality in the general population: The Rotterdam Study // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 5. P. 463–470. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0472-y>.
- XV – Hamer M., O'Donovan G., Stamatakis E. Association between physical activity and subtypes of cardiovascular disease death causes in a general population cohort // *European Journal Epidemiology*. 2019. Vol. 34, iss. 5. P. 483–487. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0460-2>.
- russskogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 242-248.
- Kolesnikova N.I., 2010. Chto vazhno znat o yazyke i stile nauchnykh tekstov (Statya 1) [What Is Important to Know About the Language and Style of Academic Texts]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], no. 3, pp. 130-137.
- Pospelova G.B., 2012. Kharakteristiki nauchnogo stilya v angliyskom yazyke [Features of the Academic Style in English]. *Inostrannyye yazyki: teoriya i praktika*, no. 2 (15), pp. 8-14.
- Samarskaya S.V., 2018. Yazykovaya realizatsiya spetsificheskikh chert nauchnogo stilya v angliyskoy pismennoy rechi [Linguistic Realization of Specific of the Scientific Style in English Writing Speech]. *Aktualnye problem filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 3 (31), pp. 163-169. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-3(31)-163-169.
- Stebletsova B.O., 2016. Natsionalnyy diskursivnyy stil: angloyazychnyy i russkoyazychnyy delovye diskursy [National Discourse Style: English and Russian Business Discourses]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 76-86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.8>
- Stebletsova A.O., Varnavskaya E.V., 2018. Ot lechtsa do vracha: lingvoistoricheskaya evolyutsiya vzaimootnosheniy vracha i obshchestva [From Lechtz to Doctor: Linguistic and Historical Evolution of Doctor-Public Relationship]. *Prikladnye informatsionnye aspekty meditsyny* [Applied and IT Research in Medicine], vol. 21, no. 1, pp. 244-256.
- Stebletsova A.O., 2018. Rechevoe vozdeystvie v meditsinskom diskurse [Communicative Impact in Medical Discourse]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 2, pp. 49-51.
- Chernyavskaya V.E., 2006. *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [Interpretation of the Academic Text]. Moscow, KomKniga Publ. 128 p.
- Author and Reviewer Tutorials “Writing in English”. URL: <https://www.springer.com/gp/authors-editors/authorandreviewertutorials/writinginenglish/avoiding-common-language-issues/10252680> (accessed 22 May 2019).
- Batia L., 1989. What Percentage of Text Lexis Is Necessary for Comprehension? Lauren Ch.,

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of the Word Creation]. Moscow, Iskusstvo Publ. 424 p.
- Vinogradov V.V., 1981. *Problemy russkoy stilistiki* [Issues of Russian Stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 320 p.
- Kozhina M.N., 2006. Nauchnyy stil [Scientific Style]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar*

- Nordman M., eds. *Special Language: From Humans Thinking to Thinking Machines*. London, Multilingual Matters, pp. 316-323.
- Bhatia V.K., 2002. Applied Genre Analysis: A Multi-Perspective Model. *Iberica*, vol. 4, pp. 3-19.
- Biber D., Gray B., 2010. Challenging Stereotypes About Academic Writing: Complexity, Elaboration, Explicitness. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 9, no. 1, pp. 2-20.
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., 1999. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, England, Longman Pearson Education. 1204 p.
- Brezina V., Gablasova D., 2015. Is There a Core General Vocabulary? Introducing the New General Service List. *Applied Linguistics*, vol. 36, iss. 1, pp. 1-22. URL: <http://applied.oxfordjournals.org/content/early/2013/08/25/applin.amt018.abstract> (accessed 22 May 2019).
- Browne Ch., 2013. The New General Service List: Celebrating 60 Years of Vocabulary Learning. *The Language Teacher*, vol. 37, no. 4, pp. 13-15.
- Coxhead A., 2000. A New Academic Word List. *TESOL Quarterly*, vol. 34, no. 2, pp. 213-238.
- Crompton P., 1997. Hedging in Academic Writing: Some Theoretical Problems. *English for Specific Purposes*, vol. 16, no. 4, pp. 271-287.
- De Chazal E., 2014. *English for Academic Purposes*. Oxford, Oxford University Press. 610 p.
- Devitt A.J., 2015. Genre Performances: John Swales' Genre Analysis and Rhetorical-Linguistic Genre Studies. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 19, pp. 44-51.
- Fryer D.L., 2012. Analysis of the Generic Discourse Features of the English-Language Medical Research Article: A Systemic Functional Approach. *Functions in Language*, vol. 19, iss. 1, pp. 5-37. DOI: 10.1075/fo19.1.01fy.
- Gillett A., Hammond A., Martala-Lockett M., 2009. *Successful Academic Writing. Inside Track*. Harlow, Pearson Education. 334 p.
- Gray B., Cortes V., 2011. Perception vs. Evidence: An Analysis of *This* and *These* in Academic Prose. *English for Specific Purposes*, vol. 30, iss. 1, pp. 31-43.
- Guide for Authors. Author Information Pack*. URL: <https://www.elsevier.com/journals/human-immunology/0198-8859/guide-for-authors> (accessed 22 May 2019).
- Hamp-Lyons L., 2011. English for Academic Purposes: 2011 and Beyond. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 10, iss. 1, pp. 2-4. DOI: [org/10.1016/j.jeap.2011.01.001](https://doi.org/10.1016/j.jeap.2011.01.001).
- Henrik R.W., 2004. The Language of Medicine. *Journal of the Royal Society of Medicine*, vol. 97, iss. 4, pp. 187-188.
- Hyland K., Hamp-Lyons L., 2002. EAP: Issues and Directions. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 1, no. 1, pp. 1-12.
- Johansson V., 2008. Lexical Diversity and Lexical Density in Speech and Writing: A Developmental Perspective. *Lund University, Dept. of Linguistics and Phonetics. Working Papers*, vol. 53, pp. 61-79.
- Johns A.M., 1997. *Text, Role and Context: Developing Academic Literacies*. Cambridge, Cambridge University Press. 171 p.
- Martinez I.A., 2011. Impersonality in the Research Article as Revealed by Analysis of the Transitivity Structure. *English for Specific Purposes*, vol. 20, no. 3, pp. 227-247.
- Mendis D., 2010. Formality in Academic Writing: The Use/Non-Use of Phrasal Verbs in Two Varieties of English. *English for Professional and Academic Purposes*. Amsterdam, Rodopi, pp. 11-24.
- Mićić S., 2013. Languages of Medicine – Present and Future. *JAHHR*, vol. 4, no. 7, pp. 217-233.
- Nation I.S.P., 2006. How Large a Vocabulary Is Needed for Reading and Listening? *Canadian Modern Language Review*, vol. 63, no. 1, pp. 59-82.
- Parkinson J., 2000. Acquiring Scientific Literacy Through Content and Genre: A Theme-Based Language Course for Science Students. *English for Specific Purposes*, vol. 19, no. 4, pp. 369-387.
- Rundblad G., 2007. Impersonal, General and Social: The Use of Metonymy Versus Passive Voice in Medical Discourse. *Written Communication*, vol. 24, no. 3, pp. 250-277.
- Stebletsova A.O., Torubarova I.I., 2017. Empathy Development Through ESP: A Pilot Study. *Journal of Educational, Cultural and Psychological Studies*, vol. 16, pp. 237-249.
- Swales J.M., 1988. Discourse Communities, Genres and English as an International Language. *World Englishes*, vol. 7, no. 2, pp. 211-220.
- Swales J.M., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press. 262 p.
- Tarone E., Dwyer Sh., Gillette S., Icke V., 1998. On the Use of the Passive and Active Voice in Astrophysics Journal Papers: With Extensions to Other Languages and Other Fields. *English for Specific Purposes*, vol. 17, iss. 1, pp. 113-132. DOI: 10.1016/S0889-4906(97)00032-X.
- Vassileva I., 2001. Commitment and Detachment in English and Bulgarian Academic Writing. *English for Specific Purposes*, vol. 20, iss. 1, pp. 83-102.
- Weideman A., 2018. Academic Literacy: Why It Is Important. *Academic Literacy: Five New Tests*. Bloemfontein, Geronimo Distribution (Pty) Ltd., pp. ii-ix.

- West M., 1953. *A General Service List of English Words*. London, Longman, Green and Co. 601 p.
- Yoneoka D., Ota E., 2017. Evaluating Association Between Linguistic Characteristics of Abstracts and Risk of Bias: Case of Japanese Randomized Controlled Trials. *PLOS ONE*, vol. 12, iss. 3, pp. 1-10. DOI: 10.1371/journal.pone.0173526.

SOURCES

- I* – Rydberg Sterner T., Ahlner F., Blennow K., Dahlin-Ivanoff S., Falk H., Havstam Johansson L., Hoff M., Holm M., Hörder H., Jacobsson T., Johansson B., Johansson L., Kern J., Kern S., Machado A., Mellqvist Fässberg M., Nilsson J., Ribbe M., Rothenberg E., Rydén L., Sadeghi A., Sacuiu S., Samuelsson J., Sigström R., Skoog J., Thorvaldsson V., Waern M., Westman E., Wetterberg H., Zetterberg H., Zetterberg M., Zettergren A., Östling S., Skoog I. The Gothenburg H70 Birth Cohort Study 2014–16: Design, Methods and Study Population. *Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 2, pp. 191-209. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0459-8>.
- II* – Brandt P.A. van den. Red Meat, Processed Meat, and Other Dietary Protein Sources and Risk of Overall and Cause-Specific Mortality in The Netherlands Cohort Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 4, pp. 351-369. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00483-9>.
- III* – Meier T, Gräfe K., Senn F., Sur P., Stangl G.I., Dawczynski C., März W., Kleber M.E., Lorkowski S. Cardiovascular Mortality Attributable to Dietary Risk Factors in 51 Countries in the WHO European Region from 1990 to 2016: A Systematic Analysis of the Global Burden of Disease Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 1, pp. 37-55. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0473-x>.
- IV* – Kar S.P., Andrusis I.L., Brenner H., Burgess S., Chang-Claude J., Considine D., Dörk T., Evans D.G.R., Gago-Domínguez M., Giles G.G., Hartman M., Huo D., Kaaks R., Li J., Lophatananon A., Margolin S., Milne R.L., Muir K.R., Olsson H., Punie K., Radice P., Simard J., Tamimi R.M., Nieuwenhuysen E. van, Wendt C., Zheng W., Pharoah P.D.P. The Association Between Weight at Birth and Breast Cancer Risk Revisited Using Mendelian Randomisation. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 591-600. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00485-7>.
- V* – Huth C., Toerne C. von, Schederecker F., Heras Gala T. de las, Herder C., Kronenberg F., Meisinger C., Rathmann W., Koenig W., Waldenberger M., Roden M., Peters A., Hauck S.M., Thorand B. Protein Markers and Risk of Type 2 Diabetes and Prediabetes: A Targeted Proteomics Approach in the KORA F4/FF4 Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 4, pp. 409-422. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0475-8>.
- VI* – Chen J., Duin D. van der, Campos-Obando N., Arfan Ikram M., Nijsten Tamar E.C., Uitterlinden A.G., Zillikens M.C. Serum 25-Hydroxyvitamin D3 Is Associated with Advanced Glycation End Products (AGEs) Measured As Skin Autofluorescence: The Rotterdam Study. *European Journal Epidemiology*, vol. 34, iss. 1, pp. 67-77. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0444-2>.
- VII* – Lundberg F.E., Iliadou A.N., Rodriguez-Wallberg K., Gemzell-Danielsson K., Johansson A.L.V. The Risk of Breast and Gynecological Cancer in Women with a Diagnosis of Infertility: A Nationwide Population-Based Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 5, pp. 499-507. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0474-9>.
- VIII* – Kobeissi E., Hibino M., Pan H., Aune D. Blood Pressure, Hypertension and the Risk of Abdominal Aortic Aneurysms: A Systematic Review and Meta-Analysis of Cohort Studies. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 547-555. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00510-9>.
- IX* – Jørgensen M.B., Pedersen J., Thygesen L.C., Lau C.J., Christensen Illemaan A., Becker U., Tolstrup J.S. Alcohol Consumption and Labour Market Participation: A Prospective Cohort Study of Transitions Between Work, Unemployment, Sickness Absence, and Social Benefits. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 4, pp. 397-407. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0476-7>.
- X* – Rasmussen I.J., Tybjærg-Hansen A., Rasmussen K.L., Nordestgaard B.G., Frikke-Schmidt R. Blood-Brain Barrier Transcytosis Genes, Risk of Dementia and Stroke: A Prospective Cohort Study of 74,754 Individuals. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 579-590. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00498-2>.
- XI* – Sommerlad A., Perera G, Mueller C., Singh-Manoux A., Lewis G, Stewart R., Livingston G. Hospitalisation of People with Dementia: Evidence from English Electronic Health Records from 2008 to 2016. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 567-577. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00481-x>.
- XII* – Wilkinson T., Schnier C., Bush K., Rannikmäe K., Henshall D.E., Lerpiniere C., Allen N.E., Flaig R., Russ T.C., Bathgate D., Pal S., O'Brien J.T.,

- Sudlowon C.L.M. Identifying Dementia Outcomes in UK Biobank: A Validation Study of Primary Care, Hospital Admissions and Mortality Data. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 6, pp. 557-565. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00499-1>.
- XIII – Modabbernia A., Sandin S., Gross R., Leonard H., Gissler M., Parner E.T., Francis R., Carter K., Bresnahan M., Schendel D., Hornig M., Reichenberg A. Apgar Score and Risk of Autism. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 2, pp. 105-114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0445-1>.
- XIV – Fest J., Ruiter T.R., Groot Koerkamp B., Rizopoulos D., Arfan Ikram M., Eijck C.H.J. van, Stricker B.H. The Neutrophil-to-lymphocyte Ratio Is Associated with Mortality in the General Population: The Rotterdam Study. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 5, pp. 463-470. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0472-y>.
- XV – Hamer M., O'Donovan G., Stamatakis E. Association Between Physical Activity and Sub Types of Cardiovascular Disease Death Causes in a General Population Cohort. *European Journal Epidemiology*, 2019, vol. 34, iss. 5, pp. 483-487. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0460-2>.

Information about the Authors

Anna O. Stebletsova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Studencheskaya St., 10, 394036 Voronezh, Russia, annastabl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Irina I. Torubarova, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Studencheskaya St., 10, 394036 Voronezh, Russia, torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>

Информация об авторах

Анна Олеговна Стеблецова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, ул. Студенческая, 10, 394036 г. Воронеж, Россия, annastabl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Ирина Ивановна Торубарова, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, ул. Студенческая, 10, 394036 г. Воронеж, Россия, torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.13>

UDC 81'374:81'373.2
LBC 81.054-316

Submitted: 10.06.2019
Accepted: 03.10.2019

ONOMASTIC LEXICOGRAPHY WITHIN LINGUISTIC-AND-ECOLOGICAL APPROACH¹

Dmitry Yu. Ilyin

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena G. Sidorova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. In the study linguistic-and-ecological approach is used for describing the reference book of regional toponyms *The Names of Settlements in the Volgograd Region* as a lexicographic issue. Dictionary entry zones are described and the most complex issues of their compilation are indicated. The authors have characterized the entry zone *The Degree of Name Uniqueness within the Region*, represented in the onomastic dictionaries for the first time. The four successive stages in oikonym uniqueness gradation have been identified, that enables making adjustments to the directories and reference books while nominating settlements. The zone of the dictionary entry *Syntactic Characteristic of the Head Unit in Combination with the Appellative*, the introduction of which is stipulated by the variability of such combinations in speech practice, contains information about case parallelism between the oikonym and the appellative, or its absence. The zone of the dictionary entry *Otoponymic Derivatives of the Vocabulary Unit* reveals the possibility of forming relative adjectives and nouns naming the inhabitants of a particular locality. Dictionary entries in the reference book are drawn up taking into account the linguistic-and-ecological criteria developed by the authors for the toponymic names.

Key words: lexicography, linguistic ecology, onomastics, toponymy, oikonym, appellative, katoikonym.

Citation. Ilyin D. Yu., Sidorova E.G. Onomastic Lexicography Within Linguistic-and-Ecological Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 174-185. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.13>

УДК 81'374:81'373.2
ББК 81.054-316

Дата поступления статьи: 10.06.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА¹

Дмитрий Юрьевич Ильин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Геннадьевна Сидорова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье с позиций лингвоэкологического подхода охарактеризован словарь-справочник региональной топонимики «Населенные пункты Волгоградской области» как одно из изданий ономастичес-

кой лексикографии. Описаны зоны словарной статьи и обозначены наиболее сложные вопросы ее составления. Подробно рассмотрены 3 зоны. Охарактеризована впервые представленная в ономастических словарях зона словарной статьи «Указание степени уникальности названия в пределах региона». Выделены 4 ступени градации уникальности ойконимов, что дает возможность внесения коррективов при номинации населенных пунктов в справочники, которые используют в своей работе органы власти, СМИ, образовательные учреждения. Зона словарной статьи «Синтаксическая характеристика заголовочной единицы в сочетании с апеллятивом», введение которой обусловлено вариантносью таких сочетаний в речевой практике, содержит информацию о падежном параллелизме между ойконимом и апеллятивом либо о его отсутствии. Зона словарной статьи «Оттопонимические дериваты словарной единицы» раскрывает возможности образования относительных прилагательных и существительных, именующих жителей определенного населенного пункта. Словарные статьи в словаре-справочнике выстроены с учетом выработанных авторами критериев лингвоэкологичности топонимических наименований, содержащаяся в нем информация позволит пользователям словаря избежать ошибок и затруднений в речевой практике.

Ключевые слова: лексикография, лингвоэкология, ономастика, топонимика, ойконим, апеллятив, катойконим.

Цитирование. Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Ономастическая лексикография в аспекте лингвоэкологического подхода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 174–185. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.13>

Постановка проблемы

Лингвоэкологический подход к рассмотрению современного состояния лингвистической науки предполагает в качестве репрезентации результатов, среди прочих аспектов, и определенную фиксацию знаний о языке и речи, которая, по словам К.М. Денисова и О.М. Карповой, «материализуется в практически востребованных словарях и справочниках» [Денисов, Карпова, 2018, с. 41].

Принципы репрезентации словарной единицы в лексикографических изданиях обусловлены композицией того или иного словаря, его прагматической установкой, типом и назначением. Все это детерминирует такие параметры, как объем и состав словника, структура словарной статьи, способ представления лексикографического материала, толкование дефиниций, набор помет, верификация посредством иллюстративного материала, в связи с чем «настроенность» современной лексикографии на потребности пользователя обуславливает различные векторы в развитии словарного дела» [Козырев, Черняк, 2014, с. 7].

Следует согласиться с мнением Д.И. Ермоловича о целесообразности выделения ономастической лексикографии в самостоятельный раздел науки о словарях, так как «ономастические словари требуют формулировки четких критериев построения и должны строиться с адекватным учетом семантики и языкового статуса описываемых имен собственных

(по признаку единичности – множественности)» [Ермолович, 2004, с. 70]. Ономастическая лексика, отражая этапы истории и культуры страны, передает основные ценностные константы общества, формируя ономастическое знание, под которым понимается «результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта использования имен собственных» [Щербак, 2012, с. 79].

Экстраполяция достижений лексикографической науки на ономастическую подсистему языка предполагает многоаспектное описание параметров, обуславливающих употребление географических имен собственных в системе и узусе языка. Учитывая мысль Е.Л. Березович о том, что «здание отечественной ономастики было построено в его современном виде в первую очередь именно для изучения топонимии» [Березович, 2001, с. 34], подчеркнем необходимость и целесообразность создания топонимических словарей, материалом для которых служат региональные названия. Ценность региональных топонимических словарей, по утверждению С.А. Попова, заключается в том, что они «фиксируют результаты многолетних исследований местной топонимии, способствуют популяризации краеведческих сведений среди жителей региона, туристов» [Попов, 2019, с. 252]. Лексикографическая практика располагает в настоящее время словарями местной топонимики, в частности Белгородской [Жиленкова, 2012], Курской [Ономастикон...,

1999], Липецкой [Щеулина, 2003], Саратовской [Козинец, 2013], Тамбовской [Дмитриева, Щербак, 2002] и некоторых других областей. В этих изданиях представлено толкование географических наименований, описана история номинации населенных пунктов и выборочно дана лингвистическая информация.

В 2019 г. авторами статьи опубликован словарь-справочник региональной топонимики «Населенные пункты Волгоградской области» [Ильин, Сидорова, 2019].

Актуальность этого издания определяется, во-первых, отсутствием таких лексикографических источников, в которых описанию подвергались бы названия населенных пунктов – ойконимы – с учетом «факторов внешнего контекста номинации – топографического статуса объекта, функциональной нагрузки локации, окружающего топонимического ландшафта в его современном и прошлом состоянии» [Голомидова, 2019, с. 172–173]; во-вторых, спецификой русского топонимикона в целом, обусловленной наличием локальных подсистем названия географических объектов и политико-идеологическими, административно-управленческими и социально-экономическими процессами, происходившими в обществе, культурно-историческим фоном разных эпох; в-третьих, противоречивостью действующих орфографических нормативов, касающихся употребления прописной буквы в неоднородных названиях и слитно-дефисных написаний топонимов и оттопонимических дериватов; в-четвертых, отсутствием в сознании носителей языка лингвистически обоснованных представлений об особенностях грамматических норм, связанных с функционированием географических имен собственных в текстах.

Материалом для словаря-справочника региональной топонимики послужили данные из «Реестра административно-территориальных единиц и населенных пунктов Волгоградской области», утвержденного 19.09.2016 Администрацией Волгоградской области. На территории данного субъекта Федерации расположено 1494 населенных пункта, среди которых 6 городов областного подчинения, 13 городов районного подчинения, 17 рабочих поселков и 1458 сельских населенных пунктов. Их названия, безусловно, требуют определенной систематизации для использования в ра-

боте органов власти, СМИ и образовательных учреждений.

Структурной единицей в словаре-справочнике региональной топонимики «Населенные пункты Волгоградской области» является словарная статья, включающая следующие зоны:

- заголовочная единица;
- морфологическая характеристика заголовочной единицы;
- апеллятив – тип населенного пункта;
- принадлежность объекта, обозначенного заголовочной единицей, к более крупному административно-территориальному образованию;
- историческая справка;
- указание степени уникальности названия в пределах региона;
- синтаксическая характеристика заголовочной единицы в сочетании с апеллятивом;
- оттопонимические дериваты словарной единицы.

В качестве примера приведем словарную статью ойконима *Жуковский*:

ЖУКОВСКИЙ, -ого, м., хутор в составе Кумылженского сельского поселения.

Историческая справка: основан в XIX в. казаками Жуковыми.

Степень уникальности названия в пределах региона – максимальная.

В сочетании со словом *хутор* склоняется: *из хутора Жуковского; в хуторе Жуковском.*

жуковский
жуковцы

В аспекте лингвоэкологии наиболее сложными задачами, которые необходимо решить при написании словарных статей словаря-справочника региональной топонимики, являются определение степени уникальности названия в пределах региона, выявление сочетаемых возможностей топонимов и их деривационного потенциала. Охарактеризуем подходы к решению этих задач, позволяющему представить в словаре сложный топонимический материал.

Определение степени уникальности названия в пределах региона

В словаре-справочнике «Населенные пункты Волгоградской области» впервые в

практике создания ономастических словарей представлена такая зона словарной статьи, как «Указание степени уникальности названия в пределах региона».

Географические имена собственные давно привлекают внимание ученых, поскольку, как справедливо утверждают Н.В. Юдина и Е.А. Кузнецова, они «являются одним из важнейших элементов истории любого народа и интереснейшим фрагментом его культуры, ведь в топонимах зафиксирован такой комплекс исторических, этнографических и культурологических сведений, которые не отражены порой ни в каких документальных источниках» [Юдина, Кузнецова, 2018, с. 19]. Высокую степень изученности подобных онимов констатирует и А.В. Суперанская, отмечая при этом, что «основное внимание уделялось топоосновам и главным образом в плане истории возникновения названий в связи с историей заселения края» [Суперанская, 2007, с. 158]. Понятие ойконимического пространства региона, трактуемого нами как «совокупность закрепленных номинаций населенных пунктов, расположенных на определенной территории» [Сидорова, 2019, с. 37], позволило несколько по-иному взглянуть на исследуемые онимы.

Анализ ойконимов, зафиксированных в данное время на территории Волгоградской области, позволил выявить целый ряд факторов, способствующих нарушению критериев экологичности при функционировании топонимов (подробнее об этом см. : [Сидорова, 2015, с. 160–162]).

А.В. Суперанская, выделяя системные основания, мотивирующие именование населенных пунктов (местоположение объектов, производимое ими впечатление, их назначение, определенные события, произошедшие в поселении, именование лиц, связанных с данной местностью, символические именованные, данные в честь исторических событий или персоналий, и т. п. [Суперанская, 2007, с. 245]), говорит об ономастической универсалии. Между тем само предназначение любого имени собственного вообще и ойконима в частности состоит в способности выделить единственный объект в ряду подобных, закрепив за ним уникальное наименование. Иными словами, совокупность топонимов одного региона

не может совпадать с топонимиконом другого региона, поскольку, как справедливо указывают Н.В. Юдина и Е.А. Кузнецова, в подобных именах собственных «отражаются важнейшие исторические, социальные и культурные изменения, происходившие в этих местах» [Юдина, Кузнецова, 2018, с. 31]. Учитывая противоречие между стандартностью географических имен собственных и предполагаемой уникальностью ойконимического пространства Волгоградской области, нами разработана шкала степени уникальности названия в пределах региона:

– максимальной степенью уникальности характеризуются эксклюзивные собственнo ойконимы (*Абганерово, Курнаевка, Чистополь*);

– высокой степенью уникальности обладают однокоренные морфемно близкие наименования (*Карпов, Карповка, Карповский; Волжский, Заволжский, Приволжский; Родники, Роднички, Родниковский*);

– средней степенью уникальности характеризуются сложные или составные ойконимы с совпадающим опорным компонентом, который может функционировать и в качестве отдельного самостоятельного наименования (*Большие Чапурники, Малые Чапурники; Новоольховка, Мокрая Ольховка, Ольховка; Погожья Балка, Прямая Балка, Старая Балка*);

– низкой степенью уникальности обладают полностью идентичные ойконимы (в Волгоградской области существуют несколько населенных пунктов *Гончары, Добринка, Ендовский, Красный, Путь Ильича, Степной* и др.).

Значительная часть ойконимов Волгоградской области обладает низкой степенью уникальности – около 20 % онимов, что, безусловно, не может способствовать их экологичности, поскольку полностью тождественные географические наименования оказываются неспособными выполнять свою первичную идентифицирующую функцию, особенно в тех случаях, когда совпадающие названия имеют поселения одного района области (в Алексеевском районе существуют 2 хутора *Яминский*). Полагаем, что обозначенная в словаре-справочнике степень уникальности названия в пределах региона сможет нагляднее показать

необходимость внесения в ойконимическое пространство Волгоградской области определенных коррективов со стороны должностных лиц, обладающих соответствующими полномочиями.

Сочетаемость возможности заголовочной единицы

Зона словарной статьи «Синтаксическая характеристика заголовочной единицы в сочетании с апеллятивом» содержит информацию о наличии либо отсутствии падежного параллелизма между ойконимом и апеллятивом. Необходимость включения данного аспекта в словарь-справочник обусловлена значительной вариантностью подобных сочетаний в современной речевой практике. Ср. пары примеров:

(1) Мероприятия, посвященные всемирному Дню «Спасибо», прошли в **хуторе Ширяевский** Киквидзенского района (РГ, 13.01.2016). – Из **хутора Троецкого** Панфиловского сельского поселения добраться до центральной районной больницы не так просто (ВП, 26.04.2019);

(2) Три особи редчайшего стрепета облюбовали территорию в пяти километрах от **хутора Комаров** (ВВ, 24.08.2016). – На сенокосных угодьях в трех километрах от **хутора Комарова** сотрудникам парка встретились три больших кроншнепа – редчайшей птицы, охраняемой государством (ВВ, 24.08.2016);

(3) Нехитрый быт военного лагеря, разбитого неподалеку от **хутора Широков** Иловлинского района, реалистично воссоздает картину 70-летней давности (ВП, 23.07.2013). – Бисероткачество – любимое увлечение 41-летней сельчанки Светланы Ушаковой из **хутора Колобродова** Фроловского района (ВП, 26.11.2015);

(4) Как сообщили в пресс-службе ГУ МЧС России по региону, сообщение о возгорании в доме в **селе Никольское** поступило в 7.04 утра (ВВ, 09.11.2016). – В родном **селе Лозном** Дубовского района Леру знают все и гордятся своей талантливой землячкой (РГ, 17.05.2016);

(5) 57-летнюю Людмилу Негуро в **станции Березовская** и великовозрастные, и дети звали запросто... Оксанкой (ВП, 17.08.2012). – Продолжается благоустройство и в самой **станции Алексеевской** (ВП, 10.06.2019).

Отражение данной синтаксической нормы в академических грамматиках современ-

ного русского языка фрагментарно и в некоторой степени противоречиво. Так, в «Краткой русской грамматике», являющейся самым недавним из подобных изданий, подготовленных РАН, с одной стороны, указывается, что «тенденцию к неизменяемости все больше проявляют постпозитивные приложения-топонимы: *озеро Байкал, на озере Байкал, за озером Байкал; село Горки, в селе Горки; станция Мытищи, на станции Мытищи*» [Краткая русская грамматика, 2002, с. 401–402], а с другой – констатируется, что «топонимы в ед. ч., употребленные в роли приложения, склоняются: *в городе Москве, жители города Ленинграда, в деревне Волчихе, на острове Валааме, на реку Каменку*» [Краткая русская грамматика, 2002, с. 402]. Авторы специальных грамматических справочников представили более детальные рекомендации [Розенталь, 1996; Граудина и др., 2001; и др.]. Например, в качестве дифференциальных признаков топонима, обуславливающих его несклоняемость при сочетании с родовым нарицательным существительным, называются: 1) форма мн. ч. топонима: *в городе Чебоксары, из хутора Ключи*; 2) составная структура топонима: *в городе Великий Устюг, из села Дубовый Овраг*; 3) несовпадение грамматического рода топонима и апеллятива: *в селе Добринка, из хутора Невидимка*.

Наблюдения за реализацией данной синтаксической нормы в современных региональных печатных СМИ показывают, что отсутствие падежного параллелизма между географическим именем собственным и нарицательным родовым наименованием, отражающееся в несклоняемости топонима в сочетании с апеллятивом, имеет место даже тогда, когда грамматический род обоих существительных совпадает. Эта тенденция, по нашему мнению, наиболее ярко проявляется в следующих случаях:

– название населенного пункта совпадает с нарицательным существительным:

(6) К главе региона обратился фермер Абдул Разак из **хутора Челюскинец** (ВП, 15.09.2017);

(7) В Николаевском районе Волгоградской области начали строительство дороги к **поселку Пионер** (ВП, 10.06.2013);

(8) В селе **Коммунар** очень плохо с водой (ВП, 14.07.2017);

– название населенного пункта оканчивается на *-ин(о) / -ын(о), -ов(о) / -ев(о)*:

(9) Паводок может коснуться жителей **хутора Кузнецов** в Иловлинском районе (ВП, 28.03.2018);

(10) Коллеги из **хутора Качалин** Сурувикинского района подсказывают: не бойтесь выходить на спонсоров, главное – как подать свое предложение (ВП, 17.04.2012);

(11) Валерий Калинин жил и учился в **городе Фролово** (ВП, 29.10.2015);

(12) Около **села Царев** находится Царевское городище (ВП, 01.08.2014);

(13) В **с. Водино** линейная часть газопровода полностью завершена, после проведения испытаний, итоговой проверки объект будет введен в эксплуатацию. В **х. Чиков** начаты земляные работы (ВП, 05.07.2013);

(14) Между Каменно-Бродским мужским монастырем и **хутором Киреево** в Ольховском районе Волгоградской области расположено совершенно уникальное место, в народе его называют Чертовым игрищем (ВП, 25.03.2016).

Вследствие неполноты рекомендаций по выбору падежной формы топонима вообще и ойконима в частности в сочетании с апеллятивом возникла необходимость дальнейшей разработки правил, в соответствии с которыми даны рекомендации в словаре-справочнике «Населенные пункты Волгоградской области».

А. Названия городов, выраженные склоняемыми существительными, согласуются в падеже с определяемым родовым наименованием: *в городе Урюпинске, из города Волгограда, около города Волжского*.

Исключения. Не согласуются с апеллятивом названия городов:

а) выраженные словосочетанием: *в городе Петров Вал*;

б) имеющие форму множественного числа: *в городе Митищи*;

в) незнакомые, редко встречающиеся названия: *около города Вильяррика*.

Б. Названия поселков, сел, станиц, деревень и хуторов согласуются с родовыми наименованиями: *из поселка Крепинского, в селе Орлином, около хутора Майоровского, для станицы Арчединской*.

Исключения. Не согласуются с апеллятивом названия:

а) выраженные словосочетанием: *в поселке Третья Карта, около села Дубовый Овраг*;

б) имеющие форму множественного числа: *из села Алешники, у хутора Озерки*;

в) не совпадающие с грамматическим родом апеллятива: *в хуторе Андреяновка, из села Орловка*;

г) совпадающие с нарицательным существительным: *в хуторе Сапожок, из поселка Профсоюзник*;

д) оканчивающиеся на *-ин(о) / -ын(о), -ов(о) / -ев(о)*: *в селе Веселово, у хутора Асеев, около хутора Попов, из села Калинино*.

Деривационные возможности заголовочной единицы

Практика современной периодической печати и официально-деловой документации требует размещения в ономастических лексикографических изданиях в том числе и катойконимов, которые понимаются как «нарицательное именование жителей по названию места жительства» [Подольская, 1988, с. 64]. Данную мысль в свое время высказывал еще Л.В. Щерба, справедливо отмечая вариативность образования названий жителей: «надо все-таки указать, как надо говорить: “пензяк” или “пензенец”, или надо нормализовать и то, и другое» (цит. по: [Современная русская лексикография, 1983, с. 153]).

В соответствии с действующими грамматическими нормативами существуют 2 способа, с помощью которых можно представить катойконим, – либо специализированная номинация, например:

(15) С самого начала игры преимущество было на стороне **николаевцев** (Заволжье, 17.09.2014),

либо описательная номинация с использованием слова *жители*, апеллятива и имени собственного, например:

(16) У **жителей города Палласовки** теперь появилась возможность покупать более дешевые лекарства (ВП, 26.10.2012).

Суммируя выводы специальных исследований в области катойконимики (см., напри-

мер: [Ахметова, 2017; Ильин, Сидорова, 2015; Кириллова, 2019; Труфанова, 2017]), обозначим точки бифуркации, приводящие к затруднениям номинирования жителей населенных пунктов: многообразие деривационных моделей, обуславливающих сосуществование вариантных форм; наличие у части дериватов неполной парадигмы рода; региональные особенности оттопонимического словообразования.

В региональных средствах массовой информации и документах катойконимы функционируют, как правило, в форме множественного числа, которая «выражает идею группы, множества как чего-то более важного в общественной жизни, чем идея единичного, – и при этом без указания на пол составляющих их лиц» [Городецкая, Левашов, 2003, с. 7], например:

(17) **Светлоярцы** – неравнодушные люди, в поселении есть множество проблем, оттого встреча была оживленной (ПВ, 22.03.2014).

Одной из причин, приводящих к затруднению образования форм мужского рода, является наличие большого количества суффиксов, которые могут для этого использоваться, что коррелирует с мыслью В.А. Никонова о «ярко выраженной суффиксальности» [Никонов, 1962, с. 22] топонимии восточнославянских языков и свидетельствует об отсутствии единого деривационного средства в инвентаре словообразовательных формантов.

Анализ массива лингвистических фактов позволяет говорить о топосуффиксе *-ец-* со значением «житель или уроженец страны, территории, города, отношение к которым указано мотивирующим прилагательным» [Лопатин, Улуханов, 2016, с. 324] как об основном при образовании катойконимов. К унификации названий жителей в пользу образованных при помощи этого суффикса – «гораздо более употребительного и более удобного по конструкции» [Беляева, 1962, с. 2] – призывали многие ученые; с его помощью наименования жителей образуются по преимуществу от существительных, например:

(18) **Еланцы** [поселок Елань] вошли в состав третьего отряда под названием «Зеленая планета» (ЕВ, 14.09.2017),

а в некоторых случаях от отсубстантивных образований:

(19) Подавая пример подрастающему поколению, глава, почетный гость-земляк и все собравшиеся **новомаксимовцы** [хутор Новомаксимовский] споро взялись за работу... (Заря, 06.04.2017).

Частотным для катойконимов мужского рода, как свидетельствуют публикации региональных СМИ, является и топосуффикс *-чан-ин-* с семантикой «житель или уроженец местности (страны, географической области, населенного пункта, редко – планеты), названной мотивирующим существительным (мотивирующие – топонимы, нарицательные географические названия, названия планет)» (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 262), предназначенный для образования названий жителей от основ на заднеязычные согласные и аффрикаты, например:

(20) Уважаемые **клетчане** [станция Клетская] и гости станции! (Дон, 29.04.2017);

(21) Тем самым **волоцчане** [хутор Волоцкий] напрочь лишились проблемы, когда в ненастную погоду машины с зерном на этом участке пути застревают в грязи... (Спутник, 04.04.2017).

Повышение значимости суффикса *-чан-ин-* в образовании катойконимов детерминируется его однозначностью, способностью присоединяться к большинству основ, что ведет к образованию полной катойконимической парадигмы. Е.И. Голанова и Л.П. Крысин, проводившие массовое обследование употребления названий жителей на материале опросников, считали возможным говорить скорее о растущей продуктивности соответствующего форманта, чем о его экспансии [Голанова, Крысин, 1974, с. 308]. Подробное изучение истории вопроса и обозначение проблемных точек при использовании топосуффикса *-чан-* представлено в исследовании М.В. Ахметовой [Ахметова, 2013]. Названные факторы обуславливают не только усиление роли топосуффикса *-чан-ин-* в качестве одного из основных в ряду словообразовательных средств катойконимов, но и «внедрение» данного ряда форм в неполные парадигмы на *-ец-* как средства наименования мужчин и женщин – жителей и жительниц населенного пункта.

Поскольку «парадоксом современного оттопонимического словопроизводства является малое количество названий женского рода» [Городецкая, Левашов, 2003, с. 9], соотносимых в том числе с названиями на *-ец*, в публикациях СМИ предлагаются, как правило, описательные обороты для наименования женщин – жительниц того или иного населенного пункта, например:

(22) «Хорошо стало. Удобно и приятно ходить по асфальтированной улице, по заасфальтированным дорожкам», – высказывает мнение по поводу благоустройства **жительница Вязовки** В.Ф. Ситникова (ЕВ, 24.06.2017).

Массив собранного языкового материала демонстрирует практически полное отсутствие катойконимов женского рода, образованных от названий малых населенных пунктов (*Буденный – буденновец – ?; Барбаши – барбашовец – ?*), в то время как наименования жительниц больших городов продуктивны в современном русском языке (*Волгоград – волгоградка, Фролово – фроловчанка*).

Возникновению катойконимической вариантности способствуют обширный арсенал суффиксов, приспособленных для образования названий жителей, традиция в употреблении какой-либо формы катойконима, воздействие нормативного языка на разговорную речь, усиление тенденции к агглютинации, структурные и фонетические характеристики производящего топонима (см., например: [Ильин, Сидорова, 2014; Маршева, 2007; Моисеева, 2010]). Названные факторы в разной степени оказывают влияние на процесс образования наименований жителей, могут быть весомыми в определенный исторический период, а также могут зависеть от особенностей топонимической системы конкретного региона. Анализ языкового материала показывает, что от одного топонима могут образовываться 2 наименования жителей, как правило, разной степени употребительности. Например, для обозначения жителей *Александровки* зафиксировано 2 варианта катойконима:

(23) Чем еще могут похвалиться **александровцы**? (Коммунар, 30.09.2013);

(24) В старшей группе от 12 до 18 лет блестяще выступили **александряне**, почти весь пьедестал был наш (Коммунар, 14.10.2013).

В некоторых случаях образование катойконимов невозможно. Этому, в частности, препятствует неоднословность географических наименований типа *поселок Букановское Заготзерно, поселок Валуевской Опытно-Мелиоративной Станции, поселок Третий Решающий* и т. п. Помимо этого, причиной отсутствия катойконима может являться либо возможная его неблагозвучность (как назвать жительницу *хутора Сиськовский?*), либо невозможность подбора словообразовательного топоформанта (как назвать жителей населенных пунктов *Желтухино-Ширяйский* или *Госселекстанция?*). Единственным способом называния жителей поселений в подобных случаях служит описательная конструкция.

Заключение

Таким образом, изучение и систематизация регионального топонимического материала позволили представить совокупность названий населенных пунктов Волгоградской области в словаре-справочнике с учетом критериев лингвоэкологичности. Приведенные в нем словарные статьи содержат ответы на наиболее сложные вопросы, возникающие при регламентации местных географических названий: определение степени уникальности названия в пределах региона, выявление синтагматического потенциала топонимов, возможность образования номинаций жителей населенных пунктов области и некоторые другие.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00641 «Лингвоэкологический портрет регионального топонимикона: проблемы, противоречия и поиски решений»).

The reported study was funded by RFBR (project no. 18-012-00641 “Linguoecological Portrait of a Regional Toponymicon: Problems, Contradictions and the Search for Solutions”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметова М. В., 2013. Еще раз о суффиксе *-чане* (история одной полемики) // Русский язык в научном освещении. № 2 (26). С. 65–90.

- Ахметова М. В., 2017. «Маргинальные» катойконимы: от окказионального к систематическому // Вопросы ономастики. Т. 14, № 1. С. 110–131.
- Беляева А., 1962. Вытеснение суффиксов // Литература и жизнь. 25 мая. С. 2.
- Березович Е. Л., 2001. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 60, № 6. С. 34–46.
- Голанова Е. И., Крысин Л. П., 1974. Словообразовательные варианты наименований жителей и их социальное распределение // Русский язык по данным массового обследования : Опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л. П. Крысина. М. : Наука. С. 296–308.
- Голомидова М. В., 2019. Использование технологий нейминга при создании официальных городских топонимов: анализ возможностей // Вопросы ономастики. Т. 16, № 3. С. 162–178. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037.
- Городецкая И. Л., Левашов Е. А., 2003. Русские названия жителей. М. : Рус. слов. : Астрель : АСТ. 363 с.
- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., 2001. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука. 557 с.
- Денисов К. М., Карпова О. М., 2018. Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 1 (18). С. 39–44.
- Дмитриева Л. И., Щербак А. С., 2002. Топонимы Тамбовской области: культурно-социальный аспект. Тамбов : Изд-во ТГУ. 51 с.
- Ермолович Д. И., 2004. Ономастическая лексика как объект двуязычной лексикографии // Вопросы филологии. № 2 (17). С. 64–70.
- Жиленкова И. И., 2012. Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов). Белгород : ИД «Белгород». 124 с.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2014. Теоретические основы построения словаря-справочника региональной топонимики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3 (22). С. 7–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.1>.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2015. Деривационные возможности топонимической системы: образование и функционирование катойконимов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3 (27). С. 7–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.1>.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2019. Населенные пункты Волгоградской области : слов.-справ. регионального топонимикона. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 411 с.
- Кириллова С. Е., 2019. Катойконимы: границы понятия и функциональный потенциал (на примере наименований жителей Волгоградской области) // Текст. Контекст. Интертекст : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. XV Виноградовские чтения / отв. ред. И. Н. Райкова. М. : Книгодел. С. 328–334.
- Козинец С. Б., 2013. Топонимический словарь Саратовской области. Саратов : Сарат. источник. 206 с.
- Козырев В. А., Черняк В. Д., 2014. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. № 1. С. 5–15.
- Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М. : Наука, 2002. 726 с.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С., 2016. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник. 812 с.
- Маршева Л. И., 2007. Вариативность географических названий как структурно-функциональный ресурс липецких говоров // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. Вып. 4 (10). С. 22–49.
- Моисеева Е. С., 2010. Соотношение ойконимической и патронимической субстантивной лексики (на материале Пензенской области) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 19. С. 31–35.
- Никонов В. А., 1962. Славянский топонимический тип // Вопросы географии. М. : Географгиз. С. 19–27.
- Ономастикон Курской области (ойконимы и гидронимы), 1999 / сост. Ж. В. Бабичева, Н. А. Волкова, С. П. Праведников. Курск : Изд-во Кур. гос. пед. ун-та. 87 с.
- Подольская Н. В., 1988. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука. 192 с.
- Попов С. А., 2019. Воронежская топонимия в аспекте лексикографии // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. / сост. и ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : Печ. двор. С. 249–253.
- Розенталь Д. Э., 1996. Справочник по правописанию и литературной правке. М. : Рольф. 368 с.
- Сидорова Е. Г., 2015. Лингвоэкологические проблемы топонимического пространства региона // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. С. 157–166.
- Сидорова Е. Г., 2019. Проблема степени уникальности названия поселения в лингвоэкологическом аспекте // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. С. 35–42.

- Современная русская лексикография: 1981, 1983. Л.: Наука. 160 с.
- Суперанская А. В., 2007. Общая теория имени собственного. М.: Изд-во ЛКИ. 368 с.
- Труфанова М. Ю., 2017. К постановке проблемы функционирования слов-катойконимов в СМИ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 16, № 6. С. 106–111.
- Щербак А. С., 2012. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (33). С. 78–83.
- Щеулина Г. Л., 2003. Словарь ойконимов Липецкого края. Липецк: ЛГПУ. 282 с.
- Юдина Н. В., Кузнецова Е. А., 2018. Топонимический портрет Владимирского края. Владимир: Транзит-ИКС. 160 с.

ИСТОЧНИКИ

- ВВ* – Вечерний Волгоград. URL: <http://vv-34.ru/>.
- ВП* – Волгоградская правда. URL: <http://vpravda.ru/>.
- Дон* – Дон. URL: <http://www.onlinegazeta.info/volgograd/gazeta-don-kletskogo-rayona.htm>.
- ЕВ* – Еланские вести. URL: http://www.onlinegazeta.info/volgograd/gazeta_elanskie_vesti.htm.
- Заволжье* – Заволжье. URL: <http://www.onlinegazeta.info/volgograd/gazeta-zavolzhie-nikolaevskiy-rayon.htm>.
- Заря* – Заря. URL: <http://zaryagazeta.ru/>.
- Коммунар* – Коммунар. URL: http://www.onlinegazeta.info/volgograd/gazeta_mezdurechie_gorodichenskiy_rayon.htm.
- ПВ* – Приволжские вести. 2013–2015.
- РГ* – Родной город. URL: <http://rodgor-vlg.ru/>.
- Спутник* – <http://gazetasputnik.ru/>.

REFERENCES

- Ahmetova M.V., 2013. Eshche raz o suffikse -chane (istoriya odnoy polemiki) [The Problem of the Russian Suffix -chane Revisited (Survey of the Dispute)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (26), pp. 65-90.
- Ahmetova M.V., 2017. «Marginalnye» katoikonimy: ot okkazionalnogo k sistematicheskomu [“Marginal” Katoikonims: From Occasional to Systematic Patterns]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 14, no. 1, pp. 110-131.
- Belyaeva A., 1962. Vytesnenie suffiksov [Suffix Extrusion]. *Literatura i zhizn*, May 25, p. 2.

- Berezovich E.L., 2001. Russkaya onomastika na sovremennom etape: kriticheskie zametki [Russian Onomastics at the Present Stage: Critical Notes]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Language and Literature], vol. 60, no. 6, pp. 34-46.
- Golanova E.I., Krysin L.P., 1974. Slovoobrazovatelnye varianty naimenovaniy zhiteley i ikh sotsialnoe raspredelenie [Word-Formation Variants of the Names of Residents and Their Social Distribution]. Krysin L.P., ed. *Russkiy yazyk po dannym massovogo obsledovaniya: Opyt sotsialno-lingvisticheskogo izucheniya* [Russian Language According to Mass Survey: The Experience of Sociolinguistic Study]. Moscow, Nauka Publ., pp. 296-308.
- Golomidova M.V., 2019. Ispolzovanie tekhnologiy neyminga pri sozdanii ofitsialnykh gorodskikh toponimov: analiz vozmozhnostey [Use of Product-Naming Techniques for Creating Official City Toponyms: Analysis of Perspectives]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 16, no. 3, pp. 162-178. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037.
- Gorodetskaya I.L., Levashov E.A., 2003. *Russkie nazvaniya zhiteley* [Russian Names of Inhabitants]. Moscow, Russkie slovari Publ., Astrel Publ., AST Publ. 363 p.
- Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaya L.P., 2001. *Grammaticheskaya pravilnost russkoy rechi. Stilisticheskii slovar variantov* [Grammatical Correctness of Russian Speech. Stylistic Options Dictionary]. Moscow, Nauka Publ. 557 p.
- Denisov K.M., Karpova O.M., 2018. Sovremennaya mirovaya leksikografiya i evolyutsiya ee nauchnoy paradigmy [The World Lexicography Under the Impact of Its Paradigmatic Evolution]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Ivanovo State University Bulletin Series «The Humanities»], iss. 1 (18), pp. 39-44.
- Dmitrieva L.I., Shcherbak A.S., 2002. *Toponimy Tambovskoy oblasti: kulturno-sotsialnyy aspekt* [Toponyms of Tambov Region: Cultural and Social Aspect]. Tambov, Izd-vo TGU. 51 p.
- Ermolovich D.I., 2004. Onomasticheskaya leksika kak obyekt dvuyazychnoy leksikografii [Onomastic Vocabulary as an Object of Bilingual Lexicography]. *Voprosy filologii*, no. 2 (17), pp. 64-70.
- Zhilenkova I.I., 2012. *Toponimy Belgorodskoy oblasti (sistemnyy lingvoanaliz nazvaniy naseleennykh punktov)* [Toponyms of Belgorod Region: Systemic Linguistic Analysis of the Names of Settlements]. Belgorod, ID «Belgorod». 124 p.

- Ilyin D. Yu., Sidorova E. G., 2014. Teoreticheskie osnovy postroeniya slovarya-spravochnika regionalnoy toponimiki [Theoretical Foundations of Composing a Reference Book of Regional Toponyms]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (22), pp. 7-16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.1>.
- Ilyin D. Yu., Sidorova E. G., 2015. Derivatsionnye vozmozhnosti toponimicheskoy sistemy: obrazovanie i funktsionirovanie katoikonimov [Derivational Potential of Toponymical System: Formation and Functioning of Katoikonyms]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (22), pp. 7-14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.1>.
- Ilyin D. Yu., Sidorova E. G., 2019. *Naseleennyye punkty Volgogradskoy oblasti: slovar-spravochnik regionalnogo toponimikona* [Settlements of Volgograd Region: Dictionary of Regional Toponymical]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 411 p.
- Kirillova S. E., 2019. Katoikonimy: granitsy ponyatiya i funktsionalnyy potentsial (na primere naimenovaniy zhiteley Volgogradskoy oblasti) [Katoikonyms: The Boundaries of the Concept and Functional Potential (Based on the Names of Residents of Volgograd Region)]. Raykova I. N., ed. *Tekst. Kontekst. Intertekst: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. XV Vinogradovskie chteniya* [Text. Context. Intertext. Collection of Scientific Articles on the Materials of the International Scientific Conference 15th Vinogradov Readings]. Moscow, Knigodel Publ., pp. 328-334.
- Kozinets S. B., 2013. *Toponimicheskii slovar Saratovskoy oblasti* [Toponymic Dictionary of Saratov Region]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ. 206 p.
- Kozyrev V. A., Chernjak V. D., 2014. Sovremennyye orientatsii otechestvennoy leksikografii [Modern Operations of Russian Lexicography]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], no. 1, pp. 5-15.
- Lopatin V. V., Ulukhanov I. S., 2016. *Slovar slovoobrazovatelnykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word-Formation Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ. 812 p.
- Marsheva L. I., 2007. Variativnost geograficheskikh nazvaniy kak strukturno-funktsionalnyy resurs lipetskikh govorov [Variation in Toponyms as a Structural and Functional Resource of Russian Dialects of Lipetsk Region]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Philology], iss. 4 (10), pp. 22-49.
- Moiseeva E. S., 2010. Sootnoshenie oykonimicheskoy i patronimicheskoy substantivnoy leksiki (na materiale Penzenskoy oblasti) [Correlation of Oiconymical and Pathronymical Substantive Vocabulary]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. Humanities*, no. 19, pp. 31-35.
- Nikonov V. A., 1962. Slavyanskiy toponimicheskii tip [Slavic Toponymic Type]. *Voprosy geografii*. Moscow, Geografiz Publ., pp. 19-27.
- Babicheva Zh. V., Volkova N. A., Pravednikov S. P., eds., 1999. *Onomastikon Kurskoy oblasti (oykonimy i gidronimy)* [Onomasticon of Kursk Region: Oikonyms and Hydronyms]. Kursk, Izd-vo Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 87 p.
- Podolskaya N. V., 1988. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ. 192 p.
- Popov S. A., 2019. Voronezhskaya toponimiya v aspekte leksikografii [Voronezh Toponymy in the Aspect of Lexicography]. Vasilev V. L., ed. *Onomastika Povolzhya: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf.* [Onomastics of the Volga Region. Proceedings of the 17th International Scientific Conference]. Veliky Novgorod, Pechatnyy dvor Publ., pp. 249-253.
- Rozental D. E., 1996. *Spravochnik po pravopisaniiyu i literaturnoy pravke* [Spelling and Literature Reference]. Moscow, Rolf Publ. 368 p.
- Sidorova E. G., 2015. Lingvoekologicheskie problemy toponimicheskogo prostranstva regiona [Linguo-Ecological Problems of Toponymic Space of a Region]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 157-166.
- Sidorova E. G., 2019. Problema stepeni unikalnosti nazvaniya poseleniya v lingvoekologicheskom aspekte [The Problem of the Degree of Uniqueness of the Name of the Settlement in the Linguo-Ecological Aspect]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 35-42.
- Superanskaya A. V., 2007. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Proper Name Theory]. Moscow, Izd-vo LKI. 368 p.
- Trufanova M. Yu., 2017. K postanovke problemy funktsionirovaniya slov-katoikonimov v SMI [The Functioning of the Words-Katoikonyms

in the Media]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], vol. 16, no. 6, pp. 106-111.

- Shcherbak A.S., 2012. Onomasticheskie kategorii: sootnoshenie yazykovykh i kognitivnykh struktur [Onomastic Categories: Correlation of Language and Cognitive Structures]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 4 (33), pp. 78-83.
- Shcheulina G.L., 2003. *Slovar oykonimov Lipetskogo kraja* [Dictionary of Oikonyms of Lipetsk Region]. Lipetsk, LGPU. 282 p.
- Yudina N.V., Kuznetsova E.A., 2018. *Toponimicheskii portret Vladimirskogo kraja* [Toponymic Portrait of the Vladimir Region]. Vladimir, Tranzit-IKS. 160 p.

SOURCES

- Vecherniy Volgograd*. URL: <http://vv-34.ru/>.
- Volgogradskaya pravda*. URL: <http://vpravda.ru/>.
- Don*. URL: <http://www.onlinegazeta.info/volgograd/gazeta-don-kletskogo-rayona.htm>.
- Elanskie vesti*. URL: http://www.onlinegazeta.info/volgograd/gazeta_elanskie_vesti.htm.
- Zavolzhye*. URL: <http://www.onlinegazeta.info/volgograd/gazeta-zavolzhie-nikolaevskiy-rayon.htm>.
- Zarya*. URL: <http://zaryagazeta.ru/>.
- Kommunar*. URL: http://www.onlinegazeta.info/volgograd/gazeta_mezdurechie_gorodichenskiy-rayon.htm.
- Privolzhskie vesti*. 2013–2015.
- Rodnoy gorod*. URL: <http://rodgor-vlg.ru/>.
- Sputnik*. URL: <http://gazetasputnik.ru/>.

Information about the Authors

Dmitriy Yu. Ilyin, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Elena G. Sidorova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

Информация об авторах

Дмитрий Юрьевич Ильин, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Елена Геннадьевна Сидорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.14>

UDC 81'1:159.923
LBC 81.006

Submitted: 27.02.2019
Accepted: 03.09.2019

COMMUNICATIVE IDENTIFIERS AS A MEANS OF CONSTRUCTING THE PROFILE OF A GIFTED SPEECH PERSON

Nikita I. Plyukhin

Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia

Svetlana Yu. Maksimova

Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia

Kseniya V. Matsyupa

Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia

Abstract. The article is devoted to communicative representation of a gifted speech person. It provides linguistic analysis of communicative behavior of some characters from modern movies in English with the aim to reconstruct their profiles by distinguishing a set of communicative identifiers. The authors estimate specificity in connections between the identifiers, the detail and the stage context as the most important tools for assembling the image of the character in a movie. It is stated that the main criterion is the repeatability of the element. The nature of the repeated elements and their significance in the process of character's image construction are defined, their classifications are proposed. It has been established that the communicative identifiers of a gifted speech person could be set as verbal and non-verbal (material) elements. The verbal identifiers are ranked by the nature of relationship between the repeating elements and the movie character and distributed into motivated (directly indicating the dominant feature of the gifted speech person), and unmotivated (connected with the characteristics of the gifted speech person indirectly) types. Non-verbal (material) identifiers are divided into general (characterizing a gifted speech person in general) and specific (describing a certain character) types. The functions of verbal and non-verbal identifiers have been stated as accumulating (the repeating element points to the main feature of the person's image), and mnemonic (the repeating element creates associative links with the character).

Key words: gifted person, speech person, gifted speech person, verbal identifier, non-verbal identifier, communicative behavior, repeatability.

Citation. Plyukhin N.I., Maksimova S. Yu., Matsyupa K. V. Communicative Identifiers as a Means of Constructing the Profile of a Gifted Speech Person. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 186-199. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.14>

УДК 81'1:159.923
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 27.02.2019
Дата принятия статьи: 03.09.2019

ИДЕНТИФИКАТОРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ОДАРЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ЛИЧНОСТИ

Никита Игоревич Илюхин

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Светлана Юрьевна Максимова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Ксения Владимировна Мацюпа

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению коммуникативной репрезентации одаренной речевой личности. На основе лингвистического анализа коммуникативного поведения персонажей современных англоязычных кинофильмов предложены критерии выделения ее коммуникативных идентификаторов. Определена специфика связи идентификаторов с деталью и сценическим контекстом как важнейшими инструментами создания образа персонажа в кинематографическом произведении. Показано, что основным критерием является повторяемость элемента. Охарактеризованы природа повторяющихся элементов и их значение в процессе построения образа персонажа. Установлено, что идентификаторами одаренной речевой личности могут быть вербальные и невербальные (вещественные) элементы. Предложены классификации повторяемых элементов. В зависимости от характера связи повторяющихся элементов с персонажем вербальные идентификаторы разделены на мотивированные (непосредственно указывающие на доминирующую черту одаренной речевой личности) и немотивированные (связанные с чертами одаренной речевой личности опосредованно). Вещественные идентификаторы разделены на общие (характеризующие одаренную речевую личность в целом) и конкретные (характеризующие того или иного персонажа). Выявлены функции вербальных и невербальных идентификаторов: аккумулярующая, при реализации которой повторяющийся элемент выражает главную черту образа личности, и мнемоническая, при реализации которой повторяющийся элемент создает ассоциативные связи с персонажем.

Ключевые слова: одаренная личность, речевая личность, одаренная речевая личность, вербальный идентификатор, невербальный идентификатор, коммуникативное поведение, повтор.

Цитирование. Илюхин Н. И., Максимова С. Ю., Мацюпа К. В. Идентификаторы как средство формирования образа одаренной речевой личности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 186–199. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.14>

Введение

Явление одаренности в настоящее время изучается в большей степени в психологии и психиатрии: психология рассматривает когнитивные способности одаренных детей и студентов, психиатрия пытается дать определение одаренности и выявить ее критерии [Mayer, 1999; Zeng, Proctor, Salvendy, 2011]. В языкознании же одаренная личность не изучается, хотя в последнее время именно одаренность становится объектом повышенного интереса в различных областях человеческой деятельности, особенно в искусстве. В кинематографе, например, набирает всю большую популярность тип личности, обладающей талантом в одной или нескольких сферах деятельности. Вслед за С. Кауфманом, мы понимаем одаренность как синтез интеллектуальных и креативных способностей человека [Kaufman et al., 2011].

Поскольку, как отмечают лингвисты, в «речи, насыщенной субъективным смысловым содержанием, отражается вся психология человека» [Киреева, 2014, с. 41], а сама речь – это «индивидуальный акт воли и разума» [Соссюр, 1999, с. 52], то рассмотрение одаренной личности в языкознании должно осуществляться через анализ ее коммуникативного поведения. В данном случае следует

говорить об одаренной речевой, а не языковой личности, изучение которой акцентируется на исследовании ее интеллектуальных способностей [Караулов, 2010, с. 35]. На наш взгляд, при анализе коммуникативного поведения личности не менее важны и ее эмоциональные и экстралингвистические проявления. В связи с этим считаем целесообразным использование в исследовании термина «речевая личность». Вслед за В.В. Красных, полагаем, что речевая личность – это «личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических)» [Красных, 2003, с. 51].

Коммуникативное поведение такой личности является разнообразным и изобилует как на вербальном, так и на невербальном уровне общения уникальными чертами, которые составляют психологический портрет одаренной речевой личности (далее – ОРЛ). Повторяющиеся элементы (детали) в речи, поведении и внешнем виде ОРЛ помогают сформировать ее образ, отразить ее тип и впоследствии образуют тесную взаимосвязь с персонажем.

Актуальность настоящей работы заключается в том, что впервые осуществлен ана-

лиз коммуникативного поведения одаренной личности посредством исследования повторяющихся элементов (лингвистических и экстралингвистических), существующих в ситуациях речевого общения.

Цель исследования состоит в выявлении повторяющихся элементов, возникающих в процессе коммуникативного поведения одаренной речевой личности, и их систематизации.

Материалом для работы послужили современные англоязычные кинофильмы, главным героем в которых выступает личность, наделенная талантом в определенной сфере человеческой деятельности (Хэнк Муди, «Californication»; Коломбо, «Columbo»; Декстер, «Dexter»; Шон Мерфи, «Good Doctor»; Уилл Грэм, «Hannibal»; Г. Хаус, «House M.D.»; Лютер, «Luther»; Дэниел Дж. Пирс, «Perception»; Шерлок Холмс, «Sherlock»; братья Винчестер, «Supernatural»; Микки Холлер, «The Lincoln Lawyer»; Рэббит, «8 Mile»; Фрэнк Андерфуд, «House of Cards», Лайтман, «Lie to Me»; У. Бишоп, «Fringe»; Уилл Хантинг, «Good Will Hunting»; Шерлок Холмс, «Elementary»; А. Моцарт, «Amadeus», Патрик Джейн «Mentalist») ¹. Именно кинофильм позволяет объемно и детально исследовать коммуникативное поведение одаренной личности посредством анализа речи персонажа, его невербального поведения, экстралингвистических особенностей процесса коммуникации и сценического контекста.

Исследование проведено с применением описательного и сопоставительно-описательного методов, а также методики таксономического и количественного анализа речи персонажей кинофильма.

Природа идентификаторов и их классификация

Деталь наряду с конфликтом является важнейшим элементом в структуре кинофильма. Если конфликт возможно ассоциировать с двигателем сюжета, то деталь, наоборот, концентрирует в себе различные оттенки значений, смысловые коннотации, объединяя их в единый символ. Авторы кинопроизведения могут использовать детали по-разному: выдвигать их на первый план, персонифицировать их или структурировать через них сюжет.

Несмотря на различную природу рассматриваемых нами явлений, конфликт и деталь имеют тесную взаимосвязь, поскольку деталь может быть использована в качестве инструмента для создания конфликта, его развития или усугубления. Иными словами, деталь может непосредственно влиять на конфликт. По мнению М. Эпштейна, «конфликт может проявляться и несюжетно – в композиционном контрасте, противопоставлении отдельных ситуаций, предметных деталей, изобразительных ракурсов, в стилистической антитезе» [Эпштейн, 1987, с. 166].

Кроме того, деталь является распространенным и универсальным средством характеристики персонажа в художественном произведении (в том числе и кинофильме), поскольку, как считает И.В. Страхов, наделена «характерологической и композиционной функцией: способствует раскрытию образа персонажа, его духовного роста, созданию контрастного портрета и сопоставлению действующих лиц» [Страхов, 1998, с. 146]. Деталь, по мнению И.А. Щирова, сочетает в себе и форму, и содержание, а также воспроизводит в воспринимающем сознании чувственно конкретный и заверченный образ, компонентом которого является [Щирова, 2003, с. 17–18]. Она, как полагает Е.С. Добин, «стремится быть выделенной на первый план. Остановить читателя, приковать на миг всецело его внимание. Деталь тяготеет к единичности. Она заменяет ряд подробностей» [Добин, 1981, с. 307].

Мы полагаем, что идентификаторы можно охарактеризовать как детали образа одаренной речевой личности, поскольку они имеют идентичные с деталями характеристики: обладают значительной смысловой и эмоциональной силой и несут в себе, являясь частью образа персонажа, определенные коннотативные и денотативные значения об этом образе, обладая при этом самостоятельностью.

Условно идентификаторы можно разделить на два типа – речевые и неречевые идентификаторы.

Речевые, или лингвистические, идентификаторы. В речи любого человека есть повторяющиеся речевые элементы. Каждый рассмотренный нами персонаж повторяет определенные слова или словосочетания, которые не только являются элементами его ре-

чего портрета, но и акцентируют внимание зрителя на доминирующей или неярко выраженной черте героя. После определенного количества повторений речевая деталь образует ассоциативные связи с персонажем, становится его символом и может заменять собой различные элементы сценического пространства – человека, место, вещь, действие, повторяясь неоднократно на протяжении всей истории. Персонаж и символ представляют собой две взаимосвязанные системы одного целого.

Вещественные, или экстралингвистические, идентификаторы тесно связаны со сценическим контекстом – совокупностью спецэффектов, настоящих или бутафорных бытовых предметов, находящихся в сцене кинофильма и взаимодействующих с героем в соответствии с режиссерским замыслом.

Авторы кинофильмов тщательно продумывают сценический контекст, расставляя предметы быта в кадре, подбирая свет, фон, большое внимание уделяя костюму персонажей, поскольку каждый предмет имеет определенное денотативное и коннотативное значения, которые могут повлиять на восприятие зрителем как отдельной сцены или персонажа, так и всего произведения.

Вещественные идентификаторы приобретают особое значение в процессе создания внешнего вида героя. Костюм героя представляет собой элементы одежды, в которых в высшей степени аккумулируется информация об образе и характере ее хозяина. «Деталь характера – это часть микроклимата, который повсюду окружает персонажа. Что угодно может стать такой деталью. Слишком короткие брюки, тесный или слишком широкий пиджак, шарф на шее» [Митта, 1999, с. 399]. «Костюм – это деталь характера, он участвует в конфликте. Потому что все, что мы делаем, подчинено одной цели – развить конфликты» [Митта, 1999, с. 400].

Несмотря на изменения в современном обществе: исчезновение ярко выраженной кастовости, стремление к упрощению и упразднению различий между людьми, – внешний вид людей по-прежнему влияет на первое впечатление о них. Костюм в качестве стилистического приема нередко играет определяющую роль в создании образа персонажа. Описывая

данную особенность костюма, Г.Е. Крейдлин приводит цитату А.П. Чехова: «...для того, чтобы подчеркнуть бедность просительницы, не нужно тратить много слов, не нужно говорить о ее жалком несчастном виде, а следует только вскользь сказать, что она была в рыжей тальме» [Крейдлин, 2002, с. 21].

В кинофильме внешний вид персонажа играет одну из ключевых ролей, поскольку визуальные образы и детали здесь важнее и многограннее, чем в театре или в художественной прозе. «Невербальное выражение в кинотексте, в отличие от книги, обычно находят внешность, одежда, предметы быта; пейзаж, в том числе городской и фантастический, интерьер, средства передвижения; жест, мимика, пантомимика, проксемика. Фильм обращается к способности реципиента расшифровывать мир и людей, не прибегая к языку» [Слышкин, Ефремова, 2004, с. 42].

Мы выделяем 4 критерия определения идентификаторов ОРЛ:

1. Слово или вещь должны содержать в себе информацию об одной из особенностей речевой личности, то есть характеризоваться знаковостью.

2. Слово или вещь должны быть однозначными, то есть независимо от количества повторений и ситуации общения повторяемое слово или вещь должны выражать одно и то же значение.

3. Слово или вещь должны быть связаны с коммуникативным поведением речевой личности. При этом связь может быть прямая (использование слова в речи ОРЛ) или косвенная (например, упоминание о том или ином вещественном идентификаторе в ситуациях речевого общения главного героя – ОРЛ – и других персонажей).

4. Слово или вещь должны повторяться. При этом количество повторений, необходимых для отнесения слова или вещи к идентификаторам, определяется индивидуально для каждой речевой личности. Если, например, персонаж появляется в своем «костюме»-идентификаторе в каждой сцене, то слово может повторяться в среднем 6–7 раз за весь сезон сериала («Hannibal»), 2 раза («House M.D.») или 3 раза («Sherlock») за серию.

Мы также полагаем, что использование идентификаторов не является уникальным и

характерным для коммуникативного поведения только ОРЛ приемом. Нам представляется, что идентификаторы могут быть использованы в речи любой речевой личности. В данной работе для нас важно то, как идентификаторы функционируют в речи ОРЛ, создают ее образ посредством своих основных функций.

Речевые идентификаторы одаренной речевой личности

Зафиксированные нами повторяемые слова и словосочетания условно можно разделить на 2 группы: мотивированные и немотивированные речевые идентификаторы.

Значение **мотивированного идентификатора** является прозрачным и концентрирует в себе одну из главных черт характера ОРЛ, проявляющуюся через другие языковые и неязыковые приемы [Илюхин, Максимова, Мацюпа, 2018]. Например, высокий уровень интеллекта одаренной личности аккумулируется в значении идентификатора, а также транслируется через использование комплексов в процессе коммуникации ОРЛ с другими персонажами:

(1) Н: – There’s a reason that *everybody lies*, it works. It’s what allows society to function. It’s what separates man from beast. *Lie is a tool. Lies are like children. Hard work, but they’re worth it, because the future depends on them.* / Люди лгут по определенным причинам. Только так функционирует общество. Именно ложь отличает человека от животного. Ложь – это инструмент. Ложь как дети: тяжело, но они того стоят, ведь они наше будущее.

– When you care about someone... / Когда любишь кого-то...

Н: – *You lie to them!* You pretend that their constant ponderous musings are interesting. You tell them that they’re not losing their boyish good looks or becoming worn out. / Ты ему лжешь! Делаешь вид, что его бесконечные скучные рассуждения тебе интересны и делаешь комплименты его молодой внешности (House M.D. It’s a Wonderful Life);

(2) – You believe her over the patient himself. That’s why we’re taking this case. It’s crazy, huh? What happened to “*everybody lies*”? / Вы верите ей больше, чем пациенту, поэтому мы взяли это дело. Это же безумие. А как же ваша фраза «все лгут»?

Н: – *I was lying.* / Я солгал (House M.D. Honeymoon).

Встречающееся в приведенных контекстах слово *lie*, а также различные его производные являются речевым идентификатором такой ОРЛ, как доктор Грегори Хаус. Фраза *everybody lies* (все лгут) – лейтмотив коммуникативного поведения рассматриваемой ОРЛ (в среднем 3 использования за сезон) и становится визитной карточкой героя. Зритель начинает воспринимать данную реплику и героя как единое целое. Более того, фраза становится символом, который используется и в маркетинге (постеры, плакаты, трейлеры). Примечательно, что другие персонажи сериала также используют эту фразу или ссылаются на нее при общении с ОРЛ:

(3) – Until we figure out who’s behind this, I’m sitting in with you guys. / Пока мы не выясним, кто стоит за всем этим, я буду здесь с вами.

– I am not the leak. / Я никому ничего не говорила.

– Somebody once told me that *everybody lies*. / Кое-кто однажды сказал мне, что все лгут (House M.D. Spin);

(4) [В палате больного, которому стало плохо.] Н: – Oh. Let me have a look. / Дайте посмотреть. [Осматривает его.]

– Of course, *everybody lies*, except a convicted murderer. / Ну конечно, все лгут, но только не осужденный убийца (House M.D. Acceptance).

Everybody lies (все лгут) является мотивированным идентификатором, поскольку несет информацию об одной из ключевых черт главного героя – негативном отношении к принятым в обществе нормам морали, а также открытом и демонстративном пренебрежении ими. Поведение героя на вербальном и невербальном уровнях пропитано критикой таких понятий и явлений, как добро, честность, уважение, такт и религия. Речевой идентификатор *everybody lies* (все лгут) выбран авторами неслучайно. Герой, будучи доктором, зачастую соприкасается с проявлениями лжи у пациентов, которая приводит к различным негативным последствиям и затрудняет процесс лечения больного.

Доктор Хаус часто повторяет слово *boring* (скучно) и однокорневые с ним слова. Эти единицы характеризуют коммуникативное поведение еще одной ОРЛ – Шерлока из телесериала «Sherlock». Поскольку данный речевой идентификатор отображает одинаково-

вые ключевые особенности этих героев, мы решили представить примеры его использования в одном ряду:

Доктор Хаус:

(5) H: – Chase, I want you there. I don't like reading surgeons' reports. *They're boring.* / Чейз. Я хочу, чтобы ты пошел туда. Я не люблю читать отчеты хирургов, это скучно (House M.D. Autopsy);

(6) H: – Immune reconstitution syndrome / Синдром восстановления иммунитета.

– His meds made him so much better, he made himself sick. Sounds pretty... / Его лекарства так хорошо подействовали, что ему стало хуже. Звучит очень...

H: – *Boring!* This is so not interesting. / Скучно! Это неинтересно (House M.D. Hunting);

(7) – Patient had an unexplained seizure. / У пациентки был необъяснимый припадок.

H: – Seizures are cool to watch, *boring* to diagnose. / Припадки круто наблюдать, но скучно диагностировать (House M.D. Forever);

(8) H: – So what was it? Infection? / Что это было? Инфекция?

– The surgery went fine. You've had no post-op... / Операция прошла хорошо, у вас нет постопер...

H: – Not me. Patient. Harpo. / Не у меня. У пациента. У Харпо.

– You just got shot, House. You should rest. / В вас только что стреляли, Хаус. Вам нужно отдыхать.

H: – I got shot. Diagnostically *boring*. Big fat tongue, on the other hand... endlessly entertaining. / В меня только что стреляли. Диагноз поставлен. Скучно. А вот большой толстый язык с другой стороны – очень интересно (House M.D. No Reason);

(9) H: – Well, if he's an old man, osteopenia would just be a fact of life. You make him comfortable, send him home, which means you're just *boring me.* / Итак, если он старик, то остеопороз – это всего лишь жизненный факт. Ты создаешь ему комфортные условия, потом отправляешь его домой, а это все скучно (House M.D. Sports Medicine);

(10) – We're discussing your new patient. / Мы обсуждаем твоего нового пациента.

H: – It must be a *boring* discussion. / Это будет очень скучное обсуждение (House M.D. Daddy's Boy).

Sherlock:

(11) – What's this all about, then? / Что здесь происходит?

SH: – Having fun. / Веселюсь.

– Fun? / Веселишься?

SH: – While I can. / Пока могу.

– Mmm-hmm. / Хм...

[Стук в дверь. В комнату заходит женщина.]

– Sherlock! / Шерлок!

SH: – Borgia Pearl. *Boring*, go. / Жемчужина Борджии. Скучно. Вон!

– But... / Но...

SH: – Go! / Вон!

[Стук в дверь. В комнату заходит глава полиции.]

SH: – Oh, this had better be good. / Надеюсь, это будет лучше.

– Oh, I think you'll like it. / Думаю, тебе понравится (Sherlock. The Six Thatchers);

(12) SH: – Get out! / Убирайтесь!

– She's possessed by the devil. I swear my wife is Channeling Satan! / Она одержима дьяволом. Я клянусь, она вызывала сатану!

SH: – Yes, *boring*, go away. / Конечно. Скучно. Убирайтесь.

– I'm not Channeling Satan. / Я не вызывала сатану.

SH: – Why not? Given your immediate alternative. / А зря. Прекрасная альтернатива (Sherlock. The Lying Detective);

(13) [Играют в шахматы, обсуждая дело.]

– All very interesting, Sherlock, but the terror alert has been raised to critical. / Это все очень интересно, Шерлок, но антитеррористические службы считают, что вероятность теракта высока.

– *Boring.* Your move. / Скучно. Твой ход (Sherlock. The Empty Hearse);

(14) [Ватсон стоит у окна и наблюдает за девушкой у двери на улице.]

– She's leaving. Oh, she's coming back. / Она уходит. О, нет. Она возвращается.

[Шерлок лежит на диване.]

SH: – She's a client, she's *boring*. I've seen those symptoms before. / Она клиент. Это скучно. Я уже видел подобные симптомы.

– Hmm? / Ммм?

SH: – Oscillation on the pavement always means there's a love affair. / Топтание на тротуаре всегда означает, что у нее интрижка (Sherlock. The Sign of Three);

(15) – Mr Holmes, I honestly think I had dinner with a ghost. Mr Holmes? With a ghost, Mr Holmes! / Мистер Холмс. Я серьезно думаю, что я ужинала с призраком. Мистер Холмс.

[Замечает, что Холмс спит. Повышает немного голос.]

– With a ghost, Mr Holmes! / С призраком, Мистер Холмс!

SH: – *Boring, boring, boring.* / Скучно. Скучно. Скучно (Sherlock. The Sign of Three);

(16) SH: – Dr. Mortimer wins. It's a childhood trauma masked by an invented memory. *Boring.* Goodbye, Mr Knight, thank you for smoking. / Доктор Мортимер права. Это все детская травма, замаскированная под воспоминание. Скучно. Всего доброго, Мистер Найт, спасибо, что покурили (Sherlock. The Hounds of Baskerville).

Рассмотренные речевые идентификаторы являются мотивированными. Одна из фундаментальных характеристик образа ОРЛ – наличие высокого уровня интеллекта [Илюхин, 2015]. Эта особенность транслируется зрителю с первых сцен кинофильма с помощью различных инструментов (вербально и невербально). Речевой идентификатор *boring* (скучно) передает зрителю информацию о предельной рациональности мышления главного героя, нивелировании авторами в его сознании глубокой эмоциональной составляющей. Основную свою деятельность ОРЛ рассматривает как череду различных загадок и подходит к их решению со спортивным интересом, а не с желанием помочь больному или потерпевшему. Без основной деятельности, без решения головоломок, герой обезличивается.

Немотивированные речевые идентификаторы кодируют в себе информацию о черте или особенности образа ОРЛ, которая, на первый взгляд, не является доминирующей. Только периодичность использования и однозначное контекстуальное значение повторяемого слова (или словосочетания) во всех речевых ситуациях превращает его в речевой маркер, обладающий определенными сведениями о характере героя. Например:

(17) D: – Buried memory, forgotten all these years. It climbed inside me that day. And it's been with me ever since. *My dark passenger*. / Похороненное воспоминание, забытое все эти годы. Оно пробралось внутрь меня в тот день и было все это время. Мой темный попутчик (Dexter. Truth to be told);

(18) D: – Harry taught me to lie and keep my *darkest secrets* from those around me. / Гарри научил меня лгать и держать мои самые темные секреты подальше от окружающих (Dexter. The Dark Defender);

(19) D: – Now they're exposed to the glare, Reflecting my *darkness* like some grotesque carnival mirror. Harry was right. Nothing stays buried. Perhaps not even me. / Теперь они вставлены напоказ и отражают всю тьму внутри меня. Как какое-нибудь кривое зеркало на ярмарке. Гарри был прав. Все тайное становится явным. Возможно и моя история (Dexter. An Inconvenient Lie).

В приведенных примерах речевым идентификатором является слово *dark* (темный) и различные его производные, в которых основное контекстуальное значение идентифи-

катора не изменяется. Повторяемое слово не имеет прямой связи с основными характеристиками ОРЛ: высоким уровнем интеллекта, креативными способностями, отношением к нормам морали и т. д. Речевой идентификатор содержит в себе значение, связанное с основной психической проблемой главного героя. Отметим, что некоторые исследователи доказывают наличие на генетическом уровне связи одаренности с некоторыми психическими патологиями [Keri, 2009; Kyaga et al., 2011; Shaner, Miller, Mintz, 2004].

Декстер Морган с детства, после того как у него на глазах была зверски убита его мать, болен шизофренией. Герой научился жить с болезнью, но она часто является причиной проблем в его жизни. Более того, шизофрения – причина многих конфликтов в произведении, основа характера и образа ОРЛ. Болезнь символизирует для ОРЛ все отрицательное, неконтролируемое в его сознании, поэтому герой использует слова и словосочетания *dark* (темный), *darkness* (темнота) или *dark passenger* (темный попутчик). К концу кинопроизведения зритель полностью отождествляет героя с речевым идентификатором, кодирующим его болезнь.

Речевой идентификатор, лишь косвенно связанный с талантом ОРЛ, использован и для создания образа Ганнибала в одноименном сериале:

(20) G: – I do not bind his arms or legs as I bury him in a shallow grave. He's alive. But he will never be conscious again. He won't know that he's dying. I don't need him to. *This is my design*. / Я не связываю его руки и ноги, пока закапываю его в могиле. Он жив, но он никогда не придет в себя. Он не узнает, что умирает, мне этого не нужно. Таков мой замысел (Hannibal. Amuse-Bouche);

(21) G: – I shoot Mr. Marlow twice, severing jugulars and carotids with near-surgical precision. He will die watching me take what is his away from him. *This is my design*. / Я дважды стреляю в мистера Марлоу, перерезая яремную артерию и сонные артерии с почти хирургической точностью. Он умрет, наблюдая за тем, как я все у него отнимаю. Таков мой замысел (Hannibal. Aperitif);

(22) G: – I made you pliable. Molded you. Set and sealed you where you lay. *This is my design*. / Я сделал вас пластичным. Слепил вас. Установил и запечатал вас там, где вы лежите. Таков мой замысел (Hannibal. Sakizuki).

Ганнибал является талантливым сотрудником ФБР, он разработал собственный метод раскрытия самых опасных убийств. Он не собирает улики и не ищет свидетелей. У героя развита способность к эмпатии, поэтому он закрывает глаза и представляет себя на месте убийцы, налаживая с ним ментальную связь. Герой воспроизводит сцену убийства у себя в голове с доскональной точностью. Он ведет монолог от лица убийцы о совершенном преступлении, описывая каждую сцену вербально, таким образом приходя к пониманию мотивов преступника. Фраза *this is my design* (таков мой замысел) завершает каждый монолог Ганнибала и возвращает его в реальность. Данный эффективный метод работы отрицательно сказывается на психическом состоянии персонажа: он может подменять настоящую реальность выдуманной, продолжая находиться в роли убийцы. Речевой идентификатор приобретает символическое значение только после некоторого количества повторений.

Другим примером немотивированных идентификаторов может служить словосочетание *my wife* (моя жена), используемое в ситуациях речевого общения детективом Коломбо из одноименного телесериала:

(23) С: – I'm Lieutenant Columbo. I'm a fan of yours, a really big fan. In fact, I just got your latest album. / Я – лейтенант Коломбо. Ваш фанат, очень большой. У меня даже есть ваш последний альбом.

– Thank you. I didn't realize that you were interested in piano concertos. / Спасибо. Не думал, что вы любите концерты для фортепьяно.

С: – I'm talking about the Strauss waltzes "The Blue Danube", you know? / Мне больше по душе вальс Штрауса «На прекрасном голубом Дунае». Понимаете, о чем я?

– Yes. / Да.

С: – *My wife* and I, we both love it. / Моя жена и я очень любим это произведение.

– Thank you. That's very flattering of you. / Спасибо. Вы мне льстите (Columbo. Etude in Black);

(24) С: – Excuse me. I hope I didn't startle you, sir. One of your men said it was all right if I waited here. And I must say, it's been a real pleasure, because I've never seen so many beautiful flowers in my life. / Извините, я не хотел напугать вас. Один из ваших работников сказал, что я могу подождать вас здесь. Я должен сказать, это было истинное удовольствие, я никогда в жизни не видел столько прекрасных цветов.

– Orchids, Lieutenant. One of the finest collections in the country. / Орхидеи, лейтенант. Одна из лучших коллекций в стране.

С: – *My wife* loves African violets. / Моя жена обожает африканские фиалки (Columbo. The Greenhouse Jungle);

(25) – Lieutenant. I've got some guests waiting for me at home. / Лейтенант. Меня дома ждут гости.

С: – Oh, sorry, Doc. I got here as fast as I could. / Извините, док. Я постараюсь быстрее

– Where were you? On the golf course? / Где вы были? Играли в гольф?

С: – No. *My wife* went bowling, and I was sort of testing out this new hammock, listening to the game. / Нет. Моя жена пошла играть в боулинг, а я проверял новый гамак и слушал трансляцию игры (Columbo. The Most Crucial Game).

Речевой идентификатор *my wife* (моя жена) не связан ни с одной из основных черт характера персонажа. Более того, словосочетание *my wife* с каждым новым повторением нивелирует свое основное внеконтекстуальное значение для зрителя, который понимает, что герой использует данную фразу в качестве инструмента для установления контакта с подозреваемым. Таким образом он входит в доверие, его реплики становятся более тактичными, а настороженность собеседника исчезает. Фраза аккумулирует иное значение, характеризующее главного героя как человека рационального, наделенного интеллектом. Зритель никогда не увидит жену детектива. Возможно, ее просто не существует.

Периодически повторяясь в коммуникативном поведении ОРЛ, мотивированные и немотивированные речевые идентификаторы обладают 2 основными функциями: аккумулирующей и мнемонической. Аккумулирующая функция связана с тем, что повторяемое слово содержит информацию об одной из черт персонажа. Мнемоническая функция реализуется в создании неразрывной связи между повторяющимся словом или словосочетанием персонажем.

Вещественные идентификаторы одаренной речевой личности

Авторы кинопроизведений скрупулезно разрабатывают элементы внешнего вида героев, понимая, что даже незначительные неверно подобранные атрибуты внешнего вида

могут изменить какую-то главную черту характера героя, разрушив его образ.

Элементы внешнего вида вместе с другими предметами составляют сценический контекст и формируют коммуникативное пространство, в рамках которого проходит общение персонажей. Вещественные идентификаторы связаны с коммуникацией опосредованно: они упоминаются персонажами в ситуациях речевого общения и являются предметом разговора, в процессе или результате которого раскрывается черта личности, аккумулируемая идентификатором, они также могут быть типологической характеристикой персонажей, концентрируя характерные черты целой группы героев.

Анализируя экстралингвистические атрибуты поведения ОРЛ, мы можем выделить 2 типа вещественных идентификаторов: *общие*, выражающие признаки, свойственные всем ОРЛ, и *конкретные*, выражающие признаки, свойственные той или иной ОРЛ. В качестве общего идентификатора может выступать, например, внешний вид персонажа или его «костюм». По этому признаку ОРЛ можно разделить на «аристократов» и «бунтарей».

«Аристократы» тяготеют к строгому стилю в одежде, обладают ораторскими способностями и навыками речевого манипулирования. К «аристократам» можно отнести доктора Лайтмана («Lie to Me»), Патрика Джейна («Mentalist»), Шерлока Холмса («Sherlock»), Декстера Моргана («Dexter»). Они выбирают рубашки, свитеры нейтральных цветов, классические брюки и ботинки, реже джинсы и кроссовки. Последнее используется авторами кинофильма для того, чтобы герой был актуален и для молодого поколения, оставался модным и востребованным. На протяжении всего кинофильма герой, как правило, постоянен в выборе одежды, поэтому внешний вид становится визитной карточкой ОРЛ данного типа. «Аристократы» характеризуются предельной рациональностью мышления, пренебрежением эмоциями, достаточной сдержанностью в своем коммуникативном поведении и выборе костюма.

«Бунтари» не заботятся о своем внешнем виде. Они неряшливы, их одежда помята. Их костюм состоит из случайных элементов. У героев данного типа эмоции являются одной их

ключевых характеристик образа. Коммуникативное поведение таких личностей характеризуется ярко выраженной вербальной эгоцентричностью и агрессией. Примерами подобных героев могут служить Моцарт (Amadeus), Грегори Хаус (House M.D.), Уолтер Бишоп (Fringe), Уилл Хантинг (Good Will Hunting).

Конкретные вещественные идентификаторы представляют собой предмет, который периодически появляется на экране вместе с персонажем, взаимодействует с ним в рамках одного сценического контекста и несет определенную информацию о персонаже, раскрывая и дополняя его характер. Проанализировав 19 англоязычных кинопроизведений, мы выделили 19 вещественных идентификаторов. Их можно разделить на 3 группы: предметы одежды, автомобили и различные предметы быта, акцентирующие внимание на определенной черте ОРЛ. Наименее частотными в качестве идентификаторов являются предметы одежды (27 %), более частотными – автомобили (33 %), самыми частотными – различные бытовые предметы (40 %). Рассмотрим каждую из групп подробнее.

Отдельные предметы внешнего вида, в отличие от костюма (стиля одежды) в целом, служат конкретными идентификаторами. На этих предметах сделан сценический акцент, они постоянно используются персонажами, приобретая, таким образом, статус самостоятельной детали. Примером таких идентификаторов может служить красный галстук старшего инспектора полиции Лютера («Luther»), который он всегда надевает на службу (вне ее герой предпочитает обычную одежду, не отличающую его от других персонажей). Постоянное использование красного галстука создает неразрывную связь между работой героя, его истинным характером и самой деталью. Так, в 5-м сезоне сериала по сюжету Лютер ведет отшельнический образ жизни, находясь в глубокой депрессии, и не работает в полиции. Внезапная новость об убийстве коллеги вынуждает его вернуться: у себя дома он подходит к стойке для одежды, срывает с нее покрывало, и зритель видит на вешалках несколько пиджаков и рубашек, а на отдельной вешалке крупным планом показаны красные галстуки. Зритель понимает, что «прежний» Лютер вернулся.

К данной группе идентификаторов относятся такие предметы одежды, как пальто, шарфы, рубашки («Elementary», «Perception», «Fringe», «Sherlock», «Dexter»). Такой выбор вещественных идентификаторов обусловлен желанием авторов кинофильмов показать высокий уровень интеллекта главных героев. Все эти элементы внешнего вида имеют коннотативную связь с интеллигенцией – работниками умственного труда, обладающими образованием и широким спектром знаний, а интеллектуальные способности являются релевантной характеристикой коммуникативного поведения ОРЛ.

Автомобили уже давно проникли в нашу жизнь и стали неотъемлемой ее частью. Из средства передвижения автотранспорт перешел в сферу самовыражения и самоопределения. Неудивительно, что авторы кинофильмов выбирают в качестве конкретных вещественных идентификаторов именно автомобили. Чтобы подчеркнуть исключительность персонажа и противопоставить его другим героям кинофильма, авторы выбирают уникальные раритетные автомобили. Такой выбор продиктован необходимостью отображения изысканного вкуса, утонченности, романтизма, присущих ОРЛ. Зрителю имплицитно транслируется связь между высоким уровнем интеллекта и наличием раритетного, непопулярного, выделяющегося автомобиля. Такие транспортные средства передают не только общие характеристики образа ОРЛ, но и содержат в себе информацию о некоторых нюансах характера, о сфере деятельности персонажа. Например, брутальный, «маскулинный» автомобиль Chevrolet Impala 1967 г. выпуска является вещественным идентификатором братьев Винчестер («Supernatural»), основная деятельность которых – истребление нежити. Образ Хэнка Муди («Californication»), ветреного талантливое писателя, злоупотребляющего алкоголем и ведущего праздный образ жизни, неразрывно связан с элегантным, скоростным и легким Porsche 911. Импозантный, монументальный Lincoln Town Car, на номерах которого написано «NTGUILTY» (невинен), принадлежит Микки Холеру («The Lincoln Lawyer»), успешному и блестящему адвокату, и транслирует зрителю напористость характера, несгибаемость, а также вы-

ступает символом процветания и той богатой и беззаботной жизни, к которой стремится его владелец.

Различные бытовые предметы характеризуются как самые частотные вещественные идентификаторы, поскольку не аккумулируют категориальные признаки ОРЛ, а связаны с самим персонажем и его историей. Все идентификаторы данной группы являются конкретными.

Так, доктор Грегори Хаус на экране всегда появляется с тростью, потому что перенес операцию по удалению части бедренной мышцы и теперь хромот. Он вынужден всю оставшуюся жизнь терпеть боль и по этой причине пристрастился к викодину (болеутоляющему), частое применение которого привело к зависимости (Хаус даже проходил курс лечения в наркологической клинике). Доктору неоднократно советовали ампутировать ногу, но он не соглашался, считая, что это негативно скажется на его врачебной деятельности, которую он считает своим призванием, без которой не видит смысла жизни. Всю историю персонажа аккумулирует трость, ставшая партнером героя:

(26) – You know, there are other ways to manage pain. / Есть и другие способы справиться с болью.

H: – Like what? Laughter? Meditation? Got a guy, that can fix my third chakra? / Какие, например? Смех? Медитация? У тебя есть кто-нибудь, кто бы смог раскрыть мою третью чакру?

– You're addicted. / У тебя зависимость.

H: – If the pills ran my life, I would agree with you, but that's my leg, that's busy calendaring, what I can't do. / Если бы таблетки управляли моей жизнью, я бы согласился, но это нога постоянно контролирует каждый мой шаг.

– You're in denial. / Ты не хочешь этого признать.

H: – Right. I never had an infarction in my leg. No dead muscle, no nerve damage. Doesn't even hurt, it kinda tickles. And chicks dig this [поднимает трость и показывает на нее] better than a puppy. / Ты права, у меня никогда не было инфаркта в ноге, не было мертвой мышцы, не было повреждения нервов, даже не было боли, вообще-то немного щекотно, а девушкам вот это нравится. Лучше, чем щенок (House M.D. Detox).

Время от времени доктор меняет трость на коллекционную, сделанную на заказ из до-

рогих материалов или вовсе на иные предметы быта, которые могут быть применимы в этой роли:

(27) – Got a new cane? / Новая трость?

H: – Yeah. Guy in the store said it was slimming. Vertical stripe. / Да. Парень в магазине сказал, что она меня стройнит. Вертикальная линия (House M.D. Kids).

Иногда он вымещает на ней свою злость, отождествляя ее с болью и отчаянием, которые переживает:

(28) – You don't think that you have changed in the last few years? / Разве ты не считаешь, что ты изменился за последние несколько лет.

H: – Of course I have. I've gotten older my hairs got thinner. / Конечно, я изменился. Я стал старше, волос на голове стало меньше.

H: – You are not just a regular guy who is getting older. You are miserable and you're afraid to face yourself. / Ты не просто обычный малый, который стал старше. Ты жалок, ты боишься признаться себе.

[Сильно ударяет тростью по столу.]

H: – Of course I've changed! / Конечно, я изменился!

– And everything is the leg? / И все из-за ноги? (House M.D. Detox).

Шон Мерфи («Good doctor») – хирург в одной из американских больниц, страдающий аутизмом. Вещественным идентификатором этой ОРЛ является маленький игрушечный скальпель, подаренный ему его братом, когда они были детьми. Шон всегда носит этот скальпель в кармане, завернув его в платок. Данный идентификатор аккумулирует всю историю жизни персонажа. Когда Шон был маленьким, он сталкивался с семейным насилием, поскольку его отец много пил и открыто демонстрировал ненависть к своему ребенку. Шон и его брат сбегают из дома и становятся беспризорниками, ночуя в заброшенных автомобилях и побираясь. Однажды его брат подарил ему этот скальпель. Вскоре брат Шона погиб, неудачно упав с высоты. Для Шона этот скальпель – единственная вещественная память о брате, символ ушедшего спокойствия и любви. Поэтому в сложных жизненных ситуациях, требующих от Шона предельной концентрации, он достает из кармана этот скальпель и начинает играть с ним.

Примечателен эпизод, когда Шон Мерфи потерял свои игрушечный скальпель и не мог сконцентрироваться ни на одной задаче: он пытался написать химическую формулу на доске, у него не получалось этого сделать, тогда он достал платок, но, не найдя в нем скальпеля, положил платок обратно, вынул все вещи из рюкзака, судорожно пытаясь найти скальпель:

(29) – Shon, I have an inoperable glioma, okay? / Шон, у меня неоперабельная глиома, понимаешь?

[Молчание. Шон достает платок и держит его, глазами пытаясь найти свой скальпель.]

– I think, you should go back to work, yeah? / Думаю, тебе пора вернуться к работе.

[Шон убегает.]

<...>

[В кабинете Глассмана Шон прощупывает все кресла.]

– Shon! / Шон!

SH: – I left my scalpel here today. / Я оставил здесь свой скальпель.

SH [радостно взбегает в кабинет Глассмана]: – He was there all along. / Он все время был на месте (Good Doctor. More).

Важнейшей речевой деталью становится местоимение *he*, которое использует Шон, говоря о скальпеле (в английском языке *he* соотносится только с одушевленными существительными).

В качестве вещественных идентификаторов разнообразные предметы быта использованы и в других сериалах, главными персонажами которых являются одаренные речевые личности: Патрик Джейн («Mentalist»), консультант ФБР, всегда лежит на коричневом кожаном диване, размышляя о деле и пытаясь решить головоломку; Фрэнк Андервуд («House of Cards»), конгрессмен, затем 46-й президент США, всегда носит перстень, напоминающий ему об отце, с которым у Фрэнка не сложились отношения; Рэббит («8 Mile»), начинающий рэпер из Детройта, постоянно слушает музыку на своем плеере и записывает в блокнот свои песни.

Вещественные и речевые идентификаторы имеют двойную природу: основное мотивированное значение, которое формируется в соответствии с целью использования того или иного предмета, и немотивированное значение, которое передает информацию об одной из характерных черт хозяина вещи при упоминании о ней

в коммуникации персонажей. Вещественные и речевые идентификаторы имеют одинаковые функции: аккумулирующую и мнемоническую. Аккумулирующая функция у вещественных идентификаторов выражена сильнее, поскольку эти элементы более символичны.

Заключение

Наше исследование показало, что повторяющиеся элементы, возникающие в речи одаренной речевой личности, выступают важными деталями ее коммуникативного поведения. В качестве таких деталей могут использоваться слова или словосочетания (речевые идентификаторы), а также элементы костюма, автомобили, бытовые предметы (вещественные идентификаторы). Функциями идентификаторов являются аккумулирующая и мнемоническая. Будучи деталью, идентификаторы концентрируют в себе отличительные черты одаренной речевой личности. Посредством речевых и вещественных идентификаторов одаренная речевая личность транслирует свое подсознательное, раскрываясь перед зрителем и демонстрируя истинную природу своего характера. Многократно повторяясь в речи, идентификатор становится лейтмотивом коммуникативного поведения одаренной речевой личности, образуя у зрителя ассоциативные связи с героем.

Результаты данного исследования позволяют рассматривать идентификатор в качестве основного структурного элемента при создании любого персонажа в художественном произведении, а в дальнейшем позволяют характеризовать коммуникативное поведение и языковой портрет любой личности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: 8 Mile. Directed by Curtis Hanson. The USA, 2002.

Amadeus. Directed by Miloš Forman. The USA, 1984.

Californication. The USA. Ep. 84., 2007–2014.

Columbo. Etude in Black. The USA, 1972; Columbo. The Greenhouse Jungle. The USA, 1972; Columbo. The Most Crucial Game. The USA, 1972.

Dexter. An Inconvenient Lie. The USA, 2007; Dexter. The Dark Defender. The USA, 2007; Dexter. Truth to Be Told. The USA, 2006.

Elementary. The USA, 2012–2019.
Fringe. The USA, 2008–2013.
Good Doctor. More. The USA, 2018.
Good, Will Hunting. Directed by Gus Van Sant. The USA, 1997.
Hannibal. Amuse-Bouche. The USA, 2013; Hannibal. Aperitif. The USA, 2013; Hannibal. Sakizuki. The USA, 2014.
House M.D. Acceptance. The USA, 2005; House M.D. Autopsy. The USA, 2005; House M.D. Daddy's Boy. The USA, 2005; House M.D. Detox. The USA, 2005; House M.D. Forever. The USA, 2006; House M.D. Honeymoon. The USA, 2005; House M.D. Hunting. The USA, 2005; House M.D. It's a Wonderful Life. The USA, 2008; House M.D. Kids. The USA, 2005; House M.D. No Reason. The USA, 2006; House M.D. Spin. The USA, 2005; House M.D. Sports Medicine. The USA, 2005.
House of Cards. The USA, 2013–2018.
Lie to Me. The USA, 2009–2011.
Luther. The UK. Ep. 20, 2010–2019.
Mentalist. The USA, 2008–2015
Perception. The USA. Ep. 39, 2012–2015.
Sherlock. The Empty Hearse. The UK, 2014; Sherlock. The Hounds of Baskerville. The UK, 2012; Sherlock. The Lying Detective. The UK, 2017; Sherlock. The Sign of Three. The UK, 2014; Sherlock. The Six Thatchers. The UK, 2017.
Supernatural. The USA. Ep. 307, 2005–2019.
The Lincoln Lawyer. Directed by Brad Furman, The USA, 2011.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добин Е. С., 1981. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л. : Сов. писатель. 432 с.
- Илюхин Н. И., 2015. Комплексив как средство демонстрации умственных способностей одаренной личности // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып. 2 (16). С. 108–115.
- Илюхин Н. И., Максимова С. Ю., Мацюпа К. В., 2018. Особенности комплексива на материале англоязычных кинофильмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (86), ч. 2. С. 337–341.
- Караулов Ю. Н., 2010. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : Изд-во ЛКИ. 264 с.
- Киреева З. А., 2014. Проявление особенностей психики человека в его речи // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Т. 20, № 3. С. 41–44.
- Красных В. В., 2003. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис. 375 с.

- Крейдлин Г. Е., 2002. Невербальная семиотика. М. : Новое лит. обозрение. 581 с.
- Митта А., 1999. Кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Куросаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому. М. : Подкова. 480 с.
- Слышкин Г. Г., Ефремова М. А., 2004. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М. : Водолей Publishers. 153 с.
- Сосюр Ф. де, 1999. Курс общей лингвистики / под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 432 с.
- Страхов И. В., 1998. Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог). М. : ИПП ; Воронеж : НПО МОДЭК. 384 с.
- Щирова И. А., 2003. Психологический текст: деталь и образ. СПб. : Изд-во СПбГУ. 120 с.
- Эпштейн М., 1987. Конфликт // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл. С. 165–166.
- Kaufman S. B., Deyoung C. G., Reis D. L., Gray J. R., 2011. General Intelligence Predicts Reasoning Ability even for Evolutionarily Familiar Content // *Intelligence*. Vol. 39. P. 311–322.
- Keri S., 2009. Genes for Psychosis and Creativity: A Promoter Polymorphism of the *Neuregulin 1* Gene is Related to Creativity in People with High Intellectual Achievement // *Psychological Science*. Vol. 20, iss. 9. P. 1070–1073.
- Kyaga S., Lichtenstein P., Boman M., Hultman Ch., Lengström N., Landén M., 2011. Creativity and Mental Disorder: Family Study of 300000 People with Severe Mental Disorder // *The British Journal of Psychiatry*. Vol. 199, iss. 5. P. 373–379.
- Mayer R. E., 1999. Fifty Year of Creativity Research // *Handbook of creativity* / ed. by R. J. Sternberg. Cambridge : University Press. P. 449–460.
- Shaner A., Miller G. F., Mintz J., 2004. Schizophrenia as One Extreme of a Sexually Selected Fitness Indicator // *Schizophrenia Research*. Vol. 70, iss. 1. P. 101–109.
- Zeng L., Proctor R. W., Salvendy G., 2011. Can Traditional Divergent Thinking Tests be Trusted in Measuring and Predicting Real-World Creativity? // *Creativity Research Journal*. Vol. 23, iss. 1. P. 24–37.
- odarennoy lichnosti [Kompleksiv as an Instrument of Mental Capacity Demonstration of a Gifted Person]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya»* [Russian Journal of Building Construction and Architecture. Series “Linguistics and Intercultural Communication”], iss. 2 (16), pp. 108-115.
- Ilyukhin N.I., Maksimova S.Yu., Matsyupa K.V., 2018. Osobennosti kompleksiva na materiale angloyazychnykh kinofilmov [Peculiarities of Complexive Functioning by the Material of English-Language Films]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 8 (86), part 2, pp. 337-341.
- Karaulov Yu.N., 2010. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Persona]. Moscow, Izd-vo LKI. 264 p.
- Kireeva Z.A., 2014. Proyavlenie osobennostey psikhiki cheloveka v ego rechi [Manifestation of the Psychological Peculiarities in the Speech of a Person]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], vol. 20, no. 3, pp. 41-44.
- Krasnykh V.V., 2003. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili realnost? [“At Home Among Strangers”: Myth or Reality?]. Moscow, Gnozis Publ. 375 p.
- Kreydlin G.E., 2002. *Neverbalnaya semiotika* [Non-Verbal Semiotics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 581 p.
- Mitta A., 1999. *Kino po Eyzenshteynu, Chekhovu, Shekspiru, Kurosave, Fellini, Khichkoku, Tarkovskomu* [Cinema by Eisenstein, Chekhov, Shakespeare, Kurosawa, Fellini, Hitchcock, Tarkovsky]. Moscow, Podkova Publ. 480 p.
- Slyshkin G.G., Efremova M.A., 2004. *Kinotekst (opyt lingvokulturologicheskogo analiza)* [Film-Text (The Experience of Lingvoculturological Analysis)]. Moscow, Vodoley Publ. 153 p.
- Sossyur F. de., 1999. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta. 432 p.
- Strakhov I.V., 1998. *Psikhologiya literaturnogo tvorchestva (L.N. Tolstoy kak psikholog)* [Psychology of Creative Writing (Leo Tolstoy as a Psychologist)]. Moscow, IPP Publ.; Voronezh, NPO MODEK Publ. 384 p.
- Shchirova I.A., 2003. *Psikhologicheskii tekst: detal i obraz* [Psychological Text: Detail and Image]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 120 p.
- Epshteyn M., 1987. Konflikt [Conflict]. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 165-166.

REFERENCES

Dobin E.S., 1981. *Syuzhet i deystvitelnost. Iskusstvo detali* [Plot and Reality. Art of a Detail]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ. 432 p.

Ilyukhin N.I., 2015. Kompleksiv kak sredstvo demonstratsii umstvennykh sposobnostey

- Kaufman S.B., Deyoung C.G., Reis D.L., Gray J.R., 2011. General Intelligence Predicts Reasoning Ability Even for Evolutionarily Familiar Content. *Intelligence*, vol. 39, pp. 311-322.
- Keri S., 2009. Genes for Psychosis and Creativity: A Promoter Polymorphism of the *Neuregulin 1* Gene Is Related to Creativity in People with High Intellectual Achievement. *Psychological Science*, vol. 20, iss. 9, pp. 1070-1073.
- Kyaga S., Lichtenstein P., Boman M., Hultman Ch., Lengström N., Landén M., 2011. Creativity and Mental Disorder: Family Study of 300000 People with Severe Mental Disorder. *The British Journal of Psychiatry*, vol. 199, iss. 5, pp. 373-379.
- Mayer R.E., 1999. Fifty Year of Creativity Research. Sternbeg R.J., ed. *Handbook of Creativity*. Cambridge, University Press, pp. 449-460.
- Shaner A., Miller G.F., Mintz J., 2004. Schizophrenia as One Extreme of a Sexually Selected Fitness Indicator. *Schizophrenia Research*, vol. 70, iss. 1, pp. 101-109.
- Zeng L., Proctor R.W., Salvendy G., 2011. Can Traditional Divergent Thinking Tests Be Trusted in Measuring and Predicting Real-World Creativity? *Creativity Research Journal*, vol. 23, iss. 1, pp. 24-37.

Information about the Authors

Nikita I. Ilyukhin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Language, Saratov State Academy of Law, Chernyshevskogo St., 104, 410028 Saratov, Russia, tringla@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8890-093X>

Svetlana Yu. Maksimova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Language, Saratov State Academy of Law, Chernyshevskogo St., 104, 410028 Saratov, Russia, svetlana_maksimova2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-8446>

Kseniya V. Matsyupa, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Language, Saratov State Academy of Law, Chernyshevskogo St., 104, 410028 Saratov, Russia, kseniashido@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6388-5120>

Информация об авторах

Никита Игоревич Илюхин, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Чернышевского, 104, 410028 г. Саратов, Россия, tringla@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8890-093X>

Светлана Юрьевна Максимова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Чернышевского, 104, 410028 г. Саратов, Россия, svetlana_maksimova2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-8446>

Ксения Владимировна Мацюпа, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Чернышевского, 104, 410028 г. Саратов, Россия, kseniashido@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6388-5120>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.15>

UDC 81'42:821
LBC 81.055.51

Submitted: 20.06.2019
Accepted: 04.11.2019

IRONY AS A MEANS OF CHARACTER DESCRIPTION IN THE WORKS BY N.V. GOGOL

Svetlana S. Vaulina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Elena V. Bulataya

Baranovich State University, Baranovich, Belarus

Abstract. The article considers irony as a conceptual category of the literary text, that contains author's assessment in the implicit form. The ironic meaning as an integral component of the literary text is an evaluative and emotional way to represent the author's worldview and values. The means of expressing irony in N.V. Gogol's works of different genres (epos, lyrico-epic genre and drama) are determined. The similarities and differences in the author's use of irony expression means in the poem *Dead Souls*, series of tales *Evenings on a Farm near Dikanka*, *Mirgorod*, *Petersburg Tales*, comedy *The Inspector General* within the author's ironic character description are determined. The article concludes that genre peculiarities of literary works affect the author's choice of certain means of irony expression. It is not typical of the author to use phraseological units as irony explicators in the genre of the tale; however, these linguistic means frequently verbalize ironical meaning in the drama genre – the comedy *The Inspector General*. The use of such textual means as author's retreats and comments is not typical due to high plot dynamism and dialogization of the author's narrative being characteristic genre features of the comedy. The article considers the means of irony expression in the author's character description. It is shown that irony is manifested both in the characters' and the author's speech and is aimed at assessing the characters' personality and behavior.

Key words: literary text, genre, irony, linguistic means, irony expression means, character description, N. Gogol.

Citation. Vaulina S.S., Bulataya E.V. Irony as a Means of Character Description in the Works by N.V. Gogol. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 200-209. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.15>

УДК 81'42:821
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 20.06.2019
Дата принятия статьи: 04.11.2019

ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

Светлана Сергеевна Ваулина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Елена Васильевна Булатая

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается ирония как концептуальная категория художественного текста, заключающая в себе авторскую оценку в имплицитной форме. Иронический смысл как неотъемлемый компонент художественного текста представляет собой оценочно-эмоциональный способ репрезентации мировоззрения и ценностных установок автора. Определяются средства экспликации иронии в произведениях Н.В. Гоголя различной жанровой принадлежности (эпического, лиро-эпического и драматургического жанров). Устанавливаются сходства и различия в использовании автором средств выражения иронии в по-

эме «Мертвые души», циклах повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести», комедии «Ревизор» при авторской иронической характеристике персонажей. Делается вывод о том, что жанровые особенности художественного произведения оказывают влияние на использование автором определенных средств выражения иронии. Для жанра повести нехарактерно использование автором фразеологических единиц как экспликатора иронии, в то время как они достаточно частотны при ироническом смыслообразовании в драматургическом жанре – комедии «Ревизор». При этом для комедии, в силу ряда ее жанровых особенностей (динамизм в развитии сюжета, диалогизация повествования и др.), нетипично использование таких текстовых средств, как авторские отступления и комментарии. Рассмотрение способов актуализации иронии при авторской характеристике гоголевских литературных героев показало, что ирония реализуется как в персонажной, так и в авторской речи и направлена в основном на оценку характера и поведения персонажей.

Ключевые слова: художественный текст, жанр, ирония, языковые средства, средства выражения иронии, характеристика персонажа, Н.В. Гоголь.

Цитирование. Ваулина С. С., Булатая Е. В. Ирония как средство характеристики персонажей в произведениях Н.В. Гоголя // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 200–209. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.15>

Введение

Ирония является объектом исследования в различных гуманитарных науках: философии [Кьеркегор, 1993; Третьякова, 2001; Шлегель, 1980; и др.], эстетике [Каган, 1997; Пивоев, 1982; и др.], психологии [Рубинштейн, 2002; Фрейд, 2014; и др.], литературоведении [Бахтин, 1990; Потебня, 1990; Кнох, 1961; и др.], лингвистике [Ермакова, 2014; Петрова, 2011; Походня, 1989; и др.]. Данный факт свидетельствует о многогранном и многостороннем характере категории иронии, что, в свою очередь, объясняет устойчивый исследовательский интерес к ней, а также наличие множества направлений в ее изучении, отражающихся в так называемых теориях иронии.

Примечательно, что, даже если сузить плоскость исследования иронии и рассматривать данную категорию сугубо в рамках ее лингвистической трактовки, можно назвать немалое количество теорий иронии: ирония как элемент идиостиля [Петрова, 2011; и др.], ирония как косвенный речевой акт [Слепцова, 2007; и др.], ирония как способ импликации [Сергиенко, 1995; и др.], ирония как явление прагматики [Гомлешко, 2008; и др.], ирония как когнитивный механизм [Шилихина, 2010; и др.], ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности [Ваулина, Булатая, 2017; Ваулина, Булатая, 2019; и др.].

В статье рассматривается ирония как концептуальная категория художественного текста, заключающая в себе авторскую оценку в имплицитной форме.

Функционально-семантическая характеристика иронии в художественном тексте

Актуальность изучения иронии в пространстве художественного текста определяется прежде всего его смысловым содержанием, которое характеризуется наличием не только явно выраженной, представленной в языковых единицах, но и скрытой информации. При этом важно отметить, что «недостаточность эксплицитного выражения и артикулируемых знаков нисколько не препятствует пониманию; напротив, по мере того как убывает количество слов, выражение становится все более ясным и убедительным» [Балли, 1955, с. 50]. Данный факт объясняется тем, что при распознавании имплицитной информации реципиент выступает активным субъектом, прилагает определенные усилия для декодирования и дальнейшей интерпретации скрытого смысла. Это, в свою очередь, и определяет большую действенность неявно представленной информации по сравнению с эксплицитной. Кроме того, в содержании художественного текста именно имплицитный уровень смысла воплощает в себе пространство глубинных авторских замыслов, имеющих для автора произведения первостепенное значение.

Содержащийся в художественном тексте иронический смысл представляет собой критический, а значит, оценочно-эмоциональный способ осмысления действительности писателем. Тем самым ирония в художественном тексте является имплицитной формой

репрезентации мировоззрения и взглядов автора, то есть авторской модальности. Другими словами, можно, вслед за И.Н. Ивановой, констатировать, что, «воплощая авторский философско-эстетический идеал, ирония в художественном тексте проникает во все его уровни и слои» [Иванова, 2006, с. 6]. Характеризуя иронию в эмоциональном плане, можно согласиться с Н.С. Зинченко, трактующей данную категорию как «языковую игру, основанную на чувственно рассудочном отстранении от объекта, возвышении над ним, соединении несоединимого, новом видении ситуации» [Зинченко, 2016, с. 129]. М.В. Никитин, принимая во внимание оценочный компонент иронии, указывает, что в ситуации, «когда высказывание с положительной оценкой заведомо вступает в конфликт с дотекстовым предзнанием об объекте оценки или с постзнанием о нем, вытекающим из текста» [Никитин, 1988, с. 156], правомерно говорить о наличии иронического смысла. При этом явно представленная автором положительная оценка объекта иронии отодвигается на задний план, а само высказывание воспринимается в качестве «намеренного уничтожения объекта оценки в силу того, что у него нет права на заявленный положительный признак» [Никитин, 1988, с. 156]. Следовательно, иронии как концептуальной текстовой категории присуще наличие в ее содержании двух противоположных оценок по отношению к объекту иронии, функционирующих тем не менее в координатах одного и того же текстового сегмента.

Вне сомнения и тот факт, что продуцент художественного произведения создает определенные условия для осмысления и адекватного толкования иронического смысла читателем, а именно важен «учет ситуативного контекста в координатах фоновых знаний, которые в конечном счете создают прецедентный фон, необходимый для декодирования иронии» [Кузнецова, 2014, с. 130]. Причем маркерами иронии, то есть языковыми единицами, указывающими на присутствие иронического смысла в тексте произведения, выступают как отдельные лексические и фразеологические единицы, так и синтаксические структуры и средства текстового уровня, представленные интертекстуальными явлениями, слож-

ными общетекстовыми повторами, авторскими отступлениями и т. д.

Способы иронической характеристики персонажей в разножанровых произведениях Н.В. Гоголя

Очевидно, что частотность использования иронии автором не зависит от жанра художественного произведения, поскольку ирония передает отношение автора к освещаемой проблеме в целом или персонажам в частности. Вместе с тем все же возникает вопрос о наличии особенностей реализации иронии в определенном жанре художественного текста, важность рассмотрения и сопоставления которых подтверждается общей ролью и местом иронии в системе авторского мировоззрения, поскольку лишь на межжанровом уровне ирония перерастает из обычного авторского приема в «способ видения окружающей действительности» [Кагановская, 1992, с. 15].

Классик русской национальной литературы, выдающийся мастер художественного слова Н.В. Гоголь использует иронию в произведениях различной жанровой направленности. Так, писатель выражает свои ценностные позиции посредством иронии в произведениях эпического жанра – циклах повестей «Петербургские повести», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»; лиро-эпического жанра – поэме «Мертвые души»; драматургического жанра – комедии «Ревизор». Объектом иронии в гоголевских произведениях выступают, как правило, главные персонажи, ироническая характеристика которых дается автором с помощью оценочного описания различных аспектов их жизни. Причем ирония реализуется в разноплановых, нарочито смоделированных писателем ситуациях в форме как исключительно авторской иронии, так и иронии, передаваемой через речь персонажей.

Рассмотрим на межжанровом уровне особенности реализации иронии в вышеназванных гоголевских произведениях путем анализа способов актуализации иронии в рамках авторской характеристики персонажей.

В поэме «Мертвые души», относящейся к лиро-эпическому жанру, в котором «сюжетное повествование о событиях соединяется с

эмоционально-медитативными высказываниями повествователя, создающими образ лирического “я”» [Эпштейн, 1987, с. 186], иронический смысл актуализируется с помощью средств различных языковых уровней – от лексического до текстового. Достаточно частотными являются лексические средства, то есть те лексические единицы, которые в результате иронического переосмысления (несовпадения денотативного и контекстуального значений), обуславливают ироническое смыслообразование в контексте. Например, портретная характеристика одного из главных героев поэмы «Мертвые души» – помещика Плюшкина – осуществляется посредством иронического описания автором обстановки его дома:

(1) С середины потолка висела **люстра** в холстяном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на **шелковый кокон**, в котором сидит **червяк** (I, с. 148).

В приведенном контексте люстра отождествляется с шелковым коконом и червяком, что иронично представляет как характер персонажа, замкнутого в своем ограниченном пространстве, так и его внешность, подобную червяку, и это закономерно вызывает у читателя негативное отношение к герою.

Невысокую частотность, по сравнению с другими средствами выражения иронии в поэме «Мертвые души», имеют фразеологизмы. При этом в аспекте иронической характеристики героев поэмы примечателен следующий пример:

(2) Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, **дворяжка, что лежит на сене: и сама не ест сена и другим не дает** (I, с. 82).

Ирония содержится в речи одного персонажа – Чичикова, однако ее объектом выступает другой персонаж поэмы – Коробочка. В приведенном контексте автор посредством речи Чичикова описывает поведение и характер Коробочки, используя прием сравнения героини с дворяжкой на сене. Ср. с фразеологизмом *собака на сене* «кто-либо сам не пользуется чем-либо и другим не дает пользоваться» (Сл. Федорова, с. 638), иронический смысл которого раскрывается с помощью авторского фразеологического окказионализма *и сама не ест сена и другим не дает*. Та-

ким образом, с помощью иронии автор раскрывает скупость героини, ее желание получить побольше выгоды.

Синтаксические средства реализации иронии активно используются Н.В. Гоголем при описании поведения главного героя поэмы «Мертвые души» – Чичикова:

(3) **Чтоб вас черт побрал всех, кто выдумал эти балы!** – говорил он в сердцах. – Ну, чему сдуру обрадовались? **В губернии неурожай, дороговизна, так вот они за балы! Эк штука: разрядились в бабы тряпки! Невидадь: что иная навертела на себя тысячу рублей! <...> Все из обезьянства, все из обезьянства! Что француз в сорок лет такой же ребенок, каким был и в пятнадцать, так вот давай же и мы! <...>** (I, с. 211).

Иронический смысл заключен в речи самого персонажа и актуализируется посредством восклицательных предложений. Чичиков, потерпев неудачу с покупкой мертвых душ, возмущается по поводу пышных балов, хотя сам являлся постоянным их гостем и любителем роскоши. Несоответствие эксплицитной информации и имплицитного смысла создает эффект авторской иронии.

Персонажные характеристики с помощью текстовых средств выражения иронии ярко представлены в поэме «Мертвые души» при использовании автором интертекстуальных включений. Например:

(4) Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, **Юнговы «Ночи»** и **«Ключ к тайнствам природы» Эккартсгаузена**, из которых делал весьма длинные выписки по целым листам, и в чем состояли эти выписки и какого рода они были, это никому не было известно. Впрочем, он был остряк, цветист в словах и любил, как сам выражался, уснастить речь (I, с. 191).

Интертекстуальные включения в форме авторских отсылок к литературным произведениям философской направленности получают яркую ироническую тональность при использовании их в приведенной контекстуальной ситуации. Тот факт, что обычный почтмейстер выписывает из таких произведений сложные для понимания цитаты, представляется весьма абсурдным и раскрывает авторскую ироническую оценку степени образованности

мелких чиновников и уровня исполнения ими своих профессиональных обязанностей.

В эпическом жанре гоголевских произведений – «Петербургских повестях», «Вечерах на хуторе близ Диканьки», «Миргороде» – ирония актуализируется также с помощью разнообразных языковых маркеров.

Например, авторская ирония, объектом которой выступает герой повести «Нос» Иван Яковлевич, реализуется в результате употребления в рамках одного предложения лексем *порядочный* «честный, неспособный на низкие поступки» (МАС, т. 3, с. 311) и *пьяница*, позволяя автору подчеркнуть, что такое качество, как порядочность, отнюдь не присуще данному персонажу:

(5) Иван Яковлевич, как всякий **порядочный** русский мастеровой, был **пьяница страшный** (II, с. 38).

Фразеологизмы, создающие динамичность и эмоциональную насыщенность художественного текста, в качестве средства актуализации иронии в проанализированных повестях практически отсутствуют. С одной стороны, это может быть связано с особенностью жанра повести, в целом характеризующегося «степенной» последовательностью в описании событий. С другой стороны, выбор средств иронического смыслопорождения зависит от самой тактики построения сюжета писателем в тех или иных произведениях.

Среди синтаксических средств реализации иронии в гоголевских повестях важное место занимают восклицательные предложения, придающие высокую эмоциональную насыщенность авторской иронической оценке персонажей. Примером может служить отрывок из повести «Ночь перед Рождеством», в котором с иронической насмешкой подчеркивается хитрость и изворотливость героини повести Солохи:

(6) – Это дьяк! – произнес изумившийся более всех Чуб. – **Вот тебе на! ай да Солоха!** посадить в мешок... То-то, я гляжу, у нее полная хата мешков... Теперь я все знаю: у нее в каждом мешке сидело по два человека. А я думал, что она только мне одному... **Вот тебе и Солоха!** (III, с. 99).

Текстовые средства экспликации иронии частотно представлены в гоголевских повес-

тях общетекстовыми повторами, которые выступают в качестве так называемых смысловых мостиков, соединяющих воедино направления движения мысли писателя. Так, используя синонимический общетекстовый повтор, Н.В. Гоголь с грустной иронией описывает характер главных персонажей повести «Старосветские помещики»:

(7) Нельзя было глядеть без участия на их **взаимную любовь**. Они никогда не говорили друг другу ты, но всегда вы; вы, Афанасий Иванович; вы, Пульхерия Ивановна» (III, с. 169);

(8) Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой **долгой, медленной, почти бесчувственной привычки** (III, с. 184).

Автор иронизирует над изнеженным и, возможно, несколько наигранным отношением персонажей друг к другу, называя их чувства в начале повести взаимной любовью, но делая в конце произведения вывод о существовании в их отношениях лишь долгой, медленной, бесчувственной привычки.

В рамках драматургического жанра в творчестве Н.В. Гоголя особым ироническим колоритом характеризуется комедия «Ревизор», в которой действия и смоделированные автором ситуации наполнены особым комическим эффектом.

В тексте комедии ирония создается лексическими, синтаксическими и текстовыми средствами. При этом наиболее частотными являются лексические средства. Одним из ярких примеров использования лексических единиц для создания ироничного контекста может служить следующий:

(9) Ляпкин-Тяпкин: судья, человек, **прочитавший пять или шесть книг**, и потому несколько **вольнодумен** (II, с. 161).

В данном предложении прилагательное *вольнодумен* как маркер иронии употреблен в одном контексте с причастным оборотом *прочитавший пять или шесть книг*, и ирония возникает на основе несоответствия семантики лексемы *вольнодумен* (о судье Ляпкине-Тяпкине), то есть «свободомыслящий» (МАС, т. I, с. 207–208), с так называемой расшифровкой ее контекстного значения – «человек, прочитавший всего несколько книг». Та-

ким образом автор с иронией характеризует судью как человека, имеющего невысокую образованность и узкий кругозор, но завышенную самооценку.

Более частотно, по сравнению с гоголевскими произведениями лиро-эпического и эпического жанров, в комедии «Ревизор» представлены фразеологические единицы как средство экспликации иронии. Приведем один из примеров их употребления, в котором ироническая характеристика писателем главного героя комедии – Хлестакова – посредством фразеологизма передана через речь самого персонажа:

(10) Хлестаков. Я люблю поест. Ведь на то живешь, чтобы **срывать цветы удовольствия**. Как называлась эта рыба? (II, с. 194).

Механизмом иронического смыслообразования в приведенном примере выступает несоответствие значения фразеологизма *срывать цветы удовольствия*, то есть «беспечно пользоваться радостями жизни» (Сл. Федорова, с. 650), имеющего иронично-экспрессивную окраску, его идентификации в контексте с желанием вкусно поест, которое является для Хлестакова одной из важнейших целей в жизни.

Синтаксические экспликативы иронии представлены в комедии «Ревизор» разнообразным набором маркеров. В рамках персонажной характеристики внимание привлекает использование писателем локальных повторов в целях актуализации иронического смысла. Например, посредством синонимического локального повтора автор скрыто выражает негативную оценку поведения героя комедии – городничего, высмеивая такую черту его характера, как лицемерие. При этом авторская ирония передается через речь самого персонажа:

(11) Г о р о д н и ч и й. У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... <...> Не рассердитесь – ей-Богу, от **простоты души предложил**. <...> Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, **от полноты души выражаюсь** (II, с. 186–187).

Среди текстовых средств выражения иронии в комедии «Ревизор» важное место занимают интертекстуальные включения. При этом полностью отсутствует такой вид текстовых актуализаторов иронии, как авторские

отступления и комментарии, что обусловливается особенностью жанра комедии. Интерес представляет ироничная авторская характеристика главного персонажа комедии Хлестакова:

(12) А н н а А н д р е е в н а. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! здесь пол совсем нечист.

Х л е с т а к о в. <...> Я хочу знать, что такое мне суждено: **жизнь или смерть** (II, с. 222);

(13) Х л е с т а к о в (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

А н н а А н д р е е в н а (*с изумлением*). Так вы в нее?

Х л е с т а к о в. Решите: **жизнь или смерть?** (II, с. 223).

Аллюзивная отсылка автора к структуре и стилю знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть» (ср.: *жизнь или смерть* в речи Хлестакова) способствует возникновению иронического смысла в диалоге между Хлестаковым и Анной Андреевной и выражает негативную авторскую оценку поведения персонажа.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного анализа можно констатировать, что ирония выступает в произведениях Н.В. Гоголя личностной особенностью его манеры и стиля повествования, которая определяет видение мира и базовые ценностные ориентиры писателя и функционирует на межжанровом уровне. Используя разнообразные средства выражения иронии, автор разрушает представленную в языковых единицах положительную оценку, имплицитно подчеркивая отрицательные качества характера персонажей.

Независимо от жанра гоголевских произведений ирония выступает в них средством смыслопостроения и в конечном счете служит раскрытию основной темы авторского текста. Однако в рамках использования маркеров иронического контекста имеются все же некоторые особенности, присущие тому или иному жанру. Так, для повести нехарактерны фразеологические единицы в функции маркеров иронии. В то же время они используются писателем в поэме «Мертвые души», и особенно частотны в драматургическом жанре,

представленном в данной статье комедией «Ревизор». При этом для жанра комедии нехарактерно употребление такого текстового средства, как авторские отступления и комментарии, что обусловлено динамичностью построения сюжета и наличием преимущественно персонажной, а не авторской речи. Этот факт свидетельствует о влиянии жанровых характеристик произведения на выбор автором тех или иных средств репрезентации иронии.

Ироническая характеристика персонажей занимает ведущее место в гоголевских произведениях, поскольку каждый из них воплощает определенный образ, посредством которого обрисовываются проблемные аспекты изображаемой эпохи. Ирония направлена на критику прежде всего поведения и образа жизни персонажей и в меньшей степени их внешних недостатков. При этом наряду с иронией в речи персонажей имеет место авторская ирония, представленная в рассуждениях, описаниях и обращениях к читателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балли Ш., 1955. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. Е. В. и Т. В. Вентцель ; ред., вступ. ст. и примеч. Р. А. Будагова. М. : Изд-во иностр. лит. 416 с.
- Бахтин М. М., 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит. 543 с.
- Ваулина С. С., Булатая Е. В., 2017. Текстовые средства экспликации иронии как компонента авторской модальности в произведениях Н.В. Гоголя // Международный научно-исследовательский журнал. № 4–2 (58), ч. 2. С. 20–23. DOI: 10.23670/IRJ.2017.58.045.
- Ваулина С. С., Булатая Е. В., 2019. Механизмы иронического смыслообразования в художественном тексте (на примере повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») // Научный диалог. № 7. С. 56–69. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-56-69.
- Гомлешко Б. А., 2008. Прагматические функции иронии в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. № 3 (31). С. 11–13.
- Ермакова О. П., 2014. Является ли ирония речевым жанром? : (Еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. № 1–2 (9–10). С. 75–80.
- Зинченко Н. С., 2016. Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3–1 (57), ч. 1. С. 126–130.
- Иванова И. Н., 2006. Типология и эволюция иронии в поэзии русского модернизма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь. 40 с.
- Каган М. С., 1997. Эстетика как философская наука. СПб. : Петрополис. 544 с.
- Кагановская Е. М., 1992. Ирония как средство создания речевой установки в художественном тексте (на материале произведений Марселя Эме) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев. 16 с.
- Кузнецова А. В., 2014. Феномен иронии в картине мира литературной личности: лингвориторические стратегии // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. № 19. С. 128–131.
- Кьеркегор С., 1993. О понятии иронии / пер. А. Косковой // Логос. № 4. С. 176–198.
- Никитин М. В., 1988. Основы лингвистической теории значения. М. : Высш. шк. 168 с.
- Петрова О. Г., 2011. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 11, № 3. С. 25–30.
- Пивоев В. М., 1982. Ирония как эстетическая категория // Философские науки. № 4. С. 54–61.
- Потебня А. А., 1990. Из записок по теории словесности // Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. М. : Высш. шк. С. 132–319.
- Походня С. И., 1989. Языковые средства и виды реализации иронии. Киев : Наукова думка. 126 с.
- Рубинштейн С. Л., 2002. Основы общей психологии. СПб. : Питер. 720 с.
- Сергиенко А. В., 1995. Языковые возможности реализации иронии как разновидности импликации в художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 18 с.
- Слепцова М. А., 2007. Интерактивный аспект иронических высказываний в газетном тексте // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Т. 19, № 45. С. 252–257.
- Третьякова Е. Ю., 2001. Ирония в структуре художественного текста // RELGA. № 19 (73). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=443&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.08.2019).
- Фрейд З., 2014. Остроумие и его отношение к бессознательному. М. : Азбука-Классика. 288 с.
- Шилихина К. М., 2010. Современные теории иронии (Рец. на кн.: Irony in Language and

Thought : A Cognitive Science Reader / ed. by H. L. Colston and R. W. Gibbs, Jr. New York : Lawrence Erlbaum associates, 2007. – 619 p.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 228–230.

- Шлегель Ф., 1980. Идеи // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / собр. текстов, вступ. ст. и общ. ред. А. С. Дмитриева. М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 60–62.
- Эпштейн М. Н., 1987. Лиро-эпический жанр // Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. С. 186.
- Кнох Н., 1961. The Word Irony and Its Context, 1500–1755. Durham, N. C. : Duke University Press. 258 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- I – Гоголь Н. В. Мертвые души. М. : Худож. лит., 1972. 415 с.
- II – Гоголь Н. В. Повести. Драматические произведения. Л. : Худож. лит., 1983. 328 с.
- III – Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Минск : Народная асвета, 1980. 351 с.
- МАС – Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1981–1984. 4 т.
- Сл. Федорова – Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.

REFERENCES

- Balli Sh., 1955. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and French Language Issues]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury. 416 p.
- Bakhtin M.M., 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovaya i Renessansa* [Works of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. 543 p.
- Vaulina S.S., Bulataya E.V., 2017. Tekstovye sredstva eksplikatsii ironii kak komponenta avtorskoy modalnosti v proizvedeniyakh N.V. Gogolya [Textual Means of Explicating Irony as a Component of Author's Modality in N.V. Gogol's Works]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], no. 4-2 (58), part 2, pp. 20-23. DOI: 10.23670/IRJ.2017.58.045.
- Vaulina S.S., Bulataya E.V., 2019. Mekhanizmy ironicheskogo smysloobrazovaniya v

khudozhestvennom tekste (na primere povestey N.V. Gogolya «Vechera na khutore bliz Dikanki») [Mechanisms of Ironic Meaning Formation in Literary Text (By Example of N.V. Gogol's Novels "Evenings on a Farm near Dikanka")]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 7, pp. 56-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-56-69.

- Gomleshko B.A., 2008. Pragmaticheskie funktsii ironii v tekste [The Pragmatic Functions of Irony in the Text]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History], no. 3 (31), pp. 11-13.
- Ermakova O.P., 2014. Yavlyaetsya li ironiya rechevym zhanrom? (eshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) [Is Irony a Speech Genre? (Once Again About Some Features of Irony)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 1-2 (9-10), pp. 75-80.
- Zinchenko N.S., 2016. Ironiya kak mnogoaspektnyy fenomen: metodologicheskie osnovy analiza khudozhestvennogo diskursa [Irony as a Multi-Aspect Phenomenon: The Methodological Foundations of Literary Discourse Analysis]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 3-1 (57), part 1, pp. 126-130.
- Ivanova I.N., 2006. *Tipologiya i evolyutsiya ironii v poezii russkogo modernizma: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Typology and Evolution of Irony in the Poetry of Russian Modernism. Dr. Philol. Sci. Abs. Diss.]. Stavropol. 40 p.
- Kagan M.S., 1997. *Estetika kak filosofskaya nauka* [Aesthetics as a Philosophical Science]. Saint Petersburg, Petropolis Publ. 544 p.
- Kaganovskaya E.M., 1992. *Ironiya kak sredstvo sozdaniya rechevoy ustanovki v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy Marselya Eme): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Irony as a Means of Creating a Speech Installation in a Literary Text (Based on the Works of Marcel Aimee). Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.]. Kiev. 16 p.
- Kuznetsova A.V., 2014. Fenomen ironii v kartine mira literaturnoy lichnosti: lingvovitoricheskie strategii [Irony Phenomenon in Literary Personality's Worldview: Linguistic Rhetorical Strategies]. *Lingvovitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, no. 19, pp. 128-131.
- Kekegor S., 1993. O ponyatii ironii [About the Concept of Irony]. *Logos*, no. 4, pp. 176-198.
- Nikitin M.V., 1988. *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* [Fundamentals of Linguistic Theory of Meaning]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 168 p.

- Petrova O.G., 2011. Tipy ironii v khudozhestvennom tekste [Types of Irony in Fiction: Conceptual and Contextual Irony]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Philology. Journalism], vol. 11, no. 3, pp. 25-30.
- Pivoev V.M., 1982. Ironiya kak esteticheskaya kategoriya [Irony as an Aesthetic Category]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], no. 4, pp. 54-61.
- Potebnya A.A., 1990. Iz zapisok po teorii slovesnosti [From the Notes on the Theory of Literature]. *Teoreticheskaya poetika*, Moscow, Vysshaya shkola Publ., pp. 132-319.
- Pokhodnya S.I., 1989. *Yazykovye sredstva i vidy realizatsii ironii* [Language Means and Types of Irony Expressing]. Kiev, Navukova dumka Publ. 126 p.
- Rubinshteyn S.L., 2002. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ. 720 p.
- Sergienko A.V., 1995. *Yazykovye vozmozhnosti realizatsii ironii kak raznovidnosti implikatsii v khudozhestvennykh tekstakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Possibilities of Implementing Irony as a Kind of Implication in Literary Texts. Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.]. Saratov. 18 p.
- Sleptsova M.A., 2007. Interaktivnyy aspekt ironicheskikh vyskazyvaniy v gazetnom tekste [The Interactive Aspect of Ironic Utterances in the Newspaper Text]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], vol. 19, no. 45, pp. 252-257.
- Tretyakova E.Yu., 2001. Ironiya v strukture khudozhestvennogo teksta [The Irony in the Structure of the Literary Text]. *RELGA*, no. 19. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=443&level1=main&level2=articles> (accessed 15 August 2019).
- Freyd Z., 2014. *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatelnomu* [Wit and Its Attitude Towards Unconscious]. Moscow, Azbuka-Klassika Publ. 288 p.
- Shilikhina K.M., 2010. *Sovremennye teorii ironii* (Rets. na kn.: Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader / ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs, Jr. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – 619 p.) [Modern Theories of Irony (Book Review: Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader / ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs, Jr. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – 619 p.). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 228-230.
- Shlegel F., 1980. Idei [Ideas]. Dmitriev A.S., ed. *Literaturnye manifesty zapadnoevropeyskikh romantikov* [Literary Manifests of Western European Romantics]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, pp. 60-62.
- Epshteyn M.N., 1987. Liro-epicheskiy zhanr [Lyro-Epic Genre]. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ., p. 186.
- Knox N., 1961. *The Word Irony and Its Context, 1500–1755*. Durham, N. C: Duke University Press. 258 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Gogol N.V. *Mertvye dushi* [Dead Souls]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 415 p.
- Gogol N.V. *Povesti. Dramaticheskie proizvedeniya* [Tales. Dramatic Works]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. 328 p.
- Gogol N.V. *Vechera na khutore bliz Dikanki. Mirgorod* [Evenings on a Farm near Dikanka. Mirgorod]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1980. 351 p.
- Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981–1984.
- Fedorov A.I. *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, Astrel Publ.; AST Publ., 2008. 878 p.

Information about the Authors

Svetlana S. Vaulina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, 236016 Kaliningrad, Russia, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Elena V. Bulataya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Germanic Languages, Baranovichi State University, Voykova St., 21, 225404 Baranovichi, Belarus, bulataya87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7948-5108>

Информация об авторах

Светлана Сергеевна Ваулина, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, 14, 236016 г. Калининград, Россия, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Елена Васильевна Булатая, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики германских языков, Барановичский государственный университет, ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи, Беларусь, bulataya87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7948-5108>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.16>

UDC 81'42:821.161.1
LBC 81.055.51

Submitted: 16.12.2018
Accepted: 03.07.2019

STYLISTIC STRUCTURING OF NABOKOV'S METAPROSE IN THE CONTEXT OF MODERNISM AND POSTMODERNISM POETICS

Larisa Yu. Strelnikova

Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia

Abstract. The article considers the actual problem of determining the creative method of V. Nabokov in the aspect of artistic principles of modernism and postmodernism. Using the method of historical and discursive analysis, the features of the metanovel as the main genre of the writer's prose are characterized. It is shown that the narcissism of Nabokov's texts appears in the individual rhetoric of the writer, refuting the stereotypes of artistic perception formed in the classical tradition, signaling the aesthetic superiority of the writer. Stylistic codes forming a narcissistic novel are revealed: mythologism, deconstruction, double coding, intertextuality. The ways of their realization in the novels are described: individualization of linguistic techniques, metaphorization, allegorism, rhizomacy of structure of the text, play on cultural codes. It is established that as a means of author's self-expression, the language of Nabokov's works has value in itself, the writer develops his own way of aesthetic attitude to the word. It is concluded, that the identified stylistic codes determine Nabokov's works as belonging to both modernism and postmodernism. These codes form a metatext, or supertext, a special type of non-classical prose, in which the language becomes a specific coding formation, allowing the author to present aesthetic and intellectual information, thus starting creative relations with the reader.

Key words: metaprose, stylistic code, linguistic consciousness, modernism, postmodernism, mythologism, dual coding, deconstruction.

Citation. Strelnikova L. Yu. Stylistic Structuring of Nabokov's Metaprose in the Context of Modernism and Postmodernism Poetics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 210-220. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.16>

УДК 81'42:821.161.1
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 16.12.2018
Дата принятия статьи: 03.07.2019

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ МЕТАПРОЗЫ В.В. НАБОКОВА В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИКИ МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Лариса Юрьевна Стрельникова

Армави́рский государственный педагогический университет, г. Армавир, Россия

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема определения творческого метода В.В. Набокова в аспекте художественных принципов модернизма и постмодернизма. С использованием историко-дискурсивного анализа охарактеризованы черты метаромана как основного жанра прозы писателя. Показано, что нарциссизм набокловских текстов проявляется в индивидуальной риторике писателя, опровергая сложившиеся в классической традиции стереотипы художественного восприятия, сигнализируя об эстетическом превосходстве писателя. Выявлены стилистические коды, формирующие нарциссический роман: мифологизм, деконструкция, двойное кодирование, интертекстуальность, и описаны способы их реализации в произведениях В.В. Набокова: индивидуализация приемов языка, метафоризация, аллегоризм, ризомность структуры текста, игра культурными кодами. Установлено, что, будучи средством самовыражения автора, язык набокловского творчества обладает самоценностью, писатель вырабатывает свой способ эстетического отношения к слову. Сделан вывод о том, что выявленные стилистические коды определяют принадлежность творчества Набокова как к модернизму, так и к постмодернизму, формируют особый тип неклассической

прозы писателя – метатекст, или сверхтекст, в котором язык становится специфическим кодовым образованием, позволяя автору представлять эстетическую и интеллектуальную информацию, вступать в творческие отношения с читателем.

Ключевые слова: метапроза, стилистический код, языковое сознание, модернизм, постмодернизм, мифологизм, двойное кодирование, деконструкция.

Цитирование. Стрельникова Л. Ю. Стилистическое структурирование метапрозы В.В. Набокова в контексте поэтики модернизма и постмодернизма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 210–220. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.16>

Введение

Проблемы определения художественного метода Владимира Набокова имеют непреходящую актуальность для исследователей. Традиционно Набокова относят к писателям-модернистам, особенно в ранний период его творчества. Действительно, как модернист, он следует принципам неклассического искусства – поиску нового стиля, средств художественной выразительности и формы, изживанию нормативности в литературном языке и т. п. Историко-дискурсивный анализ произведений Набокова способствует как выявлению индивидуальных особенностей художественного языка писателя, так и рассмотрению его произведений в контексте неклассического искусства – не только модернизма, но и постмодернизма. Набокова интересует не просто красота языка и изысканность художественных приемов, писатель поднимает проблему языкового сознания как поэтического, предваряя мысль Ж. Дерриды о том, что «образный язык родился первым, а собственный смысл был обнаружен в последнюю очередь. Можно назвать вещи истинными имена-ми лишь тогда, когда видишь их в подлинном облике. Поначалу люди говорили поэтическими образами, а научились рассуждать лишь много позже» [Деррида, 2000, с. 456].

Стилистические коды творчества Набокова базируются на выраженном через язык поэтическом знании об окружающем мире, включая знание о существовании собственного «Я», отождествленного с Творцом. В оригинальном стиле Набокова воплотилось авторское творческое «эго», нарциссическая индивидуальность, противопоставленная традиционным формам художественной коммуникации, восходящим к классическому реализму.

В понимании Набокова художник должен дистанцироваться от идеологии как ложного

сознания, поскольку «великий писатель – всегда великий волшебник, и именно тогда начинается самое захватывающее, когда мы пытаемся постичь индивидуальную магию писателя, изучить стиль, образность, структуру его романов или стихотворений» (О хороших читателях и хороших писателях, с. 29). Проблема художественности в творческой системе Набокова связана с категориями метапрозы, ориентированной на абсолютизацию формы (структуры), творимой художником, а также семиотическую систему языка, позволяющую писателю моделировать действительность через символику образов-знаков, заключающих в себе только эстетическое содержание.

Писатель создавал свой уникальный стиль в процессе непрерывной творческой эволюции, объединив в культурно-поэтическом контексте как модернистские, так и постмодернистские приемы. Стилистические коды писателей модернизма и постмодернизма потребовали новых форм повествования, выявляющих специфику творческой коммуникации автора, читателя и текста. В неклассической литературе стилистические коды определяют художественное мышление автора, формируют текстовую картину мира и организуют особое содержание текста, основанное на неподлинных и недостоверных сведениях, способствуя выявлению скрытых и явных культурных заимствований, языковых влияний, которые структурируют текст в системе свободной игры «означающих», раскрывая невидимый, иррациональный план повествования. В структуре модернистского и постмодернистского текста стилистические коды разветвляют и одновременно структурируют произведение как интертекст, обращенный в разные культурные направления. Но «эта, – по замечанию Р. Барта, – “раздерганность” кода не только не противоречит структуре (расхо-

жее мнение, согласно которому жизнь, воображение, интуиция, беспорядок противоречат систематичности, рациональности), но, напротив, является неотъемлемой частью процесса структуризации» [Барт, 1989, с. 459].

С целью установить художественные особенности творческой манеры писателя в статье выявляются и характеризуются некоторые стилистические коды Набокова, определившие ее индивидуальность и оригинальность и отражающие тенденции искусства XX в. к созданию гибридных метаповествований, которые формируют эклектичную эстетику, направленную на обновление и деконструкцию устоявшихся норм языка и жанровых структур. Следует отметить, что стилистические коды писателя существуют не разрозненно, но между ними нет иерархии. Взаимодействуя друг с другом, они определяют творческую манеру писателя, становясь также основополагающими приемами неклассического искусства XX века.

В.В. Набоков как создатель нарциссической метапрозы

Метароман как новый жанр авторского повествования заявляет о себе в модернистский период реформирования культуры, деформации традиционных художественных нарративов, когда происходит смещение «эстетических систем», порождая, по словам М. Липовецкого, «небывалое взаимное притяжение между парадигматикой модернистского дискурса и поэтикой метапрозаического повествования» [Липовецкий, 1997, с. 47]. Следуя традиции европейских модернистов и предвзято художественную практику постмодернистов, Набоков деконструирует жанр романа, усиливая его саморефлективную функцию и коммуникативную роль, делая читателя своим соавтором. Набокову было присуще особое видение мира как виртуального творческого пространства, не соотносимого с обыденной реальностью и предназначенного для преобразования в фантастический литературный сюжет, маркирующий творческий код нарциссического автора.

Все, о чем повествует писатель, существует вне истории и осваивается только его воображением, реализуясь в форме метаро-

мана, перевоссоздающего действительность языком поэтических интуиций, метафор, стоящих в оппозиции к реалистическому принципу. Пытаясь вырваться из оков ясного языка и «гармонической прозы» (Дар, с. 137), художник меняет свое сознание и начинает воспринимать «мир как текст», творческий хаос, исключая примитивную правду жизни: «все самое очаровательное в природе и искусстве основано на обмане» (Дар, с. 137). Литература о литературе как фантастическая словесная игра в хаосоме искусства – такова метаповествовательная стратегия Набокова, рефлексивного о самом себе. Современник Набокова французский писатель Ж.-П. Сартр отметил нарциссизм как особенность метапрозы писателя: «Набоков... без колебаний посвящает себя рефлексии... Он никогда не пишет без того, чтобы при этом не видеть себя со стороны, – так некоторые слушают собственный голос...» [Сартр, 2000, с. 129].

В осмыслении природы творчества Набоков ориентируется на собственную творческую интуицию и выстраивает свои произведения как нарциссические метатексты, выявляющие авторскую стратегию построения сюжета, мотивов и лейтмотивов, игру интертекстов, языковую неоднородность и оригинальность стиля. Происходит перемещение особенностей литературного процесса к не свойственным классическому стилю приемам письма, призванным обеспечить превосходство поэтического мышления, показать, что отныне художественный текст пишется не логически выверенным языком реализма, а создается «на грани сознания и сна», выявляя в блеске «аллитераций» результат творческих экспериментов писателя: «хрустальный хруст той ночи христианский под хризолитовой звездой» – таким «словесным браком» герой «Дара» Федор изживает нормативность в поэзии (Дар, с. 316).

Конструируя индивидуальную модель произведения, Набоков не столько воссоздает события жизни своих героев, сколько фантазирует о событиях их жизни, демонстрируя искусственность и сделанность художественного текста, чтобы читатель видел новую литературу и не смог соотносить ее с искусством прошлых эпох.

Метароману присущ специфический авторский язык, освобожденный от деспотии нормативности и прямолинейности. Он открывает возможности для творческих экспериментов, художественных эффектов и фикций, не обремененных исторической достоверностью. Метатекст сближает писателя и читателя, позволяя последнему проявить творческую фантазию интерпретатора в поисках смыслов и значений вне их связи с реальными прототипами. В лекции о творчестве Джейн Остен Набоков опровергает функцию искусства правдиво отображать реальность, считая, что задача художника – представить «упоительную игру вымысла» (Джейн Остен, с. 37). Писатель не должен связывать себя пресловутым чувством жизни, показывая только художественно преображенную реальность, в которой ничего не происходит и не существует как факт действительности. В этом и состоит специфика стиля метаромана – описать все поэтическим языком, продемонстрировать власть художественного слова над прямою здравого смысла.

В набоковском метаромане, как впоследствии у Х.Л. Борхеса, «реальное и фантастическое отражаются друг в друге, как в зеркалах, или незаметно перетекают друг в друга, как ходы в лабиринте» [Тертерян, 1989, с. 9], создавая и в постмодернистском направлении алогичную ризомную композицию множественных сюжетных линий, фокусирующих художественные фантазмы автора, создающего свое творение в состоянии творческого экстаза.

Опираясь на свои представления о способах создания поэтического произведения, Набоков формирует многоуровневую и многоплановую структуру текста свободной композиции, выявляя тем самым специфику индивидуального творческого мировосприятия художника, создающего авторский метатекст как слово об искусстве рассказывания. В романах «Дар» и «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» Набоков представляет своего творческого двойника, рефлексующего о процессе создания художественного текста. Так, герой «Дара» Федор вступает в конфликт с «божественным волнением и человеческим миром, где все гасло на гибельном словесном сквозняке» предсказуемого классического письма до тех пор, пока он не изменился «в от-

ношении к стихотворчеству» (Дар, с. 137). Тогда и произошел желаемый переход от привычной «классификации слов, коллекции рифм» с их прямыми значениями к поэзии загадочной и непредсказуемой, двигающейся по искажающему реальность принципу «хода коня», освобождая писателя от прямоты смыслов и выводя произведения на уровень саморефлексивного творчества, выявляющего художественный потенциал автора.

В своих американских романах Набоков продолжает развивать стратегию метароманного творчества, усиливая позиции автора как изобретателя гибридных полифоничных текстов, открытых для смысловых интерпретаций и языковых трансформаций. В романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» рефлексия героя также направлена на поиски новых форм творчества, выявление тайных, интуитивных смыслов художественного процесса: «Себастьян Найт всегда любил жонглировать темами, принуждая их сталкиваться или коварно сплетая, принуждая их выражать то потайное значение, которое передается лишь чередованием волн, – как музыка китайского буйка становится слышной, только когда он колеблется» (Подлинная жизнь Себастьяна Найта, с. 168). Следуя стилистическим экспериментам А. Белого, Набоков вводит в прозаический текст музыкальный ритм, сближая поэтическую и прозаическую речь. Ритмика художественного слова в набоковском метатексте совпадает с музыкальным ритмом, усиливая эмоциональность восприятия. Особый музыкально-поэтический ритм набоковской метапрозы оформляется стилистическими приемами-кодами, подчеркивая метафорическую сущность языка, его природную страстность и образность.

Стилистические коды в структуре произведений Набокова

В творческой системе Набокова необходимо выделить специфические модернистские и постмодернистские стилистические коды, структурирующие набоковские метатексты. Они организуют новое художественное пространство, которое можно представить как «ткань, переплетение разных голосов, многочисленных кодов, одновременно перепутанных

и незавершенных» [Барт, 1989, с. 459], что в совокупности составляет авторское письмо, его индивидуальную творческую манеру.

К числу стилиобразующих художественных кодов набоковской метапрозы следует отнести *мифологизм, деконструкцию, двойное кодирование, интертекстуальность*.

Мифологизм функционирует в произведениях Набокова как поэтическое слово автора. Воспринимаемый в неклассической литературе миф как метаповествование использует особый тип языка, воспевающий образы, не связанные с действительностью, а создаваемые воображением писателя. Миф поселяется в языке, фантастически воздействуя на реальные вещи и человека.

Мифологизированный язык набоковских произведений направлен на восприятие текста как фантастического рассказа автора, устанавливающего господство означаемого, усиливая иррациональную функцию художественного письма. Стремясь к достижению «сверхвысокого уровня искусства» (Николай Гоголь, с. 510), Набоков переводит прямой смысл в мифологическую категорию абсурдных высказываний, с целью описать особое эстетическое состояние как пространство инобытия, что можно проследить по словам Смурова: «Я знал, что очень часто пустой дневник о беседах, о прогулках, о попугаях соседа и о том, что было к завтраку в тот пасмурный день, когда, скажем, казнили короля... такие пустые записи часто живут сотни лет и что читаешь их с удовольствием, – ради привкуса старины, ради названия блюда, ради фестивального простора там, где ныне тесно от больших домов...» (Соглядатай, с. 333). Так говорит герой повести «Соглядатай», отдавая предпочтение поэтическому слову перед событиями обыденной жизни.

Реалистическое отображение жизни заменяется авторской мифологией, сливающей в «мозговой игре» подлинное и фантастическое. Миф становится, по словам Е. Мелетинского, «инструментом повествовательного структурирования» [Мелетинский, 2000, с. 129], выявляя парадоксальность, непостижимость процесса творчества с точки зрения логики. Смысл творчества обретается в изобретении стиля, в потенциале художественного слова, творящего новую реальность. Миф в неклассическом произведении не поясняет реальность, а описывает ее художественным языком, изгоняя всякое сходство с жизнью. Значение имеет то, каким языком описывается изображаемое, ведь «любую вещь, – по словам Р. Барта, – можно вывести из ее замкнутого, безгласного существования и превратить в слово» [Барт, 1989, с. 72]. Образное языковое сознание для Набокова является первичным, писатель сочиняет литературный миф как метатекст, выявляющий индивидуальность авторского почерка: «Писатель опознается сразу – по особому рисунку, по неповторимой раскраске» (Интервью с Аппелем, с. 589). Так Набоков определял специфику своего стиля.

Набоковские персонажи могут быть внешне описаны вполне реалистично, но все они, как правило, имеют вторую, мифологизированную, жизнь, сочиненную как фантастический рассказ о не существующем в реальности человеке. Например, герой романа «Машенька» Ганин трансформирует ницшеанский миф о «вечном возвращении» в фантастическую историю о воскресших в памяти событиях, призванных возродить счастливое прошлое в процессе рассказывания о Машеньке: «...ее образ, ее присутствие, тень ее воспоминания требовали того, чтобы наконец он и ее бы воскресил...» (Машенька, с. 58). Мифологическим кодом Лужина становится шахматная игра, сквозь призму которой герой видит окружающий мир и говорит языком шахмат: «Ферзь черных совершенно свободен... Против угрозы на аш-сень у черных есть очевидная защита» (Защита Лужина, с. 131).

Мартын из «Подвига» сочиняет фантастические истории о несуществующих героических подвигах, составляющих его личную мифологию, как рассказы о самом себе. Он проецирует себя на несуществующих литературных героев, сменяя маски то благородного рыцаря, то капитана пиратского корвета, то беглого каторжника, который «на взмыленном коне, с шашкой наголо, первым врывается в мятежную Москву» (Подвиг, с. 164). В «Соглядатае» мифологическим кодом становится фантастический рассказ некоего Смурова о самоуничтожении. «Маленький человек» Смуров «возрождается» после своего художественного самоубийства в мифической поту-

сторонности инобытия, вступая в противостояние с материальным миром: «Мир, как ни старайся, не может меня оскорбить, я не уязвим» (Соглядатай, с. 345). Фантастический рассказ Смурова о своем самоубийстве и чудесном воскрешении становится своего рода возможностью отгородиться от враждебной и бессмысленной реальности, единственной возможностью сохраниться в вечности как литературный персонаж авторского мифа.

Мифологизированный сюжет романа «Приглашение на казнь» внеисторичен, фантастические события происходят в несуществующем пространстве гиперреальности. Цинциннат представляет собой тип мифологического героя, живущего своими бредовыми фантазиями о Тамариных Садах, о предстоящей казни, трагедия человеческой жизни преобразуется в театральную фарсу: «все это театральное, жалкое...» (Приглашение на казнь, с. 118). Таким образом, миф у Набокова утрачивает свою культурную и онтологическую ценность, преобразуясь в аллегорическую эстетическую аллюзию, не объясняя, а описывая фантазии автора.

Мифология героя романа «Дар» Федора выстраивается из мечтаний героя о желании стать великим писателем. Для этого он выдумывает никогда не написанные им романы об отце, о Чернышевском, представляет свои встречи с Пушкиным, ведет с Кончеевым мнимую беседу о литературе, пытаясь обрести вдохновение в своих фантазиях, в чем и признается читателю: «я веду сам с собой вымышленный диалог по самоучителю вдохновения» (Дар, с. 69).

Мифологизирование творческого процесса позволяет писателю преодолеть миметический канон, раскрепостить свои фантазии, деформировать прямой смысл в поэтическом слове автора, формируя поэтическое мышление читателя.

Одним из главных стилистических кодов набоковского творчества стала также *деконструкция*, демонстрирующая «многозначность и вариативность текстов» [Эпштейн, 2016, с. 9]. Прием деконструкции характерен для постмодернистской эстетики, его принципы были разработаны французским постструктуралистом Ж. Дерридой. Деконструкцию невозможно определить с логической точ-

ки зрения, о чем сообщает Ж. Деррида в «Письме к японскому другу»: «Чем деконструкция не является? – да всем! Что такое деконструкция? – да ничто!» [Деррида, 1992]. Деконструкция деформирует классические формы, направляя читателя на выявление внутренних противоречий текста, позволяя перечитывать и интерпретировать произведение до бесконечности. Набоковская деконструкция направлена на создание логически неопределимого в смысловом и структурном отношении текста-химеры, сплавливающего в себе несоединимые элементы – реальное и фантастическое, рациональное и бессознательное. Язык служит здесь только средством поэтического описания, а не понимания происходящего.

Начиная с «Машеньки», «Соглядатай», «Подвига», Набоков разрушает традиционное для реализма восприятие действительности как одномерного пространства в пользу игры разных смыслов, литературных кодов, приемов языка. С точки зрения деконструкции можно не столько анализировать набоковский текст, сколько выявлять в нем скрытые эстетические смыслы, включив его в игровое поле поиска интертекстов, художественных кодов. В набоковском творчестве деконструкция не становится разрушительным явлением, напротив, она создает новую художественную структуру, выявляющую неоднозначность понимания и внутреннюю противоречивость художественного текста. Писатель не ставит целью искусства познание мира, а деконструирует привычные понятия и устраняет стереотипы мышления и языка, которые в поэтическом произведении уступают место аллегориям, метафорам и фантазиям автора, разоблачая претензии на истинность смыслов и достоверность описываемого.

Сюжетные линии разветвляются внутри структуры, создавая ризомную композицию свободного от логики шизоидного текста, заключающего в себе фантазмы автора. Деконструкция меняет и структуру произведения, выдвигая на первый план свободу построения текста, выявляя специфику формы, заключенную часто в актуальные для модернистского искусства геометрические фигуры, обнажая художественную «кривизну» композиции. Например, роман «Защита Лужина» выстраивается по схеме шахматного «хода коня», в

«Даре» прослеживается авангардистская модель спиралевидных фигур и супрематических «треугольников, вписанных в круг» в «Даре» (Дар, с. 39). Интермедальность в «Подвиге» выявляет трансформацию Мартына в живописный персонаж акварельной картины, нарисованной его бабушкой Эдельвейс, которая «вряд ли предвидела, когда мешала на фарфоровой палитре синенькую краску с желтенькой, что в этой рождающейся зелени будет когда-нибудь плутать ее внук» (Подвиг, с. 158). В «Камере обскура» банальный адюльтерный сюжет деконструируется, обнаруживая неявный смысл подмены реальных событий на кинематографический сценарий. В набоковской деконструкции стирается граница между реальным и вымышленным мирами, отраженными в сознании героев, выявляя иллюзорный характер восприятия действительности как художественного пространства, в котором господствуют фантазии писателя.

Художественный язык деконструктивно-го текста обретает самоценность и самостоятельность, вступая в противоречие с логикой, смысл же поглощается риторикой. В «Отчаянии» Набоков озвучит свою творческую позицию о превосходстве художественного почерка над мыслью, выделяя разные манеры письма как особенности риторического структурирования текста и приходя к выводу, что язык изначально амбивалентен и отражает полифоничность авторского стиля. Герой романа Герман сбивается, когда пытается писать одним почерком, и создает свою повесть «всеми двадцатью пятью почерками, вперемешку», заставляя думать читателя, что «писало мою повесть несколько человек» (Отчаяние, с. 380–381). В «Даре» Набоков, отвергая стереотипы мышления, обосновывает свободу авторского письма в его художественном воплощении: «...я это все так перетасую, перекручу, смешаю, разжую, отрыгну... таких своих специй добавлю, так пропитаю собой...» (Дар, с. 328).

Принцип деконструкции подтверждает постмодернистскую установку на восприятие мира как текста, включенного в мировой культурный контекст и предназначенного не столько для понимания, сколько для интерпретационного анализа в субъективном направлении.

К числу значимых стилистических кодов Набокова, формирующих оригинальную манеру его письма, следует отнести постмодернистский прием *двойного кодирования* текста. Двойное кодирование призвано было разрушить стереотипное понимание художественного языка и всего текста, выводя его в сферу многозначного интертекстуального прочтения. В интерпретационное поле текста вовлекаются критики и читатели, задача которых – разгадать авторские коды, постичь ускользающие нюансы смыслов, отыскать их соотношения с известными культурными кодами. Двойное кодирование придает тексту гибридность, заключенную в многослойности, сплетении разных культурных кодов, подтекстовых значений, давая возможность Набокову обратиться и к интеллектуальному, и к массовому читателю.

Понятие двойного кодирования относится к концепции бесконечной множественности тем и смыслов внутри одного текста. Оно позволяет говорить о многоуровневости произведения и делает возможным «прочтение текста одновременно на нескольких уровнях, иногда близких, а иногда максимально удаленных друг от друга» [Полищук, 1997, с. 812]. В стремлении оторваться от миметического канона писатель шифрует свои тексты множественными художественными кодами, выявляя своего рода «двойное дно» произведения, скрытые и неоднозначные смыслы, что выводит текст на интуитивный и поливариантный уровень восприятия, разрушая стереотипное восприятие текста и языка, побуждая читателя включиться в игру-интерпретацию и поиски зашифрованных подтекстов.

Набоков отодвигает видимый смысл, выставляя вперед код загадочности, непостижимости, отождествляемый с языком, словом автора и героя. Например, ностальгическая тема утраченной России выступает как видимая сюжетная линия романа «Машенька», но смысл проблематизируется двойным кодом, заключенным в ницшеанской идее «вечного возвращения», понимаемой Набоковым в бергсоновско-прустовском смысле как ассоциации памяти, обращенной к подсознанию, способному сохранить события прошлого и в любой момент вновь живо воспроизвести их в рассказах о чувственных переживаниях.

Ганин живет в иллюзиях воспоминаний о прошлом, отказавшись от идеи возвращения реальной Машеньки, сохранив ее как фантазию памяти: «...он до конца исчерпал свое воспоминание, до конца насытился им...» (Машенька, с. 112).

Двойным кодом романа «Приглашение на казнь» является авторский замысел о некоем эстетическом пространстве вечности, куда перемещается Цинциннат после своей симулятивной казни. Смерть в деконструктивном тексте перестает быть фактом реальности и становится эстетическим событием, темой театра абсурда, о котором повествует несостоявшийся безумный художник, ибо «весь маскарад происходит у него в мозгу» (Приглашение на казнь, с. 123). Реальность превращается в мираж, призрачное зазеркалье, подлинным остается слово героя, его стремление запечатлеть себя в вечности, рассказав о себе образным языком метафор: «какие мне нужны объемистые эпитеты, чтобы их налить хрустальным смыслом...» (Приглашение на казнь, с. 119).

Детективная интрига в «Отчаянии» выступает лишь внешней мотивировкой событий. С эстетической точки зрения главную роль играет не факт преступления, а рассказывание о нем. Герман создает свое произведение как «рассказ о рассказе», язык и стиль которого он волен выбирать сам. Свобода творчества противопоставлена «искусственности» «психологических романов», а ценность произведения определяется изобретательностью автора, его умением сплавлять множество языков, демонстрируя свою «ненормальность» по отношению к здравому смыслу. Стратегия двойного кодирования предполагает свободу выбора в интерпретации текста в зависимости от фантазий и эстетических предпочтений читателя.

Одним из ключевых стилистических кодов набоковского творчества является *интертекстуальность*, вовлекающая произведение в творческий хаос, игру чужих цитат, становясь пародийным переименованием чужого слова. Интертекстуальность – это необходимый структурный компонент набоковского стиля, поскольку она выявляет подтекстовые смыслы и усиливает искусственность текста, затрудняя поиски первоисточников прочитан-

ного. В бартовском смысле такой «текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [Барт, 1989, с. 418].

Используя код интертекстуальности, Набоков деконструирует текст, способствуя образованию полицитатного произведения, в котором «поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [Кристева, 2000, с. 429], изменяя статус слова, функционирующего, по словам Ю. Кристевой, «в трех измерениях (субъект – получатель – контекст)» [Кристева, 2000, с. 429]. Интертекстуальность усложняет структуру набоковского текста, наполняя его множественными смыслами-загадками, превращая в не поддающуюся однозначной интерпретации «мозаику цитаций», своего рода карнавал культурных кодов, вследствие чего каждый текст можно прочесть и интерпретировать в разных ракурсах.

Предваряя теории постмодернистов Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Дерриды и др., Набоков в своих творческих экспериментах рассматривает литературу как всемирный интертекст, структурированный из разных языковых кодов и не имеющий единого смыслового центра. На основе интертекстуальных аллюзий выстраивается каждое произведение Набокова. Множественность разветвленных ризомных смыслов-загадок, призванных сосредоточить внимание читателя на игре в разгадывание литературных маркеров, привела к подмене текста (в его детерминистском понимании) интертекстом, выявляя сверхтекстовую структуру произведения и усиливая коммуникативность культурных кодов. Писатель создает своего рода игровое пространство, составленное из интертекстов, включающее в себя второй, сверхреальный, план повествования, описанный «фигуративным» языком. Набоковский интертекст составляет автором как мозаичное полотно, «где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [Кристева, 2000, с. 429], где в «межтекстовый диалог» [Кристева, 2000, с. 435] включаются автор, читатель и искусственно созданный текст.

Пробуждение интереса к набоковским произведениям обусловлено и увлекательными поисками литературных «ключей» к интер-

текстуальным аллюзиям писателя. Интертекстуальность децентрирует художественный текст, делает его вторичным по отношению к первоисточнику, но в то же время придает ему черты интеллектуальности и занимательности.

Набоков превращает свои произведения в комбинации интертекстуальных аллюзий, языковых приемов, демонстрирующих процесс создания художественного произведения. Так, роман «Машенька» интертекстуально отсылает читателя к пушкинскому «Евгению Онегину», герой «Защиты Лужина» перекликается с гением Моцарта. В «Отчаянии» можно найти целый ряд интертекстуальных перекличек с «Пиковой дамой» А. Пушкина, «Мелким бесом» Ф. Сологуба, детективами А. Кристи. В романе «Дар» интертекстуальность проявляется в иронических диалогах с русской литературой и поэтами-современниками (А. Белый, И. Бунин, К. Бальмонт и др.) с целью утверждения собственной эстетической позиции. Роман «Король, дама, валет», с одной стороны, является аллюзией на сказку Андерсена «Короли, дамы, валеты», с другой – соотносится с карточной игрой, отсюда отождествление героев с карточными фигурами.

Особенность набоковской интертекстуальности состоит в том, что писатель не столько вступает в диалог с произведениями иных литературных эпох, сколько пародийно переиначивает их, ритуально уничтожая реалистическую традицию как пережиток прошлого, «пробираясь по узкому хребту между своей правдой и карикатурой на нее» (Дар, с. 180), видя в искусстве спасение от серьезной жизни, подтверждая постулат о том, что «вымысел искусства правдивее жизненной правды» (Отчаяние, с. 406). Интертекстуальность как неотъемлемый стилистический код набоковской прозы не ведет к понятию «смерти автора», напротив, писатель сохраняет свои господствующие позиции, осуществляя взаимодействие «своего» и «чужого» слова.

Заключение

Охарактеризованные в статье стилистические коды Набокова (*мифологизм, деконструкция, двойное кодирование, интертекстуальность*) не исчерпывают всего многообразия художественных приемов писателя,

но позволяют говорить о специфике его творческого метода. Включаясь в процесс реформирования художественно языка, Набоков использует изобретенные им стилистические приемы, презентующие его как «нарциссического автора», сумевшего соединить творческие достижения новаторского искусства модернизма и постмодернизма и в то же время не утратить уникальности своего поэтического мастерства.

В художественном пространстве набоковских текстов модернистское стремление к стилистическому обновлению сочетается с нацеленной на выявление скрытых смыслов постмодернистской деконструкцией, с множественностью стилистических кодов, знаков-символов, лишаящих текст целостности и центричности, делая его интертекстуально раздробленным.

Разнообразные приемы художественного письма позволяют Набокову демонстрировать искусственность своих текстов, отражающих переход в «мир фантазмов», мнимостей зазеркальной реальности, описанной языком метафорических, многозначных понятий, сохраняющих при этом принадлежность к эстетическому культу литературной и лингвистической игры. Многоуровневость художественных текстов Набокова, стилистическая многогранность творческой манеры писателя побуждает читателя отыскивать и разгадывать наслоения смыслов в произведениях, наполненных ассоциациями, абсурдом, уподобленных тексту-загадке или шараде. Значимым является процесс разгадывания, а не конечный результат поиска смыслов.

Используя стилистические коды как показатель нарочитой сделанности произведения, Набоков растворяет искусство в жизни, отходит от классических принципов реализма. Главным для него становится игра с текстом и читателем и демонстрация господства вымысла, фантазии, загадочности творческого процесса, нацеленного на индивидуализацию автора и выявление художественных особенностей его письма.

Обратной стороной творческого эксперимента в литературе XX в. стал разрыв с гуманистической традицией, восприятие мира как абсурда, лишённого причинно-следственных связей, отступление от четких

морально-этических принципов в угоду чистой художественности. Нельзя не учитывать, что, претерпев кардинальные изменения в области стиля, жанра, языка, новаторское искусство модернизма, а затем и постмодернизма отошло от духовного содержания литературы, превратив форму в «формулу, а содержание в мертвый материал» [Вейдле, 2000, с. 355], противопоставив жизненно-человеческое сугубо эстетическому мировосприятию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р., 1989. Избранные работы : Семиотика : Поэтика. М. : Прогресс. 616 с.
- Вейдле В., 2000. Умирание искусства // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. М. ; СПб. : Унив. кн. С. 352–378.
- Деррида Ж., 1992. Письмо к японскому другу. URL: http://derrida.sitecity.ru/ltext_0509020756.phtml?p_id=ltex_0509020756.p_0706041937 (дата обращения: 14.12.2018).
- Деррида Ж., 2000. О грамматологии. М. : Ad Marginem. 512 с.
- Кристева Ю., 2000. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму. М. : Прогресс. С. 427–457.
- Липовецкий М. Н., 1997. Русский модернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 317 с.
- Мелетинский Е. М., 2000. От мифа к литературе. М. : РГГУ. 169 с.
- Полищук В., 1997. Жизнь приема у Набокова // В. Набоков: pro et contra. СПб. : РХГИ. Т. 1. С. 809–822.
- Сартр Ж.-П., 2000. В. Набоков. Отчаяние // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии. М. : Новое лит. обозрение. С. 128–130.
- Тергерян И. А., 1989. Человек, мир, культура в творчестве Хорхе Луиса Борхеса // Борхес Х. Л. Проза разных лет. М. : Радуга. С. 5–20.
- Эпштейн М., 2016. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменить мир. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив. 480 с.

ИСТОЧНИКИ

- Дар – Набоков В. Дар // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 3. С. 5–333.
- Джейн Остен – Набоков В. Джейн Остен // Лекции по зарубежной литературе. М. : Независимая газета, 1998. С. 33–98.

- Защита Лужина – Набоков В. Защита Лужина // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 2. С. 5–152.
- Интервью с Аппелем – Набоков В. Интервью Альфреду Аппелю // Собрание сочинений американского периода : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 1997. Т. 3. С. 589–621.
- Машенька – Набоков В. Машенька // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. С. 35–112.
- Николай Гоголь – Набоков В. Николай Гоголь // Собрание сочинений американского периода : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 1997. Т. 1. С. 400–522.
- Отчаяние – Набоков В. Отчаяние // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 3. С. 334–463.
- О хороших читателей и хороших писателях – Набоков В. О хороших читателях и хороших писателях // Лекции по зарубежной литературе. М. : Независимая газета, 1998. С. 23–29.
- Подвиг – Набоков В. Подвиг // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 2. С. 155–298.
- Подлинная жизнь Себастьяна Найта – Набоков В. Подлинная жизнь Себастьяна Найта // Собрание сочинений американского периода : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 1997. Т. 1. С. 24–191.
- Приглашение на казнь – Набоков В. Приглашение на казнь // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 4. С. 5–133.
- Соглядатай – Набоков В. Соглядатай // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 2. С. 299–345.

REFERENCES

- Bart R., 1989. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Progress Publ. 616 p.
- Weidle V., 2000. *Umiranje iskusstva* [Dying Art]. *Samosoznanie kultury i iskusstva XX veka. Zapadnaya Evropa i SShA*. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., pp. 352-378.
- Derrida Zh., 1992. *Pismo k yaponskomu drugu* [Letter to a Japanese Friend]. URL: http://derrida.sitecity.ru/ltext_0509020756.phtml?p_id=ltex_0509020756.p_0706041937 (accessed 14 December 2018).
- Derrida Zh., 2000. *O grammatologii* [On Grammatologie]. Moscow, Ad Marginem Publ. 512 p.
- Kristeva Yu., 2000. *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel]. *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics. From Structuralism to Poststructuralism]. Moscow, Progress Publ., pp. 427-457.
- Lipovetsky M. N. 1997. *Russkiy modernism. Ocherki istoricheskoy poetiki* [Russian Modernism.

- Essays on Historical Poetics]. Yekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 317 p.
- Meletinsky E. M., 2000. *Ot mifa k literature* [From Myth to Literature]. Moscow, RGGU. 169 p.
- Polishchuk V. 1997. Zhizn priema u Nabokova [The Existence of Device in Nabokov's Prose]. *V. Nabokov: pro et contra*. Saint Petersburg. RKhGI, vol. 1, pp. 809-822.
- Sartre Zh.-P., 2000. V. Nabokov. Otchayanie [Vladimir Nabokov. Despair]. *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova. Kriticheskie otzyvy, esse, parodii* [Classic Without Retouching. Literary World About the Works of Vladimir Nabokov. Critical Reviews, Essays, Parodies]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 128-130.
- Terteryan I.A., 1989. Chelovek, mir, kultura v tvorchestve Khorkhe Luisa Borkhesa [Man, World, Culture in the Works of Jorge Luis Borges]. Borkhes Kh.L. *Proza raznykh let* [Prose of Various Years]. Moscow, Raduga Publ., pp. 15-20.
- Epstein M., 2016. *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenit mir* [From Knowledge to Creativity. How the Humanities Can Change the World]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 480 p.
- In 4 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 2, pp. 5-152.
- Nabokov V. Intervyu Alfredu Appelyu [Interview With Alfred Appel]. *Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda: v 5 t.* [Collected Works of the American Period. In 5 Vols.]. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 1997, vol. 3, pp. 589-621.
- Nabokov V. Mashenka. [Mary]. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works. In 4 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 1, pp. 35-112.
- Nabokov V. Nikolay Gogol [Nikolay Gogol]. *Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda: v 5 t.* [Collected Works of the American Period. In 5 Vols.]. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 1997, vol. 1, pp. 400-522.
- Nabokov V. Otchayanie [Despair]. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works. In 4 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 3, pp. 334-463.
- Nabokov V. O khoroshikh chitatelnykh i khoroshikh pisatelnykh [About Good Readers and Good Writers]. *Lektsii po zarubezhnoy literature* [Lectures on Foreign Literature]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1998, pp. 23-29.
- Nabokov V. Podvig [Glory]. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works. In 4 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 2, pp. 155-298.
- Nabokov V. Podlinnaya zhizn Sebastiana Nayta [The Real Life of Sebastian Knight]. *Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda: v 5 t.* [Collected Works of the American Period. In 5 Vols.]. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 1997, vol. 1, pp. 24-191.
- Nabokov V. Priglasenie na kazn [Invitation to a Beheading]. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works. In 4 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 4, pp. 5-133.
- Nabokov V. Soglyadatay [The Eye]. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works. In 4 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 2, pp. 299-345.

SOURCES

- Nabokov V. Dar [Gift]. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works. In 4 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 3, pp. 5-333.
- Nabokov V. Dzheyn Osten [Jane Austen]. *Lektsii po zarubezhnoy literature* [Lectures on Foreign Literature]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1998, pp. 33-98.
- Nabokov V. Zashchita Luzhina. [Defense of Luzhin]. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works.

Information about the Author

Larisa Yu. Strelnikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of National Philology and Journalism, Armavir State Pedagogical University, Rosa Luxemburg St., 159, 352901 Armavir, Russia, lorastrelnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8194-1130>

Информация об авторе

Лариса Юрьевна Стрельникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики, Армавирский государственный педагогический университет, ул. Розы Люксембург, 159, 352901 г. Армавир, Россия, lorastrelnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8194-1130>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.17>

UDC 811.133.1'342
LBC 81.471.1-1

Submitted: 24.12.2018
Accepted: 03.07.2019

PHONETIC PECULIARITIES OF THE FRENCH LANGUAGE OF CAMEROON

Yuliya S. Blazhevich

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. Phonetic peculiarities of the territorial variant of the French language in Cameroon have been considered in the article. Audio- and video recordings of French-speaking Cameroonians have been used for the study. Significant divergences between the phonetic systems of the French language of the former metropolis and its Cameroonian version have been detected in the systems of vowels and consonants as well as on the prosodic level. The analysis proves that local Cameroonian languages being L1 of the speakers interfere with the French language of Cameroon as articulation habits of mother tongues are transferred into their speech in the French language. In the vowel system we have detected the following phonological phenomena: substitution of French sounds by the L1 ones, denasalization, diphthongization of vowels, change of sound length and use of epenthesis. In the consonant system such phenomena as substitution, devoicing, voicing, palatalization, sound opposition attenuation and consonant cluster simplification have been detected. Alterations are also observed on the prosodic level where L1 interference manifests in the form of excess tone marking transferred into French which is characteristic of most indigenous African languages. Four groups of accents spoken in Cameroon are also singled out and their main characteristics are described in the article.

Key words: French language, phonetics, phonetic processes, interference, accents, Cameroon.

Citation. Blazhevich Yu.S. Phonetic Peculiarities of the French Language of Cameroon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 221-230. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.17>

УДК 811.133.1'342
ББК 81.471.1-1

Дата поступления статьи: 24.12.2018
Дата принятия статьи: 03.07.2019

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАМЕРУНА

Юлия Сергеевна Блажевич

Белгородский национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Аннотация. В исследовании описаны фонетические особенности территориального варианта французского языка Камеруна. Материалом для анализа послужили аудио- и видеозаписи живой речи франкофонных камерунцев. Выявлены существенные различия между фонетической системой французского языка бывшей метрополии и камерунского варианта французского языка. Они установлены в вокализме, консонантизме, тоне и фонотактике ударения. В результате проведенного анализа доказано существование значительной интерференции со стороны этнических языков Камеруна, когда произносительские привычки родного языка говорящего переносятся в его речь на французском языке. В системе вокализма охарактеризованы такие явления, как субституция звуков французского языка звуками родных языков камерунцев, деназализация, дифтонгизация гласных, изменение их долготы, широкое использование гласных эпентез (анаптаксис и протеза). В системе консонантизма зафиксированы субституция звуков, оглушение, озвончение, палатализация, а также процессы ослабления некоторых оппозиций звуков и упрощение кластеров согласных. На суперсегментном уровне также обнаружено влияние на французский язык местных тональных языков. В статье выявлены четыре группы акцентов регионов Камеруна и описаны наиболее характерные черты каждого из них.

Ключевые слова: французский язык, фонетика, фонетические процессы, интерференция, акцент, Камерун.

Цитирование. Блажевич Ю. С. Фонетические особенности французского языка Камеруна // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 221–230. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.17>

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения изменений, происходящих во французском языке (далее – ФЯ) вне пределов исконных территорий его распространения. Французский язык в Африке имеет свою специфику по сравнению с языком бывшей метрополии. Эта специфика проявляется на всех языковых уровнях, в том числе и на фонетическом, где африканизмы, по словам А.И. Чередниченко, «представляют собой исторически сложившуюся совокупность признаков, характеризующих этот ареал как в целом, так и по отдельным его зонам» [Чередниченко, 1983, с. 73]. Цель нашего исследования – описание фонетических особенностей ФЯ Камеруна, являющихся результатом влияния местных языков. Для этого ставятся следующие задачи: выявить результаты и определить специфику интерференции во ФЯ Камеруна на фонологическом уровне; установить лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на языковые изменения, связанные с интерференцией. Для решения данных задач применялся метод сопоставительного типологического анализа, характерного для исследований в области контактной лингвистики.

Материалом для анализа послужили аудио- и видеозаписи живой речи франкофонных камерунцев, включая записи радио- и телепередач. Общий объем звучащего материала – 6 часов.

Фонетический инвентарь

Системы гласных, согласных и просодические характеристики ФЯ Камеруна отличаются от ФЯ бывшей метрополии.

Фонетическая система ФЯ включает 17 согласных, 3 полугласных и 16 гласных. Во ФЯ 12 чистых гласных ([ɑ], [a], [e], [o], [i], [u], [y], [œ], [ø], [ɛ], [ɔ], [ə]) и 4 носовых ([ã], [œ̃], [ẽ̃], [õ̃]).

Система согласных (и полугласных) состоит из следующих фонем: [p], [b], [t], [d], [k], [g], [m], [n], [ɲ], [f], [v], [s], [z], [ʃ], [ʒ], [j], [ʝ], [ʒ], [w], [ɥ].

Фонетическая система камерунского варианта ФЯ обладает некоторыми отличиями от языка бывшей метрополии. Так, во ФЯ Камеруна, помимо 17 согласных и 3 полугласных, есть дополнительные фонемы: [h], [ʔ] («гортанная смычка» – фр. «coup de glotte», англ. «glottal stop») и [ŋ]. Вокализм состоит из 11 гласных: [a], [e], [o], [i], [u], [y], [œ], [ø], [ɛ], [ɔ], [ə]. Эти отличия объясняются фонетической интерференцией. Для большинства камерунцев ФЯ выступает вторым (третьим) или даже иностранным языком, на который переносится артикуляционная база того или иного этнического языка. Влияние родного языка говорящего на фонетическом уровне проявляется в возникновении «дифференциальных признаков», которые, как правило, характерны для речи всего билингвального (или мультилингвального) коллектива. Как показано А.И. Чередниченко, количество таких признаков может зависеть от «степени индивидуального овладения орфоэпическим стандартом, образовательного уровня говорящих, традиций семейного или социально-бытового говорения, а также в определенной мере – от особенностей слухового и речедвигательного аппарата» [Чередниченко, 1983, с. 73].

При рассмотрении фонетических особенностей ФЯ, характерных для многих франкоязычных камерунцев (или многочисленных групп), мы учитываем отсутствие единого варианта произношения.

Особенности вокализма

Наличие большого количества гласных выступает одной из причин «неустойчивости французского вокализма, выхода из употребления некоторых звуков, стирания фонологических различий между существующими оппозициями» [Багана, Трещева, 2012, с. 51].

На фонетическом уровне влияние этнических языков на ФЯ проявляется в стирании различия между чистыми гласными. Например, фонетические системы большинства языков банту (на них говорит более 60 % населения Камеруна) имеют систему из 5 гласных: [i], [e], [a], [o], [u], а язык эвондо (яунде), тоже входящий в банту, – из 7 гласных: [i], [e], [ɛ], [a], [ɔ], [o], [u]. Это значительно меньше, чем во ФЯ.

В том случае, если в родном языке говорящего не существует соответствующих звуков, происходит *субституция* одним из звуков родного языка. Перечислим характерные замены.

Замена [y] на [i] наблюдается в речи носителей языков мунданг, дбага, баса, фула и др. Например:

obteni прич. «полученный» [obtəny] произносится как [ortəni],

dû прил. «должный, надлежащий» [dy] – как [di].

Замена [y]/[ɥ] на [u] характерна для носителей языка фула (фульбе, фульфульде). Например:

tuët прил. «молчаливый, беззвучный» [mɥɛ] заменяется на [mue],

juger гл. «судить, осуждать» [ʒuʒe] произносится как [ʒuze].

Замена [ø] на [e] происходит в речи представителей народности бети-фанг: они часто смешивают данные звуки в начале слова, что иногда приводит к орфографическим ошибкам, например:

вместо *Eustache* сущ. имя собств. «Юстас» – *Estache*,

вместо *européens* сущ. «европейцы» – *les éropéens*,

вместо *géometrie euclidienne* сущ. + прил. «евклидова геометрия» – *géometrie éclidienne* (примеры приводятся по: [Zang Zang, 1991, p. 120]).

Замена [ə] на [e] характерна для носителей фула и баса, поскольку в их родных языках фонема [ə] отсутствует. Например:

regarder гл. «смотреть» [ʒəʒavde] произносится как [ʒegarde].

Замена [ɛ] на [e] возможна в речи носителей языка фула. В нем не существует гласного [ɛ], поэтому в речи на ФЯ он также отсутствует. Например:

avait ф. гл. «иметь» [avɛ] произносятся как [ave],

savait ф. гл. «знать» [savɛ] – как [save].

Замена [ɔ] на [o] характерна для народностей фульбе, эвондо (яунде) и мунданг. Интересно, что открытого гласного не наблюдается даже перед согласными [ʃ], [ʒ], [s], [z], [f], [v], [t], [d], как это происходит во ФЯ языке бывшей метрополии. Например:

ordre сущ. «порядок» [ɔvdr] произносится как [ordr],

poche сущ. «карман, сумка» [pɔʃ] – как [poʃ, poʃə],

mole сущ. «моль, родинка» [mɔl, mɔle] – как [mol, mole].

Замена [ə] на дифтонг [iə] – довольно редкое явление, наблюдаемое у представителей народности фульбе, например:

d'abord нареч. «сначала» [dabɔ:v] произносится как [dabiə],

école сущ. «школа» [ekɔl] – как [ekiəl].

Замена [r] на гласный звук сопровождается дифтонгизацией. Она происходит в речи говорящих на грассфилдских языках банту и фула. Например:

garder гл. «хранить» [gavde] произносится как [gaəde],

vert прил. «зеленый» [vɛʀ] – как [vɛə].

Для ФЯ Камеруна характерны такие фонетические явления, как *эпентеза*, а именно, *анаптаксис* (добавление гласного звука между двумя согласными) и *протеза* (добавление вторичной гласной в начале слова). Вставка звука помогает говорящим подстраивать произношение слов на неродном языке под свои произносительные привычки. По этой причине может происходить добавление [ə] там, где его изначально быть не должно:

– в начале слова перед согласным (характерно для говорящих на языке гомала), например:

s'entendre гл. «ладить, уживаться друг с другом» [sãtãdv] произносится как [əsãntãvdvə],

l'oncle сущ. «дядя» [lɔ̃kl] – как [əlɔ̃ŋkl];

– в середине слова на стыках двух слогов с согласными *-tn-*, *-rg-*, *-rl-*, *-rv-*, *-rm-* и др., например:

pourquoi нареч. «зачем» [pu:rkwa] произносится как [pυrekwa],

ethnie сущ. «этнос» [ɛtni] – как [ɛtəni];

– в конце слова, например:

réfléchir гл. «размышлять» [ʀefleʃiʀ] произносится как [refleʃiʀə],

mil числ. «тысяча» [mil] – как [milə].

Гласный [ə] добавляется и к корню некоторых глаголов 1-й группы, оканчивающихся на гласный звук при спряжении в будущем времени и условном наклонении, а также к некоторым другим словам, в которых во ФЯ этот звук выпадает [Djoum Nkwescheu, 2008, p. 185], например:

saluera ф. гл. «приветствовать» [salɥɔɔa] произносится как [saluəɔa],

puera ф. гл. «смердеть» [pɥɔɔa] – как [puəɔa],

épièront ф. гл. «подстергать, караулить» [epivɔ̃] – как [epjəɔ̃],

maniement сущ. «обращение» [manimã] – как [manjətmã].

Гласный [ə] во ФЯ Камеруна в принципе никогда не исчезает, в отличие от ФЯ метрополии, например:

multilingue прил. «многоязычный» [mɥltilɛ̃g] произносится как [multilɛ̃gə],

jeter гл. «бросать» [z[ə] te] – как [zəte],

pétanque сущ. «петанк» [petãk] – как [petãɲkə].

Особенностью ФЯ Камеруна является частичная или полная *деназализация* гласного звука, который предшествует носовому согласному. Полная деназализация [a] и [o] регистрируется перед носовым губно-губным [m], например:

tromper гл. «ошибаться» [tvɔ̃pe] читается как [trɔ̃mpe],

comprend ф. гл. «понимать» [kɔ̃rvã] – как [kɔ̃rãɲ],

lampe сущ. «лампа» [lãp] – как [lãmpə].

В остальных случаях происходит частичная деназализация.

Как объясняет Ж. Багана, исследовавший конголесские языки, «частичная или полная потеря носового признака может быть обусловлена и влиянием местных языков, лишенных подобного явления. Однако необходимо отметить, что, хотя деназализация и свойственна лишь некоторым социальным слоям населения, она представляет собой реальную угрозу чистоте ФЯ» [Багана, Трещева, 2012, с. 53].

Зафиксированные изменения в системе вокализма ФЯ Камеруна можно отнести к проявлению интерференции со стороны местных камерунских языков.

Особенности консонантизма

Система согласных ФЯ характеризуется как относительно стабильная, однако нами выявлены колебания ее реализации в потоке живой речи.

Фонемы [ɾ] и [l]. Увулярный звук [ɾ] (или [ʁ]) сложен для произношения африкан-

цев, и поэтому в речи большинства из них доминирует апикальный [ɾ] (за исключением жителей Северного Камеруна, которые его чрезмерно грассируют). По мнению Ж. Багана, это явление имеет несколько причин: «с одной стороны, это объясняется спецификой собственно африканской артикуляционной базы, а с другой – желанием некоторых африканцев таким особым произношением подчеркнуть свою национальную принадлежность. В целом изменения в произношении [ɾ] носят чисто фонетический характер и не затрагивают фонологического статуса этой фонемы в системе согласных» [Багана, Трещева, 2012, с. 52]. Например:

regarder гл. «смотреть» [vəɔavde] произносится как [regarde].

Иногда [ɾ] выпадает из-за сложности произношения, а также может наблюдаться еще большее удлинение предшествующей гласной, например:

pour предл. «для, в, на» [pu: ʁ] произносится как [pu:],

porquoi нареч. «зачем» [pu: vkwɑ] – как [pu: kwa].

Иногда, наоборот, гласный становится кратким:

pour предл. «для, в, на» [pu: ʁ] произносится как [pu],

parce que нареч. «потому что» [pa: vɛkə] – как [paskə].

Недостаточная дифференциация [ɾ] и [l] является еще одной особенностью ФЯ Камеруна. Почти во всех грассфилдских языках банту Западного Камеруна нет звука [ɾ], а соответственно, отсутствует *оппозиция* между звуками [ɾ] и [l]. В речи на ФЯ можно наблюдать замену [ɾ] на [l] или же [l] на [ɾ], например:

crient ф. гл. «кричать» [kri] может произноситься как [kli],

pluriel прил. «множественный» [plyɾjel] – как [prɥɾjel] (явление *сверхдифференциации*) (см. подробнее: [Zang Zang, 1999, p. 117]).

У представителей некоторых народностей Камеруна при артикуляции на ФЯ наблюдается замена [ɾ] на взрывные велярные [k] и [g]. Кроме того, у носителей языков хауса, фула, группы языков гбе и манден возможна замена [ɾ] на специфический звук [ɣ]. Это звонкий велярный спирант, звучание которого

представляет собой что-то среднее между [ð] и [g]. Приведем несколько примеров вышеописанных замен:

marche ф. гл. «идти» [ma:ʁʃ] произносится как [makʃə],

sortir ф. гл. «выходить» [sɔ:ʁti:ʁ] – как [sɔkti],

faire гл. «делать» [fɛ:ʁ] – как [fɛəg],

perde ф. гл. «терять» [pɛ:ʁ:d] – как [pɛəgə],

normal прил. «нормальный» [nɔ:ʁmal] – как [noʁmal],

universitaire прил. «университетский» [ynivɛʁsite:ʁ] – как [ynivɛsiteʁ].

Фонемы [b] и [d]. Как известно, французский вариант реализации фонем [b] и [d] предполагает *выход* воздуха, однако в языках банту данные фонемы произносятся как имплозивные (то есть *со вдохом*) и графически могут быть обозначены как [ɓ] и [ɗ]. Поэтому среди говорящих на языках банту может наблюдаться фонетическая интерференция во ФЯ, при которой [b] и [d] заменяются на [ɓ] и [ɗ] соответственно, например:

beau прил. «красивый» [bo] произносится как [ɓo],

bosser гл. «вкалывать, работать» [bose] – как [ɓose],

donner гл. «давать» [dɔne] – как [ɗɔne].

Оппозиции [d]/[dz] и [t]/[ts]. Варианты [dz], [ts] характерны, по данным Э. Билоа, для говорящих на языке тупури в Северном Камеруне [Biloa, 2004, p. 98–99]. Этот процесс связан с *ассибилацией* (или *палатализацией*) согласных под действием гласных переднего ряда, например:

tunnel сущ. «тоннель» [tynɛl] произносится как [tsunɛl],

tigre сущ. «тигр» [tigʁ] – как [tsigre],

talisman сущ. «талисман» [talismã] – как [tsalismã],

pendant предл. «на, за» [pãdã] – как [pãdzã],

duper гл. «обмануть, одурачить» [dype] – как [dzupe].

Оппозиции [s]/[z] и [ʃ]/[ʒ]. В некоторых языках банту фонема [s] сопровождается звуком [i] и, слегка палатализуясь, произносится почти как [ʃ], поэтому иногда эта особенность проявляется и во ФЯ Камеруна, например:

cinéma сущ. «кино» произносится как [ʃhinema].

Может происходить и обратная замена, когда шипящие согласные [ʃ] и [ʒ] произносятся как свистящие [s] и [z] соответственно, что наблюдается в речи представителей некоторых народностей Северного региона. В их языках соответствующие звуки отсутствуют, например:

changer гл. «меняться» [ʃãʒe] реализуется как [sanze].

Для речи на ФЯ в Камеруне характерно оглушение согласного [ʒ] в начале и конце слова с заменой на [ʃ], например:

je мест. «я» [ʒə] произносится как [ʃe],

village сущ. «деревня» [vilaʒ] – как [vilaʃ],

jugement сущ. «суждение» [ʒuzmã] – как [ʃuzmã].

Оппозиции [k]/[g] и [t]/[d]. Для языков банту характерно ослабление контраста между данными группами фонем, что может приводить к взаимозамене звуков:

magasin сущ. «магазин» [magazẽ] произносится [makazẽ],

guitare сущ. «гитара» [gitar] – как [gidar].

Для ФЯ Камеруна характерно *упрощение согласных кластеров* посредством *усечения* или *гласных эпентез*, что объясняется спецификой слогового стереотипа, определяющей способы структурирования слога и слоговой последовательности в языках камерунцев. Поскольку такие стыки согласных нехарактерны для их этнических языков, стереотип слогоделения срabатывает и во ФЯ. Приведем несколько примеров:

[t]: *exacte* прил. «точный» [ɛgzakt] произносится как [ɛzat],

[s]: *existe* ф. гл. «существовать» [ɛgzist] – как [ɛzit],

[k]: *manque* ф. гл. «скучать» [mãk] – как [mãɲ],

[g]: *langue* сущ. «язык» [lãg] как [lãɲ],

[l]: *capable* прил. «способный» [kapabl] – как [kapab],

[r]: *subvenir* гл. «приходить на помощь» [sybvɛni:r] – как [syvɛni:].

Мы уже отмечали, что во ФЯ Камеруна существуют дополнительные фонемы. Это [h] и [ʔ] («горланная смычка», или «твердый приступ»). Одной из причин их возникновения является *хиатус*, поскольку две гласные подряд также противоречат произносительным привычкам местного населения, например:

– один гласный среднего ряда, а другой – заднего:

coaguler гл. «коагулировать» [kɔagyle] может произноситься как [kohagyle] или как [koʔagyle],

coasser гл. «квакать» [kɔase] – как [kohase] или как [koʔase];

– один гласный переднего ряда, а другой – заднего:

coefficient сущ. «коэффициент» [kœfisjã] произносится как [kohefisjãŋ] или как [koʔefisjãŋ].

Если же оба гласных относятся к заднему или среднему ряду, то между ними вставляют [j], например:

réalisation сущ. «реализация» [ʒealizasjõ] произносится как [ʒealizasjõŋ] (см. подробнее: [Djoum Nkwescheu, 2008, p. 182]).

Перечисленные особенности в области консонантизма свидетельствуют о том, что произносительные привычки камерунцев переносятся в речь на французском языке. Это подтверждает наличие значительной интерференции со стороны этнических языков.

Особенности суперсегментных единиц

Тон и ударение. Различия между ФЯ в бывшей метрополии и Камеруне наблюдаются в тоне и фонотактике ударения. Во ФЯ есть 3 типа ударений: ритмическое, логическое и эмфатическое. Ритмическое ударение в большинстве камерунских языков отличается от французского, так как они относятся к тональному типу языков. Их изучению посвящены работы Л.З. Сова, которая установила, что в этих языках фонологически значимые тоны позволяют различать лексические и (или) грамматические значения: «...в языках банту тон служит средством смысловозначительных оппозиций, однако, место таких оппозиций в структуре различных языков не одинаковое. Значимость тона для установления грамматических противопоставлений отмечается повсеместно: в частности, тон релевантен при спецификации форм глагольного спряжения, особенно при фиксации типов глагольного действия и образования прошедших времен. Значительно реже регистрируется роль тона при установлении минимальных лексических пар» [Сова, 1996, с. 33]. В качестве до-

казательства Л.З. Сова приводит следующие примеры: на языке дуала *à mabòlà* означает «он делает», а *à mabòlà* – «он сделал»; *mbá* «я» – *mba* «туман» – *míba* «насморк»; *mongò* «копье» – *móngò* «твой» – *mongo* «спина»; *sóngo* «твой отец» – *songo* «могила» и т. п. [Сова, 1996, с. 33].

Фонетически высказывание на местных камерунских языках зачастую представляет собой череду открытых слогов, каждый из которых принимает свой тон. Закрытые слоги встречаются редко, чаще всего это слогиобразующие назальные, стоящие в начале или середине слова. Словообразующие гласные имеют тон, иногда тоном могут обладать и слогиобразующие согласные. Как уже показала Л.З. Сова, «правила корреляции тона, ударения, долготы и степени открытости гласных варьируются от языка к языку и определяются спецификой артикуляции каждого речевого коллектива» [Сова, 1996, с. 33]. В начале, середине и конце предложения одно и то же слово может произноситься по-разному. Тоновые контуры утвердительных, отрицательных, вопросительных и побудительных предложений также отличаются друг от друга. Л.З. Сова отмечает, что «обычно регистрируют минимум три тона: высокий, средний и низкий. Иногда различают также средне-высокий, средне-низкий, восходящий и нисходящий тоны» [Сова, 1996, с. 31]. В языке дуала, например, различаются 5 типов тона: низкий (à), средний (ˊ), высокий (á), восходящий (ǎ) и нисходящий (â) [Сова, 1996, с. 31].

Фраза на языке банту, таким образом, дробится сильнее, чем соответствующая фраза на французском. Соответственно, по привычке говорящий также вносит в свою речь на ФЯ дополнительные тоны, отчего фраза кажется «рубленой». Французский язык относится к группе нетональных языков. Мелодические противопоставления в речи на таких языках не имеют закрепленных за ними семантических или грамматических значений, а способны выражать лишь некоторые общие смыслы. В то время как во ФЯ голосом выделяется отдельная смысловая группа, в камерунском варианте во фразе акцентируется каждое слово, внутри слова может акцентироваться каждый слог.

Фонологию ФЯ Камеруна характеризуют следующие виды тона: низкий «[˘]», высокий «[˙]», средний «^ˉ», нисходящий «^{˘˙}» и восходящий «^{˙˘}», например:

(в слове) *malheuresement* [maløʒøz[˙]mã] – [màløʒøzè[˙]mãŋ],

(во фразе) *Je m'en vais demain* [ʒmãvè d[˙]mẽ] – [ʒè mãŋ vè dè mẽŋ].

Таким образом, во ФЯ Камеруна отмечается тенденция к тональному ударению в результате переноса особенностей формирования ритма из этнических языков.

Явление liaison. Одной из отличительных черт фонологии ФЯ является фонетическое слияние слов в потоке речи (*liaison*). Оно происходит между двумя словами внутри ритмической группы, если первое слово заканчивается на непроизносимый согласный, а второе начинается на гласный или немое *h*. Два слова должны сливаться и звучать как одно, при этом конечный согласный первого слова также произносится. Во ФЯ Камеруна на месте связки конечный согласный первого слова как бы отрывается и присоединяется к следующему слову, мелодика речи становится отрывистой там, где должна была бы иметь плавный переход, например:

vos enfants «ваши дети» [vozãfã] произносятся как [vò zãŋfãŋ],

je suis allé «я поехал» [ʒə[˙]sɥizalé] – как [ʒə[˙]sɥi zâlè].

Приведенные примеры демонстрируют, что в фонотактике ФЯ Камеруна четко прослеживается «наложение» слогового стереотипа тональных камерунских языков.

Территориальное распределение фонетических особенностей французского языка в Камеруне

Подмена неизвестных звуков и непривычных сочетаний звуков иностранного языка звуками или их сочетаниями из родного языка традиционно определяется в лингвистике как акцент. Поскольку определенные иноязычные акценты на неродном языке (в данном случае французском) являются стабильными и характеризуют речь конкретных языковых коллективов, можно говорить о существовании региональных акцентов ФЯ Камеруна.

Опираясь на работы исследователей, изучавших языки Камеруна [Bilola, 2004; 2011; Djoum Nkwescheu, 2000; Fosso, 2004; Mendo Ze, 1990; Zang Zang, 1991; 1998; 1999; и др.], можно выделить 4 основных акцента во ФЯ, но и они не охватывают всего существующего разнообразия. По мнению К. де Фераль и В. Фесси, деление на акценты весьма «условно» и выражает стереотипное представление о народах Камеруна [Féral de, 1991, p. 65–66; Feussi, 2006, p. 239].

Акцент Северного региона (влияние языка фульфульде). Для жителей Северного региона характерна беглая речь и напряженное произношение звуков. Данный акцент можно узнать по чрезмерно грассированному [r], например: [il montrrre].

Большинство согласных звуков, как отмечает Дж. Мендо Зе, артикулируются в задней части ротовой полости [Mendo Ze, 1990, p. 80]. В этом регионе в родных языках местных жителей отсутствуют некоторые фонемы, что отражается на произносительных особенностях во ФЯ. Так, шипящие согласные [ʃ] и [ʒ] заменяются на свистящие [s] и [z], например:

chercheur сущ. «искатель» [ʃɛʁʃœʁ] произносится как [sɛʁsœʁ].

Огубленные гласные переднего ряда заменяются на неогубленные. Так, [œ], [ø], [ə] произносятся как [ɛ], [e], [e] соответственно, например:

fleur сущ. «цветок» [flœʁ] произносится как [flɛʁ],

demeurer гл. «оставаться» [dɛmœʁe] – как [demeʁe].

Носители языков фула или фульфульде (племена фульбе) заменяют [ɛ] на [e]:

avec предл. «с» [avɛk] произносится как [avek],

même част. «даже, хоть» [mɛm] – как [mem].

Звук [ɔ] заменяется на [o], например: *époque* сущ. «эпоха» [ɛpɔk] произносятся как [epok].

Акценты Южного и Центрального регионов (влияние языков бети и булу). В Южном и Центральном регионах Камеруна среди народностей бети-фанг и булу существуют 2 акцента.

Речь представителей эвондо (яунде), по образному определению Дж. Мендо Зе, «нетороплива, мелодична и немного женственна» [Mendo Ze, 1990, p. 81–82]. Характерной ее чертой является огубление согласных перед звуком [o], например:

comme нареч. «как» [kɔm] произносится как [kwɔm],

il sort личн. мест. + гл. «он выходит» [il sɔv] – как [il swɔv].

Гласных звуков [y], [ø] и [œ] не существует, поэтому их часто заменяют на огубленные гласные заднего ряда [i], [e], [ɛ]:

musique сущ. «музыка» [myzik] произносятся как [mizik],

plume сущ. «перо» [plym] – как [plim].

Среди говорящих на булу [ɛ] произносится как [e], например:

parlait ф. гл. «говорить» [pavɛ] звучит как [pare].

Подробно об особенностях речи на французском носителей указанных языков см.: [Mendo Ze, 1990].

Акцент Западного региона (влияние языков бамилеке). Во ФЯ большинство согласных образуются в передней части ротовой полости, в то время как в языках бамилеке – в задней. Поэтому носители языка гомала испытывают сложности в произношении переднеязычных звуков [l], [r], [n], которые имеют неустойчивый характер. Так, [l] может опускаться, например:

Il n'est pas mon ami «Он не мой друг» произносится как [inɛratɔnami].

На стыке со взрывными согласными [r] может выпадать или заменяться другим звуком, например:

Il porte личн. мест. + гл. «Он несет» может произноситься как [ipɔt], [ipɔ:tə], [ipɔkt], [ipɔgt], [ipɔʔt].

В Западном регионе в некоторых диалектах языка бамилеке отсутствует фонема [r]:

litre сущ. «литр» [litv] произносятся как [litle], *arbitre* сущ. «арбитр» [avbitv] – как [albitl] (см.: [Zang Zang, 1999, p. 117]).

Для народности бамилеке характерно также добавление [ə] после носовых гласных там, где их не должно быть, например:

il plonge «он ныряет» [il plɔ̃z] произносится как [ipɔ̃zə],

concept сущ. «понятие» [kɔ̃sept] – как [kɔ̃septə].

Акцент Прибрежного региона (влияние языка баса). Акцент баса Центрального и Прибрежного регионов можно определить по отсутствию гласных [œ], [ø], [o] и [y] (их нет в языке баса).

Говорящие заменяют [y] на [u] или [i]: *tu* мест. «ты» может звучать как [tu] или [ti].

Звуки [ø], [ə], [ɔ] заменяются на [e], [e], [o] соответственно, например:

milieu сущ. «среда» [miljø] произносится как [milje],

deux сущ. «два» [dø] – как [de],

mieux нареч. «лучше» [mjø] – как [mje];

que союз. «что» [kə] – как [ke],

demander гл. «спрашивать» [dəmãde] – как [dəmãɲde],

ce мест. «это» [sə] – как [se],

méthode сущ. «метод» [metɔd] – как [metod] (подробно см.: [Mendo Ze, 1990, p. 82]).

Выводы

Отклонения фонологической системы камерунского варианта ФЯ от ФЯ в бывшей метрополии происходят в результате ее приспособления к фонологической системе автохтонных языков. О данном виде контактно обусловленных изменений свидетельствует появление новых звуков, а также исчезновение или неправильная реализация существующих фонем. Звуковой строй камерунских языков как бы накладывается на фонетическую систему ФЯ, в результате чего формируется особый тип территориального варианта произношения. Влияние местных языков на ФЯ в Камеруне обнаруживается в особенностях, которые характеризуют суперсегментный уровень. Поскольку большинство камерунских языков относится к тональному типу, говорящие добавляют в свою речь дополнительные тоны и ударения, несвойственные просодической организации высказываний на ФЯ. Комбинации выявленных особенностей формируют во французском языке Камеруна разнообразие акцентов в зависимости от территории и языка автохтона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багана Ж., Трещева Н. В., 2012. Фонетическая манифестация в условиях франко-африканского билингвизма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 12 (131), вып. 14. С. 51–54.
- Сова Л. З., 1996. У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков. СПб. : Лабрис. 384 с.
- Чередниченко А. И., 1983. Язык и общество в развивающихся странах Африки. Киев : Изд-во Киев. ун-та. 165 с.
- Bilou E., 2004. Le phonetisme du français oral en milieu tupuri an Nord Cameroun // Africa Meets Europe: Language Contact in West Africa / ed. by G. Echu, S. Gyasi Obeng. N. Y. : Nova Science Publ. P. 89–102.
- Bilou E., 2011. Le français parlé et écrit en Afrique : Bilan et perspectives. Saarbrücken : Editions universitaires européennes. 532 p.
- Djourn Nkwescheu A., 2000. Aspects prosodiques et phonématiques du français parlé au Cameroun. Grenoble : Université de Grenoble III-Stendhal. 530 p.
- Djourn Nkwescheu A., 2008. Les tendances fédératrices des déviations du Français camerounais de l'identité des processus linguistiques dans les changements diachroniques et géographiques // Le français en Afrique. № 23. P. 167–198.
- Féral de C., 1991. Norme endogène du français au Cameroun // Bulletin du Centre d'étude des plurilinguismes. № 12. P. 65–71.
- Feussi V., 2006. Une construction du français à Douala – Cameroun. Tours : Université François Rabelais de Tours. 717 p.
- Fosso C. de F., 2004. Dynamique du français au Cameroun: problèmes sociolinguistiques et stylistiques, enjeux didactiques et glottopolitiques. Yaoundé : Presses universitaires d'Afrique. 270 p.
- Mendo Ze G., 1990. Une crise dans les crises. Le français en Afrique noire camerounais où chaque groupe linguistique tient à son identité, l'État francophone. Le cas du Cameroun. P. : ABC. 380 p.
- Zang Zang P., 1991. Le processus de dialectalisation du français en Afrique noire: le cas du Cameroun. Yaoundé : Université de Yaoundé I. 450 p.
- Zang Zang P., 1998. Le français en Afrique: normes, tendances évolutives, dialectisation. München : Lincom Europa. 452 p.
- Zang Zang P., 1999. Le phonétisme du français camerounais // Le français langue africaine / ed. by Mendo Ze. P. : Publisud. P. 112–129.

REFERENCES

- Baghana J., Treshcheva N.V., 2012. Foneticheskaya manifestatsiya v usloviyakh franko-afrikanskogo bilingvizma [Phonetic Manifestation in Bilingual Situation]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities], no. 12 (131), iss. 14, pp. 51-54.
- Sova L.Z., 1996. *Uistokov yazyka i myshleniya. Genezis afrikanskikh yazykov* [At the Origins of Language and Mind. Genesis of African Languages]. Saint Petersburg, Labris Publ. 384 p.
- Cherednichenko A.I., 1983. *Yazyk i obshchestvo v razvivayushchikhsya stranakh Afriki* [Language and Society in the Developing Countries of Africa]. Kiev, Izd-vo Kievskogo universiteta. 165 p.
- Bilou E., 2004. Le phonetisme du français oral en milieu tupuri an Nord Cameroun. Echu G., Gyasi Obeng S., eds. *Africa Meets Europe: Language Contact in West Africa*. New York, Nova Science Publ., pp. 89-102
- Bilou E., 2011. *Le français parlé et écrit en Afrique : Bilan et perspectives*. Saarbrücken, Editions universitaires européennes Publ. 532 p.
- Djourn Nkwescheu A., 2000. *Aspects prosodiques et phonématiques du français parlé au Cameroun*. Grenoble, Université de Grenoble III-Stendhal Publ. 530 p.
- Djourn Nkwescheu A., 2008. Les tendances fédératrices des déviations du Français camerounais de l'identité des processus linguistiques dans les changements diachroniques et géographiques. *Le français en Afrique*, no. 23, pp. 167-198.
- Féral de C., 1991. Norme endogène du français au Cameroun. *Bulletin du Centre d'étude des plurilinguismes*, no. 12, pp. 65-71.
- Feussi V., 2006. *Une construction du français à Douala – Cameroun*. Tours, Université François Rabelais de Tours Publ. 717 p.
- Fosso C. de F., 2004. *Dynamique du français au Cameroun: problèmes sociolinguistiques et stylistiques, enjeux didactiques et glottopolitiques*. Yaoundé, Presses universitaires d'Afrique. 270 p.
- Mendo Ze G., 1990. *Une crise dans les crises. Le français en Afrique noire camerounais où chaque groupe linguistique tient à son identité, l'État francophone. Le cas du Cameroun*. Paris, ABC Publ. 380 p.
- Zang Zang P., 1991. *Le processus de dialectalisation du français en Afrique noire: le cas du Cameroun*. Yaoundé, Université de Yaoundé I. 450 p.

Zang Zang P., 1998. *Le français en Afrique: normes, tendances évolutives, dialectisation*. Munchen, Lincom Europa Publ. 452 p.

Zang Zang P., 1999. Le phonétisme du français camerounais. Mendo Ze, ed. *Le français langue africaine*. Paris, Publisud, pp. 112-129.

Information about the Author

Yuliya S. Blazhevich, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia, blazhevich@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6738-3515>

Информация об авторе

Юлия Сергеевна Блажевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Россия, blazhevich@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6738-3515>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.18>

UDC 811.161.1:37.02
LBC 81.411.2-9

Submitted: 11.07.2019
Accepted: 04.11.2019

**THE RUSSIAN LANGUAGE TEST:
TOWARDS ASSESSING TEXT COMPREHENSION ¹**

Kathryn Soo McCarthy

Georgia State University, Atlanta, GA, USA

Danielle Siobhan McNamara

Arizona State University, Tempe, USA

Marina I. Solnyshkina

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Fanuza Kh. Tarasova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Roman V. Kupriyanov

Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

Abstract. Reading comprehension relies on a variety of complex skills that are not effectively assessed by existing Russian language tests. At the same time, Russian textbooks are criticized both for their low text quality and high text complexity. This study addresses issues of Russian language proficiency and comprehension assessment with the development of the *Russian Language Test (RLT)*. The RLT was constructed to measure proficiency relevant to textbook comprehension, such as grammar and vocabulary knowledge, establishing propositional meaning and inferencing. Results from this initial study including 81 fifth-grade and 94 ninth-grade students confirm that students struggle with grammatical inferences and identifying the main idea in a text. Additionally, three standardized Russian exams, VPR, OGE, EGE are analyzed, affording an overview of the testing system for the Russian language from the elementary through high school education levels. This study demonstrates promise for the use of the RLT as a language proficiency assessment and provides a broad context for understanding the current state of Russian language tests for native speakers.

Key words: Russian Language Test, comprehension skills, grammar, vocabulary knowledge, gender, age, general knowledge.

Citation. McCarthy K.S., McNamara D.S., Solnyshkina M.I., Tarasova F.Kh., Kupriyanov R.V. The Russian Language Test: Towards Assessing Text Comprehension. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 231-247. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.18>

**ТЕСТИРОВАНИЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ:
ОЦЕНКА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА¹****Кэтрин Су МакКарти**

Университет штата Джорджия, г. Атланта, Джорджия, США

Даниэль Шиврон МакНамара

Университет штата Аризона, г. Темпе, США

Марина Ивановна Солнышкина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Фануза Харисовна Тарасова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Роман Владимирович Куприянов

Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Понимание прочитанного зависит от множества умений и навыков, которые не всегда эффективно оцениваются существующими тестами по русскому языку. Современные российские учебники подвергаются критике как за низкое качество текста, так и за высокую сложность текста. В представленном исследовании рассматриваются вопросы разработки теста по русскому языку (RLT), который выполнял бы функции входного теста для оценки уровня владения языком, а именно базовых грамматических знаний, объема словарного запаса, определения прямого и переносного смысла высказывания. Результаты данного пилотного исследования, в котором приняли участие 81 ученик пятого класса и 94 ученика девятого класса, подтверждают, что основные трудности вызывают задания, оценивающие умение делать умозаключения и определять основную идею текста. В статье также предлагается краткий обзор существующей системы тестирования по русскому языку и анализ заданий трех стандартизированных экзаменов по русскому языку: ВПР, ОГЭ, ЕГЭ. Исследование показало перспективность использования RLT в качестве теста для оценки уровня владения языком и предоставляет широкий контекст для понимания текущего состояния системы тестирования по русскому языку для его носителей.

Ключевые слова: тест на определение уровня владения русским языком, навыки понимания текста, грамматика, знание лексики, пол, возраст, общие знания.

Цитирование. МакКарти К. С., МакНамара Д. Ш., Солнышкина М. И., Тарасова Ф. Х., Куприянов Р. В. Тестирование по русскому языку: оценка понимания текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 231–247. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.18>

Introduction

Russian elementary schoolers outperform students from all other nations on the Progress in International Reading Literacy Study (PIRLS), but underperform on the Programme for International Student Assessment (PISA) [Ivanova, 2013]. One explanation for these differing levels of performance is that the majority of questions on the PIRLS are retrieval-based, whereas the PISA has a larger number of items directed at

interpretation, integration, and evaluation [Zuckerman, Kovaleva, Kuznetsova, 2013]. The analyses of Russian textbooks have indicated that students tend to be encouraged to engage in rote memorization rather than meaningful comprehension and the language in these Russian books is often either overly simplistic [Meyer, 2016; Pinskaya, 2009] or too complicated for the target audience [Kuchma, Tkachuk, 2015; *Otsenka didakticheskoy slozhnost...*, 2016]. Text that is not matched to readers' abilities can

lead to issues such as lack of motivation, boredom, or frustration [Ponimanie shkolnikami...], which in turn can hamper students' acquisition of academic reading skills.

Russian academic texts have been described by experts as obscure, with excessive nominalization, ambiguous impersonal structures, as well as complicated, and even erroneous syntax [Integratsiya obrazovaniya; Khoutyz, 2013]. Thus, a major focus of educators in Russia is to assist students in developing sufficient reading comprehension skills and help them learn from more complex academic text. One limitation is that there is no short standardized placement test for native speakers that assesses both lower-level and higher-order proficiencies in Russian. This project outlines the first step in an iterative development of a Russian Language Test.

Study

The current study is a part of an on-going Project initiated by Kazan Federal University in 2017 and aimed at evaluating the quality and text complexity of textbooks used in the Russian Federation [Solovyev, Ivanov, Solnyshkina, 2018; Solovyev et al., 2019a; Solovyev et al., 2019b; Petrova, Solnyshkina, 2019]. The Project is outlined in three stages: (1) testing participants' reading comprehension proficiency in Russian and the language of the textbooks they use; (2) measuring participants' individual differences in general knowledge and five cognitive domains that impact performance using the Wechsler's Intelligence Scale for Children (WISC; 5th graders, aged 11-12) and the Wechsler Adult Intelligence Scale (WAIS; 9th graders, aged 15-16); (3) evaluating effect of different linguistic features of a printed text on participants' comprehension.

In this article we present the first two stages of the Project and proceed from the viewpoint that a student's limited proficiency in the language of the exam or test may become a barrier to assessing abilities within particular disciplines. That is, such content tests may be a measure of reading comprehension rather than an assessment of the students' knowledge of ability in the given domain (see: [Bowles, 2008]). In this project, we developed a Russian language test which could be used nationwide to differentiate students' reading comprehension skill. This test score can

then be used to examine the degree to which participants' scores in a subject comprehension test may be influenced by reading comprehension issues rather than content issues.

We first discuss the theoretical motivation of assessing multiple levels of proficiency. We then outline strengths and weaknesses of the extant assessments in the context of these theories. We then present the development of the Russian Language Test. Finally, we provide results from an initial implementation of the test with fifth and ninth grade students.

Theoretical Background

The test evaluation procedure is based on a generally accepted view that during reading "we process at different levels simultaneously and draw on both bottom-up and top-down processes in establishing meaning" [Research Notes]. We were guided by Weir's model of reading to examine seven aspects of reading comprehension [Weir, Khalifa, 2008], that reflect both lower-level processes (e.g., decoding) and higher-order processes (e.g., comprehension): 1) *word recognition*, the ability to "match the form of a word in a written text with a mental representation of the orthographic forms of the language" [Weir, 1993, p. 6]; 2) *lexical access*, the 'retrieval of a lexical entry from the lexicon, containing stored information about a word's form and its meaning'; the form addresses orthographic and phonological mental representations of a lexical item and possibly information on its morphology [Field, 2004]; 3) *syntactic parsing* involves grouping "words into phrases, and into larger units at the clause and sentence level to understand the message of the text" [Weir, Khalifa, 2008, p. 6]; 4) *establishing propositional (core) meaning at the clause or sentence level*, "a literal interpretation of what is on the page, the reader has to add external knowledge to it to turn it into a message that relates to the context in which it occurred [Weir, 2003, p. 6]; 5) *inferencing* as "a creative process whereby the brain adds information which is not stated in a text in order to impose coherence [Weir, 2003, p. 6]; 6) *building a mental model* "entails an ability to identify main ideas, to relate them to previous ideas, distinguish between major and minor propositions and to impose a hierarchical

structure on the information in the text” [Field, 2004, p. 241], it is when “the propositions representing the meaning of a text are linked together, usually by argument overlap, to form a hierarchical text base” [Kintsch, van Dijk, 1978, p. 374]; 7) *creating a text (or discourse)* implies not only recognizing the hierarchical structure of the whole text but also determining which items of information are central to the meaning of the text and which are secondary propositions, that is the ability to recognize significance of different parts of the text to the writer or reader [Weir, 2003, p. 6].

Modern Russian Language Tests

The system of extant Russian language tests for native speakers includes the following: (1) VPR (All-Russia testing paper), an end-of-year or promotion examinations, (2) OGE (Compulsory National Exam) enables examinees “to approach secondary education, either along a general university-preparatory track or a vocational-technical track” [Education...]; and (3) EGE (National Unified Examination), “a final graduation examination, as well as an entrance examination for higher education” [Education...]. Below, we describe the strengths and weaknesses of these assessments.

(1) VPR (All-Russia testing paper), Grades 4-6.

The All-Russian testing papers (VPR) are mandatory tests aimed at “identifying students’ proficiency to meet the requirements of Federal (Russian) Educational Standard. VPRs are held to measure subject and meta-subject knowledge, universal learning skills and cross-curriculum concepts” [Opisanie kontrolnykh...].

The writing part of Grade 4 VPR in the Russian language consists of two sections: Part I is a dictation and two follow-up items, Part II comprises twelve items, nine of which are text-based tasks. Multiple choice questions are not used in VPR. The tasks of parts 1 and 2 are performed on different days. Each part lasts 45 minutes. The structure and the procedure of the test are similar in VPR5 and VPR6.

As specified by the test designers, the VPR assesses the following:

“3. Reading skills:

3.1. Text comprehension. Reading for specific information.

3.2. Reading for specific explicit information.

3.3. Drawing simple conclusions based on the information in the text.

3.4. Interpretation and synthesis of the information in the text.

3.5. Analysis and assessment of the content, language features and text structure.

4. Writing skills:

4.1. Writing letters, combinations of letters, syllables, words, sentences as part of literacy training.

4.2. Mastering neat writing.

4.3. Copying, dictation.

4.4. Reproducing a text (detailed, selective).

4.5. Writing short original texts (essays) on the topics that might interest children (based on impressions, literary works, pictures, series of pictures, video recording, etc.) [Opisanie kontrolnykh...].

Closer inspection of these tests (VPR 4, VPR5, VPR 6) indicates that they predominantly assess students’ knowledge of language facts rather than comprehension skills. For example, in Part I VPR 4 students are expected to write a one-page dictation read by an examiner (item 1), identify sentences with similar predicates and underline them, copy those sentences and underline predicates (item 2); copy sentences from the dictation, underline and define parts of speech of the subject and predicate (item 3). The two first items in Part 2 assess students’ knowledge on orthoepic norms: they are to mark the accent (stress) in the following four words (item 4); read the sentence below and copy the word with voiced consonants only (item 5). In items 6-8 students are asked to read a 150 word informational text with elements of narration followed by three open-ended type tasks: identify and write down the main idea of the text (item 6); make a 3-point plan of the text and write it down (item 7); write down a question for your classmates which would test how well they comprehended the text above (item 8). Items 9-15 assess students’ vocabulary and grammar: students are asked to define the meaning of a word in Sentence 9 (item 9); change a word in Sentence 3 for the word with the same meaning (item 10); find a word in Sentence 1 which has the following morphological parts (which are coded with the accepted in the Russian tradition nomenclature as $\wedge \square$) (item 11);

copy all nouns from sentence 7, define their gender, declension, case, number of one of the nouns (item 12); copy all adjectives with the nouns they modify from Sentence 1, define gender, declension, case, number of one of the nouns (item 13); copy all verbs from sentence 3 (item 14); describe a life situation in which you can use the proverb 'He who likes skiing downhill must enjoy climbing uphill' (item 15). The proverb is not used in the text. Thus, of the 15 items, only items 6-8 are testing participants' reading comprehension skills. Further, these items are open-ended, which means that they are more time and resource-intensive, making it difficult use this assessment for rapid evaluation (see Tables 1, 2).

(2) *Compulsory (or Basic) National Exam (OGE) in Russian* is a key element of the Russian system of assessing the quality of education. OGE scores are used to determine if students will have the opportunity to be enrolled in colleges (institutions of secondary vocational education) or proceed to high school. The test lasts 235 minutes.

The writing portion consists of three sections: Part 1 is a written account of a text, Part 2 (items 1-14) includes the following tasks: mark one of the four sentences which provides an explanation to the question ... (item 2); mark a sentence with a metaphor (item 3), in sentences 1-7 find a word with the prefix with a certain meaning (item 4); in sentences 14-16 find a word with the suffix the spelling of which is an exception (item 5); find a neutral synonym (item 6); substitute the phrase, based on agreement between the adjective and the noun, with a phrase the components of which are connected with governance (item 7); find and copy the clause in sentence 22 (item 8); in sentences 22-24 find one in which unattached attributes are used (item 9); mark the only parenthetical word in the list below (item 10); how many clauses are there in Sentence 51 (item 11); make a list of clauses from the compound sentences below (item 12); in sentences 1-6 find sentences with similar subordinate clauses (item 13); in sentences 44-53 find one with an asyndetic and coordinating relations (item 14); Part 3: Essay (item 15).

The OGE mostly assesses students' abilities in lexical access and syntactic parsing. The 'inferencing' and 'building mental model' items (items 1 and 15) that examine reading comprehension are open-ended questions requiring

experts' examination and assessment of student responses. [Demoversii...] (see Tables 2, 3).

(3) *EGE (National Unified Examination or Uniform State Exam) in Russian*

The EGE is compulsory for high school graduates when they complete secondary education and receive a School Leaving Certificate (Attestat o Srednem (Polnom) Obshchem Obrasovanii). It is a standardized test released uniformly throughout the Russian Federation and rated by independent raters.

EGE in Russian is designed to measure proficiency in Russian regardless of how, when, and how well it has been taught. Thus, the exam has a broad proficiency orientation and its content is not supposed to be tied to any particular language-training program. The Construct of EGE 2019 in Russian defined in "Specification of Assessment Materials" includes 27 items and the following areas: 1. Speech. Text (5 test items). 2. Vocabulary and phraseology (2 items). 3. Speech. Spelling standards (7 items). 4. Speech. Punctuation norms (6 items). 5. Speech. Language norms (5 items). 6. The expressiveness of Russian speech (1 item). 7. The development of speech. Composition (1 item) (see the complete construct of EGE in Table 4). The test is long and takes 210 min [FIPI] (see the Specifications in Table 2, 4).

There are two limitations on using these assessments. The first is practical – the length of these exams renders them inefficient and uneconomical as a short "screening" tool. The second is more theoretically-oriented. While these tests evaluate important aspects of the Russian language, they do not focus on the higher-ordered reading comprehension skills that drive reading comprehension. These gaps drive the necessity to design a Russian Language test that is reliable, valid, feasible, and economical.

Developing the Russian Language Test (RLT)

Stages of the Russian Language Test Developing included the following: (1) determining the purpose of the test, (2) designing test specifications, (3) constructing test items, (4) evaluating and revising test items, (5) specifying scoring procedures, and (6) performing validity (content, construct, and concurrent) and reliability.

The purpose of the Russian language tests is to evaluate students' ability to comprehend grade-appropriate content. RLT5 and RLT9 are designed to promptly assess learners' proficiency for both lower-level skills, such as spelling, and higher-level skills, such as identification of a text genre.

The test constructs in RLT5 and RLT9 were defined to be based on the content and participants' performance [Sigott, 2004]. The development of test content was driven by two postulates. The first is that vocabulary tests and C-tests are valid predictors of reading skills and general language proficiency [Harsch, Hartig, 2016, p. 556; Alderson, 2005]. Both are viewed as being robust for placement and screening purposes [Milton, 2009; Harsch, Schröder, 2007]. The second is that Russian is a syntactically complex language, which requires the ability to determine, and even change the gender of a noun, the punctuation of a sentence in connection with the context. Thus, one of the major aspects of basic comprehension in Russian is the ability to make a number of grammatical inferences.

With these factors in mind, we developed two grade-appropriate Russian language tests, for 5th grade and for 9th grade students. Two grade appropriate difficulty levels were developed to examine language proficiency at different points and to serve as future prototypes of a non-leveled Russian language test taken as IELTS regardless of participants' period of schooling.

To evaluate test validity, we used grade-appropriate texts [Ivanov, Solnyshkina, Solovyev, 2018]. We identified appropriate texts by calculating the Flesh-Kincaid Grade level (FKGL). This formula, modified for the Russian language, is: $FKG_{mod}(ASL, ASW) = 0.36 \times ASL + 5.76 \times ASW - 11.97$. ASL is the average number of words per sentence, and ASW is the average number of syllables per word [Solovyev, Ivanov, Solnyshkina, 2018]. In the RLT5, the texts' FKGL ranged from 4.5 to 6.1. In the RLT9, the FKGL ranged from 8.6 to 10.6.

The Russian language test (both RLT5 and RLT9) has two parts. Part I focuses on linguistic range, grammar accuracy, and local comprehension at the levels of decoding (word recognition, lexical access, and syntactic parsing) as well as establishing propositional meaning at the sentence and clause level. Part II in both versions of the test consists of one item only and offers a global comprehension

task in which participants are expected to identify macro-propositions and infer implicit information.

Students have 30 minutes to complete the RLT. Both RLTs are delivered on paper. The tests are administered in a group setting, typically with 20-25 participants in a classroom.

RLT5 and RLT9 comprise instructions on how to complete each item, examples on how to answer the questions, and the item sets. The text passages in RLTs are sampled of authentic sources such as fiction and mass media. Each item has an instruction for activity (e.g., Mark the correct sentence, Fill in the blanks with the derivatives of the word provided, Define the idiom).

All the materials were reviewed from a variety of settings and piloted with more than 50 native speakers of Russian. An initial pilot test of 30 potential items was reduced in the number of tasks to 11 items for the 5th graders and 13 items for the 9th graders (See Tables 5 and 6).

The final version of RLT5 consists of 11 items and the RLT 9 comprises 13 items. The test items vary within lexical access, syntactic parsing, inferencing and building a mental model. Example items are shown in Table 7.

Item difficulty is measured in terms of the proportion of wrong responses for every item of a given test [Farhady, Jafarpur., Birjandi, 1994; Manual...]. All questions in RLTs are scored analytically with three rubrics: true – score 1, 1 minor error – score 0.5, wrong – 0.

Initial Validation Study

Once the Russian Language Test was constructed and refined, it was important to conduct a more ecologically-valid test. There were three goals of the current study. The first was to identify overall strengths and weaknesses in students' proficiency skills. The second was to pilot this version of the test with Russian students. The third goal was to explore how performance on the RLT might be to individual differences (e.g., gender, age, and general knowledge).

Participants

Participants were 5th grade ($n = 81$) and 9th grade ($n = 94$) students recruited from three high schools in Kazan, Russia, and two suburban

schools in Saby, Tatarstan. The participation in the pilot experiment was voluntary and the students were informed that they were free to stop participation at any time. The participants' parents were provided with the information on the purpose, procedures, confidentiality of the data received. The data collection began after the copies of consent forms from parents of all children were filed and the Ethics Committee of Kazan Federal University issued an approval to conduct the research in November 2018. The data were collected in November 2018 through February 2019 in Kazan and Saby, Russia.

Materials

The participants were given the grade-appropriate Russian Language Test and a general knowledge test. The 5th graders completed the Weschler Intelligence Scale for Children (WISC) the 9th graders – the Weschler Adult Intelligence Scale (WAIS). Both versions of the test are based on the adapted for Russian-speaking respondents and standardized version of A.Yu. Panasyuk [Panasyuk, 1973] and Yu.I. Filimonenko [Filimonenko, Timofeev, 1994]. The Russian version of WISC contains 27 close-ended questions and the WAIS modification of the General knowledge test comprises 29 close-ended questions. WISC and WAIS are scored by giving one point for each correct answer.

WISC and WAIS assess participants' general knowledge rather than topic-specific or theoretical knowledge. The results of the tests provide an estimate of an individual's strengths and weaknesses associated with working memory, processing speed, and long-term memory. We examined the degree to which scores on the WISC and WAIS were related to Russian language proficiency and reading comprehension.

Results

Overall Performance. We first examined overall performance on the RLT. Scores were sectioned into four bands: Band I corresponds to 0-3.5 (0-25 %) tasks completed correctly; Band II is correlated with 4-6 (26-50%) tasks rated correctly, Band III was assigned if the participants performed 6.5-8 (51-75%) items correctly, Band IV reflects students who received 8.5-11 out of 13

(76-100 %). As shown in Figure 1 and Table 8, the 5th graders demonstrated a relatively normal distribution, with most students scoring within Bands II and III, with fewer students scoring in the lowest and highest bands. Figure 2 and Table 9 show a similar distribution for the 9th graders.

Item Analyses. To examine where students excelled and struggled, we analyzed participants' performance on each item of the RLT (see Figure 1, 2) and data on the proportion of students who correctly answered the questions of each item (see Figure 3, 4, Tables 8, 9). Tables 8 and 9 show the proportion of students who answered each question correctly. The majority of the 5th grade students (85 %) were able to accurately identify a correct conjunction. In contrast, only 11 % of the 5th graders were able to accurately convert from active to passive (Table 8). The 9th graders had little trouble identifying the genre of a text (95 %), but had difficulty with both items related to correcting finite and non-finite verbs (5.5 % and 12.5 %; Table 7).

General Knowledge Tests. Tables 10 and 11 present performance on the Russian language and knowledge assessments as a function of gender. The 5th graders' comprehension and WISC general knowledge scores did not differ as a function of gender (Table 10). In contrast, the ninth graders showed a gender effect for proficiency, such that females scored higher than males (Table 11).

The participants' performance in RT5 presented in Figure 1 shows that all participants successfully managed the test demonstrating above average results. Scores on the Russian Language Test were moderately correlated with the respective general knowledge test scores for both the 5th graders, $r = .33$, and the 9th graders, $r = .38$ (Figures 3 and 4).

Discussion and Future Directions

This study tested the Russian Language Test, the first of its kind to assess students' basic Russian skills (e.g., vocabulary knowledge, grammar). Consistent with Zuckerman et al. [Zuckerman, Kovaleva, Kuznetsova, 2013]. The findings suggest that Russian students may need support when moving beyond recitation to deeper comprehension. This study further demonstrates that students are struggling to construct the

necessary grammatical inferences that help to maintain coherence across the text.

In the future, we are planning to iteratively revise the test. One aim is to construct additional items to assess higher-order inferences motivated by traditional discourse theory and situation model building [Kintsch, van Dijk, 1978]. We are also collecting more data to understand how Russian Language Test performance relates to performance on other reading comprehension tasks.

One cautionary note regarding the current study is raised due to the sample being limited to 11-12 year-olds and 15-16 year-olds from only two educational institutions (Kazan and Saby). Hence, further research is needed for other locations and age groups. It will also be of value to investigate the feasibility and accuracy of the Russian Language Test in an online environment. A computerized version of the test would allow for evaluation in broader contexts without a high increase of administration costs and thus afford assessment at scale.

In today's social and educational environments literacy is a crucial skill to both individual security and social well-being. Developing better language assessments helps to inform students' instructional needs and where educators should focus their attention. Our objective is to improve our capacity to better understand Russian language students' strengths and weaknesses across all ages. In turn, we hope to contribute to educators' capacity to address students' needs.

NOTE

¹ The experiment on text comprehension and compilation of Russian Textbooks Corpus were funded by the Russian Science Foundation grant number 18-18-00436 "Complexity of Texts in the Russian Language". The Russian Test development and conducting psychological tests were financed by the subsidy of the Russian Government to support the Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

APPENDIX

Table 1

VPR, Grade 4 (2019). Specifications

№	Score	The knowledge and skills assessed
		Part 1
1	7	Ability to write a dictation, observing spelling and punctuation norms
2	3	Ability to recognize homogeneous members of a sentence
3	1	Ability to recognize clauses
4	3	Ability to recognize parts of speech
		Part 2
5	2	Ability to recognize orthoepic norms
6	1	Ability to classify consonants
7	2	Ability to recognize the main idea in a written text; formulate the main idea in writing, following syntactic and semantic rules
8	3	Ability to draw up a plan of a text, reproduce a text in different forms in writing, following syntactic and semantic rules
9	2	Ability ask questions to a text and write them down
10	1	Ability to determine the meaning of a word by the context
11	1	Ability to select synonyms to eliminate overlaps in a text
12	2	Ability to perform morphological analysis of a word
13	3	Ability to recognize nouns in a sentence, recognize grammatical characteristics of a noun
14	3	Ability to recognize adjectives in a sentence, recognize grammatical characteristics of an adjective
15	1	Ability to recognize verbs in a sentence
16	3	Ability to infer implicit information
<i>Total</i>	38	16 items, max score 38, time = 90 min

Table 2

Item analysis of Russian VPR 4, OGE, EGE

№	Type of activity	VPR4	OGE	EGE
1	<i>Word (form) recognition</i>	Items 1, 4, 5	–	Items 4, 9, 10, 11, 12
2	Lexical access	Items 9, 10	Items 3, 4, 5, 6	Items 3, 5, 6, 7, 8, 15, 24
3	Syntactic parsing	Items 2, 3, 11, 12, 13, 14	Items 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14	Items 2, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21
4	Propositional meaning	Item 15	–	Items 23, 25, 26
5	Inferencing	Items 6	Item 2	Item 22
6	Building a mental model	Items 7, 8	–	–
7	Creating a text-level structure	–	Item 1	Items 1, 27

Table 3

Compulsory National Exam (OGE) in Russian: Construct and Structure (2019). Specifications

№	Score	The knowledge and skills assessed
1	7	Part 1. A written account of a text
		Part 2. Text
2	1	Text as a piece of speech. Semantic and compositional integrity of the text. Text analysis
3	1	Expressive means of the Russian language (tropes, figures of speech)
4	1	Spelling of prefixes
5	1	Spelling of suffixes of various parts of speech
6	1	Vocabulary. Synonyms Classifications of words by origin and use
7	1	Types of subordination in a phrase (agreement, governance, adjoinment)
8	1	Clauses. Ways of expressing subject and predicate
9	1	A simple sentence with homogeneous and detached parts of a sentence (attributes, adverbial modifiers, adjunct and objects)
10	1	Punctuation marks in sentences with words and constructions that are not grammatically related to the sentence members (parenthesis, addresses, clarifications)

End of table 3

№	Score	The knowledge and skills assessed
11	1	Types of clauses
12	1	Co-ordinate conjunctions and subordinate conjunctions. Complicated and complex sentences, types of punctuation. Composing and subordinate unions
13	1	Types of subordination in complex sentences. Subordination (homogeneous and heterogeneous) and consecutive subordination
14	1	Sentences with different types of connections between clauses (compound sentence, complex sentence, conjunctionless subordinate clause)
		Part 3. Essay
15	10	Literacy and accuracy of an essay are assessed based on 5 criteria
<i>Total</i>	30	–

Table 4

**National Unified Exam (EGE) in Russian: Construct and Structure (2019).
Specifications**

№	Score	The knowledge and skills assessed
1	1	The main idea and theme of a text
2	1	Connectors in a text
3	1	The lexical meaning of the word
4	1	Orthoepic norms (word stress)
5	1	The use of paronyms (lexicology)
6	1	Lexical norms of the Russian language (except paronyms)
7	1	Word derivation (Morphology)
8	5	Syntactic norms. Norms of agreement and governance
9	1	Spelling of word roots
10	1	Spelling of prefixes
11	1	Spelling of suffixes of various parts of speech (except -H - / - HH-)
12	1	Spelling of inflexional ending of verbs and suffixes of participles
13	1	Spelling of NE- and NI-
14	1	Joined-up writing, hyphenated writing, separate writing of words
15	1	Spelling of -H- and -HH- in suffixes of various parts of speech
16	2	Punctuation in a compound sentence and a simple sentence with homogeneous parts of the sentence
17	1	Punctuation marks in sentences with detached parts of a sentence
18	1	Punctuation marks in sentences with words and constructions that are not grammatically related to sentence members
19	1	Punctuation marks in a compound sentence
20	1	Punctuation marks in sentences with different types of connectors
21	1	Punctuation analysis of a text
22	1	Text as a piece of speech. Semantic and compositional integrity of the text
23	1	Functional-semantic types of speech (discourse)
24	1	Lexicology. Synonyms Antonyms. Homonyms. Phraseological Units. Groups of words by origin and use
25	1	Text coherence
26	4	Expressive means
27	24	Essay
<i>Total</i>	58	–

Table 5

RLT 5: Construct and participants' performance

№	Text of the item	Texts of the task	Type of the task	Percent Correct
5	There is a spell in autumn early, One all too brief, _____ of an enchantment rare: The nights are radiant and pearly, _____ The days, pellucid, crystal-clear (F. Tutchev)	Fill in the blank with the correct conjunctions provided: and, but	Syntactic parsing	85.0 %
2	To play (a role, significance)	Choose the correct word (semantic co-occurrence)	Lexical access	82.0 %
11	There are two ks in me, please remember it Please always be as I am I exact, clean and neat	Riddle: Identify the meaning of a term	Lexical access	58.5 %
3	(put on, dress)... a coat	Choose the correct word (grammar co-occurrence)	Lexical access	45.0 %
9	There landed a rook and probably absolutely unexpectedly he came across a plentiful of worms. Not for herself came (feminine) this: even here one may hear how loudly young are squeaking while waiting for their mother	Fill in the correct grammar form of the noun	Lexical access, propositional meaning	45.0 %
10	Take/hold one mind	Define an idiom	Lexical access	43.5 %
7	It is found at the railways stations, all trains arrive there, it contains double r. what is it?	Riddle: Identify the term	Lexical access	43.0 %
4	What (time/ of time) is it?	Choose the correct case of the noun	Lexical access	41.0 %
1	Mikhail Vasilievich Lomonosov (1711-1765) is a brilliant Russian scientist, writer, teacher. The main work among his linguistic heritage is his book on Russian Grammar (1755), the first research-based grammar of the Russian language, in which the scholar determined the speech norms of his time and laid the foundations of stylistics.	Read a text and mark the main idea (MCQ).	Building a mental model	39.5 %
6	I am a synonym to the word hospitable, my root refers to an old tradition to treat guests with bread and salt	Riddle: Identify the synonym in a text	Lexical access	19.0 %
8	The task performing by us, was easy	Correct the sentence (active vs. passive participles)	Syntactic parsing	11.0 %

Table 6

Percent correct for each item on 9th grade Russian Language Test

Item	Percent Correct
1. Identify the text genre	90.5 %
2. Fill in the blank with the correct conjunction	63.0 %
3. Add a comma (identify the clause)	62.0 %
4. Read a text and mark the main idea	56.0 %
5. Substitution (non-finite constructions)	55.0 %
6. Correct the sentence (cohesive devices)	48.5 %
7. Correct the sentence (cohesive devices)	48.0 %
8. Read a text and mark the main idea	45.5 %
9. Substitution (attributive clauses)	38.0 %
10. Add a comma (identify compound sentence)	35.0 %
11. Change the punctuation (non-punctuated attributes)	33.5 %
12. Correct the sentence (non-finite verbs)	12.5 %
13. Correct the sentence (non-finite verbs)	5.5 %

**Example items from the Russian Language Test with Explanations
of the Necessary Comprehension Skill**

Test Item (Translated)	Explanation
<p>Fill in the blanks with derivatives of the word 'rook'.</p> <p>Прилетел <u>грач</u> и, видимо, вдруг наткнулся на массу червей. Не для себя прилетела эта _____: слышно и здесь, как орут молодые _____... в ожидании матери (М.Пришвин).</p> <p><i>There landed a rook and unexpectedly he came across plentiful of worms. Not for herself came (feminine) this _____: even here one may hear how loudly young _____ are squeaking while waiting for their mother.</i></p>	<p>The default gender of a rook is masculine. There is a <i>cohesive gap</i> between the 1st and the 2nd sentences: the masculine noun in the first sentence (<u>grach</u>, a rook) and the missing word to be filled in the blank in the second sentence refer to the same object. Test-takers are expected to (1) <i>infer</i> that both words refer to the same referent and (2) know the generic feminine noun – ptitsa, a bird.</p> <p>The word in the second blank refers to a group of rooks and a reader is expected to form the derivative accordingly – grachata, young rooks.</p>
<p>Put punctuation marks choosing between the following:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. A comma before 'and', 2. A comma after 'and', 3. A comma before and after 'and', 4. No comma. <p>К ночи пошел дождь и подул резкий, студёный ветер (Г.Данилевский).</p> <p><i>By night it began raining and a strong wind began blowing.</i></p>	<p>The general rule in Russian is that complex sentences consisting of two sets of a subject and a predicate are to be separated by a comma. However, if there is a member of the complex sentence referring to both clauses, then the rule does not apply. Thus, the right answer is 4 (no comma) and students are expected to <i>detect the semantic relation</i> between the adverbial modifier (<u>by night</u>) and the second sentence (<u>a strong wind...</u>).</p>
<p>Correct the sentence:</p> <p>Подъезжая к реке, мы остановили лошадей, быстро соскочили на землю и, наскоро раздевшись, бросились в воду.</p> <p><i>Arriving at the river, we stopped the horses, quickly jumped down to the ground and, having taken off the clothes, rushed to the water.</i></p>	<p>A reader must <i>infer</i> that none of the actions is possible before one HAS actually arrived at the river.</p>

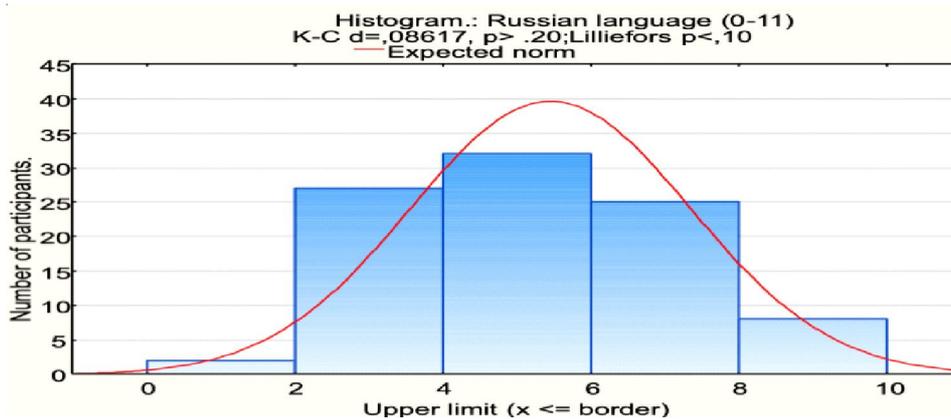

Fig. 1. Participants' performance in RT5

Table 8

Participants' performance in RT5

Score	Participants							
	Band I		Band II		Band III		Band IV	
	female (n = 10)	male (n = 9)	female (n = 22)	male (n = 19)	female (n = 14)	male (n = 10)	female (n = 2)	male (n = 6)
Russian Language Test	3,00	2,78	4,98	4,89	7,32	6,90	8,50	8,83

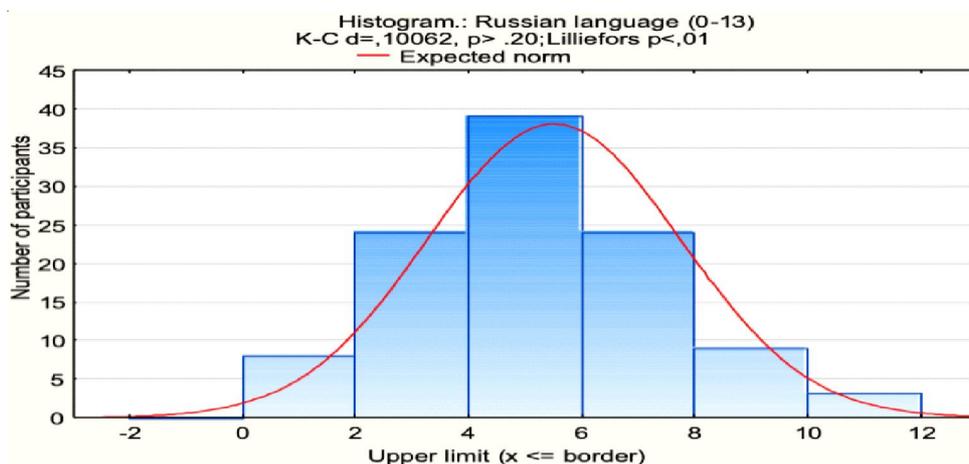

Fig. 2. Participants' performance in RT9

Table 9

Participants' performance in RT9

Score	Participants							
	Band I		Band II		Band III		Band IV	
	female (n = 6)	male (n = 9)	female (n = 25)	male (n = 20)	female (n = 16)	male (n = 6)	female (n = 9)	male (n = 3)
Russian Language Test	3,00	2,06	5,02	4,85	7,31	7,50	9,61	9,00

Table 10

Means, Standard Deviations for Test Proportion Scores as a Function of Gender for 5th Graders

Score	Participants				
	Overall (n = 81)	Male (n = 37)	Female (n = 44)	t	p
Russian Language Test (11 items)	.48 (.17)	.48 (.18)	.48 (.16)	-0.01	0.99
Weschler Test (WISC)	.54 (.11)	.56 (.09)	.52 (.11)	-1.76	0.08

Table 11

Means, Standard Deviations for Test Proportion Scores as a Function of Gender for 9th Graders

Score	Participants				
	Overall (n = 94)	Male (n = 38)	Female (n = 56)	t	p
Russian Language Test (13 items)	.44 (.17)	.38(.17)	.48 (.16)	2.76	0.01
Weschler Test (WAIS)	.46 (.16)	.44 (.16)	.48 (.15)	1.02	0.31

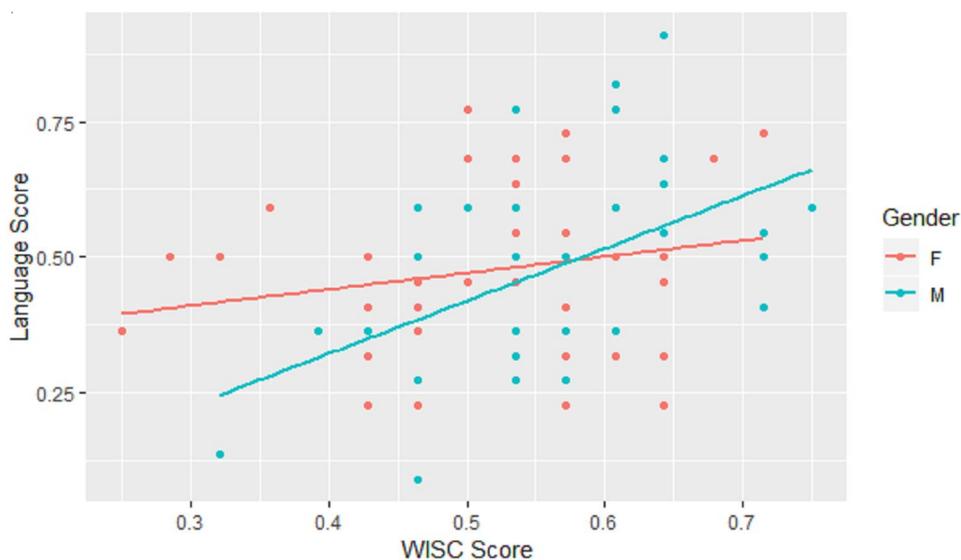

Fig. 3. Russian Language Test Proportion Score as a Function of General Knowledge Test (WISC) Proportion Score and Gender for 5th Graders

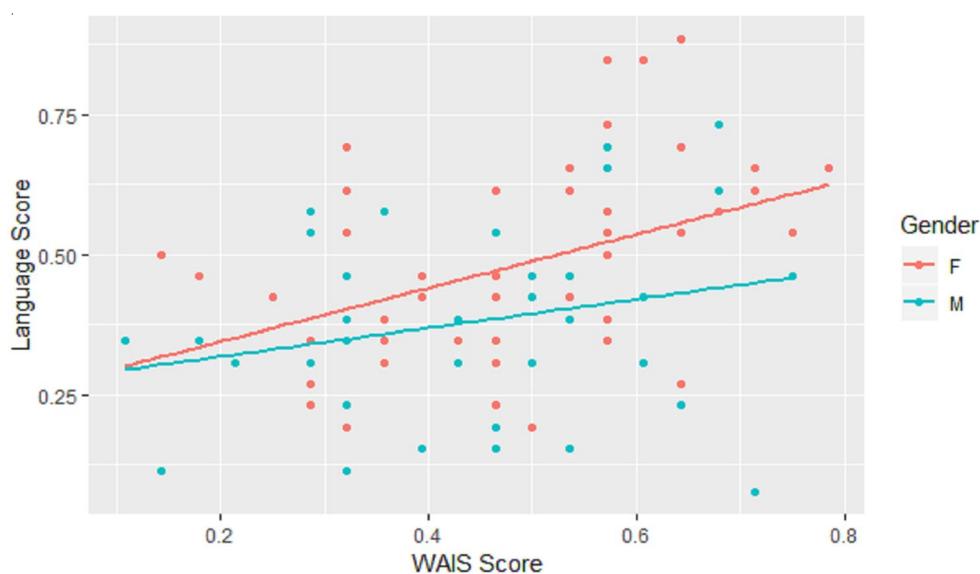

Fig. 4. Russian Language Test Proportion Score as a Function of General Knowledge Test (WAIS) Proportion Score and Gender for 9th Graders

REFERENCES

- Alderson J.C., 2005. The vocabulary size placement test. *Diagnosing foreign language proficiency*. London, Continuum, pp. 79-96.
- Bowles M., 2008. *Standards-Based Assessment in the Native Language: A Practical Guide to the Issues*. URL: <https://www.edweek.org/media/maz-guide%20to%20native%20language%20assessment%20v15-blog.pdf> (accessed 1 September 2019).
- Demoversii, specifikacii, kodifikatory* [Demoversions, Specifications, Codifiers]. URL: <http://fipi.ru/oge-i-gve-9/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (accessed 1 September 2019).
- Education in the Russian Federation*. URL: <https://wetr.wes.org/2017/06/education-in-the-russian-federation> (accessed 1 September 2019).
- Farhady H., Jafarpur A., Birjandi P., 1994. Test language Skills. *From Theory to Practice*. Tehran, SAMT Publ.
- Field J., 2004. Psycholinguistics: The Key Concepts. London, Routledge (in preparation). Cognitive Validity. Taylor L. ed. *Examining Speaking: (Studies in Language Testing)*. Cambridge, Cambridge University Press / Cambridge ESOL.
- Filimonenko Yu., Timofeev V., 1994. *Rukovodstvo k metodike issledovaniya intellekta u detey D. Vekslera. Adaptirovanny variant* [Guide to the Methodology of the Study of Intelligence in Children by D. Veksler (WISC). Adapted version]. Saint Petersburg, IMATON Publ. 94 p.
- FIFI* [FIPM]. URL: <http://www.fipi.ru> (accessed 1 September 2019).
- Harsch C., Hartig J., 2016. Comparing C-tests and Yes/No Vocabulary Size Tests as Predictors of Receptive Language Skills. *Language testing*, vol. 33, no. 4, pp. 555-575. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/bf8e/da858e81a93990c450f5b0ccd661da6d5dac.pdf> (accessed 1 September 2019).
- Harsch C., Schröder K., 2007. Text rekonstruktion: C-Test. Beck B., Klieme K., eds. *Sprachliche Kompetenzen: Konzepte und Messungen. DESI-Studie*. Weinheim, Beltz, pp. 212-225.
- Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education]. URL: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/18-2.pdf> (accessed 1 September 2019).
- Ivanov V.V., Solnyshkina M.I., Solovyev V.D., 2018. Efficiency of Text Readability Features in Russian Academic Texts. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, vol. 17, pp. 277-287.
- Ivanova V.P., 2013. *Razvitie intellekta kak osnovanie lichnostno-professionalnogo stanovleniya studentov: dis. ... d-ra psiol. nauk* [Development of Intelligence as the Basis of Personal-Professional Formation of Students. Cand. Psychol. sci. diss.]. Moscow. 430 p.
- Khoutyz I., 2013. Engagement Features in Russian & English: A Cross-Cultural Analysis of Academic Written Discourse Teachers College, Columbia University *Working Papers in TESOL & Applied Linguistics*, no. 13 (1), pp. 1-20.
- Kintsch W., van Dijk T.A., 1978. Toward a Model of Text Comprehension and Production. *Psychological Review*, no. 85, pp. 363-394.
- Kuchma V.R., Tkachuk E.A., 2015. Gigienicheskaya otsenka uchebnykh tekstov: metodicheskie podkhody i otsenka trudnosti dlya detey obshcheobrazovatelnykh uchebnikov [Hygienic Assessment of Educational Texts: Methodological Approaches and Assessment of Difficulty for Children in Comprehensive Textbooks]. *Vestnik RAMN*, vol. 70, no. 2, pp. 214-221. DOI: 10.15690/vramn.v70i2.1315.
- Manual for Language Test Development and Examining*. URL: <https://rm.coe.int/manual-for-language-test-development-and-examining-for-use-with-the-ce/1680667a2b> (accessed 1 September 2019).
- Meyer R.V., 2016. Ob izmerenii slozhnosti uchebnogo teksta po estestvenno-nauchnym distsiplinam [On the Measurement of the Complexity of the Text in Natural Science Disciplines]. *Sovremennoe obrazovanie*, no. 4, pp. 56-64. DOI: 10.7256/2409-8736.2016.4.19501.
- Milton J. *Measuring Second Language Vocabulary Acquisition*. Bristol, UK, Multilingual Matters, 2009. 228 p.
- Opisanie kontrolnykh izmeritelnykh materialov dlya provedeniya v 2019 godu proverochnoy raboty po RUSSKOMU YAZYKU 4 klass [Description of Russian Language Assessment Materials of 2019]. URL: https://fioco.ru/Media/Default/Documents/%D0%92%D0%9F%D0%A0/VPR_RU-4_Opisanie_2019.pdf (accessed 1 September 2019).
- Otsenka didakticheskoy slozhnosti shkolnykh uchebnikov fiziki* [Assessment of Complexity of School Physics Textbooks]. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=35582> (accessed 1 September 2019).
- Panasyuk A.Yu. 1973. Adaptirovanny variant metodiki Vekslera (WISC) [Adapted Version of the Methodology of D. Veksler (WISC)]. Moscow, Institute of Hygiene of Children and Adolescents of the Ministry of Health of the USSR. 80 p.
- Petrova A.A., Solnyshkina M.I., 2019. Pismennaya kommunikatsiya: tekstovyy i lingvisticheskiy podkhody k teorii i empirii [Writing Communication: Textual and Linguistic

- Approaches to Theory and Empirism]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 18, no. 3, pp. 276-281.
- Pinskaya M.A., 2009. An Analysis of Elementary School Textbooks. *Journal of Educational Studies*, no. 1, pp. 137-161.
- Ponimanie shkolnikami uchebnogo materiala* [Comprehension of Learning Material by Students]. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1986/861/861087.htm> (accessed 1 September 2019).
- Research Notes*. URL: <https://www.cambridgeenglish.org/Images/23150-research-notes-31.pdf> (accessed 1 September 2019).
- Sigott G., 2004. *Towards Identifying the C-Test Construct*. Frankfurt am Main, Lang.
- Solovyev V., Ivanov V., Solnyshkina M., 2018. Assessment of Reading Difficulty Levels in Russian Academic Texts: Approaches and Metrics. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*, vol. 34, no. 5, pp. 3049-3058.
- Solovyev V., Solnyshkina M., Gafiyatova E., McNamara D., Ivanov V., 2019a. Sentiment in Academic Texts. *24th Conference of Open Innovations Association FRUCT*, vol. 2019-April, pp. 408-414.
- Solovyev V., Solnyshkina M., Ivanov V., Batyrshin I., 2019b. Prediction of Reading Difficulty in Russian Academic Texts. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*, vol. 36, iss. 3, pp. 1-11.
- Weir C.J., 1993. *Understanding and Developing Language Tests*. London, Prentice Hall. 341 p.
- Weir C.J., Khalifa H., 2008. A Cognitive Processing Approach Towards Defining Reading Comprehension. *Research Notes, Cambridge ESOL*, no. 31, pp. 2-10.
- Zuckerman G.A., Kovaleva G.S., Kuznetsova M.I., 2013. Between PIRLS and PISA: The Advancement of Reading Literacy in a 10–15-Year-Old Cohort. *Learning and Individual Differences*, no. 26, pp. 64-73.

Information about the Authors

Kathryn Soo McCarthy, Assistant Professor, Department of Learning Sciences, Georgia State University, P.O Box 3978, 30602 Atlanta, GA, USA, KmcCarthy12@gsu.edu, <https://orcid.org/0000-0002-6277-7005>

Danielle Siobhan McNamara, Professor, Department of Psychology, Arizona State University, Payne Hall, TEMPE Campus, Suite 108, 1104 Tempe, USA, Danielle.McNamara@asu.edu, <https://orcid.org/0000-0001-5869-1420>

Marina I. Solnyshkina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Theory and Practice of Foreign Languages Teaching, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, mesoln@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1885-3039>

Fanuza Kh. Tarasova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Romance and Germanic Philology, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, fhtarasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9420-4503>

Roman V. Kupriyanov, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Department of Social Work, Pedagogical Sciences and Psychology, Kazan National Research Technological University, Karla Marksa St., 68, 420015 Kazan, Russia, kroman1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9794-9607>

Информация об авторах

Кэтрин Су МакКарти, доцент кафедры теории и методики преподавания, Университет штата Джорджия, п/я 3978, 30602 г. Атланта, Джорджия, США, KmcCarthy12@gsu.edu, <https://orcid.org/0000-0002-6277-7005>

Даниэль Шиврон МакНамара, профессор кафедры психологии, Университет штата Аризона, Пэйн Холл, Кампус ТЕМПЕ, комната 108, 1104 г. Темпе, США, Danielle.McNamara@asu.edu, <https://orcid.org/0000-0001-5869-1420>

Марина Ивановна Солнышкина, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, mesoln@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1885-3039>

Фануза Харисовна Тарасова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, fhtarasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9420-4503>

Роман Владимирович Куприянов, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, ул. Карла Маркса, 68, 420015 г. Казань, Россия, kroman1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9794-9607>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.19>

UDC 811.161.1'35
LBC 81.411.2-65

Submitted: 04.04.2019
Accepted: 03.10.2019

ORTHOGRAPHIC NORM AND GRAMMATICAL HOMONYMY

Svetlana Yu. Kharchenko

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article deals with the relevant linguistic issue of correlation between word spelling and the distinction of units belonging to different grammatical classes. The concepts of *word* and *part of speech* are contrasted. The author has revealed the peculiarities of lexical units functioning in written speech, which enables their part-of-speech status identification. The analysis of criteria, suggested by the linguists for differentiation of homonymous adverbs, preposition-and-case-form combinations, and derivative prepositions resulted in proposing a procedure of consecutive operations, accomplished to identify the part-of-speech status of grammatically homonymous words. The results of the linguistic experiment show how in speech practice native speakers solve the problems of part of speech determination and establishing the spelling of such words. It was revealed that the methods for distinguishing grammatical homonyms used by recipients, in many cases, do not lead to the correct solution. The existing codified guidelines are not applied while writing, as spelling of the major part of grammatically homonymous words does not meet the requirements of the norm. To solve the problem under consideration, it is necessary to adjust the content of spelling rules and change the spelling of a number of words, where traditional spelling principles are reflected.

Key words: Russian language, linguistic norm, orthographic norm, grammar norm, part of speech, grammatical homonyms.

Citation. Kharchenko S.Yu. Orthographic Norm and Grammatical Homonymy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 248-258. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.19>

УДК 811.161.1'35
ББК 81.411.2-65

Дата поступления статьи: 04.04.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ

Светлана Юрьевна Харченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной лингвистической проблеме связи между орфографическим оформлением слов и разграничением единиц, относящихся к разным грамматическим классам. Рассмотрено соотношение понятий «слово» и «часть речи». Установлены особенности функционирования лексических единиц в письменной речи, позволяющие установить их частеречный статус. В результате анализа выдвинутых лингвистами критериев дифференциации омонимичных наречий, предложно-падежных сочетаний и производных предлогов автором определен порядок последовательного установления частеречной принадлежности слов, находящихся в отношениях грамматической омонимии. Описаны итоги проведенного пилотного лингвистического эксперимента, которые демонстрируют то, как в речевой практике носители языка решают задачи отнесения слова к той или иной части речи (наречие, существительное, предлог) и установления его орфографии. Выявлено, что приемы разграничения грамматических омонимов, используемые реципиентами, во многих случаях не приводят к правильному решению, существующие кодифицированные установки не находят применения у пишущих, поскольку орфографическое оформление большей части слов, являющихся грамматическими омонимами, не отвечает требованиям нормы. Определены пути преодоления рассматриваемой проблемы: корректировка содержания орфографических правил и изменение орфографического облика ряда слов, отражающего традиционный принцип правописания.

Ключевые слова: русский язык, языковая норма, орфографическая норма, грамматическая норма, часть речи, грамматические омонимы.

Цитирование. Харченко С. Ю. Орфографическая норма и грамматическая омонимия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 248–258. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.19>

Традицию нельзя превращать в нечто незыблемое, священное, ибо она хороша в том случае, когда облегчает миллионам овладеть правописанием, и она очень плоха, когда вносит излишние трудности.

Е.М. Галкина-Федорук

Введение

Вопросы орфографического оформления слов, несмотря на существование кодифицированных нормативных установок, продолжают оставаться актуальными и для рядовых носителей русского языка, и для лингвистов. Носители языка в практике письменной коммуникации нередко оказываются в ситуации выбора написания слова из нескольких возможных вариантов и в зависимости от ряда факторов (уровня сформированности языковой компетенции, развития языкового чутья, степени начитанности и др.) принимают решение, отдавая предпочтение правильному или неправильному варианту. Лингвисты свою задачу видят в создании таких орфографических правил, которые максимально оптимизировали бы выбор пишущих при сохранении адекватного отражения языковых связей.

От грамматических характеристик обозначаемых на письме единиц и прежде всего от их частеречной принадлежности зависит решение большей части вопросов одного из разделов русской орфографии – слитных / раздельных / дефисных написаний. Для рядовых носителей языка особую сложность представляют ситуации, требующие разграничения грамматических омонимов и применения орфографических нормативов, нарушающих нормы графики. Предметом рассмотрения в статье послужила орфографическая норма, связанная с дифференциацией омонимичных единиц с позиций морфологических классов.

Исходные положения

Рассматривая письмо как саморазвивающуюся систему [Бешенкова, 2016; Wildgen,

1990], лингвисты признают, что нормализаторская деятельность в отношении кодификации может проводиться различными способами: совершенствованием правил, изменением графического облика отдельных слов, введением вариантов орфографического оформления лексических единиц. По мнению Е.В. Бешенковой, в структурно-системной части письма, противопоставленной его асистемной части, варианты в написании «возникают в предсказуемых точках, обусловленных антиномиями системы» [Бешенкова, 2016, с. 36], в частности, в случаях употребления единиц, относящихся к грамматическим омонимам. В таких ситуациях пишущие нередко задаются вопросом: сколько слов и какую часть речи (или сочетание каких частей речи) им предстоит отразить на письме?

Проблема соотношения понятий «слово» и «часть речи» языковедами решается неоднозначно, что обусловлено различиями в выборе критериев классификации лексем по частям речи. В истории развития грамматических учений прослеживаются несколько подходов к пониманию сущности частей речи и принципов их выделения в языках различных типов, но, по справедливому замечанию Л.В. Щербы, важна не сама классификация, а установление того, «...под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае» [Щерба, 1957, с. 64]. Одно и то же слово, считает ученый, может материально фигурировать в разных категориях (например, *вблизи* может быть наречием или предлогом), поэтому классификация всех слов в языке по частеречной принадлежности не представляется возможной и необходимой, относить слово к тому или иному грамматическому классу следует в каждой конкретной ситуации.

Развитие рассматриваемого вопроса иногда приводит лингвистов к выводу о том, что понятие слова шире понятия части речи, поскольку, по словам В.И. Куракова, в процессе транспозиции «не слово и не часть речи

переходят в другую часть речи, а лишь лексическое меняет свою грамматическую принадлежность» [Кураков, 1998, с. 93]. Именно лексема, по мнению исследователя, переходит из одной части речи в другую, образуя при этом «единство того же самого лексического, но уже с иной частью речи» [Кураков, 1998, с. 93], и весьма не бесспорно называть это новообразование новой лексической единицей, в связи с тем что изменение части речи ведет к изменению только отношений, в которые может вступать эта же лексема, поэтому, например, *бурить* и *бурение*, приходит к выводу ученый, – это две грамматические формы одной лексемы.

Мы придерживаемся иного взгляда: план выражения лексических единиц, относящихся к разным частям речи, может совпадать, но различия семем (а они обязательно будут наблюдаться у слов разных частей речи) не позволяют объединять их в рамках одного слова. Любые омокомплексы, не обладающие тождественными планами содержания, по нашему мнению, представляют разные слова.

Благодаря трудам В. В. Виноградова, с середины XX в. традиционными критериями определения частеречной принадлежности лексической единицы стали считаться характер синтаксического употребления, характер номинации и система грамматических форм [Виноградов, 2001, с. 41–42]. Однако в составленной самим ученым классификации к частям речи относятся только знаменательные слова, а междометия, модальные слова и служебные (частицы речи) в их круг не входят, поскольку не обладают способностью номинации. Взяв за основу традиционную типологию слов (десять частей речи: имена существительные, прилагательные, числительные, глагол, местоимение, наречие, категория состояния, предлог, союз, частица; а также междометия и звукоподражательные слова), обратим внимание на условность ее традиционности. В языке, как непрерывно развивающейся системе, состав той или иной категории слов может меняться, что связано с особенностями функционирования входящих в нее единиц. Первоначально значимый для установления части речи синтаксический критерий со временем становится неосновным, на первый план выходят морфологические при-

знаки, но при развитии вторичных синтаксических функций у слова могут происходить изменения в грамматических характеристиках, что, как следствие, приводит к его расщеплению. Для обозначения такой лексической единицы, которая способна выступать в функции разных частей речи, но является единицей абстрактной, Л.В. Малаховским предложен термин «гиперлексема» [Малаховский, 1990, с. 219], однако для рядовых носителей языка он представляется неактуальным.

Учитывая неоднозначные решения вопроса о соотношении понятий «слово» и «часть речи», принимаем следующие трактовки: слово – это единица языка, конструируемая совокупностью лексического и грамматического компонентов; частеречная принадлежность – одна из составляющих грамматического компонента; каждой знаменательной части речи присуще свое общекатегориальное значение, которое выражается в определенных морфологических категориях; слова служебных частей речи классифицируются в соответствии с функциональным критерием.

Грамматическая омонимия и синхронная транспозиция

Вопрос о грамматических омонимах связан с дискуссией о синхронии и диахронии в языке. Если признать, что синхрония – это фрагмент диахронии, имеющий некоторую длительность, а язык развивается непрерывно, то логично предположить, что и в синхронии можно наблюдать процесс образования грамматических омонимов. В рамках настоящей статьи термины «грамматические омонимы» и «функциональные омонимы» употребляются как синонимичные, хотя, несомненно, в исследованиях филологов аргументируется необходимость в их различении [Авдина, 2013, с. 205; Ахманова, 1957, с. 165]. Под грамматическими (функциональными) омонимами нами понимаются этимологически родственные слова (в отдельных случаях – слова и словоформы), совпадающие по звучанию, но различающиеся частеречной принадлежностью.

Кроме явных случаев грамматической омонимии лингвисты отмечают существование в языке и речи единиц, содержащих при-

знаки разных грамматических классов. Подобные явления находятся в зоне переходности и характеризуются синкретизмом определенных свойств. По мнению В.В. Бабайцевой, при синхронной переходности, то есть переходности в системе языка в определенный временной период, связи между центральными (типичными) категориями создают зону синкретизма с периферийными и промежуточными звеньями [Бабайцева, 2000, с. 27]. В разработанной ею шкале переходности между крайними звеньями А и Б (четко противопоставленными грамматическими омонимами) могут находиться промежуточные звенья Аб, АБ, аБ (относящиеся к ним элементы в равной (АБ) или разной (Аб, аБ) степени обладают признаками каждого из компонентов омонимической оппозиции). Например, синхронную переходность в современном русском языке (как и в другие временные периоды) можно проследить у словоформ существительных и омонимичных им наречий: *Любуюсь вечером* (звено А – сущ.) – *Засыпаю поздним вечером* (звено Аб – сущ. с наречным признаком – обстоятельственная функция) – *Читаю книги вечером* (по мнению В.В. Бабайцевой, это звено АБ, в котором прослеживается равновесие признаков существительного и глагола; в общепринятой трактовке это наречие).

Наибольшую сложность в определении степени перехода из одного грамматического класса в другой представляют омокомплексы, включающие 1) предложно-падежные сочетания в роли обстоятельств и наречия; 2) предложно-падежные сочетания, наречия и предлоги. Компоненты этих омокомплексов встречаются в письменной речи весьма часто: *Россияне помоложе, для которых банковские карты и электронные кошельки давно не в новинку, захаживают на почту изредка...* (Комсомольская правда, 08.07.2015); *Русский господин нехотя удалился с бокалами на отлете* (Коммерсантъ, 06.05.2016); *Их действительно кормят на убой* (Комсомольская правда, 15.07.2008); *В России можно будет купить топливо на заправках в рассрочку* (Коммерсантъ, 18.09.2019); *Двор и его обитатели принимают семейство в штыки, а всему виной вздорный нрав новоселов* (Комсомольская правда, 17.06.2010);

Трубу тянули в складчину (Российская газета, 19.06.2019); *Кстати, и сама учительница, и одноклассники в шутку называют тезку знаменитого голландца Гусь* (Комсомольская правда, 29.03.2018); *Слушает Дарья, а у самой сердце на изорвь идет* (Е. Кулькин); *Случалось, дорога шла навздым и там крепчала под солнцем и ветром* (Ю. Нагибин).

Анализ исследуемых нами языковых единиц позволил отнести каждую из них к одному из четырех типов.

1. Наречия, в современном русском языке уже не соотносимые с предложно-падежными сочетаниями (например, *без умолку, без удержу, без просыпу, с панталыку, до зарезу, до упаду, на ощупь, на скаку, в охотку*).

2. Наречия, функционирующие в современном русском языке параллельно с омонимичными предложно-падежными сочетаниями (*на дом, до смерти, до отказа, на миг, на славу, на вид, в охалку, с маху, в сердцах, в головах, в розницу, на износ, по праву, по совести* и др.).

3. Предложно-падежные сочетания, не имеющие в современном русском языке омонимичного наречия, сформировавшегося путем адвербиализации (*до конца, без внимания, на мгновение* и др.).

4. Предлоги, омонимичные наречиям и сформировавшиеся на базе адвербиализованных сочетаний (*без ведома, вслед за, вдали от* и др.).

Разграничение омонимичных структур в грамматике

Вопрос установления морфологического статуса лексических единиц и различения грамматических омонимов признавался актуальным со времени создания первых трудов о грамматическом строе русского языка. В середине XVIII в. М.В. Ломоносов в § 125 «Российской грамматики» указывал на необходимость дифференциации слитных и раздельных предлогов (слитные предлоги позже стали называть приставками). Как отметил ученый, на практике многие «погрешают» в их употреблении и на письме «слитие... сплошь видно: *вдомъ, надгорою, изокна*» [Ломоносов, 1755, с. 59]. Вероятно, слитное

написание в подобных случаях объясняется влиянием господствовавшего ранее слитного письма в рукописях (*scriptio continua*) и трудностью различения предлогов и приставок.

Однако, как писал М. В. Ломоносов, требуется помнить, что слитные предлоги остаются в составе слова во всех его грамматических формах, а отдельные предлоги сохраняются только в определенных падежах; при глаголах всегда используются предлоги слитные; наречиями становятся сочетания предлогов с существительными (и пишутся слитно), если предлог употреблен не с присущей для него падежной формой (*вдругъ*) или перед именем, в других формах не используемомся (*вкось*), а также при изменении значения (*вмѣстѣ*) [Ломоносов, 1755, с. 59–60]. Предложенные критерии разграничения наречий и предложно-падежных сочетаний находили применение в практике обучения грамматике вплоть до середины XX в., несмотря на то, что в процессе становления русской орфографии рекомендации по этому вопросу высказывались практически всеми авторами грамматик и учебников русского языка (см. об этом, например: [Харченко, 2002]).

При решении вопроса о дифференциации наречий и предложно-падежных сочетаний необходимо отличать случаи завершившегося процесса адвербиализации и те случаи, когда этот процесс на современном этапе развития языка еще длится и рядовому носителю языка сложно определить его стадию.

Открытым остается вопрос, можно ли относить слово к классу имен существительных, если в речи оно функционирует только в обстоятельственной функции и только в составе предложно-падежных сочетаний. Материалы толковых словарей современного русского языка не всегда последовательны в отражении этого вопроса. Так, в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» (2007 г.) *удерж*, *умолк*, *упад*, *кондачок*, *панталык*, *просып* представлены как существительные, но лексические значения этих единиц в словаре не приводятся, фиксируется только семантика сочетаний: *без удержу* – ‘не сдерживаясь, неудержимо’ (с. 1019); *без умолку* – ‘не умолкая, не затихая’ (с. 1027); *до упаду* – ‘до полного изнеможения’ (с. 1029); *с кондачка* – ‘не подгото-

вившись, несерьезно, легкомысленно’ (с. 357); *с панталыку (сбить(ся) с панталыку)* – ‘привести (прийти) в растерянность, лишиться (лишиться) соображения’ (с. 611); *без просыпу (без просыпа)* – 1) *без просыпу спать* – долго и крепко, 2) *без просыпу пить* – о беспробудном пьянстве (с. 767).

В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2001 г.), фиксирующем помимо собственно служебных частей речи наречия и предикативы, находим словарные статьи с пометой *качественно-обстоятельственное наречие, разговорное* у единиц *без удержу*, *без умолку*, *без просыпу* и *без просыпа*, *до упаду*, *с кондачка*. Толкование наречия *с панталыку* в этом словаре отсутствует.

В «Морфемном словаре наречий русского языка» Ю.Н. Гребеневой (2017 г.) анализируемые единицы тоже зафиксированы, причем у некоторых из них орфографический облик отражается и в соответствии с современной кодификацией нормы, и с пометой «устаревшее написание»: *без просыпу* (с. 29), *без удержу* (с. 32), *без умолку* и *безумолку* (устар.) (с. 32), *до упаду* (с. 150). Наречия *с кондачка* и *с панталыку* не представлены. В этом словаре отмечены случаи изменения написания с **дефисного на слитное**: *вовремя* и *вовремя* (устар.) (с. 78); с **дефисного на раздельное**: *во веки веков* и *во веки-веков* (устар.) (с. 77–78), *на днях* и *на-днях* (устар.) (с. 251), *на нет* и *на-нет* (устар.) (с. 260), *под руку* и *под-руку* (устар.) (с. 387), *по сердцу* и *по-сердцу* (устар.) (с. 425), *только что* и *только-что* (устар.) (с. 553); с **раздельного на слитное**: *вкруговую* и *в круговую* (устар.) (с. 69), *внаклон* и *в наклон* (устар.) (с. 72), *вполсвета* и *в полсвета* (устар.) (с. 90), *вполуборот* и *в полуоборот* (устар.) (с. 90), *вприхлопку* и *в прихлопку* (устар.) (с. 93), *вразноголосицу* и *в разноголосицу* (устар.) (с. 96), *вразнос* и *в разнос* (устар.) (с. 96), *навскидку* и *на вскидку* (устар.) (с. 248), *напеременку* и *на переменку* (устар.) (с. 262), *напрокат* и *на прокат* (устар.) (с. 265), *сплеча* и *с плеча* (устар.) (с. 523); с **слитного на раздельное**: *без толку* (с. 32) и *бестолку* (устар.) (с. 41); *под мышками* и *подмышками* (устар.) (с. 383–384), *под мышки* и *подмышки* (устар.) (с. 384), *под мышкой* и *под-*

мышкой (устар.) (с. 384), *под мышку* и *подмышку* (устар.) (с. 384); **со слитного на дефисное**: *мало-мальски* и *маломальски* (устар.) (с. 226), *по-прежнему* и *попрежнему* (устар.) (с. 419).

Нам представляется правомерным единицы *без удержу*, *без умолку*, *до упаду*, *с кондачка*, *с панталыку*, *без просыпу* считать наречиями, поскольку имя существительное (как и любая другая часть речи, имеющая в составе парадигмы определенное количество словоформ) «опознается» по начальной форме. Парадигма существительных *удерж*, *умолк*, *упад*, *кондачок*, *панталык*, *просып* разрушилась, но в некоторых словарях современного русского языка продолжает фиксироваться их начальная форма без кодификации значения. В подобных случаях можно говорить об утрате языком лексической единицы – имени существительного и сформированности в результате адвербиализации новой лексической единицы – наречия, орфографическое оформление которого пока решается в соответствии с традиционным принципом. Итак, отсутствие начальной формы и большей части падежных форм свидетельствует о завершении процесса перехода существительного в наречие.

Отметим другие особенности функционирования лексических единиц, помогающие установить их частеречный статус.

1. Предлог не употребляется в предложении самостоятельно, без именной словоформы в косвенном падеже (ср.: *Лагерь расположился **вблизи** дороги* и *Мы увидели находящуюся **вблизи** постройку*). В семантическом отношении слово *вблизи* во втором предложении предполагает контекстное пояснение, *вблизи чего / кого* находится строение (поэтому по шкале переходности В.В. Бабайцевой, возможно, этот случай не будет последним звеном в цепи), но по формальному показателю это несомненное наречие в современном русском языке.

2. Наречие, будучи в предложении обстоятельством, не может иметь при себе зависимое дополнение (ср.: ***Вдали** показался парус* и ***Вдали от нас** проплыла акула*). Если признать существование многозначных членов предложения, то в зоне синкретизма могут находиться случаи, когда обстоятельство,

выраженное существительным, имеет при себе определение, например, в предложении *Просыпаюсь ранним утром* словоформа *ранним* выполняет функцию определения, согласуясь с обстоятельством *утром* (сущ.), но дополнения в подобных ситуациях быть не может.

3. Одно из средств дифференциации наречий и омонимичных им предложно-падежных сочетаний – фонетические различия, а именно изменение места ударения. Префиксы (из предлогов) и в ряде случаев суффиксы (из флексий) в составе наречий перетягивают ударение на себя: *во́время* (ср.: *во вре́мя*), *за́мужем* (ср.: *за му́жем*), *по́боку* (ср.: *по бо́ку*), *на́голову* (ср.: *на го́лову*), *о́троду* (ср.: *от ро́ду*), *до́ смерти* (ср.: *до сме́рти*), *за́ полночь* (ср.: *за по́лночь*), *на́ дом* (ср.: *на до́м*), *вплотnúю* (ср.: *в плóтную*), *втихúю* (ср.: *в ти́хую*) и др. Кроме того, значимым является и характер звука, с которого начинается вторая часть сочетания (при предлоге-приставке на согласный). Если второй компонент начинается с гласного, то рекомендуется дистантное его положение по отношению к первому, а соответственно, и признание в данном случае предложно-падежного сочетания, а не наречия.

4. Существуют определенные различия в лексических значениях грамматических омонимов. Разрыв в семантике наречия и существительного ощущается в большей степени в тех случаях, когда на современном этапе носители языка не прослеживают мотивационные связи между ними (*с панталыку*, *с кондачка*). Однако, сравнивая, например, семантику наречий, появившихся в результате адвербиализации, и «наречных сочетаний», оформляющихся на письме аналитически, исследователи нередко говорят о метафорическом употреблении существительных в таких сочетаниях. В частности, единицы *в сердцах*, *за глаза*, *в корне*, *в лицо*, *в пику* рассматриваются как предложно-падежные сочетания, в которых *сердце*, *глаз*, *корень*, *лицо*, *пики* являются существительными, функционирующими в переносном значении [Волошина, 1994, с. 82].

5. Изменения на уровне семантики приводят к изменениям на грамматическом уровне: наречия выражают значение при-

знаковости действия или другого признака, а не значение предметности. Один из способов различения омонимичных структур – возможность замены синонимом, имеющим то же общекатегориальное значение. Однако было бы неверным признать прием синонимической замены [Галкина-Федорук, 1954, с. 16] универсальным, так как синонимичными могут быть слова, относящиеся к разным частям речи.

6. Весьма распространенное мнение о том, что существование хотя бы двух падежных форм в парадигме доказывает наличие имени существительного в языке (*без оглядки – с оглядкой, на карачки – на карачках*), на наш взгляд, не вполне обоснованно: отсутствие в словарях кодифицированной формулировки лексического значения начальной формы существительного свидетельствует об утрате языком ранее функционировавшего имени.

7. Оригинальный прием различения наречий и омонимичных структур, основанный на способности словоформы быть членом замкнутого или незамкнутого ряда, был предложен М.В. Пановым. Если оставшаяся после отделения приставки-предлога часть может рассматриваться как имя существительное и данное предложно-падежное сочетание входит в незамкнутый ряд сочетаний такого типа, то, считает лингвист, полной адвербиализации не произошло и нужно говорить об употреблении падежной формы существительного с предлогом [Панов, 1964, с. 115]. Например, сочетание *в полоску* входит в открытый ряд *материя в полоску, в елочку, в квадрат, в колокольчик* и т. д., а сочетание *в головах* – член замкнутого ряда *лежит в головах, в ногах*, но невозможно: *в руках, в спинах* и т. д.

8. Возможность вставки согласованного определения между предлогом и существительным позволяет, по мнению многих, ограничить их от наречий. Такое утверждение было зафиксировано в первом издании «Правил русской орфографии и пунктуации» [Правила..., 1956, с. 45]. Представляется лингвистически некорректной формулировка «если можно вставить», так как семантическая близость омонимичных наречий и имен существительных может оставаться явной, и при отсутствии определения единица будет квали-

фицироваться как наречие, а при его наличии – как имя существительное: *ударил с маху – ударил со всего маху, коня остановит на скаку – остановит на полном скаку*. Однако есть и более категоричная точка зрения: вставкой-определением следует считать не любое слово. В частности, в примерах *внизу – в самом низу, вверху – в самом верху, на ходу – на полном ходу, на миг – на один миг, на днях – на этих днях* вставками могут быть только определенные слова, что говорит о мнимой проницаемости между компонентами наречий [Шанский, 1964, с. 48]. В новой редакции кодифицированного свода правил данный критерий для различения грамматических омонимов не предлагается [Правила..., 2006, с. 141–148].

Учитывая все рассмотренные критерии и приемы дифференциации омонимичных структур, предлагаем использовать следующую последовательность проверки грамматических признаков слов:

1. Употребляется в современном русском языке слово с другим препозитивным компонентом, без него или нет? (Если нет, то это наречие).

2. Имеет часть без препозитивного компонента начальную форму или нет? (Если нет, то это наречие).

3. Входит в сочетание с именем существительным / личным местоимением в косвенном падеже или нет? (Если да, то это предлог).

4. Имеет при себе согласованное определение (не из числа строго ограниченных – фразеологизированных) или нет? (Если да, то это предложно-падежное сочетание).

5. Входит в замкнутый ряд сочетаний такого же типа или нет? (Если да, то это наречие, если нет, то – предложно-падежное сочетание).

Грамматические омонимы в сознании носителей языка

Для выявления того, осознают ли носители русского языка связь между орфографическим оформлением грамматических омонимов и их частеречной принадлежностью, был проведен пилотный лингвистический эксперимент. В нем добровольно участвовали

108 человек. Все участники – студенты Волгоградского государственного университета разных курсов и направлений подготовки, в том числе и направления «Филология». Эксперимент проводился в учебной аудитории, время выполнения заданий ограничивалось 30 минутами.

Эксперимент проводился в два этапа.

Материал для первого этапа представлял собой 18 предложений, целенаправленно составленных для проведения эксперимента. Графически маркированными шрифтовым выделением в предложениях были слова (сочетания), являющиеся компонентами омонимических пар (рядов): *вдали* (наречие) – *вдали от* (предлог) – *в дали* (существительное с предлогом); *вглубь* (наречие) – *вглубь* (предлог) – *в глубь* (существительное с предлогом); *вбок* (наречие) – *в бок* (существительное с предлогом); *до отказа* (наречие) – *до отказа* (существительное с предлогом); *навстречу* (наречие) – *навстречу* (предлог) – *на встречу* (существительное с предлогом); *навыпуск* (наречие) – *на выпуск* (существительное с предлогом); *в шутку* (наречие) – *в шутку* (существительное с предлогом); *в целях* (предлог) – *в целях* (существительное с предлогом) и др. Участники эксперимента должны были указать, к какому грамматическому классу слов относятся выделенные лексические единицы, и самостоятельно определить правильный вариант их написания.

На втором этапе эксперимента участникам было предложено написать словарный диктант (26 слов), реципиенты были предупреждены о том, что все слова в нем являются наречиями.

Были получены следующие данные.

С заданием первого этапа полностью не справился ни один из участников; наибольшее количество ошибочных ответов было в тех случаях, когда функциональная омонимия прослеживалась у слов трех частей речи (92 % ошибок) и когда орфографическое оформление омонимов идентично, то есть они пишутся слитно или раздельно независимо от частеречной принадлежности (88 %).

Проверка выполнения задания второго этапа показала следующее. Студенты орфографически верно (в части слитного / раздельного написания) отразили на письме толь-

ко наречия *сверху* и *позавчера*. Единичные случаи ошибок (до 2) в написании слова *воистину* (*во истину* и *во-истину*). 10 % респондентов ошиблись в орфографическом облике наречий *подчистую* и *в шутку*; 13,4 % – в словах *с горя* и *наотмашь*; 15 % – в наречии *в обнимку*; 16,3 % написали слитно *до упаду* и *до отказа*; 25 % использовали дефис в отражении на письме наречия *бок о бок* (кроме того, встречались случаи написаний *бок обок*, *бок об бок*, *бок в обок*). Орфография остальных наречий вызвала значительные затруднения: 30 % участников эксперимента ошиблись в слитном / раздельном / дефисном написании слов *точь-в-точь* (кроме раздельного варианта *точь в точь*, встретились *точь-в-точь* и *точь-вточь*) и *на скаку*; 33,4 % – в наречиях *наотлет*, *поначалу* (*по началу* и *по-началу*), *след в след* (разнообразные варианты: *след-в-след*, *след вслед*, *вслед-в-след*, *вслед вслед*, *след-вслед*, *в след в след*); 41,7 % – в словах *дотемна* и *наудалую*; 43,4 % – в наречиях *навыпуск* и *на плаву*; 48,3 % не знают правильного облика *первонаперво* (кроме раздельного написания *перво наперво* и *перво на перво*, встретились *перво-на-перво*, *перво-на перво*, *перва-на-перва*, *перво наперва*, *перва на перво*, *перва наперво*, *перва наперва*, *перво наперво*); 50 % – пишут слитно *с перепугу*. Количество студентов, допустивших ошибку в написании слов *наутро* и *поодиночке*, превысило число знающих нормативный вариант (53,4 % и 63,4 % соответственно полагают верным раздельное оформление приставок в этих словах). Наибольшую сложность для обучающихся представляет выбор правильного отражения на письме наречий *на ощупь* (70 % ошибившихся) и *с панталыку* (71,7 %). Незнание фразеологизма *сбить с панталыку* проявилось не только в слитном написании наречия (в этом случае оно как раз абсолютно оправдано: на современном этапе имя существительное *панталык* не употребляется, другие его формы не сохранились даже в устойчивых сочетаниях, носители языка не осознают его как компонент грамматической омонимии), но и в ошибках другого типа: *спонтолыку*, *вспанталыку*, *спонталыгу*, *спонтолыгу*, *спанталыгу*, *спантолыгу*. Мнение лингвистов о том, что в рассматриваемом фразеоло-

гизме сильноуправляемый глагол *сбить* «провоцирует понимание этого сочетания как предлог + уникальное управляемое существительное» [Кузьмина, 2010, с. 64], для рядовых пишущих не представляется актуальным.

В результате обобщения полученных данных можно констатировать, что носители языка, даже профессионально ориентированные студенты-филологи, испытывают затруднения при установлении частеречной принадлежности слов.

Анализ итогов эксперимента наглядно подтверждает мнение Л.П. Крысина о наличии несопадений возможностей системы языка, нормативных установок и речевой практики [Крысин, 2010, с. 12]. Подобная ситуация сложилась и в части слитных / дефисных написаний сложных существительных и сложных прилагательных (см. об этом: [Кузьмина, 2010; Сидорова, 2018]), фрагментарно касающихся вопроса грамматической омонимии.

Выводы

Грамматические омонимы на уровне частеречной принадлежности являются разными словами, несмотря на то, что может отчетливо проследиваться близость их лексических значений и фонетического оформления. Синтаксические функции при синхроническом рассмотрении не могут выступать, на наш взгляд, в качестве основного критерия определения частеречной принадлежности слова, ибо слова различных грамматических классов могут выполнять идентичные функции, но установление валентностных особенностей тех или иных единиц в конкретных случаях употребления может помочь разграничению омонимичных слов и сочетаний. Процесс формирования грамматических омонимов непрерывен, он наблюдается и в современном русском языке, у некоторых лексических единиц однозначно определить стадию перехода из одной части речи в другую, степень сформированности всех признаков «нового» грамматического класса представляется весьма сложным. Именно поэтому возникают затруднения при решении вопроса о слитном / раздельном / дефисном написании слов, относящихся к омонимичным структурам. Критерии дифференциации наречий, предлож-

но-падежных сочетаний и предлогов должны быть максимально формальными, чтобы пишущие могли использовать их до применения орфографических правил. Требуется корректировка лингвистического содержания правил в части слитного / дистантного отражения слов на письме, поскольку существующие нормативные установки, как показали результаты проведенного эксперимента, не используются носителями языка даже в случаях, когда частеречная принадлежность слов однозначно определена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдина А. И., 2013. Грамматическая омонимия как специфическое явление языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 9. С. 204–211.

Ахманова О. С., 1957. Очерки по общей и русской лексикологии. М. : Учпедгиз. 295 с.

Бабайцева В. В., 2000. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа. 640 с.

Бешенкова Е. В., 2016. Вариативность, узуальная норма и политика нормализаторов // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 35–42. DOI: 10.17223/18137083/56/3.

Виноградов В. В., 2001. Русский язык : (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М. : Рус. яз. 720 с.

Волошина Т. А., 1994. Правописание наречий в русском языке: история и современное состояние. Ростов н/Д : Изд-во Рост. гос. ун-та. 112 с.

Галкина-Федорук Е. М., 1954. К вопросу об омонимах в русском языке // Русский язык в школе. № 3. С. 14–19.

Крысин Л. П., 2010. Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Современный русский язык : Система – норма – узус / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Яз. слав. культур. С. 9–28.

Кузьмина С. М., 2010. Система, норма и узус в фонетике и письме // Современный русский язык : Система – норма – узус / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Яз. слав. культур. С. 29–67.

Кураков В. И., 1998. В плену заблуждений, или О некоторых противоречиях в теории частей речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 2. С. 92–94.

Ломоносов М. В., 1755. Российская грамматика. СПб. : Императ. Акад. наук. 213 с.

Малаховский Л. В., 1990. Теория лексической и грамматической омонимии. Л. : Наука. 239 с.

Панов М. В., 1964. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии. М. : Наука. С. 100–119.

Правила русской орфографии и пунктуации, 1956. М. : Учпедгиз. 176 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник, 2006. М. : Эксмо. 480 с.

Сидорова Е. Г., 2018. Проблемы и противоречия кодификации сложных прилагательных в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 4. С. 68–80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.6>.

Харченко С. Ю., 2002. Процесс становления орфографии наречий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Вып. 2. С. 108–114.

Шанский Н. М., 1964. Правописание наречий // Вопросы русской орфографии. М. : Наука. С. 43–50.

Щерба Л. В., 1957. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз. С. 63–84.

Wildgen W., 1990. Basic Principles of Self-Organization in Language // Sinergetics of Cognition / ed. by H. M. Stadler. Berlin : Springer Verl. S. 415–426.

СЛОВАРИ

Гребенева Ю. Н. Морфемный словарь наречий русского языка. М. : Мир и Образование, 2017. 752 с.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Рус. яз., 2001. 863 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

REFERENCES

Avdina A.I., 2013. Grammaticheskaya omonimiya kak spetsificheskoe yavlenie yazyka [Grammatical Homonymy as the Specific Language Phenomenon]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], no. 9, pp. 204–211.

Akhmanova O.S., 1957. *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii* [Essays on General and Russian Lexicology]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 295 p.

Babaytseva V.V., 2000. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Transitional Phenomena in the Grammar of Russian Language]. Moscow, Drofa Publ. 640 p.

Beshenkova E.V., 2016. Variativnost, uzualnaya norma i politika normalizatorov [Variants, Usual Way of Writing, Codification and Policy of Orthographers].

Sibirskiy filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology], no. 3, pp. 35–42. DOI: 10.17223/18137083/56/3.

Vinogradov V.V., 2001. *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical Study of the Word)]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 720 p.

Voloshina T.A., 1994. *Pravopisanie narechij v russkom yazyke: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Spelling of Adverbs in Russian: History and Current Status]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 112 p.

Galkina-Fedoruk E.M., 1954. K voprosu ob omonimakh v russkom yazyke [To the Issue of Homonyms in Russian]. *Russkiy yazyk v shkole*, no. 3, pp. 14–19.

Krysin L.P., 2010. Problema sootnosheniya yazykovoy sistemy, normy i uzusa [Problem of the Correlation of the Linguistic System, Norm and Uzus]. Krysin L.P., ed. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sistema – norma – uzus* [Modern Russian Language: System – Norm – Usage]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 9–28.

Kuzmina S.M., 2010. Sistema, norma i uzus v fonetike i pisme [System, Norm and Usage in Phonetics and Writing]. Krysin L.P., ed. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sistema – norma – uzus* [Modern Russian Language: System – Norm – Usage]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 29–67.

Kurakov V.I., 1998. V plenu zabluzhdeniy, ili O nekotorykh protivorechiyakh v teorii chastei rechi [In Captivity of Errors, or About Some Contradictions in the Theory of Parts of Speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Filologiya*, pp. 92–94.

Lomonosov M.V., 1755. *Rossiyskaya grammatika* [Russian Grammar]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. 213 p.

Malakhovskiy L.V., 1990. *Teoriya leksicheskoy i grammaticheskoy omonimii* [Theory of Lexical and Grammatical Homonymy]. Leningrad, Nauka Publ. 239 p.

Panov M.V., 1964. O slitnykh i razdelnykh napisaniyakh [About Merged and Separate Spelling]. *Voprosy russkoy orfografii* [Issues of Russian Spelling]. Moscow, Nauka Publ., pp. 100–119.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii [Rules of Russian Spelling and Punctuation], 1956. Moscow, Uchpedgiz Publ. 176 p.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskij spravochnik [Rules of Russian Spelling and Punctuation. Complete Academic Directory], 2006. Moscow, Eksmo Publ. 480 p.

Sidorova E.G., 2018. Problemy i protivorechiya kodifikatsii slozhnykh prilagatelnykh v russkom yazyke [Problems and Contradictions of Complex Adjectives Codification in the Russian Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd

State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 68-80.
DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.6>.

Kharchenko S. Yu., 2002. Protsess stanovleniya orfografii narechiy [Adverbs Spelling Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, no. 2, pp. 108-114.

Shanskiy N.M., 1964. Pravopisanie narechiy [Spelling of Adverbs]. *Voprosy russkoy orfografii* [Issues of Russian Spelling]. Moscow, Nauka Publ., pp. 43-50.

Shcherba L.V., 1957. O chastyakh rechi v russkom yazyke [On Parts of Speech in Russian]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works in Russian]. Moscow, Uchpedgiz Publ., pp. 63-84.

Wildgen W., 1990. Basic Principles of Self-Organization in Language. Stadler H.M., ed. *Sinergetics of Cognition*. Berlin, Springer Publ., pp. 415-426.

DICTIONARIES

Grebeneva Yu.N. *Morfemnyy slovar narechiy russkogo yazyka* [Morpheme Dictionary of Russian Adverbs]. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., 2017. 752 p.

Efremova T.F. *Tolkovyy slovar sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Official Parts of the Speech of the Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001. 863 p.

Shvedova N.Yu., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information About the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

Information about the Author

Svetlana Yu. Kharchenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, xsvet@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9231-184X>

Информация об авторе

Светлана Юрьевна Харченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, xsvet@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9231-184X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.20>

UDC 81'42:82-312.4
LBC 81.055.1

Submitted: 22.06.2019
Accepted: 03.09.2019

**INTERTEXTUALITY, INTERDISCURSIVITY AND INTERGENRE:
LINGUISTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL
OF THE RETRO-DETECTIVE PROSE**

(Book Review: Guseynova, I. A. Genres Changing Us and the World.

**Trivial Discourse. Retro-Detective Prose [Text] : monograph / I. A. Guseynova,
E. F. Kosichenko. – Moscow : Moscow State Linguistic University Publ., 2018. – 162 p.)**

Vera A. Mityagina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Citation. Mityagina V.A. Intertextuality, Interdiscursivity and Intergenre: Linguistic and Pragmatic Potential of the Retro-Detective Prose (Book Review: Guseynova, I. A. Genres Changing Us and the World. Trivial Discourse. Retro-Detective Prose [Text] : monograph / I. A. Guseynova, E. F. Kosichenko. – Moscow : Moscow State Linguistic University Publ., 2018. – 162 p.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 259-263. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.20>

УДК 81'42:82-312.4
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 22.06.2019
Дата принятия статьи: 03.09.2019

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ,
ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ И ИНТЕРЖАНРОВОСТЬ:
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕТРОДЕТЕКТИВА**

(Рец. на кн.: Гусейнова, И. А. Жанры, меняющие мир и нас.

**Тривиальный дискурс. Ретродетектив [Текст] : монография / И. А. Гусейнова,
Е. Ф. Косиченко. – М. : Изд-во МГЛУ, 2018. – 162 с.)**

Вера Александровна Митягина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Цитирование. Митягина В. А. Интертекстуальность, интердискурсивность и интержанровость: лингвопрагматический потенциал ретродетектива (Рец. на кн.: Гусейнова, И. А. Жанры, меняющие мир и нас. Тривиальный дискурс. Ретродетектив [Текст] : монография / И. А. Гусейнова, Е. Ф. Косиченко. – М. : Изд-во МГЛУ, 2018. – 162 с.) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.* – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 259–263. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.20>

Коллективная монография «Жанры, меняющие мир и нас. Тривиальный дискурс. Ретродетектив» издана в Московском государственном лингвистическом университете в 2018 г. и представляет собой обобщение эмпирических фактов литературно-художественного дискурса, свидетельствующих о многочисленных попытках авторов отечественных ретродетективов сохранить богатое культурно-историческое наследие в формате, приемлемом для современного читателя. Издание представляет собой многоаспектное исследование феномена ретро с учетом его растущей значимости для современных культур, его важной роли как связующего звена между различными временными периодами и разнотурными семиотическими системами. Целью исследования является описание жанрообразующего потенциала ретро как базового элемента особого типа современной художественной литературы – ретророманов, набирающих в России все большую популярность и представленных широким разнообразием поджанров. Объектом исследования является ретрокомпонент, понимаемый как структурообразующий элемент некоторой семиотической системы, в том числе произведения художественной литературы. В качестве предмета рецензируемого научного исследования выступают интержанровые и интердискурсивные свойства ретрокомпонента, определяющие его способность адаптироваться к разным временным периодам и различным семиотическим системам. Материалом исследования послужили ретродетективы, которые являются сегодня наиболее востребованной продукцией книжной индустрии и рассматриваются в монографии как самостоятельный жанр.

Прочтение монографии дает основания согласиться с тем, что сегодня ретро является не только элементом одежды, архитектуры, быта, литературы и т. д., но представляет собой важное средство трансляции социокультурного знания и социокультурных ценностей, являясь при этом источником наслаждения для читателя. Кроме того, ретро – это фактор, формирующий жизненное пространство человека и в известной мере определяющий образ его мышления и его приоритеты [Гусейнова, 2017а]. В этом контексте обращение к ретро является актуальным (см. также: [Гу-

сейнова, 2016а; 2016б]), поскольку позволяет не только описать ряд социальных проблем, но и наметить некоторые пути их решения.

В монографии вводится понятие культуртейнмента, дефинируемое как «технология, которая позволяет подойти к культуре с позиций рыночной экономики, в связи с чем он проявляется повсюду, начиная от организации музейных проектов или отдельных выставок, перформансов, представлений, биеннале и т. п. до работы над имиджем целых городов и создания им репутации театральных, художественных или, например, литературных столиц» (с. 39). Таким образом, филологический подход [Гусейнова, 2017б] к изучению ретро открывает широкие возможности для будущих научных исследований в других научных областях, в первую очередь, в философии, социологии и культурологии.

Монография объемом 162 страницы состоит из Введения, четырех Разделов, заключения и Списка литературы.

Во Введении излагаются цели и задачи исследования, акцентируется системообразующая значимость ретро в современном обществе и его особая ценность для интеллектуальной и духовной жизни современного человека.

В первом разделе раскрывается мифологическая природа ретро, которая и объясняет способность данного феномена пронизывать время и свободно адаптироваться к новым реалиям. Миф рассматривается авторами с опорой на семиотические концепции Ю.М. Лотмана, Б.В. Григорьева и В.И. Чумакова, Э. Кассирера, К. Леви-Стросса, У. Эко и многих других представителей различных семиотических направлений, определивших познавательную способность мифа и его всепроникающий характер. Кроме того, в первом разделе подробно рассматривается такой важный для каждого исследования художественного текста компонент, как хронотоп, и выявляется роль древних мотивов и событий в его создании. Установленные закономерности во многом объясняются авторами монографии с позиций сакрального мифотворчества с поправкой на современную реальность.

Значимые результаты исследования, обобщенные в первом разделе, получены авторами при обращении к культурно-ценност-

ной стороне современного отечественного ретродетектива. Доказано, что, несмотря на свою видимую тривиальность, ретролитература является сегодня источником, удовлетворяющим интеллектуальные и культурные запросы читателей новой формации.

Во втором разделе выявляются существенные компоненты ретродетективной прозы как самостоятельного жанра. К данным компонентам, в соответствии с развиваемой И.А. Гусейновой и Е.Ф. Косиченко гипотезой, относятся различные средства визуализации, знаки препинания, стилистические средства языка, имена собственные и т. д. Именно их комплексное взаимодействие придает компоненту ретро устойчивость в современном литературно-художественном дискурсе, а также позволяет определить временной контекст, придавая тексту правдивость и достоверность.

В третьем разделе обсуждаются особенности композиционного построения ретродетектива, отмечается роль события и интерпретации в его структурной организации. Последовательность событий придает ретродетективу кинематографический характер, что позволяет рассматривать его в качестве готового к постановке сценария.

Четвертый раздел посвящен выявлению текстоформирующего и жанрообразующего потенциала ономастических средств языка. По мнению авторов монографии, на их основе формируется содержательный стержень повествования.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования и определяются задачи, которые еще предстоит решить в этом направлении.

Наиболее перспективными научными проблемами, разрабатываемыми в современной науке и обсуждаемыми в монографии, являются, на наш взгляд, духовное состояние современного общества и роль социокультурного знания и исторического наследия в формировании менталитета социальных и этнических групп. Как данность воспринимается сегодня тот факт, что люди все меньше времени проводят за чтением книг, однако, несмотря на это, популярность ретродетективов неуклонно возрастает, появляются новые жанровые решения и расширяется разнообразие

ретродетективной прозы. Выявленные авторами монографии тенденции развития исследуемого жанра убеждают в том, что, являясь сегодня средством приятного времяпрепровождения и получения историко-культурной информации, ретродетектив способен одновременно удовлетворить потребность современного человека в развлечениях и в качественной информации.

Отдельного комментария заслуживает вопрос о многомерности ретрокомпонента, понимаемой как способность увязывать воедино разные сферы общественной жизни и культурно-исторические эпохи. Особую значимость в этой связи приобретают характерные для ретрокомпонента свойства интертекстуальности, интердискурсивности и интержанровости. Как представляется, именно благодаря данным свойствам текст каждого удачного ретродетектива приобретает жанрово-стилистическую и идейно-художественную целостность. Закономерен вывод авторов монографии о том, что именно благодаря интертексту в ретродетективе реализуется связь между прошлым и настоящим и осуществляется преемственность гуманитарного знания (с. 16).

В этом контексте важно отметить познавательную роль ретрокомпонента. Например, в ретродетективах, действие которых разворачивается приблизительно в XVII в., главные персонажи при обращении к знакомым девушкам нередко используют суффикс *-ица*, например, *Прасковыица, Дарьица, Марьица, Аксиныица, Федосьица* и др., в то время как при обращении к старшим употребляют полные имена, например, *Устинья, Прасковья, Анисья*; а при статусном обращении – имена и отчества, ср.: *Савва Протасьевич, Протасий Тихонович, Арина Протасьевна* и пр. (с. 32).

Еще одной важной проблемой, получившей освещение в монографии, является наметившаяся сегодня в книжной индустрии тенденция к брендингованию книжной продукции. При этом бренд понимается авторами как знак, обладающий специфическими свойствами и способствующий продвижению ретролитературы на рынке, а также ее широкому распространению в культуре (с. 39).

Аргументом в пользу актуальности исследований в области ретролитературы яв-

ляется также и то, что ретророманы, и в частности ретродетективы, обладают свойством кинематографичности, актуализируемой не при помощи аудиовизуального кода, а с помощью вербальных средств (с. 52). Свойство кинематографичности предполагает, что данный тип литературы легко экранизируется, а значит, имеет широкие возможности для популяризации социокультурного знания.

Обращаясь к более конкретной, но от этого не менее значимой проблеме жанрообразования, авторы оперируют понятием интердискурсивности и называют типы дискурса, которые являются обязательными элементами ретродетектива, а именно дискурс моды, гастрономический дискурс, дискурс ритуалов и празднеств, религиозный и театральный дискурсы.

Обозначим еще ряд интересных и полезных как в теоретическом, так и в практическом аспектах наблюдений, в частности относительно жанрообразующей функции имен собственных, особенно прецедентных имен, личных имен и патронимов, которые, являясь средствами накопления культурного знания, принимают активное участие в пространственно-временной, жанрово-стилистической организации ретродетективов, а также в создании художественных образов (об этом см. также: [Косиченко, 2017]). В этой связи хотелось бы особо отметить топонимы, которые, будучи эффективными средствами создания семиотики города, придают текстам ретророманов особый колорит. Лингвосемиотическое изучение топонимиконов ретродетективов открывает новые возможности не только для ряда научных дисциплин, например этнографии и культурологии, но и для текстовой логики коммерциализации культурного знания.

Последнее, на чем хотелось бы остановиться в рамках данной рецензии, – это предпринятая авторами попытка выделения основных структурообразующих компонентов ретродетективных романов, а именно эмоционального компонента, загадки, супергероя, ретрокомпонента.

Лейтмотивом всей монографии является идея о том, что, будучи самым важным компонентом ретропрозы, ретрокомпонент

существует одновременно во всех измерениях, которые привлекаются для построения повествования. Подчеркивается, что несоответствие (хотя бы и в незначительной степени) некоторой детали внешности, одежды, интерьера, ритуала, речи и т. д. описываемому времени приводит к разрушению ретрокомпонента.

Эвристичность обсуждаемой монографии заключается в перспективе использования выводов авторов как инициальных положений в лингвистическом и литературоведческом анализе кинотекстов ретросериалов и фильмов, рекламных стилизованных текстов, а также в прикладных проектах, направленных на оптимизацию соответствующего вербального контента кинематографа, телевидения, сети интернет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гусейнова И. А., 2016а. «Практический мистицизм» в современном отечественном ретродетективе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 15 (754). С. 55–66. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/15_754_net.indd.pdf (дата обращения: 02.04.2019).
- Гусейнова И. А., 2016б. Разворот к архаике, или К вопросу о месте и роли ретрособытия в литературном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 7 (746). С. 50–56. URL: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/746-7n.pdf> (дата обращения: 02.04.2019).
- Гусейнова И. А., 2017а. Роль феномена «ретро» в конструировании современного культурно-исторического пространства (на примере российских современных ретродетективов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 6 (777). С. 308–315. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/6_777.pdf (дата обращения: 02.04.2019).
- Гусейнова И. А., 2017б. Фольклор как средство воссоздания ретро (на материале русскоязычных современных ретродетективов) // *Bajkowe fascynacje humanistów*. Т. 4. *Wokół bajek i dzieciństwa*. Olsztyn : Uniwersytet Warmińsko-Mazurski. S. 50–56.
- Косиченко Е. Ф., 2017. Имя собственное в семиотическом пространстве культуры и художественного текста. М. : Рема. 292 с.

REFERENCES

- Guseynova I.A., 2016a. «Prakticheskiy mistitsizm» v sovremennom otechestvennom retrodetektive [“Practical Mysticism” in Contemporary Russian Retrocrime Stories]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], iss. 15 (754), pp. 55-66. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/15_754_net.indd.pdf (accessed 2 April 2019).
- Guseynova I.A., 2016b. Razvorot k arkhaike, ili K voprosu o meste i roli retrosobytiya v literaturnom diskurse [The Return to the Archaic: On the Role of a Retro Event in Literary Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], iss. 7 (746), pp. 50-56. URL: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/746-7n.pdf> (accessed 2 April 2019).
- Guseynova I.A., 2017a. Rol fenomena «retro» v konstruirovanii sovremennogo kulturno-istoricheskogo prostranstva (na primere rossiyskikh sovremennykh retrodetektivov) [The Role of Retro in Constructing the Modern Cultural and Historical Space (An Analysis of Contemporary Retro-Detective Prose)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], iss. 6 (777), pp. 308-315. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/6_777.pdf (accessed 2 April 2019).
- Guseynova I.A., 2017b. Folklor kak sredstvo vossozdaniya retro (na materiale russko-yazychnykh sovremennykh retrodetektivov) [Folklore as a Means of Restoring Retro (An Analysis of Contemporary Russian Retro-Detective Prose)]. *Bajkowe fascynacje humanistów. T. 4. Wokół bajek i dzieciństwa*. Olsztyn, Uniwersytet Warmicko-Mazurski Publ., pp. 50-56.
- Kosichenko E.F., 2017. Imya sobstvennoe v semioticheskom prostranstve kultury i khudozhestvennogo teksta [Proper Name in the Semiotic Space of Culture and Literary Text]. Moscow, Rema Publ. 292 p.

Information about the Author

Vera A. Mityagina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Информация об авторе

Вера Александровна Митягина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском и немецком языках, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2020 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2020 года 934 руб. 94 коп. Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English and German, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2020 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2020 is 934.94 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
